

Ю.С. Воронов, Н.В. Любезнова

**ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО
ФРАНКЛИНА ДЕЛАНО
РУЗВЕЛЬТА**

Саратов
2016

УДК 808
ББК 83.7

Рецензенты:

Страхов В. И. — профессор, действительный член Международной академии психологических наук, член-корреспондент Нью-Йоркской академии наук;

Петрова О.Г. — кандидат филологических наук.

Воронов Ю.С.

Ораторское искусство Франклина Делано Рузвельта / Ю.С. Воронов, Н.В. Любезнова. — Саратов: Издательство «Вузовское образование», 2016. — (Высшее образование). — 317 с. — Док. опубл. не был. — Доступ с сайта ЭБС IPRbooks.

Книга посвящена ораторскому искусству Франклина Делано Рузвельта, под руководством которого США вышли из Великой депрессии, внесли в годы Второй мировой войны в составе Большой коалиции (СССР, США, Великобритания) большой вклад в разгром гитлеровских агрессоров и японских милитаристов. Живое слово Рузвельта сыграло важную роль в мобилизации усилий американского народа, в формировании мирового общественного мнения в пользу героической борьбы народов Советского Союза.

В работе представлен политический, социально-психологический и лингвориторический анализ текстов речей Рузвельта, с которыми он выступал на митингах, по радио, в Конгрессе, на партийных съездах, международных форумах. Анализ дан с учетом особенностей минувшей эпохи, дошедших звукозаписей его речей, фотоматериалов, кинофрагментов, запечатлевших Рузвельта как оратора, свидетельств родственников, государственных деятелей США и других стран, ученых, журналистов. Опыт Рузвельта как оратора представляет интерес и в наши дни.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава I. У Рузвельта был период, когда он становился Рузвельтом	10
Годы учебы, первые опыты общественно-политической деятельности	10
Основные вехи жизненной стези	16
Школа красноречия «Отцов основателей»	18
«Мозговой трест» и административная команда	25
Спичрайтеры	31
В сотрудничестве и баталиях на партийных форумах, в Конгрессе и СМИ	38
Чародей мысли и живого слова	41
Глава II. Моцарт от политики	48
Инаугурационные речи: стратегия, стиль	48
Выступал по самым жгучим проблемам	58
Взывал к высшим духовным началам слушателей	69
Глава III. Корифей политического, логического, социально-психологического влияния	79
Синтез политического и исторического анализа	79
Виртуоз логической аргументации	88
Мастер психолого-педагогического воздействия	93
Стратег в формировании общественного мнения	100
Глава IV. Живое слово Рузвельта в моральной поддержке борьбы советского народа с фашистской агрессией	104
Рузвельт о самоотверженной борьбе советского народа и его вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны	104
Протокол побоку: идет война	115
Нестандартный дипломатический переговорщик	119
Глава V. Особенности языка и стиля публичных выступлений Рузвельта	133
Ясность, доступность языка оратора	133
Многоцветие лексико-фразеологического арсенала	138
Библеизмы в нравственно-психологическом воздействии	144
Афористичность ораторского стиля Рузвельта	149
Структурирование в логико-синтаксической организации речи	167
Глава VI. Тропы как средство построения образно-выразительной речи оратора	173
Эпитет как средство живописания	173
Сравнения, их логическая и образно-выразительная функция	177
Метафоры и их роль в построении образной речи	182
Глава VII. Риторические универсалии, их логико-смысловая и образно-выразительная роль в публичных выступлениях Рузвельта	190
Антитезы и их роль в создании контраста	190
Прием повтора как средство усиления логического и эмоционального воздействия на слушателей	193
Вопросно-ответный прием построения речи, его смысловая и эмоционально-экспрессивная функция	204
Риторический вопрос	208
Комплексное использование риторических универсалий	211
Элементы «чужой речи» и диалога	215
Функция цитат	218
Магия цифр	223

Характерность обращений Рузвельта к аудитории.....	230
Интонационно-ритмическое совершенство публичных выступлений Рузвельта	233
«Цветы красноречия»: мотивированность их применения.	235
Глава VIII. Могущество волеизъявления.....	240
Заключение «...Взять из минувшего огонь, но не пепел»	260
Источники	268
Библиографический список.....	271
Приложения	275
Приложение 1 Франклин Делано Рузвельт в высказываниях его современников и потомков.....	275
Приложение 2 Тексты речей Рузвельта	290
Первая инаугурационная речь Франклина Рузвельта, 1933 год.....	290
First Inaugural Address Washington, D.C., March 4, 1933	293
Франклин Делано Рузвельт ЧЕТЫРЕ СВОБОДЫ.....	298
State of the Union Message to Congress. (“The Four Freedoms”) Washington, D.C., January 6, 1941	306
Франклин Делано Рузвельт ВОЕННОЕ ПОСЛАНИЕ НАЦИИ	312
Франклин Делано Рузвельт Четвертая Инаугурационная речь, 1945 год	314
Fourth Inaugural Address Washington, D.C., January 20, 1945	315

*Авторы посвящают эту книгу 70-летию
Великой Победы над фашистской Германией.*

Минуло 70-летие со времени окончания Второй мировой войны, и так совпало, что и с момента ухода из жизни выдающегося политического деятеля Франклина Делано Рузвельта. С начала фашистской агрессии и до конца своей жизни Рузвельт оказывал народам Советского Союза неизменную материальную и моральную поддержку. Можно утверждать, что Рузвельт активно участвовал в формировании общественного мнения в США и в мире в пользу действий Советского Союза.

«Я верю, что установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира». Очень хотелось бы, чтобы эта фраза, произнесенная Рузвельтом еще задолго до начала Великой Отечественной войны, была бы актуальной и в наше непростое время.

*Authors dedicate this book to the 70th
anniversary of Great Victory over Nazi Germany*

70 years have passed since the end of World War II, and by coincidence, and that since the passing of the outstanding political figure of Franklin Delano Roosevelt. Since the Nazi aggression and until his death, Roosevelt assisted the peoples of the Soviet Union continued financial and moral support. One could that Roosevelt was actively involved in shaping public opinion in the USA and in the world in favor of the action of the Soviet Union. «I believe that relations that were established between our Nations will be able to remain normal and friendly forever and that our Nations will be able to cooperate for mutual benefit and for the protection of world peace». Would love to have this phrase uttered by Roosevelt long before the beginning of World War II, would be relevant in our difficult times.

Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти.

Берегись от такого слова, которое разъединяет людей.

Л.Н. Толстой

ВВЕДЕНИЕ

Франклин Делано Рузвельт четыре раза подряд принимал присягу президента на верность народам Соединенных Штатов. Такое в истории страны имело место не только потому, что он был испытанным государственным деятелем, но и потому, что его политическая дальновидность органически гармонизировала с блестящим ораторским даром, которым он пользовался так, как никто из его современников.

Знаток американского ораторского искусства П. Сопер имел основание заметить, что «Франклин Д. Рузвельт, по общему признанию, великолепный стратег в вопросах организации общественного мнения, которое он умел формировать в единственно необходимый исторический момент».

О Рузвельте многое сказано, написано как о выдающемся политике, государственном деятеле, духовном лидере американской нации, о его умении влиять на отечественное и мировое общественное мнение. К сожалению, многие важные детали механизма его воздействия на сознание и реальные действия миллионов соотечественников раскрыты неполно.

Содержание данной книги посвящено изучению ораторского мастерства Рузвельта и обоснованию идеи о том, что ценнейший опыт великого предтечи, с учетом новых реалий в мире, заслуживает самого пристального внимания современных поколений.

В истории Соединенных Штатов было немало талантливых ораторов. Они были среди видных судебных деятелей, военачальников, представителей различных политических партий, рабочего и национально-освободительного движения.

Многие президенты США, предшественники Франклина Делано Рузвельта, владели ораторским искусством. Выдающимися из них были Вашингтон, Линкольн, Теодор Рузвельт, Вудро Вильсон и другие.

Пальму первенства, однако, история присудила Франклину Рузвельту. Он вошел в анналы истории как великий мастер живого слова, слова, мобилизующего миллионы к действию против невзгод и сил зла.

Современники видели в нем человека с живым, динамичным, наблюдательным умом, человека, обладающего неистощимой энергией, широким спектром интересов, уникальной памятью, наличием воли к руководству, упорством в достижении поставленной цели. Ему органически были присущи бодрость, оптимизм, доброжелательность, здравомыслие, отсутствие страха перед слож-

ностями, смелость, решительность, демократизм, выдающиеся организаторские способности, совершенная техника влияния на людей. В нем аккумулировался весь арсенал свойств и качеств, необходимых для того, чтобы влиять на умы и сердца соотечественников, на их конкретные действия. Немалую роль играли его мужество, граничащее с героизмом, его самоотверженность, полная отдача интеллектуальных и физических сил, его самообладание, умение слушать людей, знание их нужд и чаяний, а также его личная привлекательность, обезоруживающая даже оппонентов, его чувство юмора, тонкое умение быть себе на уме и, конечно же, его блестящее риторическое мастерство.

В целом, отмечая важнейшие качества публичных выступлений Рузвельта, можно прежде всего указать на то, что они отличались высокой политической, правовой, логической, психологической, этической, эстетической и языковой культурой.

К числу специфических особенностей выступлений Рузвельта перед массовой аудиторией с полным основанием можно отнести следующее.

Президент выступал по самым важным, самым неотложным, самым жгучим политическим, экономическим, военным проблемам, по вопросам духовной жизни американского общества.

Ярко выраженная особенность выступлений Рузвельта – апелляция к высшим нравственным, интеллектуальным качествам соотечественников. Особенно сильны в его речах патриотические начала.

Публичные выступления Рузвельта несли в себе большой эмоциональный заряд, обладали мощным психологическим воздействием. Оратор владел искусством драматизации освещаемых событий, вызывая у слушателей глубокие чувства переживания и сопереживания.

В каждой речи, в каждой его беседе была четкая цель. К её достижению было направлено всё волеизъявление Рузвельта как президента, как верховного главнокомандующего. Уклониться от его волеизъявления кому-либо было просто невозможно.

Живое слово Рузвельта было внушающе, убеждающе. Оно воздействовало на все слои американского общества, приводя, организуя его в конструктивное движение. Его речи задавали тон деятельности Конгресса, всей президентской администрации и иных структур как государственной власти, так и всех видов бизнеса. К слову, к мнению Рузвельта были внимательны государственные и общественные деятели других стран и прежде всего стран, входящих в Великую тройку.

Ум, живое слово Рузвельта, его мудрость очаровали такого сложного партнера по коалиции, каким был Сталин, обеспечив небывалые доселе доверительные союзнические отношения между двумя великими странами.

Наследие Рузвельта представляет значительный интерес для современных поколений, заново прочитывающих историю отношений России и США. Рузвельт – первый американский президент, установивший с СССР нормальные дипломатические отношения. Рузвельт явился инициатором установления союзнических отношений с нашей страной в годы тяжелой борьбы советского народа с гитлеровской Германией и её союзниками. Рузвельт настойчиво про-

водил политику оказания материальной, военной помощи нашей стране, о чем в исторических трактатах сказано немало. Однако, по нашему мнению, ещё недостаточно сказано о той значительной моральной поддержке Рузвельта нашей стране. Своим страстным живым словом, словом официально документным, он поддерживал боевой дух нашего народа, могучих советских армий, склоняя общественное мнение народов многих стран мира в пользу СССР.

Рузвельт вошел в историю как крупнейший политический стратег и тактик XX столетия, как деятель, умевший ставить перед народами Соединенных Штатов и мировым сообществом крупномасштабные цели, как руководитель, обладавший даром политического и социально-психологического влияния на массы населения, как государственный деятель, действовавший в самых широких диапазонах, непревзойденный мастер организации общественного мнения.

Президентство Рузвельта пришлось на сложный период истории США – длительный экономический кризис. Смелые, продуманные действия президента, его администрации позволили стране выйти из экономического хаоса. Огромны заслуги Рузвельта в мобилизации материальных и людских ресурсов на обеспечение в составе Большой тройки победы над фашистской Германией и милитаристской Японией. Свободолюбивые народы мира хорошо это помнят и высоко ценят вклад Рузвельта.

Особо можно подчеркнуть, что устные публичные выступления Рузвельта явились важнейшим средством формирования, консолидации общественного мнения для решения политических, экономических, военных, духовных проблем, встававших в тяжелые годы борьбы с нацизмом и милитаризмом.

В англоязычной литературе имеется значительное количество работ историков, политологов, экономистов, социологов, писателей, публицистов о Франклине Делано Рузвельте. Выделяется своей основательностью двухтомный фундаментальный труд Роберта Эммета Шервуда, писателя и драматурга, бывшего советника президента. Объемный трактат опирается на Монблан фактов, извлеченных из личной памяти автора, архивов библиотеки в Гайд-Парке и личного архива Гарри Гопкинса.

В Советском Союзе, в новой России опубликован ряд работ о Рузвельте. В их числе книги Н.Н. Яковлева, А.А. Громыко, Л.И. Уткина, Р.И. Иванова, В.Л. Малькова и ряда других авторов.

Несмотря на наличие многочисленных высочайших оценок деятельности Рузвельта как президента Соединенных Штатов, нельзя считать, что эта деятельность является в какой-либо степени переоцененной.

Владел ли Рузвельт ораторским искусством в совершенстве?

В исторических трактатах, в мемуарных произведениях на этот счет встречаются различные суждения. В некоторых работах, например, утверждается, что Рузвельт в своих публичных выступлениях не прибегал к использованию каких-либо эффектных средств и приемов, а добивался успеха в воздействии на аудиторию иными средствами. Например, в содержательной книге Р. Иванова «Сталин и союзники» читаем:

«Рузвельт был блестящим оратором. Его выступления не отличались какими-либо ораторскими эффектами, броскими, образными сравнениями. Но он

обладал более важными способностями, президент находил слова, интонации, близкие и понятные миллионам людей. В этом была сила его воздействия на самые широкие массы американцев».

Действительно, Рузвельт умел находить нужные слова и интонации, доступные миллионам. Уже одно это есть, безусловно, весомое свидетельство того, что он был оратором. Однако, справедливости ради, надо было бы добавить, что Франклин Делано Рузвельт, блестяще зная историю, теорию и практику ораторского искусства, в своих речах и беседах сполна мастерски использовал весь богатейший арсенал средств и приемов ораторского воздействия, накопленный со времен Аристотеля, Демосфена, Цицерона и Квинтилиана. Дело тут в том, что используемые им риторические универсалии, употребленные в речах и беседах, не довели над главным, над его глубокой и сильной мыслью. Напротив, они способствовали её рельефности, яркости, доступности. Они увеличивали её эмоционально-экспрессивную силу.

Задача предлагаемой читателю работы как раз заключается в том, чтобы подтвердить только что сказанное конкретными примерами, фактами из ораторского опыта Рузвельта, этого Моцарта от политики, этого великого трибуна.

Политическая, государственная деятельность в их лучшем проявлении, его духовное наследие о сохранении мира между народами, его уникальный опыт эффективного использования живого слова и сегодня заслуживают изучения и творческого применения.

ГЛАВА I. У РУЗВЕЛЬТА БЫЛ ПЕРИОД, КОГДА ОН СТАНОВИЛСЯ РУЗВЕЛЬТОМ

Годы учебы, первые опыты общественно-политической деятельности

«Он самый симпатичный молодой гигант, которых я когда-либо видел».

Вудро Вильсон

Франклин Делано Рузвельт в его опыте, интеллекте, мудрости не явился миру, как Минерва из головы Юпитера, вооруженный сразу отмеченными достоинствами. У него был длительный и поучительный период, в течение которого он становился Рузвельтом – президентом великой державы, главнокомандующим, политическим деятелем мирового уровня.

Уже в детстве, вместе с родителями, Рузвельт успел познакомиться с Англией, Францией, Голландией, Германией, Швейцарией, Норвегией.

Будучи 14 лет отроду, Рузвельт поступил в школу в городке Гротон в 60-ти км от Бостона. Здесь он получил первые навыки ведения полемики. Франклин оказался необычайно активным в школьных диспутах. Среди принятых осенью 1900 года в Гарвардский университет в Кембридже (недалеко от Бостона) были и гротонцы, в том числе Франклин Рузвельт.

Биографы свидетельствуют, что Франклин с самого начала учебы записался на множество курсов, в первую очередь в области гуманитарных наук: английская и французская литература, латинский язык и геология, палеонтология и ораторское искусство. Он прослушал дюжину курсов по истории. Немало усилий юноша затратил, вникая в государственное право и экономику.

Приобретению навыков ораторского мастерства способствовало то, что Рузвельт обладал незаурядной памятью с самого детства. Однажды мать читала сыну вслух книгу, в то время как он разбирал свою коллекцию марок (самозабвенным коллекционером он стал с десяти лет). Видимое невнимание Франклина вызвало со стороны матери замечание. Сын немедленно повторил последние фразы, добавив с очевидным оттенком высокомерия: «Мне было бы стыдно, если бы я не мог делать двух дел одновременно».

Достижению успехов в ораторском искусстве способствовала и его огромная начитанность. В течение всей жизни он много читал. Близкие к нему люди не уставали удивляться тому, как Рузвельт буквально проглатывал одну книгу за другой.

Увеличивало возможности Рузвельта в приобретении мастерства публичных выступлений его стремление к изучению языков. Он, в частности, изучал латинский, древнегреческий, французский, немецкий языки. В годы учебы в университете Рузвельт отличился на поприще журналистики. Официальная учеба Рузвельта завершилась в 1907 году в юридической школе. Однако над повышением своего образования он упорно трудился в продолжение всей своей жизни.

В 1907-1910 годах Рузвельт – юрист фирмы «Картер», обслуживавшей крупнейшие корпорации, в 1910 году избран в сенат штата Нью-Йорк от демократической партии, В 1913-1920 годах – помощник морского министра. В этот период он выступал за усиление военно-морского флота США. Несмотря на болезнь, в 20-е годы Рузвельт продолжал активную политическую деятельность.

В 1928 году он был избран губернатором штата Нью-Йорк.

Размышляя об ораторском мастерстве Рузвельта, нельзя не иметь в виду того обстоятельства, что ещё в 1921 году его постигло большое несчастье. Он перенес болезнь, лишившую его ноги подвижности. Произошло это, когда он находился летом на отдыхе со своей семьей на острове Кампобелло в штате Мэн. Однажды, вернувшись после купания в океане, Рузвельт почувствовал недомогание и сильный озноб. К утру у него поднялась температура. Отнялась левая, а через два дня и правая нога. Незамедлительно из Нью-Йорка был приглашен профессор, который констатировал, что у Рузвельта редкое среди взрослых инфекционное заболевание – полиомиелит (детский паралич), который получил тогда распространение в Соединенных Штатах Америки. Спустя некоторое время специалисты заявили, что они бессильны улучшить его состояние. Рузвельт понял, что тяжелые последствия этого недуга будут сопровождать всю его жизнь.

Рузвельт между тем не помышлял сдаваться. Благодаря недюжинной воле, упорству он развил в своем характере такие качества, которые позволяли ему, особенно во время публичных выступлений, выглядеть бодрым, свежим, волевым и на вид здоровым человеком.

Начало губернаторства можно условно назвать концом «ученического периода» в сфере общения Рузвельта с соотечественниками.

С момента губернаторства начинается серьезная работа в сфере управленческой деятельности. К прежним отдельным выступлениям прибавляются выступления постоянные, систематические.

В обстановке мирового экономического кризиса 1929-1933 годов и обострения классовой борьбы в стране критика со стороны Рузвельта консервативной политики правящей Республиканской партии способствовала росту его популярности как политика новой ориентации.

Рузвельт все активнее интересовался внутренней и внешней политикой. Он часто вращался в высших деловых кругах, в среде дипломатических деятелей. Он всё более и более становился заметным в сферах национального масштаба. Соратники и оппоненты не могли не замечать его уже довольно солидного жизненного опыта, широкого диапазона знаний и благоприятных возможностей для успешного продвижения к вершинам власти.

В 1932 году Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов от демократической партии. В должность вступил в 1933 году. Будучи президентом, он принял ряд мер по государственному регулированию экономики, которые отчасти могли оздоровить социально-экономическую и политическую обстановку в стране. Реализацией ряда мер «Нового курса» он доказал, что он человек, который может не только обещать успех, но может и реально претворять

в жизнь намеченное. При этом Рузвельт демонстрировал политическую волю, энергию, смелость, пробуждая, возрождая такие качества у всех, кто с ним непосредственно работал.

Всё это способствовало тому, что в 1936 году Рузвельт был вновь избран президентом США на второй срок. Несмотря на ограниченность и противоречивость «нового курса», обусловленных классовой природой буржуазного реформизма, Рузвельт и впоследствии сохранил поддержку большинства избирателей. Он был избран президентом в 1940 году на третий, и в 1944 году на четвертый срок.

Авторитет Рузвельта складывался не только как следствие успешной внутренней политики, но и позитивными подвижками во внешней политике. Рузвельт проявил себя как реалистически мыслящий государственный деятель. Так, сознавая возросшую роль СССР в международной политике и мировом хозяйстве, правительство Рузвельта 16 ноября 1933 года установило дипломатические отношения с Союзом Советских Социалистических Республик.

Рузвельт внимательно следил за развитием международных событий. Он предвидел опасность, грозящую США со стороны фашистской Германии, осуждал агрессивные замыслы самой Германии и её союзников – Италии, Японии.

Нельзя не сказать и о том, что пролонгирование пребывания Рузвельта на посту президента США в значительной мере обуславливалось его личным обаянием, в том числе и его величайшим искусством общения с людьми.

Доверие народов США к Рузвельту сложилось в такие две переломные для страны эпохи, как успешный вывод страны из состояния Великой депрессии и действенное участие США вместе с союзными державами в борьбе с фашистской Германией и милитаристской Японией.

В общественном мнении США, международного сообщества сложился образ государственного, политического деятеля – стратега, способного успешно работать как в интересах американского народа, так и в интересах свободлюбивых народов, борющихся с варварской агрессией Германии, Японии, Италии.

Рузвельт сумел развить в себе такие черты характера, которые благожелательно воспринимались всеми слоями общества. Его считали умным, организованным, волевым человеком, который действует как президент профессионально, выверено и умело.

Можно сказать и то, что великое мастерство общения Рузвельта являлось во многом порождением его неутомимого, в течение всей жизни, стремления к совершенствованию общения с людьми. Совершенно не случайным был его ответ журналистам, когда они спросили его: «Господин президент, что было самым трудным в вашей жизни, в вашей деятельности?»

Рузвельт кратко ответил: «Самым трудным было научиться настоящему искусству общения с людьми».

Опыт, мастерство влияния на людей оттачивалось в бесчисленных встречах с чиновниками всех рангов, предпринимателями, рабочими, шахтерами,

фермерами, представителями профсоюзов, студентами, деятелями культуры, учеными, журналистами.

При этом, как свидетельствовали его современники, он проявлял удивительную способность заражать людей оптимизмом, уверенностью в себе, энергией. От Рузвельта веяло искренней доброжелательностью. Вместе с тем, как человек и президент он обладал государственностью, твердостью, патриотизмом, мужеством, надежностью. Умением влияния живым словом он не раз воодушевлял личный состав вооруженных сил страны. Рузвельт в полной мере сознавал тяжесть, опасность тех невзгод, которые переносили на фронтах солдаты, офицеры, генералы, рискуя жизнью. Обремененный тяжким недугом, непосильной для нормального человека ношей повседневного труда, возрастом, большой семьей и т.д., он неоднократно совершал поездки для встреч с личным составом того или иного рода войск. Он дважды отправлялся в опаснейшие для жизни поездки через моря, океаны, континенты. Так было, в частности, с его участием в работе Тегеранской, Ялтинской конференций,

Во всей своей практической деятельности как президента, как представителя демократической партии, как тонкого психолога Рузвельт в своем общении акцентировал внимание на социальной политике. В таком направлении он конструктивно взаимодействовал с Конгрессом, крупным бизнесом, профсоюзами, представителями религиозных конфессий и др. Он был мастером политически неконтрастного общения, что позволяло ему объединять возможно большее число сторонников из разных политических и идеологических лагерей.

Речевое поведение Рузвельта соответствовало тем нормам политического и бытового общения, которые имели место в эпоху 30-40-х годов XX столетия. Его речи, беседы характеризовались емкой содержательностью, логичностью. Они были оптимально структурированы для наилучшего уяснения их аудиторией, доступны по словесной ткани, синтаксической организации, отличались яркостью, образностью, эмоциональностью. Рузвельт не злоупотреблял научными, техническими терминами. «Крепкие выражения» употреблял лишь изредка.

Голос как оратор имел звучный, полетный, интонационно динамичный. Во время общения интонационно выделял наиболее важные места в речи, беседе.

С обретением опыта общения выработал уверенность, привлекательные манеры держаться.

Главные же достоинства его как оратора заключались в мощности аналитического ума, прагматичности мышления, остроте политического чутья, тонкой интуиции, умении предвидеть ход мирового развития. Особо хотелось бы остановиться на том, что весьма благоприятным фактором для развития ораторского таланта у Рузвельта было то, что он от природы имел острый и быстро реагирующий на ситуации ум.

Один из его биографов приводит такой пример: «Рузвельт в общении был находчив и остроумен». Когда в середине тридцатых годов Эмиль Людвиг начал работать над биографией Франклина Д. Рузвельта, он встретился с президентом. Писатель сказал ему: «Для меня это новая и трудная задача. Мне было

легче написать биографии Наполеона, Бисмарка, Гёте и Боливара. Вас труднее оценить, вы – живете». Рузвельт горячо схватил руку Людвиг и рассмеялся. «В таком случае, – заметил он, – я предлагаю: подождите сто лет!»

Благоприятным фактором для формирования Рузвельта как политического оратора было и то, что он, как личность, обладал завидным для всех окружающих обаянием. Вот что писал об этом Арманд Хаммер: «Президент Рузвельт излучал непреодолимое обаяние. Он с таким вниманием меня слушал и так глубоко и с пониманием дела обсуждал каждую деталь! Острота его ума сочеталась с жизнерадостностью и непревзойденным юмором.

Если и до разговора в Овальном кабинете я был его преданным поклонником, то теперь полностью попал под его влияние».

Есть ещё существенная особенность искусства общения Рузвельта с окружающими, о ней повествовал Дейл Карнеги в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей...».

«Большинство людей, – говорит автор, – не запоминает имен по той простой причине, что не хотят тратить время и энергию на то, чтобы сосредоточиться, затвердить, неизгладимо запечатлеть эти имена в своей памяти. Они ищут для себя оправданий в том, что слишком заняты.

Однако они вряд ли больше заняты, чем Франклин Д. Рузвельт, а он находил время для того, чтобы запомнить и при случае воскресить в памяти даже имена механиков, с которыми ему приходилось соприкасаться.

Вот один пример. Фирма «Крайслер» изготовила для Рузвельта специальную автомашину. Доставили её в Белый дом У. Чемберлен и один из механиков из фирмы. Передо мной лежит письмо Чемберлена, где он описывает свои впечатления. «Я научил президента Рузвельта обращаться с автомашиной, оборудованной массой необычных приспособлений, он же научил меня многому в области искусства общения с людьми.

Когда я явился в Белый дом, – продолжает Чемберлен, – президент был исключительно любезен и приветлив. Он назвал меня по имени, принял очень радушно и произвел на меня особенно большое впечатление тем, что был искренне заинтересован всем, что я ему показывал и объяснял. Конструкция автомобиля позволяла пользоваться им с помощью одного только ручного управления. Вокруг нас собралась толпа, чтобы поглядеть на машину, и он заметил: «По-моему, она чудесна. Все, что вам надо сделать, – это нажать кнопку, и машина сразу же приходит в движение, а управление ею не требует никаких усилий. Я считаю, что она поразительна – я даже не понимаю, что заставляет её двигаться. Хотелось бы мне иметь время, чтобы разобрать её и посмотреть, как она работает».

Когда друзья и приближенные Рузвельта выразили восхищение автомашиной, он сказал в их присутствии: «Мистер Чемберлен, я, безусловно, признателен за время и усилия, которые вы потратили на разработку конструкции этого автомобиля. Машина превосходна». Он похвалил радиатор, особое зеркало заднего вида и часы, особые фары, обивку, положение сиденья для водителя, особые чемоданы в багажнике с его монограммой на каждом.

Иными словами, он заметил каждую деталь, которую, как он знал, я тщательно продумал. Он подчеркнуто обратил на все это оборудование внимание мисс Рузвельт, мисс Перкинс, министра труда, и своего секретаря. Он даже втянул в беседу негра-швейцара, сказав ему: «Джодж, тебе придется заботиться о чемоданах».

Когда урок управления машиной закончился, президент обернулся ко мне со словами: «Ну, мистер Чемберлен, я заставил Федеральное резервное управление подождать меня полчаса. Думаю, что мне пора вернуться к работе».

Я захватил с собой в Белый дом механика. Его представали Рузвельту. Он не разговаривал с президентом, и Рузвельт слышал его имя только один раз. Это был застенчивый парень, и держался он в стороне. Но, уходя, Рузвельт искал его глазами, попрощался с ним за руку, назвал его по имени и поблагодарил за то, что тот приехал в Вашингтон. И в благодарности его не было ничего показного. Он говорил то, что думал. Я чувствовал это.

Через несколько дней после возвращения в Нью-Йорк я получил от президента Рузвельта фотографию с его автографом и благодарственную записку, в которой он снова выражал мне признательность за помощь. Как он нашел для этого время, остается для меня загадкой.

Франклин Д. Рузвельт знал, что один из самых простых, самых доходчивых и самых действенных способов завоевать расположение окружающих – это запомнить их имена и внушить им сознание собственной значимости. Но многие ли из нас так поступают?

В пятидесяти случаях из ста, когда нас знакомят с людьми, мы поболтаем с ними несколько минут и, прощаясь, не можем даже вспомнить их имена.

Один из первых уроков, которые усваивает политический деятель, заключается в следующем: «Вспомнить имя избирателя – это государственная мудрость. Забыть его – значит обречь себя на забвение».

Детлеф Юнкер писал о Рузвельте: «За десять лет приобрел политическое лицо, стал национальной фигурой и надеждой демократической партии. Он основательно изучил политическую кухню, завязал многочисленные связи с демократической партией, узнал, что такое власть».

Рузвельт понял кое-что о реальных факторах власти в политическом процессе США, о зависимости и переплетении конкурирующих влиятельных центров в Вашингтоне, таких, как президент, конгресс, министры, лоббисты и пресса.

Он знал, как получить под контроль аппарат огромного министерства, приобрести внутри демократической партии последователей и заполучить их, когда нужно подать себя, если не хочешь умереть как политик, как нужно поступить с общественным мнением и вести предвыборную борьбу.

Воля к знаниям, живое общение расширили его опыт в области социологии, с достоинством и интересом он охотно вступал в контакт с политиками, дипломатами, солдатами, предпринимателями, профсоюзными деятелями, и фермерами, меньше всего с лидерами простых рабочих. О том, что его опыт

при вступлении США в европейскую войну будет для него генеральной репетицией, Рузвельт в 1920 году ещё знать не мог».¹

Говоря о периоде становления Рузвельта как оратора, следует иметь в виду, что главной составляющей в обретении ораторского мастерства являлась в высшей степени его активная, воистину фантастическая по напряженности, практика повседневных, самых различных по тематике и по объему, публичных выступлений перед большими и малыми аудиториями.

В этом смысле особенно показательны его предвыборные кампании (законодательное собрание (легислатура) штата Нью-Йорк; на пост вице-президента США; пост губернатора Нью Йорка – дважды; четыре кампании на пост президента США).

По свидетельствам современников Рузвельта, историков, мемуаристов и др. он выступил не одну тысячу раз. Бывали дни, когда он выступал с краткими речами до двух десятков раз.

Рузвельта как оратора, как апостола своих целей, идей формировала практика жизни. Владение же риторическими универсалиями дополняло действенность, убеждающую силу его живого слова.

Нельзя не подчеркнуть особо то, что исток силы Рузвельта как политика прирастал тем, что он постоянно учился, пополняя свои теоретические познания и приумножая практический опыт государственной деятельности. Ньютон Бейкер (будущий военный министр США), будучи человеком наблюдательным, относительно Рузвельта высказал любопытную мысль: «Сколько я его не наблюдаю, он все время стремится разъяснить для себя мир идей и научиться посредством непрерывных бесед.

Молодой Рузвельт – многообещающая фигура, но я думаю, что он истощит себя в постоянных контактах с людьми».

Здесь, думается, можно сказать, что сверхактивное общение Рузвельта с представителями всех слоев общества неизмеримо обогащало его интеллект. Другое дело, что непомерные физические и интеллектуальные перегрузки его как президента, как главнокомандующего, как духовного лидера нации, длившиеся в течение многих лет, подорвали его физические силы раньше времени.

Основные вехи жизненной стези

Большая политика есть не что иное, как приложение здравого смысла к великим вещам.

Наполеон

Франклин Делано Рузвельт (30.01.1882, Хайд-Парк, шт. Нью-Йорк, – 12.04.1945, Уорм-Спрингс) – выдающийся государственный деятель США, президент США в 1933-45 гг. Окончил привилегированную частную школу в Гротоне (1899), Гарвардский (1904), Колумбийский (1907) университеты.

¹ Юнкер Д., Айгнер Д. Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль. - Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998, с. 40.

В 1907-1910 юрист фирмы «Картер», «Ледьярд энд Милберн», обслуживающей крупнейшие корпорации.

В 1910 был избран в сенат шт. Нью-Йорк от Демократической партии,

В 1913-20 гг. помощник морского министра, выступал за усиление военно-морского флота Соединенных Штатов.

В августе 1921 заболел полиомиелитом и на всю жизнь потерял способность свободно передвигаться. Несмотря на болезнь, продолжал активную политическую деятельность.

В 1928 был избран губернатором шт. Нью-Йорк.

В обстановке мирового экономического кризиса 1929-33 гг. и обострения классовой борьбы в стране критика со стороны Рузвельта реакционной политики правящей Республиканской партии способствовала росту его популярности.

В 1932 году Рузвельт был избран президентом США от Демократической партии, вступил в должность в 1933 году.

Будучи президентом, проводя внутреннюю политику, принял ряд мер по государственному регулированию экономики, которые, как он считал, способны оздоровить экономику страны и спасти капиталистическую систему. Под нажимом трудящихся масс правительство Рузвельта пошло также на некоторые уступки в социальной области. Реформы Рузвельта, получившие название «новый курс», были призваны средствами буржуазного реформизма удержать трудящихся от массовых революционных выступлений и укрепить господство монополий.

В 1936 г. Рузвельт был избран президентом США на второй срок. Несмотря на ограниченность и противоречивость результатов «нового курса», обусловленных классовой природой буржуазного реформизма, Рузвельт и впоследствии сохранил поддержку большинства избирателей. Он был избран президентом в 1940 на третий и в 1944 на четвертый срок. Рузвельт – первый из президентов США, который оставался на этом посту более двух сроков.

В области внешней политики Рузвельт проявил себя как реалистически мыслящий государственный деятель.

В 1933 правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР. Сознвая опасность, грозившую США со стороны фашизма, Рузвельт выступил в 1930-е годы с осуждением агрессивных акций Германии, Италии и Японии. С началом Второй мировой войны 1939-1945 гг. выступил за оказание помощи Великобритании и Франции против фашистской Германии.

После нападения гитлеровской Германии на СССР заявил 24 июня 1941 года о готовности США оказать поддержку борьбе советского народа.

В противовес реакционным силам США, выступавшим с позиций антисоветизма, отстаивал идею сближения двух стран и оказания материальной помощи СССР (Ленд-лиз).

После вступления США в войну (декабрь 1941) внес крупный вклад в создание и укрепление антигитлеровской коалиции.

Рузвельт участвовал в выработке Атлантической хартии (1941) и советско-американского соглашения 1942, в работе Квебекских конференций (1943 и

1944), Каирской (англо-американо-китайской) и Каирской (англо-американо-турецкой) конференций (1943).

Представляя США на Тегеранской (1943) и Крымской (Ялтинской) (1945) конференциях, придавал важное значение развитию послевоенного международного сотрудничества и созданию Организации Объединенных Наций.

Рузвельт выступал сторонником сохранения и укрепления сотрудничества с СССР в послевоенный период, усматривая в этом важнейшее условие сохранения всеобщего мира.

Рузвельт высоко оценивал мужество и стойкость советского народа в войне с немецко-фашистскими захватчиками. Он был убежденным сторонником сохранения и укрепления сотрудничества между СССР и США после войны.

Вспоминая о встречах в США с известным политическим обозревателем Уолтером Липпманом, А.А. Громыко отмечал, что его собеседник особенно интересовался отношением к Рузвельту и его политике. По той настойчивости, с какой он задавал вопросы на эту тему, я сделал вывод, что у Липпмана имеются свои взгляды на тогдашнего хозяина Белого Дома: «Мне пришлось энергично подчеркивать:

В вопросах советско-американских отношений Рузвельт, конечно, проявил дальновидность, которую не продемонстрировал до него ни один президент – ни Вильсон, ни Кулидж, ни Гувер. Ведь при Рузвельте между нашими странами установились дипломатические отношения, причем всего лишь через год после его избрания на пост президента. Этот человек, безусловно, проявил волю и решимость, действуя вразрез с теми группами в американской политической жизни, которые никак не могли перестроиться на более реалистическую линию в вопросах отношений с Советским Союзом. А что касается состояния этих отношений во время войны, то они приобрели уже новое качество, поскольку обе державы являются союзницами в войне против гитлеровской Германии».²

Школа красноречия «Отцов основателей»

Поэтами рождаются,
ораторами становятся.

М.Т. Цицерон

История Соединенных Штатов Америки сравнительно коротка. Тем не менее в ней сложилась традиция использования ораторского искусства в деятельности общественных и государственных деятелей. Исследователь мастерства американского красноречия Сопер П. писал: «...Даниэль Уэбстер, Генри Клей, Авраам Линкольн, Уэнделл Филлипс, Генри Уард Бичер, Уильям Дженингс Брайен, Франклин Д. Рузвельт и почти все без исключения другие деятели, выдающиеся своим красноречием, были людьми потрясающей жизненной силы и энергии, людьми строгой морали и внутренней дисциплины. Они знали

² Громыко А.А. Памятное. Кн.2.-М.: Политиздат, 1988, с.270.

цену искусства речи, и многие из них немало потрудились, чтобы овладеть им. Они были также людьми большого мужества и глубоких симпатий к простому народу. Они всегда были на стороне свободы и прав человека. Сама их жизнь красноречива, как их слова. Они оправдали изречение, что «великие мысли исходят из сердца». Генри Уард Бичер, величайший в свое время оратор на кафедре проповедника, сказал: «Не допустим, чтобы стал оратором проходимец. Человек, который станет оратором, должен иметь, что сказать. Он должен чувствовать всей душой, что это нужно сказать. Ему должны быть свойственны доброжелательность и сочувствие, которые сливают его с аудиторией и делают её частичкой его. Он воздействует на слушателей так, что его улыбка отражается на их лицах, они плачут его слезами, и биение его сердца отдается в груди у всех собравшихся».

Среди плеяды американских ораторов хотелось бы особо выделить имя Филлипса Уэнделла (1811-1884). Он – один из выдающихся руководителей революционного крыла аболиционистов, выступавших за освобождение негров-рабов. Филлипс весь свой громадный талант трибуна отдавал борьбе за свободу. Его воздействие на людей было огромно. Агенты рабовладельцев трепетали перед ним. Они не раз покушались на его жизнь. Его биографы свидетельствуют, что он произнес не менее двух тысяч речей и лекций, и ни одну из них он не читал с листа.

Его речь характеризовалась ясностью, доступностью, отсутствием какой-либо высокопарности. Полемическое же искусство было доведено им до совершенства. К. Маркс и Ф. Энгельс восхищались его даром. Ф. Энгельс, в частности, считал, что Филлипс является «лучшим оратором Америки, а возможно – и всего мира».

История Соединенных Штатов Америки, как уже было отмечено, знает и других выдающихся ораторов-практиков. Немало в американской школе и известных специалистов, разрабатывающих вопросы теории и истории ораторского искусства. Курс ораторского искусства изучается в колледжах, институтах, университетах.

Так что ко времени формирования Рузвельта как политика и оратора американская школа ораторского искусства уже имела довольно значительные традиции.

В процессе мобилизации многомиллионных масс на преодоление социально-экономического кризиса, на обеспечение победы над коварным врагом в ходе Второй мировой войны Рузвельт не мог пройти мимо накопленного опыта влияния на массы живым словом, который был накоплен президентами-предшественниками, национальной и мировой традицией.

Его интерес проявлялся, в частности, к деятельности Авраама Линкольна, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и ряда других выдающихся политических лидеров Соединенных Штатов.

Как и они, Рузвельт сознавал свою ответственность за каждое произнесенное слово перед массовой аудиторией соотечественников. Есть многочисленные свидетельства о том, как тщательно он готовился к выступлениям, посвященным важным государственным проблемам. Это имело место при произ-

несении инаугурационных речей, при подготовке и использовании посланий Конгрессу, при проведении «бесед у камина» и других. Рузвельтом отработывалась каждая фраза выступления, заключения речи, её смысловое ядро, аргументы в его пользу, стиль выступления. Имели место и факты, когда Рузвельт произносил блестящие речи и экспромтом.

Многие президенты США – предшественники Франклина Рузвельта уделяли большое внимание подготовке публичных выступлений.

Линкольн, став президентом, проводил тщательную работу при подготовке той или иной речи. Он делал многочисленные письменные заготовки, отработывал содержание, стиль выступления. Во время произнесения речи заготовками обычно не пользовался. «Прежде чем выступать, Линкольн с математической точностью обдумывал свои выводы. Когда ему было сорок лет, и он был уже членом Конгресса, он изучал Евклида, чтобы иметь возможность выявлять софизмы и доказывать свои выводы». Так писал Дейл Карнеги, добавляя, что Линкольн «обладал необыкновенной силой воздействия, когда говорил о рабстве и о союзе штатов. Почему? Потому что он непрестанно думал об этих вопросах, и они глубоко его затрагивали».

Историки, специалисты по ораторскому искусству особо выделяют три публичных выступления Линкольна, в которых его ораторское мастерство проявилось с особой силой.

Выделяют, в частности, так называемую «Лицейскую речь» – «Сохранение наших политических институтов», которая была произнесена 27 января 1838 года в одном из лицеев Спрингфилда, штат Иллинойс. Речь интересна по содержанию и не менее интересна по своему риторическому исполнению. Она изобилует удачно использованными риторическими универсалиями. Здесь и различные виды тропов, прием повтора, риторические вопросы и восклицания и т.д. Она насыщена образными выражениями, особенно метафорами (см. например: «На поле славы идет жатва, и урожай уже собран. Но пойдут новые жнецы и тоже будут искать для себя какое-то новое поле...»).

В качестве примера ораторского мастерства Линкольна иногда приводят его вторую инаугурационную речь. Однако самым вершинным политическим выступлением многие специалисты считают его так называемую Геттисбургскую речь, которая была произнесена им на поле сражения с южанами под городом Геттисбургом, где южанам было нанесено поражение. Эта речь была произнесена 19 ноября 1863 года на церемонии посвящения места сражения под кладбище павших в бою.

Вот эта небольшая по объему, но великая по содержанию речь Авраама Линкольна, вошедшая в анналы истории США: «Восемьдесят семь лет назад отцы наши заложили на этом континенте основы новой нации, зачатой в свободе и преданной идее, что все люди созданы равными. Ныне мы вовлечены в великую междоусобную войну, исход которой должен решить, может ли эта нация или иная, рожденная в тех же условиях и преданная той же идее, рассчитывать на длительное существование.

Мы собрались на великом бранном поле этой войны. Мы пришли сюда, чтобы посвятить часть его месту последнего упокоения тех, кто отдал свою

жизнь во имя жизни нации. Правильно и то, что мы делаем. Но, строго говоря, мы не сможем ни освятить, ни почтить, ни возвеличить эту землю. Сражавшиеся здесь храбрецы, живые и мертвые, осветили её настолько, что не в наших силах прибавить или отнять что-либо. Мир едва отметит и недолго будет хранить в памяти, что мы здесь говорим, но он никогда не забудет того, что они совершили.

Скорее мы – живые – должны отдать себя тому незавершенному делу, которому они столь благородно послужили. Нам – живым – скорее надлежит посвятить себя великой задаче, всё ещё стоящей перед нами. От этих мертвых, чтимых нами, мы должны воспринять ещё большую преданность делу, за которое они отдали всё, чем только можно было доказать преданность. И мы обязаны дать торжественную клятву, что не напрасно погибли они, что наша нация с помощью Божией вновь возводится к свободе, и власть волей народа, посредством народа и для народа не исчезнет с лица земли».

Глубокое, емкое содержание этой речи в полной мере гармонирует с теми риторическими приемами, которые оратором были здесь использованы. Обратим внимание: в речи 9 раз оратор повторяет объединяющее слово «Мы». Данный прием повышает смысловую емкость речи, придает ей определенный ритм, усиливает экспрессивное воздействие на слушателей.

Язык этой речи ясный, доступный для понимания слушающих. Использование высокой лексики придавало выступлению торжественный характер («отцы», «основы новой нации», «великое бранное поле», «во имя жизни нации», «преданность делу» и др.). Здесь и вошедшие в мировую сокровищницу афористические выражения Линкольна («власть волей народа, посредством народа и для народа не исчезнет с лица земли»; «все люди созданы равными»). Особый колорит речи придает неоднократное использование оратором слов и выражений, восходящих к библеизмам («посвятить», «освятить», «нация с Божьей помощью возродится» и др. Любопытна последняя, заключительная часть речи, которая с поразительной силой передает могущество ораторского волеизъявления:

«...Мы – живые – должны отдать себя...»;

«...Нам – живым – скорее надлежит посвятить себя...»;

«...Мы должны воспринять ещё большую преданность делу»;

«...Мы обязаны дать торжественную клятву...».

Тональность речи отвечала характеру проводимого мероприятия. Афористическая насыщенность содержания речи, глубина мыслей и чувств, экспрессивное выражение волеизъявления, клятвы во имя будущего страны – все это превратило речь в одну из ярчайших страниц национального и мирового ораторского искусства.

Авраам Линкольн, будучи опытным политиком, искусным военным стратегом, умел в общении с соотечественниками провести своим живым словом черту по сердцу слушателей. Рузвельт не мог не проявить внимания к ораторскому опыту великого национального предтечи.

Весьма опытным оратором-мыслителем был третий президент Соединенных Штатов Америки Томас Джефферсон (13 апреля 1743 г. – 4 июля 1826 г.).

Активный политический деятель, дипломат, автор проекта Декларации независимости (1776), в 1797-1801 гг. вице-президент, а с 1801 по 1809 г. президент Соединенных Штатов. Будучи президентом, установил дипломатические отношения с Россией (1808 г.).

К. Маркс назвал Декларацию независимости первой декларацией прав человека, которая дала «толчок к европейской революции XVIII века»³.

Бернс Джеймс Макрегор в своем труде «Франклин Рузвельт. Человек и политик» дал описание того, как Рузвельт относился к Джефферсону:

«В течение нескольких месяцев президент наблюдал, как на пригорке позади приливно-отливной зоны растет кладка, за кладкой сверкающий белизной пантеон. Из окон своего кабинета он видел фигуру третьего президента США, застывшую во весь рост в аскетическом святилище. По ночам, при потухших огнях, памятник светился, подобно маяку, среди высоких колонн, – каменное строгое лицо Томаса Джефферсона глядело прямо в Белый дом.

13 апреля 1943 года все было готово для церемонии открытия мемориала Томасу Джефферсону по случаю 200-летия со дня его рождения. В день памяти, как и при жизни, этот выходец из Вирджинии как разделял, так и разъединял людей. Вокруг проекта пантеона и места его установки разгорались нешуточные споры. Некоторые предлагали построить мемориал за пределами Вашингтона, где-нибудь в Вирджинии, однако Рузвельт настоял, чтобы гробница высилась в столице наряду с памятником Вашингтону и Линкольну. Дальнейшие споры велись вокруг удаления с этого места вишневых деревьев. Президент лишь подлил масла в огонь, он предложил: если дамы выполнят свои угрозы приковать себя цепями к вишням, использовать подъемный механизм – поднять их вместе с деревьями над землей и перенести на новое место посадки – сугубо гуманный способ.

Дебаты продолжались даже в день церемонии. Комитет спонсоров мемориала включал лиц, конфликтовавших в прошлом, но объединившихся для оказания почестей Джефферсону: Джеймса М. Кокса, Джона У. Дэвиса, Альфреда Е. Смита, Герберта Гувера, Алфа Лэндона, Уэнделла Уилки. Они не выступали с резкими заявлениями, зато сенатор-республиканец Эдвард Х. Мур из Оклахомы подготовил речь с обвинением сторонников «нового курса» в оказании медвежьей услуги Джефферсону и самому Рузвельту в том смысле, что правление нынешней власти ведет к тому же, что случилось в Германии, – к гитлеризму. В этот день президент предпочел говорить об идеях Джефферсона, объединяющих американцев: свободе мышления и совести, неотчуждаемых правах, – ликвидации привилегий.

В присутствии группы участников церемонии, которая включала супругу бывшего главы государства Вудро Вильсона, президент откинул свой черный капюшон и стоял с непокрытой головой под резким бризом, веявшим над водой.

«Под страхом смерти» он запретил присутствующим на церемонии надевать шелковые цилиндры и сюртуки.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 16, с.17

– Сегодня, когда ведется великая война за свободу, мы воздвигли мемориал свободе. С большим опозданием мы отдаем долг Томасу Джефферсону, апостолу свободы...

Он сталкивался с тем, что люди, которые не борются за свободу, могут её потерять. Мы тоже столкнулись с этим...

Он любил мир и свободу – тем не менее ему не раз приходилось делать выбор между ними. Мы тоже вынуждены делать этот выбор...

Джефферсон не был пустым мечтателем. Полвека он реально руководил своим штатом и страной. Хочется думать, это ему удавалось потому, что он мыслил в понятиях завтрашнего и сегодняшнего дней, – вот почему его ненавидели или боялись те, кто мыслит в понятиях дней сегодняшнего и вчерашнего.

Слова, которые мы выбрали для мемориала, выражают благороднейшие и актуальнейшие мысли Джефферсона. Мы гордимся тем, что понимаем и разделяем их: «Я поклялся перед алтарем Господа беспрестанно бороться против любой формы тирании над человеческим разумом».

Президентская власть, говорил незадолго до вступления в должность Рузвельт, преимущественно средство морального руководства. Он считал Джефферсона одним из величайших президентов, которые были мыслителями во времени, когда определенные исторические идеи в судьбах народа нуждались в прояснении.

Кумиром в мастерском использовании живого слова в управленческой деятельности для Рузвельта был его родственник Теодор Рузвельт, который ввел в практику решительный, динамичный стиль руководства, внес в президентское управление дух уверенности, инициативы, страстности. Теодор Рузвельт был первым американцем, ставшим лауреатом Нобелевской премии. Он был зачинателем многих законодательных инициатив. Его деятельность положила начало серии важных реформ. Это был умелый, талантливый, дальновидный, энергичный политик, не лишенный некоторой склонности к авантюрам. Его отличало большое умение в общении как с отдельными личностями, так и с массами народа. Считают, что его президентство явилось вехой, как во внутренней, так и во внешней политической трансформации США.

Франклин Рузвельт в новых исторических условиях возьмет многое положительное из опыта предшественника, в том числе из его опыта использования живого слова в формировании общественного мнения в необходимом направлении.

Обращаясь к опыту Теодора Рузвельта, младший Рузвельт не мог не обратить внимания на некоторые стороны мастерства влияния на массы, которые использовал его родственник предтеча.

Дейл Карнеги в своих работах указывал на особенности методики подготовки Теодора Рузвельта к своим публичным выступлениям. Он, в частности, отмечал, что Теодор Рузвельт подготавливал свои выступления в характерной рузвельтовской манере: он подбирал все факты, изучал их, оценивал, определял их значение и делал выводы – и совершал это с чувством непоколебимой уверенности.

Потом, имея перед собой блокнот с заметками, он начинал диктовать и диктовал свою речь очень быстро, чтобы в ней была непосредственность, напористость и живость. Затем он прочитывал перепечатанный текст, правил его, вносил дополнения, что-то вычеркивал, делал множество карандашных пометок и диктовал ещё раз.

Теодор Рузвельт сам говорил: «Я никогда ничего не добивался без упорного труда, без напряжения всех моих умственных способностей, без тщательной подготовки и долгой предварительной работы».

Дейл Карнеги писал, что Теодор Рузвельт часто приглашал критиков послушать, как он диктует, или же читал им вслух тексты своих речей. Он отказывался обсуждать с ними правильность того, что он говорил. К тому времени его решение было уже принято, и принято бесповоротно. Он просил советов не о том, что говорить, а о том, как сказать это. Снова и снова он перечитывал машинописные странички, сокращал, правил, улучшал. Таковы были тексты его речей, напечатанных в газетах. Разумеется, он не заучивал их наизусть. Выступая, он импровизировал, и зачастую его устное выступление кое-чем отличалось от опубликованного и отредактированного текста. Однако диктовка и правка были прекрасной подготовительной работой. Благодаря этому он хорошо усваивал материал и последовательность его изложения. Это придавало его выступлениям плавность, отточенность, вселяло уверенность в себе, и вряд ли можно было бы приобрести все это иным образом.

Другие биографы Теодора Рузвельта отмечали также его необыкновенное трудолюбие в подготовке публичных выступлений и предстоящих бесед с теми или иными должностными лицами. До встречи с ними Теодор Рузвельт с огромной тщательностью изучал всё, что могло возникнуть в процессе общения с ними. Особенно он стремился прояснить для себя всё то, что могло больше всего интересовать тех лиц, с которыми ему предстояло встретиться.

Некоторые из этих его черт были в определенной степени характерны и для Франклина Делано Рузвельта.

Последний не мог не знать опыта общения, который имел ещё один из его предшественников – Вудро Вильсон, бывший президентом США с 1913 по 1920 год. Это был один из ярко выраженных политических деятелей, который упорно стремился овладеть искусством влияния на людей. Он считал, что политик масштаба президента просто обязан уметь эффективно воздействовать на массы живым словом.

Со студенческих лет Вильсон проявлял интерес к истории, теории ораторского искусства, опыту великих мастеров живого слова, начиная с древнегреческой, древнеримской риторики, подражая Демосфену, Цицерону, английским мастерам слова – Чарльзу Фоксу, Эдварду Канингу, Уильяму Гладстону и другим.

Вильсон недоброжелательно относился к России царской, да и к советской. В.И. Ленин считал Вильсона «всемирно-опытным, всемирно искусным защитником американского «демократического капитализма».

Об усердии Вильсона в постижении таинства влияния знали его современники. Однажды его попросили рассказать о его методах подготовки к публичным выступлениям. Вильсон сказал, примерно, следующее:

– Я начинаю с перечня вопросов, которые я намереваюсь осветить, осмысливаю, рассматриваю их в естественной взаимосвязи, – таким образом получается костяк выступления. Потом я стенографически это записываю. Я привык делать стенографические записи, ибо это экономит много времени. Затем я сам перепечатаваю текст на машинке, меняя фразы, выправляя слова и добавляя материалы по ходу работы...

В заключение можно отметить, что формирование Франклина Рузвельта как оратора реализовывалось не без влияния традиции, заложенной его выдающимися предшественниками, внесшими достойную лепту в сокровищницу национального ораторского искусства.

Мастерство публичного выступления многих выдающихся деятелей США, в том числе и ряда президентов, своими истоками восходило к достижениям античного красноречия.

Ф.Д. Рузвельт не мог не знакомиться в годы учебы с великим наследием древнегреческих мыслителей, политических деятелей – Платона, Демосфена, Аристотеля, Софокла, Сократа, Демокрита, Плутарха и других корифеев слова. Ему наверняка был известен опыт политического красноречия Цицерона, труды великого римского ритора Квинтилиана. Известно, что многие риторические универсалии, порожденные гением и практическим опытом выдающихся представителей средиземноморской цивилизации приобрели универсальный характер и с успехом использовались и используются у народов многих континентов.

«Мозговой трест» и административная команда

Голова идет кругом, столько проблем. И нужны умные люди, чтобы решать их правильно.

Ф.Д. Рузвельт

По мнению многих современников Рузвельта, хорошо знавших его, работавших с ним, его интеллектуальный потенциал в значительной мере прирастал тем, что он являлся примерным «учеником, прокурором и судьей» созданного им же так называемого «мозгового треста».

Идея его создания зародилась ещё во времена губернаторства Рузвельта. То было время «прикидки» возможностей, которые могли бы стать новой ступенькой к выходу губернатора на общенациональную сцену. Цель – пост президента страны. Конкретное осмысление феномена было поручено одному из ближайших советников губернатора – С. Розенману. Последний, обладая солидным аналитическим мышлением юриста, тщательно проанализировал все имеющиеся реальные возможности. Сделанные выводы были неутешительными. Окружение губернатора не обладало глубиной познаний о том, как вывести страну из состояния всё углубляющегося кризиса. Идей штата явно не доставало для решения проблем страны, не тот масштаб. Интеллектуальный потенциал и

промышленников, и финансистов, и многих политиков, по мнению Розенмана, не соответствовал сложности задач, решение которых могло бы спасти страну от надвигающейся катастрофы.

«Все они, – внушал Розенман Рузвельту, – не могут придумать ничего конструктивного, чтобы разобраться в нынешнем бедственном положении. Я думаю так: почему бы нам не обратиться в университеты? Вы уже получили немало полезного от профессоров. Я думаю, что они не испугаются наметить новые пути только потому, что эти пути новы. Они не связаны рутинным образом мышления, а это, на мой взгляд, самое важное».⁴

Идеи дотошного советника заинтересовали Рузвельта. Работа по привлечению ученых закипела. Первыми к работе были привлечены профессора Колумбийского университета. Многие из них Розенман знал лично. Позднее масштабы охвата будут значительно расширены.

Деятельность «мозгового треста» стала наиболее активной уже во времена президентства Рузвельта. В задачи ученых входили вопросы подготовки основных идей по выводу страны из состояния депрессии, проведения аналитической работы по самым различным сферам жизнедеятельности государства. Будучи неутомимым в поисках путей, способов решения сложных проблем, Рузвельт постоянно расширял, обновлял группы советников, консультантов. В группы подбирались мыслящие экономисты, социологи, политологи, юристы,

⁴ S. Rosenman. Working with Roosevelt. с. 57.

опытные специалисты из сферы промышленности, сельского хозяйства, финансов, банковского дела, торговли, образования, военного дела и т.д.

Рузвельт многократно участвовал в проводившихся «мозговым трестом» дискуссиях. С большим вниманием выслушивал размышления других, активно выступал сам, постоянно пополняя багаж своих знаний, представлений по тем или иным сложным проблемам.

Впоследствии, при подготовке своих публичных выступлений, он использовал меморандумы своих советников, наброски тех или иных мыслей аналитиков, если находил их приемлемыми в экономическом, социальном, политическом отношении, и если они не находились в противоречии с его личными убеждениями.

Те или иные выводы, положения советников, аналитиков, изложенные "птичьим" (научным) языком Рузвельт в своих речах и беседах стремился излагать доступным массе языком, своим ясным рузвельтовским стилем.

Творческое, деловое сотрудничество Рузвельта с «мозговым трестом» ярко свидетельствовало о том, что президент обладал уникальнейшей способностью: учиться постоянно и серьезно. Эта характерная особенность личности Рузвельта отмечается во множестве воспоминаний о нем его современников, а также в трудах его биографов, исследователей его государственной деятельности.

В числе активных членов «мозгового треста» историки называют такие имена, как Моли, Тагуэлл, Берл, Вильсон, Джонсон и некоторые другие.⁵ В окружении Рузвельта, благодаря его целенаправленной «кадровой работе» (если говорить современным языком), были неординарно мыслящие люди, которые формально не входили в число «членов» «мозгового треста». Имеются в виду прежде всего представители сформированной им президентской администрации. О некоторых из них здесь было бы уместно сказать, сославшись на мнение компетентных людей, современников Рузвельта.

А.А. Громыко в своих мемуарах, вспоминая о работе послом СССР в США писал, что у президента США был узкий круг деятелей, с которыми он систематически советовался по вопросам как внутренней жизни страны, так и внешней политики. Представление, которое бытовало и в годы его президента, и после его кончины, будто он почти все решал сам и не испытывал нужды в углубленном обсуждении проблем с другими, по крайней мере наиболее близкими людьми, является примитивным. Верно то, что Рузвельт не колебался в принятии решений, в обоснованности которых у него не было сомнений. Но прежде, чем прийти к убежденности в этом, он заставлял и других высказывать свои суждения, что особенно относилось к тем деятелям или его друзьям, которым он верил и на чью компетентность полагался. Президент любил людей компетентных.

Однажды в беседе с Громыко он сказал:

– Голова идет кругом, столько проблем. И нужны умные люди, чтобы решать их правильно.

⁵ Юнкер Д., Айгнер Д. Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль. - Ростов-на-Дону. «Феникс», 1998, с. 69-70

Рузвельт не был исключением из правила освященного опытом многих веков. Президент действовал в этом плане так же, как поступали и другие крупные деятели в древние или более поздние периоды истории.

Связи, которые поддерживал Рузвельт с теми или иными лицами, были уже в силу его положения и некоторых присущих ему особенностей характера в общем-то на виду. Он и не пытался их скрывать. Например, нередко Рузвельт на протяжении своего президентства рекомендовал советским послам, в том числе и мне:

– Побеседуйте по этому щекотливому вопросу с Гарри Гопкинсом. Он, возможно, не все вопросы может решить, но докладывать их мне будет точно.

С этими советами президента советские послы, разумеется, считались».

Говоря о Гопкинсе, как об одной из самых колоритных фигур в окружении Рузвельта. А.А. Громыко отмечал, что «...этот внешне хилый человек вершил большие дела, как доверенное лицо Рузвельта и как патриот, на пользу развития советско-американских отношений в годы войны, а значит, и во имя великой Победы над фашизмом»⁶.

А.А. Громыко в своих мемуарах называет ещё ряд имен соратников Рузвельта, которые активно поддерживали его идеи, его решения.

«Политические взгляды Гопкинса во многом разделял Генри Моргентау, занимавший пост министра финансов. У меня сложились отличные отношения с этим деятелем рузвельтовского направления. Не раз я убеждался, что мысли, которые он высказывал в ходе наших бесед, тоже отражали мнение президента. Да и сам Моргентау этого не скрывал.

Особенно смело министр финансов рассуждал о послевоенном устройстве мира».⁷

«Весьма близким человеком к Рузвельту считался и Гарольд Икес – министр внутренних дел. Мои контакты с ним, – писал А.А. Громыко, – оставались все время дружественными и полезными.

Гопкинс, Моргентау и Икес, являвшиеся авторитетными деятелями, решительно высказывались, как и Рузвельт, в том духе, что различия в социальном строе СССР и США не должны служить барьером, препятствующим сотрудничеству двух стран в борьбе против общего врага и потом, после победы над ним, в строительстве мирной жизни и добрых отношений между союзниками».⁸

Пост государственного секретаря Соединенных Штатов в 1933-1944 годах в администрации президента Рузвельта занимал опытный американский политический и государственный деятель Корделл Хэлл (1871-1955). Он разделял точку зрения президента на важность участия СССР в международных делах. При К. Хэлле были установлены дипломатические отношения между СССР и США. Со стороны последних в июне 1942 года Хэллом было подписано советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Хэлл был участником Московской

⁶ Громыко А. А. Памятное. Кн. I. – М.: Политиздат, 1988, с. 98-99.

⁷ Там же, с. 103.

⁸ Там же, с. 104.

конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 года. За полгода до разгрома фашистской Германии Хэлл оставил пост государственного секретаря в связи с болезнью. В своих мемуарах Хэлл отмечал, что одной из важных задач, которая ему была поставлена Рузвельтом, было достижение договоренности о встрече президента США со Сталиным, что в решение этой задачи он внес свой, полезный, вклад:

«Когда мы прибыли в аэропорт Вашингтона 10 ноября, нас встречал президент Рузвельт, вместе с ним была делегация от конгресса.

По пути в Белый дом и в наших беседах на следующее утро я сделал обзор для президента главных достижений Московской конференции. По существу, я мало что мог добавить нового к той подробной информации, которую я направлял ему по ходу конференции. Он был больше заинтересован в обсуждении предстоящих совещаний в Каире и Тегеране. Он ждал встречи со Сталиным с энтузиазмом мальчишки, и ему особенно хотелось узнать мои личные впечатления о маршале. Через несколько часов президент отбыл на эти исторические совещания».⁹ Свои впечатления о советском руководителе Хэлл подробно отразил в своих мемуарах в очерке «Сталин – Сфинкс».

К числу неформальных членов президентского «мозгового центра» можно отнести такую видную, по мнению А.А. Громыко, фигуру последовательного приверженца политики Рузвельта, как Генри Уоллес, вице-президент Соединенных Штатов.

«Получив разностороннее образование, Уоллес хорошо ориентировался в экономике и статистике, в биологии, в том числе в генетике, а также в истории, интересовался проблемами философии. Он считался крупным специалистом в области сельскохозяйственных наук, являясь автором ряда исследований. Уоллес, до того как в третий период президентства Рузвельта занял пост вице-президента (1941-1945. гг.) на протяжении семи лет возглавлял министерство сельского хозяйства, будучи теоретиком аграрной политики рузвельтовского «нового курса».¹⁰

С глубоким уважением относясь к Уоллесу, А.А. Громыко свидетельствовал:

«Немного мне встречалось людей, занимающих видное положение на политической арене США, которые мыслили не категориями сиюминутных выгод во внешней политике, а, как Уоллес, заглядывали вперед. Находясь в эпицентре политической борьбы в США, он всегда стоял в одном ряду с теми, кто выступал за активное сотрудничество с Советским Союзом в борьбе с фашизмом, желал прочного мира по окончании войны».¹¹

В состав рузвельтовской администрации входил Стеттиниус Эдуард Рейли мл. (1900-1949). Он являлся руководителем управления по осуществлению ленд-лиза в 1941-1942 гг. В 1943-1944 гг. – заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов, а в 1944-1945 годах являлся государственным

⁹ Корделл Халл. Государственный секретарь США вспоминает. В кн. Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Халла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. – М.: Политиздат, 1990, с. 398

¹⁰ Громыко А.А. Памятное Кн. I. – М.: Политиздат, 1988, с. 105.

¹¹ Там же.

секретарем США. Позднее (в 1945- 1946 гг.) был постоянным представителем США в ООН.

Интеллектуальная копилка президента дополнялась вкладом, который вносил в нее видный военный деятель США, адмирал Уильям Даниел Леги (1875-1959). В 1937-1939 годах он являлся начальником штаба ВМС США. Выполнял обязанности дипломата в 1940-1942 годах. С июля 1942 года – начальник вновь созданного штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами – президенте США. Одновременно Леги возглавлял Объединенный совет начальников штабов. Он участвовал в разработке стратегических планов вооруженных сил США во Второй мировой войне, был военным советником президента США на международных конференциях, в частности в Тегеране, Ялте и Потсдаме. После кончины Ф. Д. Рузвельта адмирал Леги был советником президента США Трумена. Леги осознавал грозную опасность ядерного оружия для человечества. Тем не менее в своих мемуарах, в их заключении, он писал:

"Пока Объединенные Нации или какая-то всемирная организация не смогут гарантировать – и будут иметь полномочия и силу претворять эту гарантию в жизнь, – что мир будет избавлен от ужасов атомной войны, Соединенные Штаты должны иметь больше атомных бомб лучшего качества, чем любой потенциальный противник".¹²

Ущербность концепции адмирала ход исторического развития современного мира показал вполне наглядно.

Одним из представителей военной администрации в период президентства Рузвельта был Дуглас Макартур (1880-1964). Во 2-ой мировой войне он командовал вооруженными силами США на Дальнем Востоке в 1941-42 годах. Был верховным командующим союзными войсками в юго-западной части Тихого океана в 1942-1951 гг. Одновременно с 1945 года командовал оккупационными войсками в Японии.

Лаконичную, но емкую характеристику ближайшему окружению Рузвельта дал в своих мемуарах Шарль де Голль. Летом 1944 г. он посетил США, имел несколько встреч с президентом Рузвельтом, несколькими представителями его администрации. Будущий президент Франции генерал де Голль даст самые высокие оценки интеллектуальной деятельности Рузвельта и некоторым его соратникам. Что касается последних, то де Голль писал:

«Вот его ближайшие помощники: Корделл Хэлл, который выполняет свою трудную задачу с большой добросовестностью и душевным благородством; вероятно, его несколько стесняет недостаточное его знакомство с зарубежными странами и вмешательство президента в область его деятельности; Паттерсон и Форрестор, которые на своих министерских постах усвоили психологию хозяев огромных промышленных предприятий – ведь их департаменты (у первого – сухопутная армия и авиация, а у второго – военно-морской флот) за три года чудовищно разрослись и поглощают большую часть ресурсов,

¹²Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, Д. Эйзенхауэра, У. Леги. – М.: Политиздат, 1990, с. 436.

дарований и честолюбивых стремлений Америки; Моргентау – большой наш друг и сторонник, ведающий неисчерпаемой государственной казной, которой, однако, этот щепетильный казначей управляет со строжайшей пунктуальностью; генерал Маршалл, неразговорчивый собеседник, но смелый организатор, осуществивший стратегический план, имеющий мировое значение; адмирал Кинг, человек пламенной энергии и воображения; он откровенно гордится тем, что скиптер владыки океанов переходит теперь в руки американского флота; генерал Арнольд, который силой методичности сумел из скопища самолетов, спешно задуманных, сконструированных, опробованных, и из летного состава, быстро набербованного, обученного и пущенного в дело, создать внушительную силу, какою стала военная авиация Соединенных Штатов; адмирал Леги, который, по-видимому, был изумлен ходом событий, дивился моему появлению в Вашингтоне, но примирился с ним; Коннелли и Сол Блум – председатели двух комитетов по иностранным делам (первый – сенатского комитета, а второй – комитета палаты представителей), жаждущие быть во всем осведомленными. Этот штаб представляет собою крепко спаянный отряд, который в силу характера каждого из его членов и явкой личности Рузвельта не приписывает себе блестящих талантов, но, без всякого сомнения, стоит на высоте своих обязанностей».¹³

«Мозговой трест» для президента являлся источником аналитической мысли сферы экономики, во всем её многообразии, сферы политической, военной и т.д. Социально-психологическая зоркость президента отчасти имела истоки в хорошо поставленной в стране «психологической разведке». Рузвельт имел всестороннюю информацию о настроениях всех слоев американского общества, что было весьма важно при принятии президентом, главнокомандующим тех или иных решений, затрагивающих сложные проблемы.

Спичрайтеры

Люди, контролирующие риторику президента, оказывают огромное влияние на его действия и его политику.

Гамильон Джордан
(р. 1944, глава персонала Белого дома)

В Соединенных Штатах уже ко временам Ф. Д. Рузвельта сложилась традиция: президент может иметь помощников для подготовки проектов публичных выступлений и отдельных документов.

Многие президенты прибегали к содействию подготовленных специалистов в области политики, экономики, организации управления, права, международных отношений, философии, истории, психологии, военного дела, культуры, религии, риторики и др.

¹³ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. - М. Политиздат, 1990, с. 278-279.

Так, тридцатому президенту США республиканцу Кэлвину Кулиджу в 1923-1929 гг. помогал готовить проекты речей Джайлс Уэллс. Позднее, например, Джону Кеннеди в 1961-1963 гг. помогал готовить речи Тед Соренсен. Линду Джонсон, в 1963-1969 гг. помогал готовить речи Ричард Гудвин. С Ричардом Никсоном в 1969-1974 гг. спичрайтерами работали Ричард Фейрбенкс, Уильям Сэфайр. В 1977-1981 гг. Джеймсу Картеру готовили речи Хендрик Хербор. Рональд Рейган в 1981-1989 гг. поручал подготовку речей Пегги Нунен, которая была спичрайтером и при Джордже Буше-старшем в 1989-1993 гг. У Буша-младшего обязанности спичрайтеров выполняли Дэвид Фраш и Майкл Герсон.

Непосредственное отношение к подготовке проектов публичных выступлений Рузвельта имели несколько человек. Чаще всего, в частности, называется имя Самуила Ирвинга Розенмана (1836-1973). Обширные правовые познания этого человека, блестящий литературный талант, тонкое политическое чутье, знание истории и теории ораторского искусства способствовали его успешной деятельности по подготовке проектов речей и текстов радиобесед президента. Уместно заметить, что Розенман выполнял обязанности советника, спичрайтера и при Г. Трумене.

Ближайшим советником в подготовке текстов документов, речей Рузвельта был Гарри Ллойд Гопкинс (1890-1946 гг.). Гопкинс был выдающимся государственным деятелем, дипломатом США, ближайшим помощником и доверенным президентом Рузвельта. Он являлся членом делегации США на Тегеранской конференции 1943 года и Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. В мае-июне 1945 вел переговоры в Москве по вопросам послевоенного урегулирования, в частности, о подготовке Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 года. Переговоры с советскими руководителями произвели большое впечатление на Гопкинса, который сообщил Рузвельту: «Я очень уверен в отношении этого фронта... Здесь существует твердая решимость победить». Эта ключевая фраза сыграла важнейшую роль в последующем характере отношений Соединенных Штатов и Советского Союза в годы борьбы с фашистской агрессией.

В подготовке проектов публичных выступлений принимал известный американский драматург, талантливый журналист, историк Роберт Эммет Шервуд. С началом Второй мировой войны Шервуд возглавил зарубежную службу Управления военной информацией. В её формировании он принимал активное участие. Блестящий писательский и журналистский талант, свободное владение словом позволили ему быть полезным в подготовке проектов президентских выступлений. Уместно сказать, что перу Шервуда принадлежит единственный в своем роде фундаментальный двухтомный труд «Рузвельт и Гопкинс».

В числе других советников помогала Франклину Рузвельту в подготовке публичных выступлений его супруга Анна Элеонора Рузвельт (1884-1962). Активный пропагандист идей Нового курса, других реформ, борец за гражданские права, Анна Элеонора Рузвельт была, как считали современники, «глазами и ушами Рузвельта». Она, в сущности, являлась особо доверенным политическим

советником президента. Обладая широкой информацией о положении в стране, она информировала мужа об увиденном и услышанном во время своих бесчисленных поездок по стране. Она особенно настойчиво ориентировала Рузвельта на то, чтобы его живое слово было для простых американцев ясным, максимально доступным, чтобы оно отражало нужды и чаяния народа.

Не мог не иметь отношения к подготовке проектов многих документов и устных выступлений президента Стеттиниус Эдуард Рейли-младший (1900-1949 гг.). В 1941-1943 гг. – специальный помощник президента США, руководитель управления по осуществлению закона о ленд-лизе; в 1943-1944 гг. – зам. госсекретаря, в 1944-1945 гг. – госсекретарь США. Стеттиниус являлся участником в работе Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года. Он не раз высказывался за укрепление советско-американского сотрудничества.

Принимала участие в обсуждении проектов намечаемых публичных выступлений президента Френсис Перкинс (1880-1965). Она была первой женщиной в кабинете министров Соединенных Штатов. С 1933 по 1945 год она возглавляла министерство труда. Френсис Перкинс активно содействовала реализации Нового курса.

В числе участников в подготовке проектов выступлений Рузвельта бывал Хэлл Кордэлл (1871-1955). Известный политический деятель, дипломат США. Участвовал в выработке советско-американского соглашения «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» (1942).

Имел отношение к подготовке проектов документов и отдельных устных выступлений Рузвельта известный государственный и политический деятель США, дипломат, посол США в СССР (1943-1946 гг.) Уильям Аверелл Гарриман (1891-1986). Гарриман был участником Тегеранской, Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) конференций. Гарриман был награжден орденом Отечественной войны I степени (1985 г.).

Имел непосредственное отношение к разработке проектов документов, бесед президента Леги Уильям Даниел (1875-1959) – военный деятель США, адмирал флота, дипломат. В военные годы возглавлял Объединенный совет начальников штабов. Участвовал в разработке стратегических планов вооруженных сил США во второй мировой войне. Был советником президента США на многих международных конференциях, в том числе в Тегеране, Ялте, Потсдаме.

Привлекал Рузвельт и других специалистов. Следует, однако, заметить, что последнее, решающее слово в том, в каком виде речь будет представлена слушателям, оставалось за Рузвельтом.

В некоторых изданиях, посвященных спичрайтерской деятельности, проявляется склонность к преувеличению роли помощников. Любопытный факт: Самуил Розенман продолжал быть спичрайтером, как уже было сказано, у Г. Трумена. Последний, однако, ни одним человеком не причислялся к лику великих ораторов Соединенных Штатов Америки.

При Черчилле и Сталине институт спичрайтеров не существовал. Их речи в большинстве своем были плодом их собственного труда. Они могли использовать и, разумеется, использовали необходимые материалы по тем или иным

вопросам, однако, окончательное слово по содержанию выступления, его стилю всегда оставалось лично за каждым из них.

Известны, например, отдельные факты, когда наиболее важные доклады Сталина предварительно рассматривались на заседаниях политбюро.

В современных условиях отношение к феномену спичрайтерства не однозначное. Одни полагают, что речь политического лидера, высокого государственного чиновника, должна быть плодом его личного интеллекта. Другие склонны считать, что наиболее ответственные выступления, затрагивающие коренные проблемы внутренней жизни страны и международного положения, полезнее осмысливать не одной головой, не ущемляя, конечно, роли, права первого лица на собственную точку зрения.

У Рузвельта, президента огромной страны было, как уже говорилось, несколько опытных помощников, составлявших канву его выступлений. Однако, подчеркиваем, последнее слово о том, что и как сказать, оставалось за ним лично.

Г. Гопкинс говорил, что Рузвельт произнес множество блестящих речей. Хотя сам оратор не всегда был вполне доволен отдельными своими выступлениями.

Рузвельт умел ценить ораторское мастерство других политических деятелей. Особенно он восторгался изумительными речами Уинстона Черчилля.

Рузвельт однажды спросил у возвратившегося из Англии Гопкинса: «Кто пишет речи Уинстону?».

Гопкинс говорит, что он растерялся от этого вопроса. «Мне было чертовски неприятно ответить: Уинстон пишет их сам».

Вопрос президента, действительно, не мог не привести в замешательство даже такого вездесущего и находчивого помощника, каким был Гарри Гопкинс. Последний, как видим, осмелился, сказал президенту правду.

Однако важно здесь обратить внимание на нечто другое. Если Рузвельт поставил свой вопрос именно в такой форме, то не приходится сомневаться в том, что достоинства выступлений Черчилля, в лучших их проявлениях, мог оценить в полной мере только человек, отлично понимавший толк в ораторском искусстве вообще и великом мастерстве такого витии, каким был Уинстон Черчилль.

О Рузвельте в связи с этим можно сказать, что он излишне скромничал, преуменьшая свои ораторские возможности. Мобилизующая сила его речей была им уже не раз доказана. С точки зрения логики, аргументированности, с точки зрения могущества его волеизъявления его речи не уступали речам Черчилля, а нередко, пожалуй, и превосходили их. Выступления Черчилля могли быть в ряде случаев более эмоциональными не только по причине своеобразия его темперамента, но и особых условий, в которых они произносились, когда Англии грозила смертельная опасность. Речи Черчилля могли отличаться и большей художественностью. Он, конечно, обладал большим литературным талантом и умел живописать не только пером, но и живым устным словом. Речи Рузвельта могли быть менее расцвеченными в риторическом отношении, одна-

ко, в социально-психологическом воздействии они были более близки миллионам граждан Америки, потому их воздействие оказывалось более мощным.

Роберт Шервуд в своих мемуарах неоднократно говорит о том, как проходила предварительная работа по составлению проектов речей президента. В одних случаях он повествует, раскрывая лишь личное участие, в других доказывает участие и других должностных лиц, имеющих отношение к деятельности президента.

Летом 1941 года по поручению Рузвельта началась подготовка выступления президента, основным содержанием которого должен быть вопрос об организации отпора пиратским действиям нацистов в Атлантике.

Подготовку такого выступления ускорило нападение немецкой подлодки на американский эскадренный миноносец «Грир», который находился в районе Гренландии. Нападение произошло 4 сентября.

Рузвельт выступил с речью до радио 11 сентября 1941 года. Шервуд дает в мемуарах описание подготовки речи, опираясь на суждения Гопкинса, дополняя их личными воспоминаниями. Гопкинс так описал подготовку этой речи:

«История этой речи началась ещё 1 июля, после того как президент послал первый патруль в северную часть Атлантического океана. Это патрулирование имело целью лишь уведомление о появлении подводной лодки или рейдера в водах между Северной Америкой и Исландией.

Президент принял решение о гораздо более важном патрулировании, перед тем, как я уехал в Англию в конце августа, а именно о патрулировании с целью защиты всех судов, плавающих под любым флагом.

В то время Стимсон убеждал президента рассказать народу о характере нового патрулирования. Президент согласился, что это следует сделать.

В августе, во время совещания Рузвельта и Черчилля, президент подтвердил, что в начале сентября он намерен сделать заявление о характере своей новой политики. Он, однако, полагал, что такую речь не следует произносить до тех пор, пока патрулирование не будет полностью действенным, пока все торговые суда не будут под охраной наших военных кораблей, и пока не будет выработан постоянный план патрулирования.

Он не установил даты этой речи, хотя обсуждал её со мной время от времени после нашего возвращения с конференции. Однако в связи с нападением на «Грир», он решил произнести эту речь немедленно.

5 сентября он пригласил к завтраку Кордэлла Хэлла и меня, изложил свое предложение и назначил речь на вечер следующего понедельника.

Затем Хэлл довольно подробно остановился на нашем общем положении и в весьма энергичном и суровом тоне изложил политику правительства США и причины такого патрулирования. Президенту понравилось заявление Хэлла, и он просил его продиктовать сказанное и прислать в Белый дом к концу дня. Поскольку президент собирался выехать в Гайд-Парк, он просил Хэлла передать ему по телеграфу копию меморандума и дать ещё один экземпляр мне.

Я был болен, устал и решил остаться в Вашингтоне. Прибыл проект от Хэлла. Вместо исполненного силы и общительности меморандума, каким он

выглядел во время беседы с президентом, проект оказался довольно слабым документом.

Хотя в нем и приводились достаточно убедительные доводы о необходимости каких-либо действий, однако он не содержал никакой рекомендации насчет каких-либо конкретных действий.

Судья Розенман и я работали над речью, и я продиктовав ту часть, которая была предложена президенту как заключение. Эта часть включала предложение о действиях, требуемых обстоятельствами.

Со страницы пятой гектографированного текста речи, с абзаца «Когда вы видите гремучую змею?» начиналась по сути дела та часть речи, которая была подготовлена мной для президента.

Президент сам написал абзац «Не будем спорить о мелочах», все исторические ссылки и абзац «На пусть это предупреждение будет ясным» на последней странице.

Я поговорил с президентом об этом по телефону в воскресенье. (В этот день умерла мать президента).

Президент, конечно, сразу сказал, что проект Хэлла совершенно неудовлетворителен и что он выходил речью.

Я сказал ему, что Сэм и я добиваемся того, чтобы в заключительной части была ударная сила, и он просил нас встретиться с ним в Нью-Йорке после похорон и вернуться с ним обратно в среду после полудня, когда речь будет окончательно оформлена. Он сам продиктовал несколько меморандумов, которые были присланы нам, но в них не было заключительной части речи.

Я поехал в Нью-Йорк, встретил похоронный кортеж на 138-й улице и затем весь день работал над речью.

У нас с судьей Розенманом был свой собственный вариант, который мы представили президенту, и он продиктовал несколько новых абзацев. В поезде мы составили новый вариант. Вечером в 8 час45 мин. Президент пригласил Хэлла, Стимсона, Нокса и меня и прочел нам проект речи.

Речь всем нам очень понравилась. Нокс настаивал, что в речи не должно быть острот, и она должна быть выдержана в очень серьезном тоне. Каждый из них внес несколько очень незначительных исправлений, но было ясно, что все они от души одобряют её.

Выступление было назначено на следующий день. В этот вечер я рассказал судье Розенману о предложенных поправках. Самой важной из них было разъяснение того факта, что мы будем охранять иностранные суда.

После этого судья Розенман составил новый вариант речи на основе состоявшегося совещания.

На следующее утро Розенман и я отнесли проект в спальню президента, который внес в него новые поправки, имея в виду прочесть этот текст лидерам Конгресса в десять часов.

Позже он рассказал мне, что лидеры Конгресса одобрили речь и почти не комментировали её, за исключением республиканца-изоляциониста Джо Мартина.

В четверг утром у меня было назначено свидание с президентом, Хэллом и советским послом по другому вопросу. Когда это совещание кончилось, Хэлл остался, потому что как раз перед совещанием с послом он сказал мне, что речь слишком сильна, и что всякое упоминание о том, чтобы стрелять первыми, или вообще о какой-нибудь стрельбе, должно быть исключено из речи.

Это явилось для меня большой неожиданностью, поскольку раньше Хэлл соглашался со всем.

Однако и раньше, много раз за последние полгода в частных беседах Хэлл говорил в довольно энергичных выражениях, но, когда дело доходило до изложения сказанного в письменном виде, у него появлялась тенденция к смягчению. В последние месяцы у меня создалось впечатление, что Хэлл не готов к последствиям серьезного столкновения с Гитлером.

Позже я узнал от президента, что Хэлл очень энергично настаивал перед ним на том, чтобы из речи была изъята вся её суть.

Из самой речи видно, что этого сделано не было».¹⁴

Мы не случайно привели такой большой отрывок из мемуаров Шервуда. Отсюда ясно видно, какой трудной и неоднозначной была работа над выступлением президента.

Р. Шервуд в мемуарах многократно указывал на то, что проекты содержания каждой очередной речи президента отрабатывались с неизменной тщательностью. Он, в частности, указывал на то, что переработка содержания порой длилась несколько недель. Сам Рузвельт проявлял большое усердие в доведении содержания речи до необходимой, на его взгляд, кондиции.

Вот как, к примеру, свидетельствует Р. Шервуд, работали над текстом речи, которую президент собирался произнести в Бостонском амфитеатре:

«С ужасом вспоминаю я теперь о подготовке этого бостонского выступления. Каждый раз, когда наш поезд останавливался, мы получали всё возрасставшее число телеграмм, в которых почти со слезами заявлялось, что если президент не даст этого торжественного обещания матерям, он может упаковывать свои вещи в Белом доме.

В промежутках, между остановками поезда Рузвельт, как всегда, много работал над своим выступлением. В его личном вагоне было кресло с низкой спинкой; он сидел в этом кресле, последний проект его речи лежал у него на коленях, а мы – Мисси Лахенд, Грейс Талли, Гопкинс, Розенман и я – работали по машинописным копиям той же речи. Мы дошли до того места, где родители заверялись в том, что в армии их «парни» будут хорошо питаться, жить в хороших условиях, и что за их здоровьем будут следить. Гопкинс передал президенту телеграмму от Эда Флинна, содержащую все то же настоятельное требование.

«Сколько раз, как они думают, должен я говорить это? – спросил Рузвельт. – Ведь это записано в программе Демократической партии, и я повторял это сотни раз».

¹⁴ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт., Т. I, с. 582-585.

На это я ответил: «Я знаю, г-н президент, но они, по-видимому, не слышали об этом от вас раньше. Очевидно, вам придется повторять это снова и снова».

И далее шли новые и новые поиски тех единственно нужных слов для данного случая».¹⁵

В сотрудничестве и баталиях на партийных форумах, в Конгрессе и СМИ

Речь — удивительно сильное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться им.

Гегель

Арсенал познаний жизни во всех её проявлениях постоянно обогащался у Рузвельта за счет его уникальных способностей общения с внешним миром. Феномен мастерства общения у него был одним из приоритетных на протяжении всей жизни.

Однажды журналисты спросили его о том, что ему казалось наиболее трудным в президентской деятельности?

Ответ был несколько неожиданный. «Самым трудным — сказал Рузвельт, — было научиться общению с людьми как следует».

Скромность ответа не была свидетельством недостатка мастерства общения Рузвельта в самых различных его видах. Реально Рузвельту в то время не было равных в такого рода деятельности.

Возьмем, к примеру, представителей средств массовой информации. Рузвельт был мастером общения с представителями прессы. Он дважды в неделю на протяжении всего периода президентства встречался с журналистами. Тут бывали репортеры, издатели и другие. Эти встречи, как правило, представляли собой поле битвы интеллектуалов.

Рузвельт с уважением, в отличие от некоторых политиков, относился к прессе. Он хорошо знал её непостоянство и был всегда начеку.

Его общение с журналистами, как свидетельствуют современники, было свободным, без каких-либо признаков давления со стороны всемогущего президента. Он отчетливо сознавал, что пресса может быть для него важнейшим ресурсом в общении с многомиллионным населением Соединенных Штатов Америки, да и не только Америки.

С самых первых встреч Рузвельт с обоюдного согласия добился договоренности о том, что буквальное цитирование его выступлений будет осуществляться с его разрешения.

Место общения с журналистами определялось лично Рузвельтом. Как правило, это место было самым престижным — Овальный кабинет со всеми его президентскими атрибутами. С точки зрения психологической это было очень важно.

¹⁵ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт., Т.2, с. 336.

Своеобразным камертоном послужила первая пресс-конференция. Она состоялась в тяжелейшее время для Соединенных Штатов – 8 марта 1933 года.

Банки в стране были закрыты. Треть рабочей силы не имела работы. Уверенность нации на будущее была почти на нуле.

По свидетельствам участников тех событий, начинающий президент за 35 минут общения сумел превратить отчаяние и обреченность в надежду и уверенность.

Пресс-конференция завершилась на мажорной ноте. Президент явил восхищенной аудитории силу, бесстрашие, глубокое понимание того, как можно вывести страну из уныния и кризиса. Такое действие было совершено блестяще.

Необычным явлением для журналистов было и то, что хозяин Белого дома оказался человеком откровенным, веселым, непринужденным в общении. Его многие реплики были смелыми и не лишенными задора и юмора.

Участники пресс-конференции чувствовали, что от взаимного обмена мыслями президент испытывает удовольствие.

Представителям прессы импонировало и то, что Рузвельт не заказывал у них предварительного списка вопросов. Его ответы были результатом экспромта. Тем не менее, они были обстоятельны и глубоки. Все присутствующие ощутили веяние интеллектуальной мощи нового президента, большой, искренней теплоты. Каждый, кто в такое мрачное для страны время шел на встречу с новым президентом, не мог и предполагать, в последние мгновения пресс-конференция разразится громом аплодисментов.

На весь последующий период президентства у Рузвельта сложатся нормальные, открытые отношения с прессой. Он никогда не будет уходить от острых вопросов. Он будет демонстрировать глубокое знание обсуждаемых проблем, убедительно обосновывать те или иные нелегкие решения.

Обладая острым ситуативным умом, громадным словарным запасом, он мгновенно находил глубокие, остроумные ответы на любые, даже самые каверзные вопросы.

За период президентства Рузвельт провел бесчисленное множество пресс-конференций. По их количеству и качеству с ним никто из предшественников и современников сравниться не смог бы.

Всё только что отмеченное не следует относить только на счет исключительного таланта, одаренности Рузвельта. Его успех во многом обуславливался той большой предварительной подготовкой, которую он проводил перед каждой встречей с представителями печати, радио. Он всегда был обстоятельно информирован по всем сложным вопросам. Он тщательно взвешивал все определяющие факторы, которые должны быть учтены при принятии очередных шагов, будь то в хозяйственно-экономической, военной или политической сфере.

На качественное информирование президента день и ночь работали специальные службы, губернаторы, дипломаты, сформированный им «мозговой центр» и другие.

Кроме прочтения деловых бумаг, Рузвельт считал за правило внимательно прочитывать ежедневно не менее десятка свежих газет и журналов. До нача-

ла встреч с журналистами он, как правило, уже в полной мере представлял себе, чем сегодня озабочена пресса и чем она будет дышать завтра.

Общение президента и прессы было рациональным для той и другой стороны. Обе стороны учились друг у друга, взаимно обогащались. Вольно или невольно пресса, радио оказывались под влиянием интеллектуальных (и, отчасти – административных) ресурсов президента, особенно в сфере формирования национального и мирового общественного мнения в русле взглядов Рузвельта.

Исследователь жизни и политической деятельности Ф.Д. Рузвельта Юнкер Д. в своей работе справедливо отмечал:

«Рузвельт завладел передовицами ежедневной прессы, как ни один президент до него, и не в последнюю очередь в связи со своей суверенной политической открытой дверью для вашингтонских журналистов. Из года в год два раза в неделю у его письменного стола бывало до двухсот журналистов, и они могли задавать ему без письменного предупреждения любой вопрос, какой хотели. Эти конференции проходили с участием свободной прессы. Путем смешения юмора и серьезности, открытости и ловкого умалчивания он занимался одновременно информационной политикой и агитацией за свою программу.

Он производил на журналистов большое впечатление (к некоторым из них он обращался по имени) своей остроумной находчивостью, феноменальным знанием деталей и впечатляющей памятью».¹⁶

Д. Юнкер следующим образом отзывался об использовании Рузвельтом возможностей радио:

«И второй медиум этой эпохи – радио – он использовал несравненным образом как инструмент своей политики. Наряду с установившейся привычкой его обращений по радио в качестве губернатора в Нью-Йорке через неделю после вступления в новую должность он начал свою первую беседу у камина – «доверительный разговор с народом Соединенных Штатов».

Приятным голосом, полным твердости и доверия, который был понятен среднему американцу, он говорил о политике как отец семейства в своей комнате.

Тайна успеха этих радиопередач, которые собирали миллионную публику, состояла в том, что этот разговор не был для народа запутанным узлом, а выражал его понимание демократии. Основным убеждением Рузвельта было то, что способная к руководству демократия живет доверием, согласием и участием среднего гражданина, чтобы не соскользнуть в сторону олигархии или даже диктатуры. Он считал, что особый долг президента – вести воспитательную работу путем информации и прямых обращений, пробуждать и поддерживать интересы и активность граждан. Чтобы найти доступ к простому американцу, президент должен был прибегнуть к простому языку и проникнуть в его образ мышления, осознать, что его интерес направлен не на абстрактные теории, а на главные человеческие проблемы, такие, как забота о трудоустройстве, здоровье, жизненный уровень и обеспеченное будущее. Уже первая, «беседа у камина» о

¹⁶ Юнкер Д., Айгнер Д. Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль. - Ростов-на-Дону. "Феникс", 1998, с. 81.

банковских делах была мастерским достижением перевода сложных взаимосвязей в понятное и доступное положение дел».¹⁷

Далеки от идиллии бывали отношения президента с представителями прессы. Особенно острыми, конфронтационными отношения бывали в периоды предвыборных кампаний.

Вот один из этюдов, характеризующих реальную обстановку. Предвыборная кампания 1940 года была для Рузвельта далеко не простой. Известный английский писатель-фантаст и публицист, Герберт Уэллс, побывавший в сентябре-декабре 1940 года в Соединенных Штатах, в своей книге «Путеводитель к новому миру» о ряде сторон американской действительности того периода отозвался весьма критически:

«Президентские выборы поразили меня своей абсолютной безнравственностью. Я не могу применить другого слова.

Нападки на семейную жизнь президента, скандальные сделки между рабочими лидерами и штрейкбрехерами, вроде сделок Льюиса и Вильке, безрассудство республиканцев, которым совершенно все равно, как сказался бы провал Рузвельта на положении в Европе, каждодневные наглые фальсификации прессы, почти единодушно настроенной против Рузвельта, – все это выглядело отвратительно. Сейчас на какое-то время все это стихло, но таится под поверхностью и снова вынырнет, когда снова вспыхнет нарастающий социальный конфликт»¹⁸.

Чародей мысли и живого слова

Красноречие есть
искусство управлять умами
Платон

Биографисты, мемуаристы, все, кому посчастливилось видеть и слышать Рузвельта во время выступлений, свидетельствуют, что воздействие его как оратора было сильным.

Выдающийся советский и государственный деятель, дипломат, блестящий знаток политического и дипломатического красноречия А.А. Громыко, много лет во времена Рузвельта проработавший в Соединенных Штатах Америки послом СССР и часто встречавшийся с президентом, писал:

«Во время митингов, выступлений по радио и телевидению президент говорил медленно, произносил слова четко, мысли свои излагал ясно. К жестам прибегать не любил. Выражение его лица было одухотворенным и волевым.

В целом все выступления Рузвельта создавали у американцев благоприятное впечатление, вызывали к нему симпатии. И не без оснований его ещё при жизни называли «величайшим трибуном из всех современных ораторов Америки».

¹⁷ Юнкер Детлеф, Айгнер Дитрих. Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998, с. 81-82.

¹⁸ Герберт Уэллс. «Путеводитель к новому миру». 1941.

Это произошло на одной из конференций американской Национальной ассоциации преподавателей ораторского искусства. В последующем я не знал ни одного президента Соединенных Штатов, который в этом отношении сравнялся бы с Рузвельтом».¹⁹

Думается, можно сказать, что А.А. Громыко, в отличие от других мемуаристов, вспоминая о Рузвельте, дал наиболее емкое и, на наш взгляд, наиболее существенное в характеристике президента как оратора, как собеседника, как мастера дипломатического и просто человеческого общения.

Вот некоторые из первых впечатлений А.А. Громыко о президенте США:

«Глубоко запали в мое сознание встречи с Рузвельтом, твердо придерживаюсь и сейчас того мнения, что он являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей США. Это был умный политик, человек широкого кругозора и незаурядных личных достоинств».¹⁹

«Рузвельту, – писал А.А. Громыко, – много приходилось публично выступать и перед различными аудиториями, и по телевидению – его первое обращение к зрителям с голубого экрана состоялось в 1938 году, ещё до того, как в 1941 году в США начался регулярный выход в эфир телевизионных передач. Традиционными были также получасовые радиообращения президента к американцам из Овального кабинета Белого дома – так называемые «Беседы у камина», которые он проводил несколько раз в году. Рузвельт умел мобилизовать необходимый резерв своей воли и сил, для того, чтобы выглядеть хорошо. И ему в этом сопутствовал успех».²⁰

«... У Франклина Делано Рузвельта было сильное «оружие» – деловое и откровенное общение с большинством американцев. Он создавал стойкое убеждение, что его правительство не противостоит народу, а выполняет его волю, отзывается практическими делами на нужды и заботы людей. Такая политика коренным образом изменяла взгляды американцев на роль правительства, звала к сотрудничеству, к совместным действиям».²¹

Говоря о Рузвельте-человеке и президенте, А.А. Громыко уделил особое внимание показу исключительных коммуникабельных качеств этого выдающегося государственного деятеля.

Рассказывая об одной из первых встреч с президентом США, Громыко так писал о своих впечатлениях:

«В целом эта встреча с Рузвельтом, в ходе которой я действовал уже в качестве советского посла в США, оставила у меня хорошее впечатление. В отношениях со мной от имени США официально выступал человек, обладающий способностью вести разговор свободно, без видимой натянутости. Затронув какую-то тему, он не торопил собеседника немедленно реагировать на высказанную им мысль или предложение. Чувствовалось, что у него было желание пояснить свою точку зрения, даже если она могла показаться в общем-то ясной. Ему просто нравилось возвращаться к ней, преподнося её каждый раз в ином

¹⁹ Громыко А. А. Памятное. В 2-х кн. Кн.1, М., 1988, с. 92.

²⁰ Там же, с.94

²¹ Франклин Рузвельт. Беседы у камина. – М.: ИТРК, 2003, с. 18-19

словесном обрамлении и в новых ракурсах. Эти первоначальные наблюдения получили подтверждение и в моих последующих с ним беседах.

Не мог я не заметить и того, что президент старался прибегать к оригинальным выражениям, которые давались ему легко. Он любил шутку. В свою очередь Рузвельту нравилось, когда его собеседник оживлял свои высказывания шуткой либо ироническими замечаниями, если они, конечно, не относились к самому президенту».²²

А.А. Громыко, исходя из своих наблюдений, отметил, что «... беседуя с Рузвельтом, если внимательно к нему приглядеться – а я такую возможность имел на протяжении почти пятилетнего знакомства, можно было уловить в его глазах, выражении лица налет грусти. Улыбка, иногда веселость в поведении президента казались скорее следствием каких-то внутренних усилий, призванных скрыть, а может быть, в какой-то мере и подавить тоску, таящуюся где-то в глубине души, причиной тому служил тяжкий недуг...».²³

А.А. Громыко в своих мемуарах возвращается к мысли о том, с каким мастерством Рузвельт мог общаться, устанавливая с собеседником доверительный контакт.

«Отмечу, – говорил советский дипломат, – ещё одну черту, которую я и сам замечал во время встреч с президентом и о которой мне не раз рассказывали американские деятели, часто общавшиеся с ним». Он не имел манеры употреблять резкие слова по адресу своих собеседников или даже прямых политических противников. Разумеется, это не относится к деятелям тех стран, с которыми США находились в состоянии войны. В случаях, когда возникала такая необходимость, Рузвельт давал простор скорее своей способности ответить оппоненту с юмором. И те, по чьему адресу президент проходил основательно, имели, как говорится, «тот вид».

Юмористические стрелы, выпущенные Рузвельтом, ранили больно. Это качество отмечали даже его политические противники».²⁴

Вот ещё некоторые штрихи к портрету Рузвельта – человека, президента, мастера общения, на которых заостряет внимание советский дипломат.

«Политикам, от которых во многом зависит решение крупных проблем, затрагивающих так или иначе жизнь миллионов людей, очень трудно играть роль «раздвоенной личности». Не может человек, занимающий позицию, враждебную миру, выглядеть носителем великих идеалов мира и дружбы, человеческой доброты в каждодневном общении с людьми, в том числе с крупными деятелями других государств. Не может, без шока обнаружить свое подлинное лицо. История дает тому немало примеров. Один из них – бесноватый фюрер. Только слепые могли не видеть агрессивную философию нациста ещё задолго до того, как германский президент Гинденбург принял присягу у нового канцлера.

А каким был Франклин Рузвельт? Открытый взгляд. Приветливость и уважительность в общении. Всегда он находил доброе слово по адресу собе-

²² Громыко А.А. Указ. Соч. Кн. I., с.94-95

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 95-96.

седника и его страны. Если разговор происходил в его кабинете, то он вел себя непринужденно, мог обратить внимание на портреты на стенах, правда, их было немного. Конечно, с начала и до конца беседы из-за своего недуга он сидел. Но в то же время умел вести себя так, что окружающие даже забывали о его физической скованности.

Сидя за столом, он был подвижен, поворачивался, иногда что-то чертил или брал нужную бумагу. Разумеется, беседу разнообразило и то, что он вызывал помощников, навел у них справки или давал им поручения. В свое время я встречал людей, которые утверждали, что по лицу Рузвельта можно было догадаться, как он настроен по тому или иному обсуждаемому вопросу. Полностью с этим согласен.

Наблюдал я, с каким уважением он отзывался о Сталине. Произносил он слово «Сталин» с ударением на «и». Я его не поправлял, так как знал, что когда это пытались делать другие, то он на подобные замечания просто не обращал внимания.

Не берусь судить, испытывал ли Рузвельт физическую боль во время заседаний, конференций или двусторонних бесед с ним в Белом доме. Скорее всего, испытывал, несмотря на лекарства. Но внешне это трудно было заметить. Видимо, помогало большое самообладание и конечно, незаурядная сила воли».²⁵

Классик английской научно-фантастической литературы, мастер художественного и публицистического слова Герберт Джордж Уэллс (1866-1946) – современник Ф. Д. Рузвельта многократно бывал в США и не раз слушал публичные выступления американского президента.

Г. Уэллс в своих публицистических заметках, в частности, отмечал: «Меня, как и большинство людей, живо интересуется Франклин Делано Рузвельт. Я слышал его проникновенный голос по радио, и мне посчастливилось видеть его изумительную улыбку. Его речи затмевали вдохновляющую риторику нашего великого премьер-министра, и во время этой войны он с большой определенностью формулировал демократические идеалы, которые мы иначе могли бы потерять из виду в ожесточении войны».²⁶

Характер общения Рузвельта со слушателями во многом определялся особенностями конкретной исторической обстановки в собственной стране и за рубежом. В те годы судьба каждой семьи, каждого человека в большой степени зависела от деятельности государственных органов, в том числе и от деятельности президента, который в военное время являлся и главнокомандующим. Внимание граждан приковывалось к каждому шагу, к каждому слову властных структур и прежде всего чутко реагировало на выступления президента, который затрагивал в своих выступлениях самые острые жизненные вопросы.

²⁵ Громыко А.А. Указ. соч. Кн.1, с. 97-98

²⁶ Герберт Уэллс. Собрание сочинений в 15-и томах. Том 15. - М., «Правда», 1964, с. 458-460.

Знакомясь с ораторским мастерством Ф.Д. Рузвельта, современный политический лидер может убедиться в том, что сила его влияния на аудиторию в громадной степени обуславливалась прежде всего степенью владения им материалом рассматриваемой проблемы. Многими другими факторами определялась степень влияния оратора на аудиторию, однако, Рузвельт полагал, что решающим условием успеха является наличие в речи актуальной, глубокой, все-сторонне аргументированной мысли.

Главное, что обеспечивало успех Рузвельту как оратору, это основательное знание проблемы, которую он намеревался обсудить с соотечественниками. Президент с предельной открытостью, правдиво говорил о трудностях, выпавших на долю миллионов простых людей в тяжелые кризисные времена и в годы войны.

Рузвельт освещал положение дел на понятном народу языке, без накручивания той или иной профессиональной политической или научной терминологии.

Одна из ярко выраженных особенностей публичных выступлений Рузвельта – исключительно развитая человечность. Полнота его глубокой мысли органично сочетается с полнотой выражения уважения и сочувствия миллионам соотечественников. Его речи и беседы были всегда проникнуты теплотой.

Живое слово Рузвельта всегда несло на себе предельную смысловую и психологическую нагрузку. Приковывающая внимание миллионов, свежесть, новизна, оригинальность его мысли при освещении тех или иных явлений экономической, политической, военной, духовной жизни страны проистекали неизменно от обстоятельного знания им реального положения дел в той или иной сфере.

Великий дар Рузвельта как оратора – умение мыслить публично, природно, что вызывало у аудитории восторг и уважение к мыслящему оратору.

Важнейшая особенность публичных выступлений Рузвельта состояла в том, что в них содержался значительный познавательный ресурс. После прослушивания речи, беседы президента слушатели обретали нечто новое по той или иной проблеме, им становилось яснее, как и что они должны были делать в сложившейся обстановке. В этом отношении особенно показательны и поучительны его радиобеседы по социально-экономическим, финансовым, производственным проблемам.

В речах и беседах президента предметом особой заботы были задачи не только познавательно-образовательного характера. Каждое выступление Рузвельта несло в себе мощный воспитательный заряд. Объектом его внимания были проблемы патриотического, нравственного, трудового воспитания. К решению задач в этих сферах он подходил с величайшим тактом и мастерством.

Магическое воздействие публичных выступлений Рузвельта обуславливалось и тем, что в каждом случае оратор говорил с впечатляющей уверенностью, аргументированностью, ясностью и неизменным лингвориторическим изяществом.

Потрясающая особенность Рузвельта как оратора – это его умение говорить о самых сложных политических, военных, экономических проблемах доступным, ясным, всем понятным языком. В отличие от многих государственных деятелей, политических лидеров Рузвельт никогда не бывал склонен придавать своей речи так называемую научную солидность. Он был последовательным противником усложненности речи.

Важное достоинство выступлений Рузвельта – их мотивированная со всех точек зрения краткость. Он был врагом многословия. На задаваемые ему вопросы он также умел ответить емко, кратко, убедительно.

В знаменитых «беседах у камина» Рузвельт использовал некоторые приемы предметной наглядности, в частности, топографические карты, по которым слушатели могли легче уяснить положение в регионах боевых действий американских вооруженных сил с противником.

Находили в его выступлениях применение приемы и словесной наглядности. Это – отдельные документы, направляемые в Конгресс, документы, отражающие ход боевых действий, дипломатические, исторические документы.

С целью придания речи эмоционально-экспрессивных качеств он умело использовал яркие, меткие эпитеты, сравнения, метафоры, другие образно-выразительные средства, не допуская при этом их неумеренного употребления.

Не был Рузвельт оратором-поклонником высокого торжественного стиля. Он порой иронически отзывался о тех своих оппонентах, которые пустяковую мысль стремились нарядить в торжественные формы.

В применении невербальных и несловесных средств воздействия Рузвельт был сдержан. Всю силу мысли и чувства он вкладывал в звучащее слово.

Как оратор Рузвельт в совершенстве владел всеми видами словесного юмора: юмором, иронией, сарказмом. Обличительную силу своих выступлений

он сполна использовал против преступных действий фашистской Германии, Италии, милитаристской Японии.

Каждое выступление Рузвельта – это страстный призыв к действию, призыв с неизменной верой в успех.

В каждом выступлении – искренность и убежденность в правоте своей политики.

Речи, беседы Рузвельта – это органический сплав сильного ума и красноречивого сердца. Рузвельт был великим знатоком человеческого сердца. Могучая сила его ума и чувства приводили в волнение, движение миллионы его соотечественников.

ГЛАВА II. МОЦАРТ ОТ ПОЛИТИКИ

Инаугурационные речи: стратегия, стиль

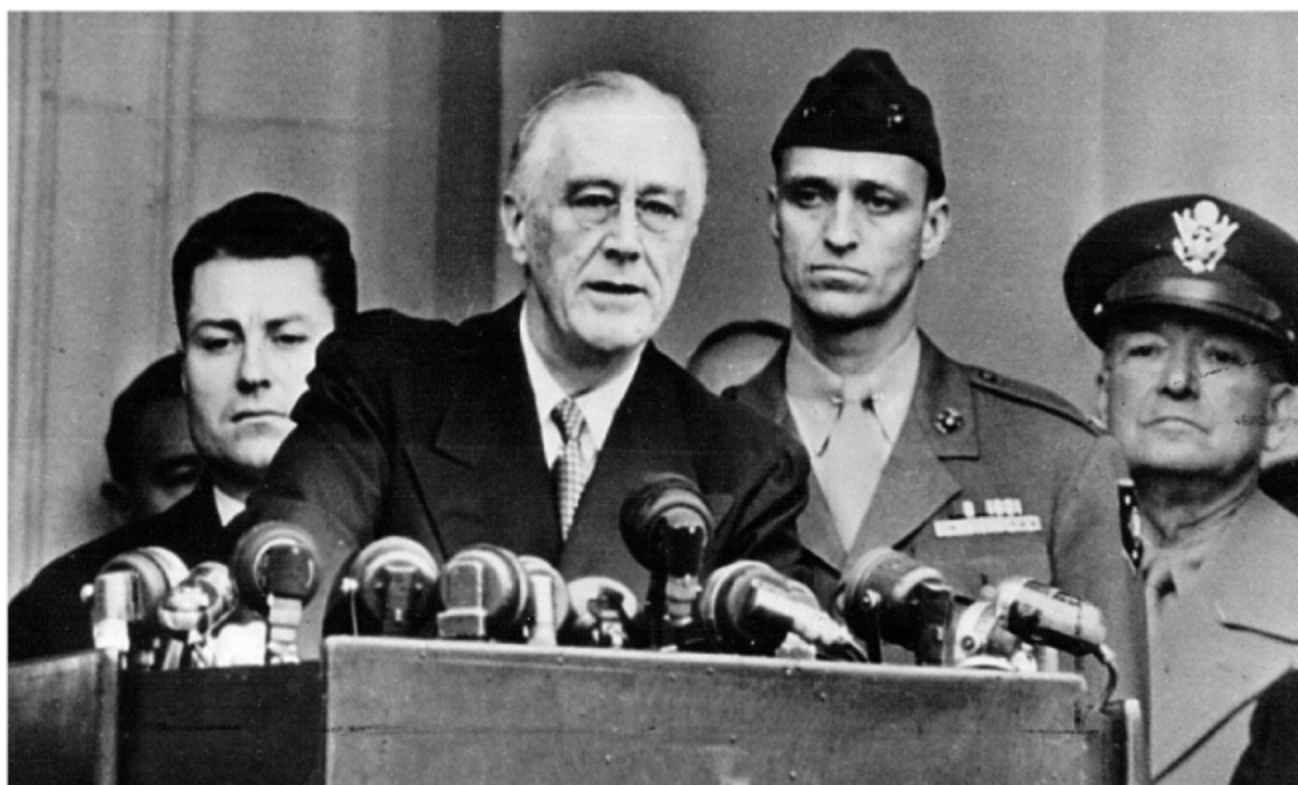
Политика – это не наука, а искусство.
Отто фон Бисмарк

Инаугурационные речи президентов США, предшественников Франклина Делано Рузвельта, имеют много сходного. Характерная схема: подведение итогов, оценка деятельности предыдущего президента и его администрации, перечень нерешенных проблем, замыслы, обещания на перспективу.

Бывали речи полновесными по содержанию и риторическому оснащению. Бывали речи, которые не вполне удовлетворяли граждан Америки. Содержание некоторых инаугурационных речей порой носило слишком общий характер, бывала иногда весьма очевидной немотивированная высокопарность, романтичность.

Первая инаугурационная речь Рузвельта имеет существенные отличия от инаугурационных речей ряда его предшественников.

Одна из отличительных черт – реалистическая, жесткая оценка положения страны, охваченной тяжелейшим кризисом.

«Я уверен, – говорил вновь избранный президент, – что мои дорогие соотечественники – американцы ждут, что вступая в должность президента, я обращусь к ним с прямой и решимостью, как того требует нынешнее положение страны. Сейчас самое время говорить правду, всю правду, открыто и смело. И нам нет нужды уклоняться от честного взгляда на сегодняшнюю ситуацию в нашей стране».

Таковыми были первые слова президента, которые приковали к нему внимание всех присутствующих на инаугурации, всех, до кого доносились эти слова по радио.

Инаугурации Рузвельта не были лишь актом торжественной церемонии в должность президента. Суть, значимость этих событий заключалась не столько в сохранении, поддержании сложившихся традиций обрядности, сколько в том, что в эти исторические минуты и как скажет народу Америки присягающий ему на верность новый президент.

Его инаугурационные речи имели программный, сугубо деловой характер. В них Рузвельтом определялась политическая, экономическая, социальная стратегия как на очередной срок избрания, так и дальнюю перспективу.

В последующей повседневной работе, в очередных выступлениях выдвигались, решались конкретные тактические проблемы, вопросы экономической, политической жизни страны, её международного положения.

Первая инаугурационная речь Рузвельта произвела на американцев колоссальное впечатление. Она была произнесена 4 марта 1933 года. Перед Капитолием находилась стотысячная армада. Была промозглая погода, но толпа жадно ждала полудня. Наконец часы пробили двенадцать.

Франклин Делано Рузвельт был без пальто, без шляпы. Он расправил свои широкие плечи, положил руку на семейную, старую Библию и стал отчетливо, громко произносить слова, которых ждал весь американский народ.

«Наступило время сказать правду, – пронеслось над морем людей, – всю правду открыто и смело. Нет никакой необходимости избегать честной оценки условий нашей жизни сегодня...».

И далее из уст присягающего президента летели слова, которые буквально потрясли его соотечественников:

«Наша страна, – говорил Рузвельт, требует действий, действий сейчас, немедленных действий. Наша великая нация выстоит в этом испытании, как она выносила все прежние, она оживет и будет процветающей. Единственно, чего мы должны бояться – это самого страха, безымянного, бессмысленного, безотчетного страха, который парализует усилия, необходимые для превращения отхода в наступление...».

Далее последовали слова, означающие, можно сказать, неслыханную решительность нового президента:

«Я испрошу у Конгресса самые широкие полномочия, чтобы начать войну с несчастьем, я испрошу полномочия, как если бы на нас напал внешний враг».

Каждый слушавший был готов дать этому человеку такие полномочия. А тем временем радиоволны разносили слова Рузвельта по всей стране:

«Народ Соединенных Штатов не может потерпеть поражение. В час нужды он своим голосованием показал, что желает прямых и энергичных действий. Они желают видеть дисциплину и направляемое движение. Они сделали меня инструментом своего желания. Этот высокий дар я принимаю».

Современники, видевшие в эти мгновения Рузвельта, говорили о том, что лицо его в момент произнесения речи было вдохновенным и вместе с тем суровым до неузнаваемости. Он вкладывал в речь весь интеллект, всю свою волю.

У Элеоноры Рузвельт в дневнике впоследствии появилась любопытная запись: «Инаугурационная речь была очень и очень торжественной и немного устрашающей. Самое большое одобрение Франклин получил, когда сказал о возможной необходимости просить полномочий военного периода».

С первой инаугурационной речи американцы почувствовали, что отныне им придется иметь дело с руководителем, способным не только ставить задачи, но и вместе с ними решать трудные задачи. Во все слои американского общества проникла вера в нового президента. Всё у большего и большего числа людей в головах сформировывалось вера и убеждение в том, Рузвельт – это тот человек, который «способен спасти нас».

Чрезвычайно интересна необыкновенная зарисовка, которую сделал Линдон Джонсон, рассказывая о мгновениях первой инаугурации Рузвельта:

«Я помню первого президента, которого я видел собственными глазами, самого великого президента, которого я знал. Я видел его стоящим в стальных протезах, с болью в ногах, мукой в лице, но с надеждой в глазах...

Был дождливый, холодный мартовский день 1933 года.

Банки закрывались по всей стране. Люди жгли свое зерно, хлопок продавали по пять центов. Работу найти было невозможно, а очереди за помощью стояли до горизонта...

Но этот человек, сойдя с инвалидной коляски, взял в руки микрофон, выдвинул нижнюю челюсть вперед и насытил электричеством нацию.

Он спас республику...

Единственно, чего должна бояться Америка, так это страха».

Рузвельт одним этим выступлением изменил настроение нации. Пройдет немного времени, и он изменит фактическое положение президента и федерального правительства. Белый дом вскоре превратится в энергетический центр новых идей, движущей силой для всех сфер жизнедеятельности государства. Все структуры власти, всё американское общество почувствовало руководящую волю Рузвельта.

Решительность Рузвельта на серьезную работу была очевидной и безусловной. Однако у нового президента проявилась отчетливо в первой инаугурационной речи озабоченность и предвидение недостатка для неизбежных крупнейших преобразований. Недостатка реальной власти президента, правительства для решения сложнейших проблем, связанных с выводом страны из экономической и нравственной разлухи. Той власти, которая традиционно сложилась к тому времени в деятельности президентов – предшественников, по мнению Рузвельта, может оказаться недостаточно для материального и морального оздоровления страны.

Не случайно Рузвельт в этой речи неоднократно возвращается к мысли о неизбежности расширения полномочий национального лидера. Он был готов добиваться этого, если вынудят обстоятельства, через Конгресс, а в экстренных

обстоятельствах, возможно, и без него, не нарушая фундаментальных положений американской Конституции.

«Всякий раз в мрачный час нашей национальной жизни откровенно и энергично руководство встречало то самое понимание и ту поддержку народа, которые требуются для победы. Я убежден, – говорил Рузвельт, – что в эти критические дни вы вновь окажете руководству такую поддержку».

Торжественно, клятвенно звучали слова Рузвельта: «За оказанное мне доверие я расплачусь соответствующей моменту отвагой и преданностью. Это минимум того, что я обязан сделать».

Максимумом же, чем расплатился этот великий человек за четырехкратное доверие народа, была сама его жизнь.

Нельзя не обратить внимания на то, что в тексте речи рельефно выделяются несколько ключевых слов. Например, слово «действовать» и производные от него. В различных формах оно использовано в речи 13 раз. Положение страны по оценке Рузвельта – критическое, в высшей степени опасное. Необходимы экстренные меры для вывода её из такого состояния. «Страна, – говорил оратор, – просит действий, и действий немедленных».

Дав объективную оценку состоянию экономики, финансов, промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, упадку национального духа, Рузвельт настоятельно призывает американцев к неотложным, разумным действиям: «Мы должны действовать, и действовать быстро».

Ключевое слово "действовать" Рузвельтом было произнесено пять раз.

Первая инаугурационная речь содержит ключевое положение о необходимости неотложных «нравственных перемен» в стране. Кроме того, Рузвельт указывает на необходимость немедленного решения таких тактически важных задач, без чего немыслим вывод страны из кризиса:

«Наша величайшая первоочередная задача – вернуть людям работу. Эта проблема окажется вполне разрешимой, если мы подойдем к ней разумно и смело, частично её может решить прямая мобилизация силами самой власти, взявшейся за эту задачу так, как мы действуем в чрезвычайных военных условиях, но в то же время направив рабочую силу на осуществление в высшей степени необходимых проектов по стимулированию и реорганизации использования наших природных ресурсов.

Вместе с тем мы должны откровенно сказать о перенаселенности наших промышленных центров и, занявшись перераспределением в национальном масштабе, постараться наделить землей тех, кто лучше всех готов её использовать. Справиться с этой задачей могут помочь решительные действия по повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, а одновременно и покупательной способности по отношению к продукции, производимой в городах. Этому может помочь эффективное предупреждение нарастающей трагедии разорения в результате лишения права выкупа закладной на наши небольшие дома и фермы. Этому может помочь требование к федеральной власти, властям штатов и местным властям немедленно и резко сократить свои расходы. Этому может помочь унификация выплат пособий, сегодня нередко раздробленных, неэкономичных и неравных. Этому может помочь государственное планирова-

ние и контроль над всеми видами транспорта, связи и прочих услуг явно общественного характера. Этому можно помочь многими способами, но никогда не поможешь одними разговорами. Мы должны действовать, и действовать быстро».

Подводя итог сказанному, Рузвельт заключает:

«Наконец, вновь берясь за работу, мы нуждаемся в двух гарантиях защиты от старых зол. Должен быть установлен строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью. Должен быть положен конец спекуляциям с чужими деньгами и обеспечена адекватная требованиям, но здоровая валюта.

Таковы направления атаки».

Пять раз повторенной фразой «Этому может помочь» президент делает более рельефной очередное важнейшее «направление атаки». Обратим внимание: оратор, чтобы усилить свое волеизъявление, употребляет не относительно нейтральную фразу «направление работы». Он использует предельное экспрессивное, психологически ударное слово «атака».

Для усиления императивных, побудительных свойств речи в приведенном отрывке Рузвельт дважды использует в этих целях словосочетание «Мы должны» и дважды словосочетание «Должен быть» (... установлен строгий контроль и положен конец спекуляциям).

Первая инаугурационная речь Рузвельта, совершенно оригинальная по своему содержанию, была вместе с тем оформлена в духе традиционных риторических канонов.

В этой речи нашел применение весь комплекс средств и приемов, известных в ораторском искусстве. Это образные метафорические выражения, исторические сравнения, меткие и красочные эпитеты, неоднократные повторы, противопоставления и другие.

Преобладающими эмоционально-экспрессивными средствами первой инаугурационной речи являются эпитеты. Этот троп занимает в речи в количественном отношении самое видное место. В речи встречается более 80 случаев его использования.

Вот некоторые эпитеты с экспрессией отрицательной характеристики тех или иных лиц, фактов, явлений, обозначенных именами существительными: «страх отчаянный», «страх безрассудный», «ужас неоправданный», «час мрачный», «дни критические», «жестокая проблема», «неразумный оптимист», «реальность мрачная», «собственное упрямство», «собственная некомпетентность», «бесчестные менялы», «слезные просьбы», «слезные мольбы», «недалековидные люди», «безумная погоня», «мимолетная прибыль», «мрачные времена», «ложное мерило успеха», «ложное убеждение», «бессердечный и своекорыстный проступок», «ревностная защита», «нарастающая трагедия разорения», «пособия раздробленные, неэкономичные и неравные», «старые золы», «ситуация критическая», «раненая страна», «раненый мир», «чрезвычайно критическое положение», «ситуация чрезвычайная», «иноземный враг», «грядущие трудные дни», «отжившие традиционные методы», «утраченное доверие» и другие.

Многочисленны факты использования эпитетов с экспрессией положительной оценки тех или иных явлений политической, экономической жизни страны, управленческой деятельности, военной и других сфер. Вот часть такого рода эпитетов в первой инаугурационной речи: «великая страна», «твердое убеждение», «руководство откровенное и энергичное», «щедрые дары», «благородные общественные ценности», «творческое волнение», «моральное стимулирование труда», «истинное предназначение», «высокое политическое предназначение», «священный долг», «бескорыстная деятельность», «нравственные перемены», действия немедленные», «проекты в высшей степени необходимые», «действия решительные», «предупреждение эффективное», «контроль строгий», «валюта здоровая», «содействие немедленное», «политика практическая», «вещи первостепенные», «вечно важное проявление американского пионерского духа», «крепчайшая гарантия прочности возрождения», «дисциплина верноподданной армии», «руководство эффективное», «большое благо и большие дела», «священное чувство долга», «великая армия народа», «целеустремленные решения», «конституция прочная и практичная», «задача беспрецедентная», «беспрецедентное требование», «действия неотложные», «ясный предначертанный курс», «широкие властные полномочия», «жизнь полноценная и стабильная», «действия энергичные» и другие.

Экспрессию эмоциональной оценки тех или иных явлений в речи нового президента несли не только эпитеты. В словесной ткани речи множество номинативных единиц – названий предметов, явлений и т.п. с экспрессией эмоциональной оценки: «решимость», «прямота», «страх», «ужас», «победа», «трудности», «выживание», «оптимист», «беды», «саранча», «испытания», «дары», «изобилие», «упрямство», «некомпетентность», «поражение», «менялы», «неудачи», «просьбы», «мольбы», «корыстолюбцы», «гибель», «бегство», «храм», «цивилизация», «свершения», «погоня», «собратья», «проступки», «честность», «нерушимость», «трагедия», «разорение», «атака», «возрождение», «дух», «прочность», «святость», «армия», «механизм», «потрясения», «опыт», «мудрость», «единство», «ценность», «долг», «руководство», «чувство», «воля», «инструмент», «наказ», «курс», «потрясения», «экспансия» и другие.

Эмоциональному накалу речи способствовало и употребление глаголов с ярко выраженной экспрессией: «уклоняться», «возродится», «расцветет», «замирать», «покарать», «одолеть», «верить и не страшиться», «осуждать судом общественного мнения», «прельщать», «не прислуживать» и т. п.

Эмоционально-экспрессивную функцию порой выполняли и наречия типа: «открыто», «смело», «разумно» и т.д.

В словесной ткани первой инаугурационной речи ощутимо использование лексики из военной сферы: «армия», «атака», «военные условия», «победа», «отвага», «мобилизация», «нашествие», «иноземный враг», а также ряд других слов. Их употребление в определенной степени усиливало экспрессию волеизъявления оратора,

В рассматриваемой речи Рузвельт 17 раз употребил личное местоимение «Я». Это способствовало более ясному и четкому обозначению, что в стране

высшая государственная власть перешла в руки волевого, уверенного в себе деятеля.

Многократно им было произнесено и местоимение «Мы» (13 раз), психологически объединявшее оратора с аудиторией.

Повышению эмоциональности речи, её смысловой емкости служило использование метких устойчивых выражений: «трудиться в поте лица своего», «плоды рук человеческих», «выйти из игры», «не приемлют ни умом, ни сердцем», «отжившие свой век методы», «политика доброго соседа», «нельзя только брать, надо также и отдавать» и другие.

Как важное средство эмоционального воздействия на слушателей Рузвельт использовал библеизмы: «Божье благословение», «Слава Богу», «Священное чувство долга», «храм», «мольба» и др. Особенно эффектным оказывалось их применение в заключительной части инаугурационной речи:

«Преданные своей стране, мы смиренно просим Божьего благословения. Да хранит Он всех и каждого из нас. Да руководит Он мной в грядущие дни».

Вторая инаугурационная речь была произнесена 20 января 1937 года. С точки зрения ораторского искусства она была не менее интересна, чем первая инаугурационная речь. Она произносилась в иных условиях, чем первая. «Новый курс» изменил обстановку в стране. Восемь миллионов человек получили работу. Национальный доход вырос на 30 процентов. Улучшилось положение в промышленности. США и СССР восстановили дипломатические отношения.

«Два великих народа Америки и России, – говорил Рузвельт, – должны поддерживать нормальные отношения. Восстановление дипломатических отношений выгодно для обеих стран.

Результаты предвыборной компании для Рузвельта были весьма положительными. Голосование – триумфальное. «За» подано 27 452 309 голосов. Оппонент получил 16 682 524 голоса. Вновь избранный президент испытывал удовлетворение, вдохновение.

Биографы, опираясь на свидетельства современников Рузвельта, не раз отмечали, что текст второй инаугурационной речи отработывался с большой тщательностью. Ни к одному документу Рузвельт не относился с таким вниманием, как относился к подготовке этой речи.

Вторая инаугурационная речь, как и первая, характеризовалась глубиной содержания, актуальностью поднимаемых проблем, блестящим социально-психологическим и риторическим сопровождением.

Проиллюстрируем сказанное извлечением из текста этой яркой речи:

«... Я вижу десятки миллионов людей, значительную часть всего населения, лишенную в наши дни того, что даже по самым низким современным требованиям именуется первостепенными жизненными потребностями.

Я вижу миллионы семей, живущих на столь скудные доходы, что семейная катастрофа каждодневно висит над ними.

Я вижу миллионы, чья каждодневная жизнь в городе и на фермах была бы названа неприличной так называемым приличным обществом пятьдесят лет назад.

Я вижу миллионы лишенных образования, отдыха и возможности улучшить свою судьбу и участь своих детей.

Я вижу миллионы не имеющих средств, чтобы купить промышленные товары или продовольствие, и бедность которых не дает возможности заработать на жизнь ещё многим миллионам.

Я вижу треть нации, живущую в плохих домах, плохо одетую и плохо питающуюся.

Принимая вновь присягу президента, я торжественно клянусь вести американский народ по избранной им дороге...»

Первое, что могло подкупить большинство американцев в речи президента, – это суровая, горькая правда, содержащаяся в его выступлении. В сущности, основные положения этой речи так или иначе затрагивали судьбу каждого жителя Соединенных Штатов Америки.

Не могла не импонировать гражданам Америки та простота и искренность, которая сопровождала высказываемые президентом мысли.

Вместе с тем воздействующая сила речи, безусловно, выросла от того, что глубокие и емкие мысли оратора передавались в высшей степени ярко, образно, с возрастающим эмоциональным накалом. Нет возможности здесь представить наглядно то, что эта речь передавалась слушателям во всем богатстве интонаций, которыми, несомненно, выступающий обладал.

И для этой речи Рузвельта характерны такие риторические универсалии, как метафора и повтор. В самом деле, фраза «Я вижу десятки миллионов...» есть метафора, образное выражение, которое передает мысль о том, что президенту досконально известны условия жизни самых различных социальных слоев населения. Эта фраза мощным эмоциональным рефреном звучит в краткой речи, многократно повторяясь с небольшими вариациями. Повтор, как специфическая риторическая фигура, важен здесь и с точки зрения смысловых, логических задач, и с точки зрения задач психологических, задач внушения.

Это драматическое по содержанию и форме выступление Рузвельта обрело у него такое литературно-языковое оформление, которое можно квалифицировать как оформление в духе важнейших канонов риторики, как специфической сферы знания, изучающей законы, правила построения, организации публичной речи в целях эффективного воздействия на умы, сердца, волю, поступки людей.

Глубокими по содержанию, яркими по литературно-языковому оформлению, богатыми по использованию риторических универсалий были и последующие инаугурационные речи Рузвельта.

Инаугурация Рузвельта на третий срок состоялась 20 января 1941 года. Был ясный, солнечный день. Популярность Рузвельта к тому времени – рекордная. Она составляла 71 процент. Пресса в этот день характеризовала его как человека удивительной жизненной силы, как человека сохраняющего энергичность, бодрость духа, несмотря на различные невзгоды и наступившие тревожные времена.

Вызов, брошенный мировой войной, как бы ещё сильнее высветил его жизненность. Рузвельт был «...серьезный, но не мрачный, обеспокоенный, но не

суровый, полный энергии и уверенный в том, что он – тот самый человек, который говорил американскому народу: «Единственное, чего мы должны бояться, – это самого страха».

На церемонии присутствовало девятнадцать членов семьи Рузвельта. Они наблюдали за положенной на старую Библию рукой и слушали его речь. Голос оратора был ясным, жесты энергичные, решительные.

«Нация как человек, она имеет тело, которое должно быть накормлено и защищено своим домом. Оно имеет разум, который должен быть образован, информирован и иметь нечто более глубокое, нечто постоянное, большее, чем сумма своих частей. Это нечто значит более всего для будущего. Трудно, может быть, невозможно определить это нечто одним словом. И все же мы понимаем, что говорим о духе – о вере Америки».

Четвертая инаугурационная речь президента Соединенных Штатов была произнесена 20 января 1945 года. Это была самая короткая речь из четырех инаугурационных речей Рузвельта. Её текст укладывается в полторы страницы. Главный объект внимания президента – грядущее после разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии мироустройство.

Минуло более полувека со времени произнесения этой речи, а многие идеи, озвученные Рузвельтом ещё, к сожалению, не реализованы. Раздумья, призывы, идеи этого политического деятеля о справедливом демократическом мире между народами актуальны и для наших дней.

Вот текст этой краткой, но глубокой по смыслу речи:

«Господин Председатель Верховного суда,
господин Вице-президент, друзья мои!

Надеюсь, что вы поймете и одобрите то, что сегодняшняя церемония инаугурации пройдет без затей и моя речь будет краткой.

Мы, современные американцы, вместе с нашими союзниками, живем во время великого испытания. Это испытание нашего мужества, нашей решительности, нашей мудрости, основ нашей демократии.

Если мы пройдем это испытание успешно и с честью, мы сделаем важнейший шаг в истории человечества, который будут ценить все люди – мужчины, женщины, дети – во все времена.

Я стою здесь перед вами, взяв на себя обязанность служить нашей стране, в присутствии моих соотечественников, в присутствии Всевышнего, прекрасно понимая, что цель Америки сейчас – не проиграть. В ближайшие дни и годы мы будем работать на благо справедливого, достойного и прочного мира, точно так же, как сейчас мы работаем во имя полной победы в этой войне.

Мы можем, и мы добьемся такого мира. Мы будем стремиться к совершенству. Мы не сможем достичь его сразу, но, тем не менее, мы будем стремиться. Возможно, мы будем делать ошибки. Эти ошибки возникнут по какой угодно причине, но только не по причине того, что мы пали духом или предали наши моральные принципы».

Обращаясь к истории, к традициям, Рузвельт говорит далее:

«Я помню, как мой старый школьный учитель доктор Пибоди говорил в те времена, когда мы жили безоблачной жизнью, которую, казалось, невозмож-

но потревожить: «Жизнь не всегда идет гладко. Иногда наши дела идут в гору, затем обстоятельства меняются и кажется, что мы отступаем назад. Главное, что нужно запомнить – это то, что цивилизация всегда движется вперед. Линии, проведенные через высшие и низшие точки мировой синусоиды, всегда стремятся вверх».

Наша Конституция 1787 года была не идеальна, не идеален и её современный вариант. Но она обеспечивает твердое основание, на котором люди всех рас, цветов кожи и любого вероисповедания, могут построить прочное здание демократии».

Возвращаясь в январь сорок пятого года, Рузвельт заключает:

«И сейчас, в этот военный 1945 год, мы многому научились – этот урок дался страшной ценой – и мы должны извлечь из него выгоду.

Мы усвоили то, что мы не можем жить отдельно от других, в своем собственном мире; что наше благополучие зависит от благополучия других, порой весьма далеких, стран. Мы поняли, что мы должны жить как люди, а не как страусы или как собаки, каждый у своей кормушки.

Мы научились быть гражданами мира, членами человеческого сообщества.

Мы осознали простую истину, выраженную словами Эмерсона: «Единственный способ завести друзей – самому научиться быть другом».

Мы не можем достичь продолжительного мира, если пойдем к нему с подозрением, недоверием или страхом. Добиться мира можно лишь на основе взаимопонимания, доверия и смелости, которая происходит от уверенности.

Всевышний дал нашей стране благословение во многом: он дал нашему народу храброе сердце и твердую руку, чтобы бороться за свободу и истину. Он дал нашей стране веру, ставшую надеждой для всех народов в нашем измученном войной мире.

Поэтому мы молим Его дать нам возможность ясно увидеть наш путь; путь, ведущий нас и всех наших союзников к лучшей жизни, во исполнение воли Его и достижения мира на Земле».

Четвертая инаугурационная речь Рузвельта, как и первые три, характеризуется глубокой смысловой емкостью. Оратор сосредоточил основное внимание на судьбоносном для грядущих поколений вопросе – послевоенном мироустройстве. Все основные положения сформулированы четко, предельно лаконично. Любая завершенная мысль – подлинный афоризм.

Психориторическое сопровождение каждой завершенной мысли блестяще. Оратор широко пользуется яркими, меткими определениями тех или иных явлений, лиц, событий. Одни определения носят относительно нейтральный эмоциональный характер, другие – несут в себе эмоционально-экспрессивный заряд. Это определения типа: «великое испытание», «справедливый мир», «мир прочный, достойный», «полная победа», «прочное здание демократии», «страшная цена», «измученный войной мир» и другие.

В речи использованы слова с оттенками высокого стиля: «совершенство», «соотечественники», «мужество», «решительность», «мудрость», «испытание», «свобода», «истина», «вера», «надежда» и другие.

Высокий слог оратора особенно очевиден в заключительных фразах оратора: «Всевышний дал нашей стране благословение во многом...». Психологическое воздействие этой заключительной части выступления было несомненным.

Из использованных риторических универсалий пальма первенства принадлежит приему повтора. Только местоимение «Мы», отражающее единение слушателей с оратором, в этой небольшой по объему речи использовано два десятка раз.

В речи нашли применение метафоры, сравнения, лексические ряды. Оратор удачно цитирует Эмерсона, приводит мудрое суждение своего старого учителя Пибоди.

Уместно отметить, что и на первой и на последующих инаугурационных речах Рузвельта в определенной степени сказалась сложившаяся исторически в Соединенных штатах Америки традиция выражения гордости за свою республику, за сформировавшиеся институты власти, демократию, образ жизни с чертами (по убеждению американцев) универсальности, пригодности в качестве образца для других народов.

Это, кстати сказать, характерно не только для инаугурационных речей, но и для других выступлений Рузвельта. В ряде случаев им проводилась мысль о «божественном вдохновении отцов – основателей», в чем сказался «промысел божий».

К инаугурационным речам Рузвельта позднее будут обращаться многие из последующих президентов Соединенных Штатов. С особым вниманием все четыре инаугурационные речи Франклина Делано Рузвельта были изучены Никсоном. Последний высоко ценил исторический вклад великого предшественника в развитие экономического, социально-политического и духовного потенциала страны. Никсон поставил Рузвельта в качестве образца. Результаты деятельности Рузвельта, как полагал Никсон, могут быть точкой отсчета для его политической деятельности.

Выступал по самым жгучим проблемам

Не слова и не звук голоса составляют славу оратора, но направление политики.

Демосфен

Могущество воздействия публичных выступлений Рузвельта в громадной степени обуславливалось тем, что объектом внимания оратора всегда находились проблемы, которые более всего волновали миллионы американцев. Это были, как правило, самые жгучие проблемы повседневной жизни каждого американца. Отсюда неизменное внимание, самый живой интерес к тому, что и как скажет по тому или иному неотложному вопросу главный в стране человек. Именно президент отвечал за социально-экономическое положение в стране, за её безопасность, и за морально-политическое, духовное состояние американского общества.

Актуальность проблем, затрагиваемых Рузвельтом с особой рельефностью отразилась в его инаугурационных речах, определяющих стратегию страны, в программных посланиях Конгрессу, в бесчисленных инициативах по вопросам законодательства, в аналитических выступлениях по финансово-экономическим проблемам, по вопросам международного положения Соединенных Штатов, их безопасности, в выступлениях как главнокомандующего вооруженными силами страны, в дипломатических акциях.

Основным стержнем содержания публичных выступлений Рузвельта на массовых митингах, перед членами Конгресса, на международных конференциях, в беседах с соотечественниками по радио были вопросы государственной важности, затрагивающие жизнь, чаяния миллионов соотечественников и порабожденных народов германским фашизмом и японским милитаризмом.

Узловыми вопросами содержания многих его выступлений были идеи формирования либерально-демократической модели государственного регулирования производства и распределения.

Рузвельт настойчиво проводил политику правительства на радикальное преобразование сферы распределения, утверждения распределительной справедливости. Такие сферы, как денежно-финансовая, глубина и объемы государственного регулирования со стороны правительства, формирование «экономики спроса», выработка и проведение в жизнь законов о социальном страховании по старости и безработице, права рабочих на заключение коллективных договоров и др. — все эти сферы требовали от президента, правительства неослабного внимания и неотложного разрешения.

Красной нитью через многие публичные выступления Рузвельта проходит критика консервативной политики республиканской партии, приведшей страну к тяжелейшему экономическому кризису, обострению социальной напряженности в обществе.

В ряде его речей высказывались идеи преобразования и демократической партии из застойно-консервативной в партию либеральную.

Конкретные условия того тяжелого для страны времени породили необходимость реформирования судебной системы страны, на что неоднократно указывалось в речах президента.

Вторая мировая война с особой остротой актуализировала проблемы безопасности Соединенных Штатов. Десятки выступлений Рузвельта были посвящены военным проблемам.

Ко времени завершения разгрома стран Оси в речах Рузвельта актуально звучала тема послевоенного мироустройства, вопросы обеспечения нормальных взаимоотношений двух великих держав: Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Огромное количество публичных выступлений Рузвельта было посвящено проблемам разработки важнейших законов жизнедеятельности страны и реализации мер по их выполнению.

За период президентства Рузвельта было принято и введено в действие около 70 законов и мер по их претворению в жизнь. Кроме кропотливой рутинной документной работы сотни раз возникала острая необходимость разъяснения этих законов, отстаивания каждой новой идеи, формирования обществен-

ного мнения, убеждения членов Конгресса, преодоления инерции тех или иных федеральных и иных органов власти, партийных разногласий и т.д.

Злободневность затрагиваемых Рузвельтом проблем с особой очевидностью проявилась в тематике его выступлений по радио перед многомиллионной аудиторией соотечественников. Несмотря на утро радиообщения, только ещё начинающийся его технический и творческий расцвет, оно быстро стало серьезным соперником прессы. Радиовещание во многих случаях становилось более оперативным. Кроме того, оно как средство коммуникации, практически уже не знало границ. Радио проникало туда, куда не было доступа телеграфу, почте. Оно преодолевало океаны, континенты, льды, пустыни, достигало в места, куда только что ступила нога человека.

Рузвельт первый из президентов США смог быстро в полной мере оценить поистине безграничные возможности этого нового медиума в воздействии на умы, чувства, волю людей, их конкретные поступки.

Опыт его выступлений по радио восходит ко времени его губернаторства. Историки называют одним из первых его выступлений, которое было произнесено 3 апреля 1929 года. Есть свидетельства тому, что уже тогда его речи перед микрофоном подвергались тщательной проработке. Штат привлекаемых сотрудников возглавлялся С. Розенманом, юристом, который обладал широкой эрудицией, мощным аналитическим мышлением. Он оказывал Рузвельту помощь, которую губернатор, а впоследствии и президент, высоко ценил.

«Если пять лет тому назад, — отмечал Рузвельт, — девяносто пять процентов избирателей черпали свои сведения из газет, то теперь, по крайней мере, половина избирателей, сидя у камина, слушают выступления политических деятелей обеих партий и выносят свои суждения не из того, что прочитали, а из того, что услышали».

Содержание выступлений Рузвельта становилось доступным не только гражданам Соединенных Штатов, но и большому количеству зарубежных слушателей. В этом смысле Рузвельт оказывался в роли оратора мирового масштаба.

Важно отметить, что каждому выступлению президента предшествовала тщательная подготовка. Проводилось регулярное предварительное знакомство с письмами, жалобами, заявлениями, предложениями американцев, изучалось общественное мнение, отслеживалась реакция прессы на внутреннюю и внешнюю политику правительства.

В радиовыступлениях Рузвельт вел речь о самых важных конкретных задачах по реализации «Нового курса», а также о военных действиях в ходе Второй мировой войны. Из содер-

жания бесед по радио видно, что не все планы Рузвельту удавалось реализовывать без противодействия. Трудности порождались в Конгрессе, в Верховном суде, в монополиях, в руководстве республиканской и демократической партии, даже в госдепартаменте. Рузвельт открыто говорил о самых важных и самых сложных проблемах, которые решала его администрация. Он горячо призывал соотечественников сообща, вместе с правительством добиваться успешного разрешения всех трудных вопросов.

Выступления Рузвельта вызывали у соотечественников восторг потому, что в них всегда была представлена жизнь во всем её проявлении, жизнь народа, представителей всех профессий и различных сословий. В общении со своими слушателями президент стремился к тому, чтобы полнее уяснить и отразить живым словом думы, чаяния, стремления граждан и в связи с этим делать то, что отвечало бы их интересам.

Яркий, демократический стиль его речей и действий, их высокая социальная значимость, честность, искренность в реализации политического курса создавали Рузвельту небывалую популярность. Его выступления, насыщенные глубоким, злободневным содержанием, были яркими, эмоциональными, в языковом и эстетическом отношении отточенными. Они вызывали у слушателей глубокое удовлетворение.

Главное, конечно, заключалось в том, что его выступления затрагивали практически все стороны повседневной жизни простых американцев.

Актуальность, злободневность поднимаемых Рузвельтом проблем в его выступлениях можно с особой наглядностью продемонстрировать на его выступлениях по американскому радио в течение всего периода, его президентства.

Так, только по проблемам «Нового курса» (1933-1938 гг.) Рузвельт провел тринадцать радиобесед. К своим размышлениям президент смог привлечь внимание миллионов американцев.

В 1933 году он проводит 3 радиобеседы. Их тематика: 12 марта 1933 года – «Банковский кризис»; 7 мая 1933 года – «Первые программы и планы реформ»; 24 июля 1933 года – «Сто дней реформ»; 22 октября 1933 года – «Механизм экономической политики «Нового курса».

В 1934 году президент провёл две радиобеседы. Одна из них была проведена 28 июня 1934 года. Она представляла собой детальное разъяснение «Целей и задач «Нового курса». Вторая радиобеседа состоялась 30 сентября 1934 года и была посвящена рассмотрению проблемы «Государственного регулирования экономики и отношений между трудом и капиталом».

В 1935 году имела место одна радиовстреча 28 апреля. В ней рассматривалась «Государственная программа общественных работ и социального обеспечения».

В 1936 году была проведена радиобеседа об «Оказании помощи жертвам засухи». Она состоялась 6 сентября.

1937 год отмечен тремя радиовыступлениями. 9 марта был рассмотрен «План реформы Верховного суда», 12 октября президент обратился к соотечественникам по вопросам «Программы регулирования сельского хозяйства».

Третья радиобеседа этого года была посвящена вопросам «Переписи безработных» и решению необходимых задач, связанных с данной проблемой.

В 1938 году были проведены две радиобеседы. 14 апреля Рузвельт обсуждал «Меры по преодолению экономического спада 1937-1938 гг.». Вторая радиобеседа этого года посвящалась рассмотрению вопроса «О политике «Нового курса» и выборах 1938 года». Данное радиовыступление состоялось 24 июня.

Известно, что до Рузвельта никто из его предшественников не унаследовал такого тяжелейшего наследия. Соединенные Штаты переживали глубочайший экономический кризис. К моменту вступления Рузвельта в должность вся банковская и финансовая система страны были разрушены. Экономика терпела крах. Бедственное положение населения было ужасным.

Все связанные с таким положением проблемы являлись архиважными, животрепещущими, судьбоносными для всей страны, для каждого гражданина Соединенных Штатов.

Восемнадцать радиовыступлений Рузвельтом было проведено в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.). Тематика радиобесед этого периода обуславливалась ходом событий военного времени. Неизменным в выступлениях Рузвельта было одно – судьба страны, судьбы миллионов его соотечественников. Вот в общих чертах проблематика проведенных в этот период радиобесед.

Радиобеседа от 3 сентября 1939 года была посвящена теме «Начало Второй мировой войны».

Военная угроза всё ошутимее нависала и над заокеанской державой. 26 мая 1940 года выносит на рассмотрение вопрос – «Укрепление национальной безопасности» Соединенных Штатов Америки.

29 декабря 1940 года Рузвельт говорит в радиовыступлении «О военной угрозе США и помощи странам – жертвам агрессии».

Обстановка в мире всё более накалялась. 27 мая 1941 года президент США в радиовыступлении уведомляет соотечественников об «Объявлении чрезвычайного положения».

Радиобеседа от 11 сентября 1941 года была обозначена следующим образом: «Об отпоре пиратским действиям нацистов в Атлантике».

В радиообращении президента от 9 декабря 1941 года говорилось о мерах, осуществляемых Соединенными Штатами в связи с «Нападением Японии на Перл-Харбор».

Динамика событий на фронтах была такой стремительной, что на повестку дня выдвигались всё новые и новые проблемы.

В 1942 году Рузвельт обращается к американскому народу с радио беседами четырежды.

23 февраля 1942 года он выступает на тему: «Ответ пораженцам».

28 апреля 1942 года президент призывает все слои населения страны к самоограничению в интересах нужд фронтов.

7 сентября 1942 года он в очередной радиобеседе освещает «Положение на фронтах и в тылу». Положение это было весьма сложным.

Следующее радиообращение было посвящено проблеме «Мобилизации экономики и Трудовых ресурсов». Оно состоялось 12 октября 1942 года.

В новом 1943 году Рузвельт четыре раза выступает по радио.

Радиобеседа от 2 мая 1943 года была посвящена рассмотрению вопроса «О забастовке шахтеров».

Содержание радиобеседы от 28 июля 1943 года включало вопросы о «Наступательной стратегии Объединенных Наций».

Очередная радиобеседа была проведена 8 сентября 1943 года с рассмотрением вопроса «Пропаганда третьего военного займа».

В радиобеседе от 24 декабря 1943 года Рузвельт информировал соотечественников о решениях конференций в Каире и Тегеране.

Военная проблематика определяла содержание трех радиобесед Рузвельта, проведенных в 1944 году.

11 января 1944 года президент выступил с радиобеседой о «Законе о всеобщей воинской повинности» и об «Экономическом «Билле о правах».

Выступление от 5 июня 1944 года было посвящено «Освобождению Рима».

Выступлением от 12 июня президент информировал американскую и мировую общественность об «Успешном наступлении союзников» и «Открытии второго фронта».

Последнее радиообращение Рузвельта к соотечественникам состоялось 6 января 1945 года. Содержание его затрагивало проблемы организации «Трудового фронта» и проблемы «Будущего устройства мира».

Краткий перечень жгучих проблем, поднимавшихся Рузвельтом в выступлениях по радио, не передает всего множества тех конкретных, более частных проблем, которые поднимались им и в других видах его общения с американской общественностью.

Мало, к примеру, продекларировать «Новый курс». Надо было решить десятки, если не сотни, более частных, конкретных, но крайне необходимых задач: финансовых, экономических, социальных, моральных и иных. Решать их надо было неотложно, с соблюдением соответствующих правовых норм. Рузвельт неуклонно стремился решать большие и малые проблемы в условиях правового поля. Отсюда возникала острая необходимость разработки и принятия массы новых законодательных актов, документов нормативного характера. Их надо было не только разработать. Надо было ещё убедить в правомерности их появления и законодателей и рядовых американцев.

Энергичность действий нового президента оказалась невиданной. События развивались воистину с бешеной скоростью. Вернемся мысленно к моменту начала президентства Рузвельта. 9 марта 1933 года он созвал специальную сессию Конгресса, который принял и ввел в действие знаменитую законодательную программу «Ста дней». С марта по 16 июня 1933 года было подготовлено и введено в действие 10 новых важнейших правовых актов. Рузвельт работал с громадным напряжением. Это были: «Чрезвычайный банковский закон», «Закон об экономии...», «Закон о доходах от продажи пива и вина», «Закон о восстановлении Лесов», «Для стимулирования международной торговли...», «За-

кон о федеральной чрезвычайной помощи», «Закон о регулировании сельского хозяйства», «Чрезвычайный закон о закладных фермерского имущества», «Закон о создании Управления долины Теннесси», «Закон о ценных бумагах», «Закон о ссудах владельцам жилья», «Закон о восстановлении промышленности...» и другие.

Надо сказать, что и в последующие годы будут активно приниматься и вводиться в действие многие другие законодательные акты. Например, в 1942 году – «Закон об экономической стабилизации». В 1944 году – «Закон об обеспечении ветеранов» и т.д.

За время президентства Рузвельта в стране были приняты сотни правовых актов буквально по всем сферам деятельности: финансы, промышленность, сельское хозяйство, торговля, военное дело, социальная сфера, наука, культура и т.д.

Подчеркнем особо: каждый закон, каждое важное решение Конгресса, правительства готовились, обсуждались, принимались и разъяснялись населению Соединенных Штатов с неизменным личным участием Рузвельта. Он делал это и во всех своих радиовыступлениях, в посланиях и полемических речах в Конгрессе, в общении с представителями крупного, среднего и малого бизнеса, с соратниками по партии и т.д.

На всех встречах Рузвельт вел откровенное, деловое обсуждение проблем с народом. Он создавал у людей уверенность в том, что президент, правительство не противостоят народу, а стремятся выполнять его волю, откликается практическими действиями на его нужды. Граждане Соединенных Штатов зримо ощущали, что президент разделяет их заботы, их чаяния. Американцы самых различных слоев проникались к Рузвельту уважением, доверием и живо откликались на его призывы.

Внучка Франклина Делано Рузвельта Анна Элеонора Рузвельт пишет: «Как лидер страны, который столкнулся с двумя серьезными кризисами в современной американской истории – «Великой депрессией» и Второй мировой войной, – Франклин Делано Рузвельт часто выступал с объяснениями своих идей согражданам. Мой дедушка не хотел, чтобы его друзей, соседей, всех американцев призывали идти на жертвы или поддерживать его политику до того, пока они не услышат объяснений важности этих шагов непосредственно от него. И поэтому он открыто разговаривал с ними по радио».

Выступления Рузвельта привлекали к себе внимание и вызывали большой интерес не только своей злободневностью. Они были всегда глубоко содержательны. Характеризовались своей доступностью и яркой языковой формой.

Поражает даже современного человека основательное знание Рузвельтом проблем сельского хозяйства, обусловленность последнего неразрывными связями с другими сферами деятельности: промышленным производством, наукой и т.д.

В радиовыступлении от 22 октября 1933 года президент, обращаясь к соотечественникам, говорит:

«В настоящее время возводится ещё одна «колонна» – Администрация регулирования сельского хозяйства. Я был поражен тем, с какой готовностью с

правительством стали сотрудничать фермеры: хлопководы Юга, хлеборобы Запада и табаководы Юго-Востока. Я уверен, что и фермеры Среднего Запада, занятые зерно-свиноводческим хозяйством, также не заставят себя ждать. Проблема, которую мы стараемся решить, постоянно усугублялась в течение двадцати лет».

Взаимосвязь, взаимообусловленность различных видов экономики Рузвельт демонстрирует со знанием дела в своем радиовыступлении 6 сентября 1936 года:

«Я взял для примера отдельную местность, однако те же рассуждения справедливы в отношении всей страны. Каждый штат в зоне засухи экономически связан со всеми штатами вне этой зоны. От того, смогут ли фермеры покупать произведенную в других штатах промышленную продукцию, зависит судьба швейников Нью-Йорка, сталеваров Питтсбурга и Гэри, автомобилестроителей Детройта, комбайностроителей Иллинойса и многих других. В свою очередь, если будет расти покупательная способность рабочих городов, они, их жены и дети, смогут потреблять больше говядины и свинины, муки и кукурузы, фруктов и молочных продуктов, а также покупать больше одежды, сделанной из хлопка, шерсти и кожи. Мы все являемся продолжением друг друга, так и в смысле духовном».

В этом же радиовыступлении Рузвельт подчеркивает:

«Фермеры Америки нуждаются в сильной национальной аграрной политике, в которой важное место занимала бы постоянно действующая программа землепользования».

Ф.Д. Рузвельт – первый президент Соединенных Штатов, который придал государственной политике социальную направленность. Рядовой человек при нём стал объектом внимания государственных структур. Социальная направленность политики Рузвельта реализовывалась в принятии важнейших нормативных документов, его публичных выступлениях в Конгрессе, на партийных съездах, митингах, в радиообращениях.

«Я постоянно думаю обо всех наших людях, – говорил Рузвельт, обращаясь к миллионам американцев по радио, – и безработных, и имеющих работу; думаю об их повседневных заботах: пропитании, одежде, жилище, образовании, здоровье и старости. Мы с вами согласны с тем, что больше всего людям нужны социальные гарантии: шанс найти работу, условия для получения разумной прибыли от своего бизнеса – будь то совсем маленькое дело или более крупное предприятие – или возможность продать продукцию своей фермы так, чтобы на вырученные деньги семья могла достойно жить.

Я знаю, что именно этими простыми гарантиями определяется благополучие нашего народа, поэтому полон решимости сделать всё, от меня зависящее, чтобы помочь вам обрести их».

В этом же радиообращении, состоявшемся 14 апреля 1938 года, Рузвельт говорил:

«За всеми немалыми проблемами государственного управления я стараюсь все время помнить о том, что действительно важно, что лежит глубже всякий политики.

Важно, чтобы у мужчин и женщин, которые хотят трудиться, была достойная работа – такая, чтобы на заработанные деньги можно было и прокормиться самому и содержать своих детей и свой дом. Важно, чтобы фермер, фабричный рабочий, хозяин магазинчика, владелец автозаправочной станции, промышленник, крупный или мелкий коммерсант, банкир, который горд тем, что может помочь становлению своего района или городка, – чтобы все они могли уверенно рассчитывать на разумный доход, на защищенность своих заработков – и не только сегодня и завтра, но и во всем обозримом будущем».

В военные годы выступления Рузвельта привлекали всеобщее внимание обстоятельностью осведомленности верховного главнокомандующего о положении на всех театрах военных действий, о том, в каком состоянии находятся те сферы деятельности, которые обеспечивают армию, флот, военно-воздушные силы всем необходимым для их успешной работы.

Стиль деятельности Рузвельта по руководству страной определял особенности его общения с американским народом. Вот как сам Рузвельт объясняет, почему он поступал так, как поступал. В радиовыступлениях от 12 октября 1942 года он, в частности, рассказал о том, почему он совершил в сентябре 1942 года поездку по Соединенным Штатам. Его маршрут составил 8 700 миль. Этот маршрут пролегал по местам, где было сосредоточено производство танков, боевых самолетов, кораблей и т.д. (Детройт, Сиэтл, Портленд, Чикаго, Сан-Диего, Новый Орлеан и др.).

«Миллионы американцев сейчас проходят подготовку в армейских лагерях и на военно-морских базах, трудятся на заводах и верфях. Кто они, эти миллионы людей, от которых зависит жизнь нашей страны? Что они думают? Какие сомнения их одолевают? На что они надеются? И как продвигается работа?

Главнокомандующий не может получить ответы на все эти вопросы, сидя здесь, в Вашингтоне. Вот почему я совершил эту поездку.

Некоторые убеждены, что поездки президента по стране должны происходить под гром духовых оркестров, с толпами народа по обочинам дорог, чтобы вокруг суетились бригады репортеров и фотографов, а президент непременно разговаривал со всеми местными политиками и позировал вместе с ними перед объективами.

Однако, получив некоторый опыт в прошлой войне и в этой войне, я предпочел совершить поездку без всей этой шумихи. Я вам скажу просто: я организовал свою поездку так, чтобы сосредоточиться на своем деле, не тратя время на всякий политические церемонии. Могу ещё добавить, что для меня было бы особым удовольствием ездить по стране, выкинув из головы все мысли о политике».

Продолжая свою мысль, президент добавил:

«Я и в дальнейшем собираюсь совершать подобные поездки – с теми же целями и в таком духе....

Моя поездка была короткой. Я проехал по Среднему Западу на Северо-Запад, потом на юг вдоль тихоокеанского побережья и обратно – через Юго-Запад и Юг. Однако я располагал собой и имел возможность беседовать с рабо-

чими и администрацией предприятий – то есть с людьми, которые реально выполняют работу на местах.

Это дало мне повод задуматься о некоторых важных проблемах нашего тыла».

Этим злободневным проблемам, высветившимся в результате совершенной поездки, президент и посвятил свою радиобеседу с соотечественниками, поднимая в процессе общения те вопросы, которые нуждаются в неотложном разрешении. Особое внимание оратор уделил задачам, связанным с дальнейшей мобилизацией экономики страны и трудовых ресурсов.

Представляли большой интерес для американского народа выступления Рузвельта, связанные с освещением вопросов международного характера, особенно те, которые касались обеспечения согласованности военных действий с союзниками и прежде всего с Советским Союзом, Великобританией, Китаем и некоторыми другими странами.

24 декабря 1943 года Рузвельт провел очередную «беседу у камина». Он поздравил соотечественников с Рождеством и посвятил свое выступление анализу итогов конференций в Каире и Тегеране. Он, в частности, отметил, что эти две конференции дали ему возможность «встретиться и говорить с двумя непобедимыми военными руководителями: генералиссимусом Чан Кайши и маршалом Сталиным». Эти две конференции, отметил президент, планировались как встречи за одним столом лицом к лицу, «однако вскоре выяснилось, что мы находимся, так сказать, по одну сторону стола». Президент подтвердил такой итог тем, что участники Тегеранской конференции пришли к согласию по всем пунктам относительно начала огромного по своим масштабам наступления на Германию».

Самые дружественные слова Рузвельт отнес в адрес Сталина: «Выражаясь простым языком, я отлично поладил с маршалом Сталиным. Этот человек сочетает в себе огромную, непреклонную волю и здоровое чувство юмора; думаю, душа и сердце России имеют в нем своего истинного представителя. Я верю, что мы и впредь будем отлично ладить и с ним, и со всем русским народом».

В выступлении Рузвельт подчеркнул, что «русская армия продолжает свои упорные наступательные операции».

Выступая по радио с беседами, Рузвельт оставался вместе с тем оратором-политиком. Выступая перед микрофоном, он не имел ничего украшающего зрительно. Задача его как оратора-диктора заключалась в том, чтобы его интеллектуальное творение действительно было жизненно актуальным, емким по смыслу, вызывало живой интерес у слушающих, давало бы одновременно интеллектуальное, эмоционально-эстетическое удовлетворение многомиллионной аудитории. Он был одновременно диктор-мыслитель, диктор-оратор, диктор-актер, художник, увлекательный собеседник. Выступая по радио, он волновался, радовался, огорчался, увлекался. Он зримо чувствовал своих слушателей, ощущал их настроение. Подчеркнем особо: Рузвельт, как показывают дошедшие до нас звуковые записи его выступлений, обладал богатой интонационной палитрой, обаятельным голосом, идеальной дикцией, абсолютно правильной речью.

Можно вполне согласиться с мнением российского историка Ю.Н. Рогулева о том, что «ФДР был политиком-новатором, проявившим себя в самых разных областях. Будучи талантливым политическим лидером, он даже известные политические методы применял более успешно, чем его предшественники. Ярким примером в этом отношении стали его "Беседы у камина". ФДР был далеко не первым президентом, кто выступал по радио с обращениями к гражданам. Однако он решил сделать это в совершенно иной манере. Его предшественники, начиная с президента Вильсона, так же, как и другие политики, говорили в микрофон так, словно они обращались к многотысячной аудитории в большом зале или на площади во время митинга. ФДР же увидел в радио новое средство массовой коммуникации, которое было доступно людям у них дома, в гостиной, «у камина», и позволяло президенту обращаться не с толпой, а с отдельным человеком или конкретной семьей. Поэтому в своих радиообращениях Франклин Рузвельт отказался от привычных ораторских приемов. Он говорил так просто и непосредственно как будто беседовал с друзьями, знакомыми или соседями у него в гостиной».

В заключение отметим: многое составляло силу Рузвельта как политического оратора. Весьма существенным было, однако, что он, как никто другой, умел выбрать такой предмет обсуждения, который был в высшей степени злободневным на данный момент.

В связи с 210-ой годовщиной со дня рождения Вашингтона Рузвельт выступил с речью, в которой обосновал свою позицию в отношении Атлантической хартии, которая была им и У. Черчиллем подписана 14 августа 1941 года. В документе декларировались «некоторые общие принципы национальной политики этих стран».

«Мы, Объединенные Нации, – говорил Рузвельт, – пришли к соглашению по некоторым широким принципам того мира, к которому мы стремимся. Атлантическая хартия относится не только к определенным странам, граничащим с Атлантикой, но и ко всему миру: разоружение агрессоров, самоопределение наций и народов и... свобода слова, свобода религии, свобода от нужды и свобода от страха».

Роберт Шервуд в своих мемуарах следующим образом отозвался об этой речи Рузвельта:

«Каждое слово этой речи, естественно говорило народам далеких районов Тихого океана и Восточной Азии, что об их интересах и правах заботятся не меньше, чем об интересах и правах народов Европы и Западного полушария. Это должно было послужить ответом на проводившуюся японцами энергичную пропаганду, но вместе с тем подтверждало, что Рузвельт действительно является «единственной надеждой».²⁷

Речь президента Соединенных Штатов Америки способствовала формированию мирового общественного мнения в пользу Объединенных Наций, призывала миролюбивые народы мира к сплочению своих сил в борьбе с захватническими действиями фашистской Германии, Италии, милитаристской Японией.

²⁷ Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт. Т.2, с. 100-101.

Взывал к высшим духовным началам слушателей

Великое искусство подчинять людей заключается в умении брать их с хорошей стороны.

Оноре Мирабо

Ф.Д. Рузвельт был не только выдающимся государственным деятелем, политиком, но и уникальным социальным психологом.

Знание людей, их чаяний и дум, их интересов, стремлений, их сильных и слабых сторон – всё это способствовало эффективности его влияния на миллионы соотечественников, на формирование целесообразного общественного мнения. Живое слово Рузвельта падало на благодатную почву, воздействовало на умы, сердца, конкретные поступки людей, обеспечивало могущество его волеизъявления.

Результативность политической деятельности Рузвельта в значительной мере обуславливалась именно тем, что он умел привлечь людей, друзей и оппонентов, к себе в союзники по реализации принимаемых планов и программ как в период вывода страны из состояния Великой депрессии, так и в годы Второй Мировой войны.

Важнейший фактор в умении склонить людей на свою сторону – это неизменная апелляция в общении с ними к их трудолюбию, высокой профессиональной подготовленности, к их доброте, правдивости, высоким нравственным качествам.

Рельефно выраженная особенность стиля общения Рузвельта – людей больше поощрять, хвалить, нежели упрекать их за те или иные недостатки. Похвала, доброе слово были его решающим оружием в установлении отношений. Каждый человек, работавший в администрации Рузвельта, знал цену его похвалы, цену признания президентом его заслуг и достоинств. Рузвельт в любом социальном слое находил лучшие качества людей: честность, деловитость, патриотизм, готовность жертвовать многим во имя укрепления единства усилий в мирном и ратном труде.

В тяжкую пору кризиса и в годы войны он изыскивал любую возможность поддержать морально и материально самые различные слои американского общества. Он укреплял дух заводских рабочих, шахтеров, фермеров, бизнесменов, ученых, рядовых бойцов и военачальников.

Слово президента консолидировало американское общество на борьбу с германским фашизмом и японским милитаризмом. Особо уместно отметить, что живое слово Рузвельта оказывало моральную поддержку народам Советского Союза. Многие его речи, послания содержат самые высокие слова, самые высокие оценки действиям русских и британцев, французов и других народов, которые вели освободительную борьбу с германскими и японскими преступниками.

Вот некоторые характерные особенности стиля общения Рузвельта с многомиллионной аудиторией соотечественников по радио 7 мая 1933 года. Время – начало действий по выводу страны из состояния Великой депрессии:

«На всех нас здесь, в Вашингтоне, – и на членах Конгресса, и членах администрации – лежит долг благодарности вам, гражданам нашей страны. На протяжении всей депрессии вы проявляли терпение. Вы наделили нас большими полномочиями и воодушевили широкой поддержкой наших намерений. Каждую толику наших сил и все имеющиеся у нас ресурсы мы посвящали и посвящаем тому, чтобы оправдать ваше доверие. Мы верим, что положено разумное начало. В том же духе взаимного доверия и взаимной моральной поддержки мы будем двигаться дальше».

Никогда не была безоблачной жизнь фермеров. В радиобеседе от 22 октября 1933 года Рузвельт, обращаясь к гражданам Америки, в частности к жителям городов, благодарит их за понимание нужд сельских жителей:

«Следует отдать должное тем 60-70 миллионам наших граждан, которые живут в крупных городах страны. Они с пониманием и готовностью соглашались на эти небольшие налоги, хотя и знают, что когда горожане платят налоги на переработку хлопка или пищевых продуктов, все, без исключения, собранные средства идут на увеличение доходов фермеров, живущих на земле».

Один из известных историков (Брюс Майроф), изучавших деятельность 32 президента США по выводу страны из Великой депрессии, писал:

«Популярность и притягательность "Нового курса" для избирателей основывались, конечно, не столько на этой возвышенной моральной драме, сколько на конкретных выходах, которые администрация Рузвельта предоставляла многим весьма различным группам населения.

Рузвельт взывал к лучшим качествам людей, но никогда не забывал об их самых насущных нуждах. Он был доволен как политик, но, как моралист, часто бывал ошеломлен той примитивной, отчаянной преданностью, которую поддержка «Нового курса» могла побудить в обездоленных. После переломного момента предвыборной кампании в октябре 1936 года он отметил, как пишет Гарольд Айкес, что «было нечто ужасающее в толпах людей, выстроившихся вдоль улиц, по которым он проезжал». Он объяснил, что имеет в виду возгласы отдельных людей из толпы, например: «Он спас мой дом» «Он дал мне работу», «Благослови Бас Бог, господин президент и т.п.».

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год, 12 октября. Обстановка в мире становится всё более тревожной. Рузвельт выступает по радио:

«Американский народ, обладающий здравым смыслом и умом, согласится с моим утверждением о том что «Америка ненавидит войну. Америка надеется на мир. Поэтому Америка активно участвует в поисках мира».

Свое позитивное, если не восторженное отношение к американскому народу Рузвельт выражает в очередной радиобеседе, состоявшейся 24 июня 1938 года:

«Некоторые мои оппоненты, да и сторонники, говорили мне, что я идеализирую американский народ, преувеличиваю его разумность и упорство в достижении цели. Однако я по-прежнему убежден, что после 1932 года американ-

ский народ стал требовать и сейчас требует, чтобы частное предпринимательство и отношение к нему правительства обладали двумя качествами. Первое – полная честность. Те, кто занимает высокое положение, должны быть честными. Ведь они распоряжаются средствами других людей, распределяют или платят налоги в соответствии с доходами. Второе – искреннее уважение к потребностям простых людей, которым нужна работа, чтобы получить справедливую долю жизненных благ, иметь возможность сделать накопления и шанс продвигаться в жизни».

Многokrатно Рузвельт и как президент, и как главнокомандующий вооруженными силами США апеллировал к высшим достоинствам американского народа в годы Второй мировой войны. В радиовыступлении от 3 сентября 1939 года встречаем следующие слова Рузвельта:

«Я думаю, что в настоящее время американцы – наиболее просвещенный и информированный народ в мире. Новости поступают к вам без всяких цензурных ограничений, и я хочу заверить, что ваше правительство не утаивает от вас никакой информации и не имеет таких намерений».

Позднее, уже в ходе боевых действий союзников против гитлеровской Германии и милитаристской Японии, Рузвельт в своих выступлениях будет своим живым словом укреплять боевой, патриотический дух соотечественников. Для этой цели он активно использовал конкретные факты проявления стойкости и героизма американских солдат, моряков, офицеров и генералов вооруженных сил США. Примеры, которые он приводил во время выступлений, вызывали у слушателей особое внимание и порождали стремление подражать лучшим поступкам. Повествование Рузвельт умел вести живо, доступно, ярко. Психологическое воздействие оратора на аудиторию было колоссальным.

Поучительным примером мастерского использования конкретных примеров с мощным воспитательным зарядом может служить радиовыступление Рузвельта, которое им было проведено 28 апреля 1942 года.

В этой речи он в высшей степени аргументировано, страстно призывает соотечественников к экономическому самоограничению в пользу укрепления военного потенциала сражающейся Америки в целях достижения победы над врагом. Обосновывая необходимость жертвы от каждого гражданина, президент приводит яркие примеры, когда граждане США на далеких сухопутных и морских фронтах ради победы жертвуют самым главным – собственной жизнью:

«Я хочу немного рассказать вам о том, какие люди воюют в наших вооруженных силах. Вот, например, доктор Коридон М. Уэсселл, Он был миссионером, творил добрые дела в Китае. Это простой, скромный, застенчивый человек. Ему уже около шестидесяти лет, однако в трудный для его страны час он поступил на военную службу. Доктору Уэсселлу присвоили звание капитан-лейтенанта военно-морских сил и назначили на Яву, где он ухаживал за ранеными офицерами и матросами с крейсеров «Хьюстон» и «Марблхед» побывавших в тяжелых морских сражениях».

Далее, рассказчик, используя, в сущности, стиль художественного повествования, с собой силой воздействующего на эмоциональную сферу слушателей, продолжал:

«Когда японцы стали наступать на остров, было решено эвакуировать как можно больше раненых в Австралию. Однако двенадцать человек были в таком тяжелом состоянии, что не подлежали транспортировке. Доктор Уэсселл остался с ними, хотя понимал, что может попасть в плен к врагу. Он решил предпринять последнюю отчаянную попытку вывезти людей с Явы.

Доктор Уэсселл спросил каждого раненого, хочет ли он рискнуть, и все двенадцать согласились. Прежде требовалось переправить их к берегу моря, до которого было пятьдесят миль. Для этого опасного пути были сооружены импровизированные носилки. Раненые жестоко страдали, однако доктор Уэсселл поддерживал в них жизнь и воодушевлял собственным мужеством. Как отмечалось в официальном рапорте, доктор Уэсселл «был подобен христовому пастырю, опекавшему свою паству».

Далее оратор, увлекая внимательных слушателей, продолжал: «Достигнув берега, он погрузил раненых на маленькое голландское судно. Их многократно атаковали японские самолеты – бомбили, поливали пулеметным огнем. Доктор Уэсселл фактически принял на себя управление судном и спас его от гибели, искусно используя для укрытия маленькие заливы и бухты. Через несколько дней доктор Уэсселл и его маленькая израненная паства благополучно достигли берегов Австралии. Теперь доктор Уэсселл носит Военно-морской крест».

Оратор, привлекая внимание миллионов соотечественников к образу действий отважного доктора, делает недвусмысленный намек на то, что подобные самоотверженные действия любого американца не пройдут незамеченными правительством, самим президентом и будут ими высоко оценены.

Не ограничиваясь сказанным, Рузвельт продолжает свой рассказ, приводя слушателям всё новые и новые факты образцовых действий соотечественников в боевых сражениях с врагом:

«Другой рассказ – не о каком-то отдельном человеке, а о боевом судне. Возможно, вы догадаетесь трагическую судьбу "Сквалуса" – подводной лодки Соединенных Штатов, потопленной у берегов Новой Англии летом 1939 года. Часть экипажа погибла, но остальные спаслись благодаря быстрым и умелым действиям спасательных служб. Сама лодка "Сквалус" с большим трудом была поднята со дна моря. Лодку отремонтировали, укомплектовали и в конце концов она вернулась в строй под новым именем – «Сейлфиш». Сегодня это – грозная боевая единица флота Соединенных Штатов в Тихом океане. Участвуя в операциях на дальних морских рубежах, подводная лодка "Сейлфиш" прошла тысячи миль».

И далее оратор, продолжая свою речь, блестяще использует риторический прием "повтора", усиливая эмоциональное воздействие своей речи:

«Она потопила японский миноносец.

Она торпедировала японский крейсер.

Она нанесла два торпедных удара по японскому авианосцу.

Трое из тех моряков, которые в 1939 году тонули на «Сквалусе» и были спасены, сегодня, на этой войне, служат на том же военном корабле Соединенных Штатов – подводной лодке «Сейлфиш».

Я считаю, что это воодушевляющий пример. Судно, которое уже однажды числилось погибшим, поднялось со дна морского, чтобы служить своей стране в грозное время».

Эта новая часть радиобеседы, изложенная оратором ярким, образным языком, с мастерским использованием риторических универсалий не нуждается в каком-либо особом комментарии. Оратор с предельной ясностью, лаконично сформулировал необходимый вывод: «Я считаю, – говорит президент, – что это воодушевляющий пример».

Продолжая логическое и социально-психологическое речевое воздействие на аудиторию, Рузвельт увлеченно приводит всю новые и новые факты, работающие на убеждение и внушение аудитории:

«А вот ещё история, её мне рассказали сегодня утром. Она об одной из наших «летающих крепостей», которые ведут боевые операции в западной части Тихого океана. Командир – скромный молодой человек, он гордится своим экипажем. Вместе они пережили один из самых тяжелых боев, в которых когда-либо участвовали бомбардировщики.

«Летающая крепость» вылетела со своей базы в составе группы пяти самолетов. Была поставлена задача атаковать японский транспорт, доставляющий войска для сражений против американцев на Филиппинах. Примерно на половине пути один из двигателей бомбардировщика отказал. Молодой командир потерял связь с другими самолетами группы. Команде удалось снова запустить двигатель, и бомбардировщик в одиночестве продолжал полет по курсу.

Однако к тому времени, когда они достигли цели, четыре других «летающих крепости» уже успели сбросить бомбы и уйти. Их атака растревожила осиное гнездо, и в воздухе кружил целый рой японских истребителей «Зерр». Их было восемнадцать против одной «летающей крепости». Несмотря на массированную атаку, наш самолет выполнил задачу – сбросил весь свой запас бомб на шесть японских транспортных судов, стоявших у причала».

«Когда он лег на обратный курс, – продолжает рассказ оратор, – началась схватка с восемнадцатью японскими истребителями, она продолжалась на протяжении семидесяти пяти миль полета. С каждой стороны бомбардировщик атаковал по четыре японца. Четверых из них удалось подбить бортовыми пушками. Во время боя радист бомбардировщика был убит, бортинженеру выстрелом оторвало правую руку, один стрелок был искалечен. Так что на две бортовых пушки оставался всего один человек. И хотя он тоже был ранен в руку, стал стрелять поочередно с каждой стороны и подбил ещё три японских самолета. Тем временем один двигатель бомбардировщика был поврежден и заглох, один бензобак пробит, радиопередатчик выведен из строя, и система подачи кислорода полностью уничтожена. Из одиннадцати кабелей управления целых осталось только четыре. Заднее шасси было оторвано, два передних колеса пробиты, шины спустили. Бой продолжался до тех пор, пока последний японский самолет не повернул назад, расстреляв весь свой боезапас».

Далее оратор с гордостью говорит о боевом экипаже, о командире американского бомбардировщика:

«Без двух двигателей, практически неуправляемый бомбардировщик вернулся на базу после захода солнца и совершил аварийную посадку. Свою боевую задачу он выполнил. Командир этого самолета – капитан армии Соединенных Штатов Хьюитт Т. Уилесс. Он из Техаса, из небольшого городка под названием Менард. Капитан Уилесс награжден Крестом за боевые заслуги. Надеюсь, что он сейчас нас слушает».

Далее в выступлении президента следуют обобщения из сказанного, выводы, к которым должен прийти каждый внимающий оратору.

«Рассказанные мной истории, – говорит Рузвельт – не являются чем-то исключительным, это типичные проявления героизма и воинского мастерства. Когда мы здесь, дома, думаем о своем гражданском долге, о своих обязанностях, давайте помнить о примере, который нам подают наши воины».

Завершая рассказы о подвигах воинов, президент делает обобщающее заключение, содержащее мощное волеизъявление его как главы государства, как главнокомандующего:

«Солдаты и моряки на службе подчиняются строгой дисциплине. Но в то же время они остаются личностями – свободными личностями. Это фермеры, рабочие, предприниматели, специалисты, художники, служащие.

Они – часть Соединенных Штатов Америки.

Вот почему они сражаются.

Каждый из нас тоже является частью Соединенных Штатов Америки.

Вот почему мы должны работать и идти на жертвы.

Это нужно для них. Это нужно для нас. Это нужно для победы».

Заключительные слова президента – это не только факт эмоционально-экспрессивного выражения мысли. Это факт прямого побуждения, можно, пожалуй, сказать – факт категорического повеления.

Ярким примером действенной моральной поддержки рядовых, офицеров, генералов Соединенных Штатов явилась радиобеседа главнокомандующего от 12 октября 1942 года. Обращаясь ко всем соотечественникам, президент говорил:

«Планирование всех операций на суше и на море у нас осуществляет объединенный штаб вооруженных сил Соединенных Штатов, постоянно заседающий в Вашингтоне. Штаб возглавляют адмирал Леги, генерал Маршалл, адмирал Кинг и генерал Арнольд».

Рузвельт указывает, что эти военачальники регулярно встречаются и совещаются с представителями Британии, России, Китая, Нидерландов, Польши, Норвегии, Британских доминионов, других стран, борющихся за общее дело с врагом.

Рузвельт дает высокую оценку работе генералитета, повышая их ответственность: «Все наши военные стратеги являются профессионалами в военном деле, с молодых лет посвятившими себя армии, флоту или военной авиации. С тех пор, как в январе этого года все военные операции были подчинены едино-

му управлению, они достаточно слаженно работают вместе. Я как главнокомандующий тоже всегда находил взаимопонимание с ними".

В публичных выступлениях Рузвельта неоднократно встречаются положительные его отзывы о генерале Эйзенхауэре, генерале Макартуре, генерале Александере, адмирале Каннингеме, маршале авиации Теддере и других военачальниках.

Так в радиовыступлении от 5 июня 1944 года в связи с падением Рима Рузвельт говорит о том, что операция прошла «на очень высоком уровне».

«Сегодня я от имени американского народа поздравляю и благодарю генерала Александра, который командовал всей кампанией в Италии, генерала Кларка и генерала Лиза, командующих Пятой и Восьмой армиями; генерала Уилсона – главнокомандующего союзными войсками на европейском театре войны и генерала Деверса – его заместителя с американской стороны; генерала Икера; адмиралов Каннингема и Хьюитта, всех отважных офицеров и солдат.

Да благословит их Бог и да хранит Он их и всех наших мужественных бойцов!»

Многократно в Речах на митингах, в радиовыступлениях Рузвельт отмечал великую заслугу рабочих, фермеров, ученых, обеспечивающих нужды фронтов.

Как опытный политик, администратор, социальный психолог Рузвельт отчетливо сознавал, что никакие его проекты, планы, программы вывода страны из кризиса будут обречены на неуспех, если его политика не будет поддержана законодательной властью страны, которая принадлежит в Соединенных Штатах по конституции и сложившейся исторической традиции – Конгрессу.

Рузвельту, как никому из его предшественников-президентов, удалось, используя все рычаги политического, правового, социально-психологического и иного влияния на Конгресс добиться от него основательной поддержки по всем судьбоносным проблемам. Исключение, возможно, составляет лишь острая полемика по проблемам судебной реформы, когда не всё было достигнуто, как желалось Рузвельту.

Как опытный политик и тонкий психолог Рузвельт в посланиях Конгрессу, во многих публичных выступлениях находил целесообразным отмечать согласованность своих действий с Конгрессом, ссылаясь на его поддержку в принятии наиболее ответственных решений, определяющих судьбы страны.

Укажем на некоторые характерные примеры положительных отзывов президента о роли Конгресса «Так, выступая по радио 28 июня 1934 года, Рузвельт характеризует итоги работы сессии Конгресса семьдесят третьего созыва. Обратим внимание, это, в сущности, самое начало президентской деятельности Рузвельта:

«...Её задача (сессии – автор. примеч.) состояла в завершении работы, которую Конгресс начал в марте 1933 года. Это была далеко не простая задача, но она оказалась ему по плечу.

Кто-то хорошо сказал, что если не считать отдельных исключений, этот Конгресс поднялся над узкопартийными интересами, как никакой другой Конгресс мирного времени после великого Вашингтона.

Последнюю сессию отличали большой объем и разнообразие принятых законодательных актов, разумный подход и добрая воля, проявленные конгрессменами при обсуждении предлагаемых мер».

Дав в начале выступления общую позитивную оценку работы сессии Конгресса, оратор перешел к детальному анализу основных её правовых решений по различным сферам жизнедеятельности государства. В сокращении отметим то, что перечислил в речи оратор:

«Сессия открыла возможность для санации долговых обязательств, приняв закон о банкротствах для корпораций и муниципалитетов, а также закон о пособиях фермерам...»;

«Она пошла навстречу промышленности, облегчив выдачу ссуд...»;

«Она ввела регулирование деятельности фондовых бирж, чем укрепила целостность финансовой системы»;

«Она открыла разумный путь для расширения нашей торговли с другими странами...»;

«Она приняла решение об укреплении наших военно-морских сил...»;

«Она приняла закон о регулировании трудовых конфликтов...»;

«Она дала федеральному правительству дополнительные полномочия для борьбы с организованной преступностью...»;

«Она сделала решительный шаг к развертыванию национальной жилищной программы...»;

«Сессия учредила постоянный федеральный орган для справедливого регулирования всех видов массовой коммуникации...»;

«Последнее и, я полагаю, самое важное достоинство этой сессии Конгресса состоит в том, что она реорганизовала, упростила и поставила на более справедливую основу нашу денежную систему – установила стандарты и политику, отвечающие потребностям современной экономической жизни, отведя должную роль золоту и серебру как фундаменту валюты Соединенных Штатов».

Выводы президента о сессии, сформулированные емко, лаконично, выразительно, не могли не вызвать у конгрессменов положительной реакции.

Позднее, 24 июня 1338 года, Рузвельт столь же высоко оценил согласованную работу правительства и Конгресса:

«Деятельность этого Конгресса (сессия 75-го созыва – автор. примеч.) завершилась в пользу народа. Моя вера в американцев и их собственная вера в себя были оправданы. Я поздравляю с этим Конгресс и его руководителей, а американский народ – с тем, что он сохранил власть в своих руках».

О конструктивной работе правительства и Конгресса Рузвельт неоднократно говорил и во время войны. Тем не менее в шутку он однажды заметил примерно следующее: «Отчего я иной раз одновременно не являюсь президентом и Конгрессом?».

Не раз бывало так, что настороженно и критично настроенная аудитория Конгресса оказывалась «в плену» президентского красноречия.

Вот что писал Роберт Шервуд об одном из таких выступлений президента:

«7 января 1943 года Рузвельт произнес свою годовичную речь о положении в стране на открытии избранного за два месяца перед этим Конгресса 78-го созыва, в котором он не имел обычного внушительного большинства.

Ожидалось, что президент воспользуется этим поводом и проявит свою неуступчивость и задиристость по отношению к враждебному ему в своем большинстве Конгрессу, но это была, пожалуй, самая дружелюбная и мирная речь, какую он когда-либо произносил в Конгрессе, во всяком случае после окончания «медового месяца» Нового курса.

Газеты сообщали, что его речь, продолжавшаяся сорок семь минут, сорок пять раз прерывалась аплодисментами и даже иногда одобрительными возгласами.

Хотя я присутствовал на этом заседании Конгресса, я не могу ручаться за точность этих цифр, но помню, что по окончании речи как республиканцы, так и демократы устроили президенту бурную и горячую овацию.

Тот факт, что Рузвельт посвятил значительную часть своей речи положению дел в мире после войны, вселяло уверенность. Он оказал:

«Победа в этой войне – первейшая и величайшая задача, стоящая перед нами. Победа в вопросах мира – следующая задача, стоящая перед нами.

Это означает стремление к созданию условий для более спокойной жизни людей в США и во всем мире и, наконец, стремление к четвертой свободе – свободе от страха.

Кто бы из нас не говорил о существенных нуждах людей, об обеспечении безопасности, пользы от этого будет мало, если возникнет угроза ещё одной мировой войны через десять, двадцать или пятьдесят лет. Это совершенно очевидно. Растут масштабы войн, растет число жертв, увеличиваются разрушения, в войну неизбежно вовлекаются все народы – все это обратно пропорционально уменьшению земного шара в результате завоевания воздуха. Я содрогаюсь при мысли, что произойдет с человечеством, в том числе и с нами, если нынешняя война не закончится прочным миром и вспыхнет новая война, когда наши сегодняшние малыши достигнут призывного возраста».

Когда Рузвельт произносил эти слова, – добавил Шервуд, – он знал, что за месяц перед этим в Стэгг-Филде в Чикаго удалось вызвать первую саморазвивающуюся ядерную цепную реакцию, а это означало, что «задача создания атомной бомбы – наполовину решена».

В течение всего долгого периода подготовки этой речи мы пытались убедить президента заявить примерно следующее: «Не исключена возможность, что на долг нынешнего, 78-го Конгресса выпадет историческая привилегия участия в заключении мира» – другими словами, сказать, что война, возможно, закончится до 1 января 1945 года. Это, несомненно, было бы встречено Конгрессом с энтузиазмом, однако Рузвельт не хотел заходить слишком далеко и делать такое обнадеживающее предсказание. Он вычеркнул последние слова и заменил их следующими: «всемерно содействовать избавлению мира от страха в будущем».²⁸

²⁸ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидцев. В 2-х тт. Т.2, с. 317-318.

Используя свой богатый политический, дипломатический, социально-психологический, ораторский опыт, Рузвельт нередко достигал успеха в привлечении на свою сторону оппонентов, в том числе и из республиканской партии.

Особая тема разговора об умении Рузвельта обеспечивать доверительные контакты с государственными деятелями других стран и прежде всего с руководителями союзных государств, особенно с И.В. Сталиным.

Продуктивность апелляции к высшим достоинствам людей у Рузвельта проявлялась не только в его общении с массовой аудиторией, но и с отдельными конкретными лицами.

Рональд Уилсон Рейган, сороковой президент Соединенных Штатов Америки сказал о Рузвельте: «Он верил в свой народ. Он никогда не терял веру в нашу страну - ни на минуту... Он был великим лидером военного времени. Благодаря этому в войне было меньше ошибок, чем обычно».

Анна Элеонора Рузвельт о своем великом родственнике пишет: «Моя бабушка сказала однажды, что Франклин Рузвельт «обладал замечательной способностью выражать свою личность в своих речах», также как и возможностью «говорить простым английским языком даже о весьма сложных проблемах. Он передавал своим слушателям чувства доброго дружеского участия и серьезной озабоченности». В эпоху средств массовых коммуникаций, когда такие демагоги, как Гитлер и Муссолини, спекулировали на народных страхах и предрассудках, Франклин Рузвельт, в противоположность этому, взывал к лучшим чувствам и качествам людей, чтобы восстановить их доверие и дать им возможность жить вместе в мире и согласии. Вот эта способность объединять людей во имя общего блага, возможно, является самым значимым наследием «Бесед у камина».

ГЛАВА III. КОРИФЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЛОГИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Синтез политического и исторического анализа

Чувство истории в политическом лидере – это чувство прошлого, используемое для формирования будущего; чувство истории и американской традиции было у Рузвельта подлинно глубоким.

А. Маклейш,
писатель, историк, директор библ.
Конгресса, пом. госсекретаря США
(1944-1945 гг.)

В общении с массовой аудиторией Рузвельт нередко логические методы аргументации сочетал с историческим анализом, историческими экскурсами, которые позволяли отчетливее определить те или иные явления общественной жизни. Исторические факты, параллели вызывали у аудитории повышенное внимание к содержанию речи оратора, побуждали слушателей к более активным размышлениям, придавали речи выступавшего живость, убедительность, непринужденность общения, свидетельствовали о горизонте интеллекта оратора.

У Рузвельта было в высшей степени развито ассоциативное мышление. Не случайно в его многочисленных речах и беседах встречаются факты, свидетельствующие о его очевидной склонности к рассмотрению, интерпретации тех или иных сложных общественно-политических, экономических, военных, социально-психологических проблем с учетом исторических уроков.

В своих выступлениях он часто воскрешает памятные события минувшего, оказавшие влияние на ход исторического развития.

В его речах встречаются имена деятелей науки, военного искусства, права, образования, литературы и др. Он особенно часто касался деятельности таких государственных деятелей – предшественников, как Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсен, Эндрю Джексон, Авраам Линкольн, Улисс Гранте, Теодор Рузвельт, Уильям Тафт, Уоррен Гардинг, Кэлвин Кулидж, Вудров Вильсон, Герберт Гувер.

Рузвельт обращался не только к национальной истории, к периодам войн, к дням революции, временам создания государственности, к деятельности отцов-основателей, к периодам экономических кризисов, но и историческому анализу многих сложных проблем международного характера.

Рузвельт не раз обращается к национальной истории в своих публичных выступлениях по радио во время реализации планов и программ "Нового курса" (1933-1938 гг.). Так, в своей второй радиобеседе, проведенной 7 мая 1933 года, он трижды воскрешает в своей памяти и памяти слушателей отдельные эпизоды из истории страны.

«Мы трудимся ради определенной цели, – говорит оратор, – а она заключается в том, чтобы не допустить возврата тех явлений, которые едва не разрушили нашу современную цивилизацию.

Наши намерения невозможно осуществить за один день. Наша политика полностью отвечает тому назначению, для которого в Америке 150 лет назад было учреждено конституционное правительство».

И далее, согласуя сказанное с событиями дня, Рузвельт продолжал:

«Я знаю, что народ нашей страны поймет это и что он поймет тот дух, который движет нами в нашей политике. Я допускаю, что, проводя эту политику в жизнь, мы, возможно, будем совершать какие-то технические ошибки. Я вовсе не рассчитываю, что буду «забивать гол» всякий раз, когда буду «бить по мячу».

Я только стремлюсь к тому, чтобы процент «забитых мячей» был как можно выше – не только у меня, но и всей «команды».

Теодор Рузвельт однажды сказал мне: «Если я смогу быть правым в 75 процентах случаев, я буду считать, что сбылись мои самые смелые надежды».

Первым упоминанием события 150-летней давности Рузвельт подтверждает верность действий его правительства, действий в духе конституционности и заложенных традиций.

Картинно и запоминаемо уподобление действий президента и его администрации с действиями футбольной команды до реализации намеченных планов. Органично примыкает к сказанному изречение выдающегося предтечи – Теодора Рузвельта.

Радиовыступление Рузвельта от 24 июля 1933 года посвящалось подведению итогов работы по программе «Сто дней реформ». В момент выступления оратор упомянул имя седьмого президента США (1829-1837 гг.), который в 1815 году организовал защиту Нового Орлеана от попыток англичан захватить этот город. За это он получил название «крепкий орешек». Позднее за ним закрепилось прозвище «Старый Орех».

Давний, казавшийся уже забытым исторический факт был использован Рузвельтом в интересах большой, современной ему политики.

В заключительной части этого радиовыступления Рузвельт говорил:

«Предпринимая эти великие общие усилия, мы должны избегать любых разногласий и споров. Сейчас не время для придирок и сомнений по поводу стандартов, установленных типовым соглашением. Сейчас время для терпения, взаимопонимания и единства действий. По этому закону рабочие страны наделены правами, которых у них нельзя отнять, и никому не будет позволено свести эти права на нет. С другой стороны, теперь нет нужды занимать агрессивную позицию, чтобы этими правами овладеть. Вся страна объединится, чтобы вам их обеспечить.

Принцип, который применим к предпринимателям, применим также и к рабочим, и я прошу рабочих сотрудничать с правительством в том же духе».

Обратим внимание на содержание, стиль, тон высказывания оратора. В нем всё: пожелание, повеление, призыв, совет. Казалось бы, что волеизъявление оратора выражено достаточно ясно и полно.

Оратор, однако, обращаясь к легенде, связанной с именем седьмого президента Соединенных Штатов, говорит многомиллионной аудитории радиослушателей:

«Когда Эндрю Джексон, «крепкий орешек», умер, кто-то спросил: "Попадет ли в рай?».

Ему ответили: «Попадет, если захочет».

Если меня спросят, – продолжал президент, – выберется ли американский народ из депрессии, я отвечу: "Выберется, если захочет».

Заключительные фразы выступления Рузвельта звучали мощным призывным набатом, призывающим к единству усилий всего народа в преодолении экономической и духовной депрессии:

«Суть плана состоит в введении, по общему согласию, единых для всех ограничений на продолжительность рабочей недели и единой минимальной ставки заработной платы.

Я не могу обеспечить успех этого общенационального плана, но народ нашей страны может обеспечить его успех.

Я не питаю никакой веры в чудодейственные рецепты, но уверен, что мы можем сильно влиять на экономические силы.

Я совершенно не разделяю мнения тех профессиональных экономистов, которые настаивают, что все должно идти своим чередом и что вмешательство людей неспособно повлиять на экономические болезни.

Мне-то известно, что эти профессиональные экономисты с давних пор каждые пять-десять лет меняют свои формулировки экономических законов. Однако я верю – и твердо верю – в силу общей цели, в силу объединенных действий всего американского народа.

Вот почему я рассказываю вам о простых целях и прочных основаниях, на которых построена наша программа восстановления.

Вот почему я прошу работодателей страны подписать со мной это соглашение – подписать его во имя патриотизма и человечности.

Вот почему я прошу рабочих поддержать нас в духе взаимопонимания и взаимопомощи».

Глубокое, емкое содержание этого радиовыступления, переданное радиослушателям с огромной логической и эмоционально-экспрессивной силой оказывало необходимое воздействие, мобилизовало массы на активные действия по реализации «Нового курса».

Трудностей для выполнения гигантских задач было немало. Преодолеть эти трудности в одночасье было невозможно. Недостатков, ошибок, недоработок и т.п. избежать было трудно. Критика политики Рузвельта имела место справа и слева. 28 июня 1934 года президент выступает с очередным радиобращением к американскому народу. На повестке дня очередные цели и задачи «Нового курса» и «Ответ критикам».

В заключительной части выступления оратор апеллирует к истории. Для подтверждения верности своего политического курса Рузвельт приводит афористическое высказывание Джона Маршала (1755-1835 гг.), бывшего в свое время председателем Верховного суда США (с 1801 г. до своей кончины) и

принимавшего активное участие в формировании федеративного законодательства и юридической практики страны.

«Всё, что мы делаем, – говорил президент, – направлено на воплощение исторических традиций американского народа. Другие страны могут пожертвовать демократией ради того, чтобы продлить жизнь старой, дискредитировавшей себя знати. Мы же возвращаем людям благополучие и уверенность в завтрашнем дне, гарантируя власть самого народа. Мы остаемся, как сто лет назад говорил Джон Маршал, «решительно и в подлинном смысле слова правительством народа».

Наше правительство «по форме и по существу... происходит из народа. Власть дается правительству народом для прямого управления народом на благо народа».

Речь Рузвельта, приводимые им слова Джона Маршала, находили живой отклик в умах и сердцах миллионов соотечественников оратора.

Представляет интерес использование Рузвельтом уроков истории в его радиовыступлении от 30 сентября 1934 года, в котором он вел речь о роли государственного регулирования экономики и характере отношений между трудом и капиталом.

Рузвельт обращается к суждениям Илайхью Рута (1845-1937 гг.), государственного деятеля США, бывшего военного министра, госсекретаря, лауреата Нобелевской премии мира. И. Рут указывал, что в определенных сложных обстоятельствах в обществе должны включаться «силы организованного контроля» которые «мы называем государством». Оратор ссылается на английский исторический опыт борьбы с депрессией. Рузвельт упоминает о некоторых шагах Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона.

Оратор приводит слова бывшего председателя Верховного суда США Уайта, называя последнего «великим человеком», который в свое время сказал:

«По моему мнению, большую опасность представляет укоренившаяся привычка противодействовать и перечить всему подряд, бездумно ссылаясь на Конституцию и тем самым создавая впечатление, что Конституция – это какая-то преграда на пути прогресса, а не широкая дорога, по которой подлинный прогресс только и может идти».

Свою радиобеседу с многомиллионной аудиторией слушателей Рузвельт заключает словами:

«Наш курс отвечает американской традиции государственного управления – традиции, которая велит действовать постепенно, прибегать к регулированию только в силу конкретных потребностей и смело идти на необходимые перемены.

Я разделяю убеждение Авраама Линкольна, который говорил:

«Законная задача правительства – делать для сообщества людей все то, что им нужно, но что сами они, выступая каждый в своем индивидуальном качестве, не могут сделать совсем или не могут сделать хорошо».

Процитировав эти слова Авраама Линкольна, Рузвельт завершает свою «беседу у камелька» следующим образом:

«Друзья мои, я по-прежнему верю в идеалы. Я против возврата к тому пониманию либерализма, при котором свободный народ в течение многих лет постепенно загонялся на службу к привилегированному меньшинству. Я предпочитаю – и уверен, что вы со мной согласитесь, – то расширенное понимание либерализма, под знаком которого мы движемся к более полной свободе и такой социальной защищенности среднего человека, какой ещё не знала история Америки».

В редком публичном выступлении Рузвельт не обращался в той или иной мере к национальной истории Соединенных Штатов. Выступая 28 апреля 1935 года с радиобеседой, он в нескольких словах коснулся стиля своей президентской деятельности. При этом он процитировал одно из афористических изречений Вильсона:

«В нашей стране, – говорит Рузвельт, – есть такое место, где труднее всего сохранять ясное представление о жизни страны. Это место Вашингтон.

Порой мне вспоминаются слова президента Вильсона: «В Вашингтоне собирается множество людей с ложными идеями и почти нет таких, кто имел бы понятие о том, что на самом деле думает народ Соединенных Штатов».

Вот почему я время от времени оставляю эту политическую арену и отправляюсь на несколько дней порыбачить или еду домой, в Гайд-парк, чтобы там спокойно подумать о стране в целом. Я стараюсь, как говорится, за отдельными деревьями увидеть лес. Уметь видеть страну в единой широкой перспективе – это моя обязанность, неразрывно связанная с той должностью, на которую вы меня избрали».

Многократно Рузвельт апеллировал к истории страны во время его ожесточенной полемики с Верховным судом, который занял консервативные позиции относительно проводимых в стране реформ, превратившись фактически в большой тормоз. Особенно острым в полемическом отношении по данному вопросу было радиовыступление Рузвельта от 9 марта 1937 года.

В своем выступлении Рузвельт дал глубокий политический правовой, исторический анализ проблемы. Президенту не удалось реализовать план реформы Верховного суда, тем не менее общественному мнению стало очевидно, что правовое оправдание проводимых социально-экономических реформ «Нового курса» практически состоялось. Вот некоторые извлечения, которые Рузвельт брал из скрижалей истории США:

«Можно ли менять число судей в Верховном суде? Не создаст ли это опасного прецедента? Право на это у Конгресса всегда было и будет. В прошлом число судей менялось несколько раз: при президентах Джоне Адамсе и Томасе Джефферсоне, которые были среди тех, кто подписал Декларацию независимости, а также при Эндрю Джексоне, Аврааме Линкольне и Улиссе С. Гранте».

Развивая свою мысль, Рузвельт говорил далее:

«Наша политическая традиция явно направлена на то, чтобы судебная власть постоянно получала приток новой, молодой крови. Обычно каждый президент назначает большое число районных и окружных судей, и практически

все президенты в истории Соединенных Штатов назначали, по крайней мере по одному члену Верховного суда.

Президент Тафт назначил пять членов и определил кандидатуру председателя.

Президент Вильсон – трех, президент Гардинг – четырех, включая председателя, президент Кулидж – одного, президент Гувер – трех, в том числе председателя.

Исключением стал мой первый президентский срок.

Такая последовательность назначений должна была обеспечить возрастную сбалансированность Верховного суда. Однако, по случайному стечению обстоятельств и в силу нежелания отдельных лиц расстаться со своими местами в Верховном суде, мы теперь получили такой его состав, где к июню этого года пятерым судьям будет за семьдесят пять и ещё одному – за семьдесят. Таким образом, разумная политика потерпела поражение».

Органично сочеталась политическая оценка положения страны с историческим анализом в последнем выступлении Рузвельта по радио мирного времени (24 июня 1938 года).

В этом радиовыступлении Рузвельт вел речь о политике «Нового курса» и выборах 1938 года. Наряду с этим президент уделил внимание оценке некоторых внутренних сил страны, которые ратовали за то, чтобы правительство активно не вмешивалось в решение многих конкретных современных проблем. Отдельные представители этих сил убеждали, что все проблемы «могут быть решены на основе частной инициативы, благотворительности», что «нужно отказать от многого из того, что было сделано» и т.п.

Рузвельт отстаивал иную точку зрения. В своем выступлении он, в частности, сказал:

«Ещё никогда на нашей памяти на президента, сенаторов и конгрессменов не обрушивалась такая мощная пропаганда пораженчества, как это было в период Конгресса семьдесят пятого созыва. Никогда ещё у нас не было столько «медноголовых» – таких же, как во времена Гражданской войны, когда «медноголовые» из всех сил пытались заставить Линкольна и Конгресс отказаться от борьбы, дать расколоть страну на две части и вернуть мир – мир любой ценой».

Рузвельт считал, что «правительство постоянно несет ответственность за решение возникающих проблем, оно ни на год, ни на месяц, ни даже на один день не может сложить с себя этой ответственности».

С началом Второй мировой войны в публичных выступлениях Рузвельта политические и исторические оценки мирового развития всё в большей и большей степени будут приобретать характер оценок военно-стратегического свойства.

Свое радиообращение от 3 сентября 1939 года Рузвельт начал словами:

«Мои соотечественники и друзья! Сегодня мой прямой долг – обратиться ко всему народу Америки.

До самого последнего времени я, вопреки фактам, надеялся, что какое-то чудо предотвратит опустошительную войну в Европе и положит конец вторже-

нию Германии в Польшу. Сегодня в половине пятого утра эта надежда рухнула».

Далее в выступлении президент обращается к страницам военно-политической истории Соединенных штатов Америки:

«Безопасность Америки неразрывно связана с безопасностью во всем западном полушарии – как на суше, так и на море. Мы хотим отвести войну от своих домов и для этого не должны пустить её ни в одну из стран Американского континента.

В этом у нас существует историческая традиция, уходящая корнями во времена президента Джорджа Вашингтона. То, что в нашем мире есть страны и континенты, раздираемые на части войнами – серьезный, трагический факт для каждой американской семьи во всех штатах нашего Союза. Эти войны сегодня затрагивают каждый американский дом. Не дать им перекинуться на Американский континент – наш национальный долг».

Лето 1940 года. Время вторжения германских войск в пределы Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции. Удаленность США от регионов военных действий не была надежным гарантом безопасности.

27 сентября 1940 года Германия, Япония, Италия подписали тройственный пакт. Суть намечаемых устремлений: раздел мира. 29 декабря 1940 года Рузвельт обратился к народам США по радио. Он повел речь о нависшей военной угрозе над США и возможной помощи странам – жертвам агрессии. Президент указал, что со времен первых поселенцев (начало 1600-х гг.) над американским континентом не нависала такая угроза, которая сложилась на данный момент. И вновь обращение к страницам истории:

«Сто семнадцать лет назад в ответ на угрозу, исходившую для нашего континента от союза европейских держав, правительство Соединенных Штатов приняло оборонительную доктрину Монро. С тех пор мы несли охрану Атлантики, где нашими соседями были и остаются англичане. На этот счет у нас с ними не было ни письменного договора, ни «устного соглашения». Однако мы верили, что сможем уладить все разногласия мирным путем, по-соседски, и это было подтверждено историей. В течение более века западное полушарие не знало агрессии ни со стороны Европы, ни со стороны Азии».

Дав анализ состояния вооруженных сил США, Рузвельт поставил перед Конгрессом вопрос о дополнительных ассигнованиях на военные нужды, на обеспечение национальной безопасности страны. Впервые в острой форме Рузвельт квалифицировал губительными всякие попытки умиротворения агрессоров. «Ни одна страна не может умиротворять нацистов. Оттого, что вы будете поглаживать тигра, он не превратится в котенка. Нельзя умиротворить безжалостного зверя. Нельзя уговорить зажигательную бомбу».

Наиболее обстоятельный военно-политический и исторический анализ международного положения Рузвельтом был дан в радиобеседе от 27 мая 1941 года. Центральной мыслью президента в этом выступлении была мысль о том, чтобы предотвратить выход фашистских войск к западному полушарию от Испании и Гренландии на севере до Азорских островов и островов Зеленого мыса на юге.

По данным печати выступление президента США слушали более 65 миллионов человек. Особенность выступления состояла ещё и в том, что её содержание адресовалось не только народу США. Это видно из самого начала беседы:

«Друзья мои, сегодня я обращаюсь ко всем гражданам Северной, Центральной и Южной Америки. Здесь, в Белом доме, собрались представители совета Панамериканского союза, канадский министр, члены их семей. В совет входят министры американских республик или их послы в Вашингтоне. Их присутствие сегодня особенно уместно, потому что единство американских республик в такое время чрезвычайно важно для каждого из нас и для дела свободы во всем мире. Наше будущее, будущее нашей независимости – неразрывно связано с независимостью республик: сестер Соединенных Штатов».

Прежде чем охарактеризовать сложившуюся на данный момент военно-политическую обстановку Рузвельт сделал уместный экскурс в историю:

«Любая свобода, – я имею в виду жить, а не свободу завоевывать и подчинять себе другие народы, – зависит от свободы мореплавания. С ней неразрывно связана вся история Американского континента.

В 1799 году, 142 года назад, наш новорожденный военно-морской флот обеспечил американским судам безопасное хождение по Карибскому морю и Мексиканскому заливу.

В 1804-1805 годах мы избавили морскую торговлю от грабительских набегов берберских пиратов. В Войне 1812 года мы боролись за сохранение прав мореплавателей. В 1867 году наше могущество на море позволило мексиканцам изгнать французскую армию Луи Бонапарта. Мы всегда выступали и сражались за свободу мореплавания, необходимую и для наших морских перевозок и для торговли республик – сестер Соединенных Штатов. Мы отстаивали право всех наций свободно пользоваться морскими артериями мировой торговли и одновременно обеспечивали свою безопасность».

Перед торжественным клятвенным заявлением, завещающим данное выступление президента США, есть такие его слова, касающиеся истории:

«Великая хартия вольностей, Декларация независимости, Конституция Соединенных Штатов, Прокламация об освобождении – все это когда-то казалось недостижимым идеалом и, тем не менее, было воплощено в жизнь.

Когда мы объявили о своей независимости, мы были слабы в военном отношении, однако с успехом дали отпор могущественным тиранам, которые ныне погребены под пеплом истории. Тогда мы не занимались подсчетом шансов на победу. Так неужели сегодня, обладая таким огромным потенциалом, мы не сделаем всё необходимое, чтобы сохранить наши американские свободы?»

Уместный с точки зрения политической, военной, социально-психологической экскурс в историю, оформленный с привлечением такого образно-выразительного средства как метафора, риторической универсалии – риторического вопроса, придали речи Рузвельта мощное эмоционально-экспрессивное воздействие на аудиторию.

С характерным примером органического соединения политического анализа с анализом историческим можно встретиться в радиообращении Рузвельта к гражданам Соединенных Штатов, имевшим место 23 февраля 1942 года.

Известно, что до этого времени США и их союзники терпели неудачи на многих фронтах. В то время только под Москвой немецко-фашистские армады понесли первые крупные поражения.

Рузвельт, обращаясь к соотечественникам, убеждал их в том, что понесенные поражения – явление временное. Президент, ссылаясь на исторический опыт говорил:

«Мои сограждане – американцы! Годовщина рождения Вашингтона дает нам с вами самый подходящий повод поговорить о том, как обстоят дела сегодня и как они должны – и будут – меняться в будущем.

На протяжении восьми лет генерал Вашингтон и его Континентальная армия постоянно находились в тяжелейшем положении и терпели поражения. Не хватало припасов и военного снаряжения. Каждая зима, можно сказать, была похожа на зимовку в Вэлли Фордж. Во всех тринадцати штатах имелась своя «пятая колонна» – своекорыстные, трусливые люди, заявлявшие, что дело Вашингтона безнадежно и ему следует искать мира через переговоры».

Развивая свою мысль, Рузвельт продолжал: «Поведение Вашингтона в то трудное время стало образцом моральной стойкости для американцев на все времена. Он не отступал от своего великого дела, как оно было начертано в Декларации независимости. Он и его мужественные соратники знали, что жизнь и достоинство любого человека невозможно обеспечить без личной свободы и свободы общественных институтов».

Выходя в развитии мысли на современность Рузвельт говорил: «Великая борьба наших дней дает нам все больше доказательств того, что личная свобода человека и гарантии его собственности в любой стране зависят от соблюдения во всем мире прав и обязательств, вытекавших из принципов свободы и правосудия».

Сопоставив различные эпохи, Рузвельт отметил, переходя к характеристике современной ему обстановки, что «Война, которая сейчас идет, является небывалой по своему характеру».

С 1941 года по март 1945 года Рузвельт многократно и как президент, и как главнокомандующий вооруженными силами США, и как один из инициаторов создания Объединенных Наций в своих публичных выступлениях с огромной степенью мотивированности давал глубокий анализ международным событиям, органично сочетая сугубо политические и исторические подходы в оценке происходящих процессов.

Органичное включение в публичные выступления элементов политического анализа с элементами исторического анализа позволяло Рузвельту добиваться глубокого освещения рассматриваемых проблем. В анализе происходящих процессов он всячески избегал шаблонного подхода.

Привлекая внимание слушателей к истории, он тем самым активизировал интеллектуальную активность слушателей, возбуждал у них интерес к обсуждаемым проблемам. Не следует приуменьшать того факта, что демонстрируемая оратором обстоятельная осведомленность в вопросах национальной и мировой истории вызывала к нему уважение со стороны слушателей.

Виртуоз логической аргументации

Искусство убеждать людей много выше всех искусств, так как оно делает всех своими рабами по доброй воле, а не по принуждению.

Горгий

Рузвельт-оратор увлекал слушателей логикой изложения, способностью наглядно, ясно, доступно даже для людей с невысокой подготовленностью выявлять внутреннюю сущность вещей. Он был подлинным виртуозом логической аргументации – психологического воздействия на аудиторию.

Все важнейшие положения, выдвигаемые в публичном выступлении, он аргументировал с особой тщательностью, используя убедительные примеры, статистические данные, ссылки на общественное мнение, на высказывания видных специалистов, на исторические и текущие документы. Всё оратором подчинялось одной главной задаче – убедить, внушить, воздействовать на слушателей в необходимом направлении.

Логическая стройность речи во многом являлась результатом тщательной работы Рузвельта над композицией речи, её плана. Каждый элемент – вступление, главная часть, заключение – всё доводилось до совершенства. Отрабатывая содержание речи, Рузвельт не упускал из виду того, в какую форму оно отливало. Язык речи, как и её смысл, шлифовался с огромным тщанием. Не оставалась без внимания и тональность произнесения речи перед слушателями.

В процессе непосредственного общения с аудиторией Рузвельт не столько стремился блистать, сколько основательно разъяснять суть дела, считая форму реализации содержания всё-таки не первым, а вторым по весомости условием успеха.

Каждая встреча Рузвельта с большой или малой аудиторией имела своей целью конкретный, предметный разговор по существу дела. Ему была чужда политическая трескотня о всем и о ни о чем. Он не тратил ни минуты времени на разговоры о «вообще». В поле его зрения было всегда рассмотрение большого или малого конкретного дела.

Четкой, логически организованной речи служило использование Рузвельтом приема структурирования речи, который способствовал её стройности, рельефности наиболее важных положений содержания речи. Пункты и подпункты выделяли в речи то, что особенно было необходимо слушателям уяснить. Этот прием воздействовал на сознание слушателей, которые в результате его применения отчетливее понимали, что всё сказанное оратором тщательно взвешено, продумано, что от главной цели отделено всё несущественное.

Прием структурирования повышал эмоционально-экспрессивные возможности речи. Оратор наиболее важные моменты речи выделял не только специфическими лексико-грамматическими средствами, но и подчеркивал их интонационно.

Акцентное и логическое членение содержания речи, интонационное оформление фраз, отчетливая дикция, литературное произношение и т.д. – всё это было неотъемлемо от его ораторского воздействия на слушателей.

Справедливо будет сказать, что Рузвельт, как никто другой из его политических оппонентов, обладал сильной, логически организованной, целеустремленной, яркой, сильно воздействующей на слушателей речью.

Публичная речь Рузвельта – это речь сугубо деловая, логически стройная, верно отражающая реальность, это речь неразрывно связанная с интересами миллионов американцев, это речь ясная, искренняя, целеустремленная, страстная.

Рузвельт убеждал своих слушателей не только сугубой деловитостью своей речи, но и значительностью, часто величиим порожденной им идеи. Последняя, переданная одушевленно, с пафосом, страстью, ярким, выразительным языком, глубоко проникала в умы и сердца слушателей, энергично подвигая их к конкретным действиям в созидательном труде или в боевых действиях со злейшим врагом.

Стремясь к более эффективному воздействию на слушателей, Рузвельт порой прибегал к использованию приемов предметной наглядности, своеобразной «аргументации». Известен, например, факт, когда он в годы Второй мировой войны в ходе одной из радиобесед посоветовал миллионам слушателей приобрести географическую карту, по которой можно было бы следить за его повествованием в ходе обзора боевых действий.

Рузвельт с целью усиления воздействия на слушателей использовал и приемы словесной наглядности. В таких случаях «аргументами» служили тексты тех или иных исторических документов, документы, принимаемые Конгрессом, свидетельства ученых, выступления тех или иных государственных деятелей т.д.

Фундаментальным достоинством публичных выступлений Рузвельта была достоверность, правдивость, логичность передаваемого содержания. Эти качества пронесли на своем знамени лучше ораторы мира через многие века. Логичность, строгая аргументированность основных положений речи представляли собой важнейшую составляющую могущества живого слова Рузвельта. Логичность его суждений базировалась на глубоком знании обсуждаемого дела. В логике отражалось могущество воли оратора, сила его ума. Конечной целью аргументации Рузвельта всегда было одно – привести своих слушателей к уяснению их задач и от их познания, перейти к практическому действию решения неотложных задач. Оратор мастерски увлекал слушателей, подчиняя их сознание, чувства силе своей логики. Логика его мыслей была результатом не только мастерской, остроумной аргументации, но и предельной ясности его мысли, его языка. Рузвельт говорил перед аудиторией доступно, наглядно, убедительно.

Своим живым словом он в высшей степени обстоятельно, ярко показывая фактическое положение вещей в той или иной рассматриваемой области.

Речи, беседы Рузвельта всегда характеризовались исключительно четким, ясным, доступным языком. Сказанное им слово действовало на ум и сердце каждого слушателя, действовало силой эмоций не менее, а может быть и сильнее самых веских доказательств, убедительнее всяких увещаний.

Рузвельт избегал неумеренного сдобривания речи многочисленными аргументами, их использование было таким, сколько было необходимо. В ораторской практике часто можно наблюдать недостаточно мотивированное употребление всякого рода цитирований с целью приведения новых и новых аргументов. Это – ссылки на прессу, на документы, на высказывания тех или иных государственных деятелей, ученых и т.д. Все это бывало в речах Рузвельта. Особенность только заключалась в том, что у него это было ровно столько, сколько было необходимо. Ничего лишнего, никакого безбрежного многословия.

В овладении вниманием аудитории Рузвельту способствовало то, что в каждом своем выступлении он поднимал такие вопросы, которые действительно имели большое значение для страны и конкретно для тех его слушателей, к которым он обращался.

Рузвельта как политического лидера отличала способность эффективно использовать социально-значимые факты, умение оценивать их, обобщать, делать из них единственно верные выводы.

Факты, взятые из реальной жизни, являлись важнейшей составляющей суждений Рузвельта. Они являлись подлинным воздухом, который давал жизнь мысли Рузвельта.

Феномен примера, конкретного, из жизни почерпнутого факта, выполнял в его речах важную аргументационную и эмоционально-экспрессивную роль.

Он убеждал своих слушателей, применяя стройную цепь суждений, фактов, доводов.

Полемизируя с оппонентами, Рузвельт не только вскрывал логическую несостоятельность доводов оппонентов, но и показывал непригодность тех приемов, которыми они пользовались.

Он воздействовал на массы мощной логикой своей мысли.

В сжатом и суровом стиле Рузвельта-оратора звучала страстная убежденность и неотразимая сила аргументации. Эту силу признавали его политические оппоненты.

Любое его выступление заставляло глубоко вникать в него, обязывало слушателей напрягать мысль в силу подчинения силе ума оратора, его умения в нужный момент сказать единственно необходимое слово.

Одним из условий обеспечения высокого качества успешного выступления Рузвельта являлось его умелое использование статистической информации.

Как оратор он сражался прежде всего оружием фактов. Всё остальное служило в его речах дополнением к главному.

Природный талант, воспитание, образование и длительная, многосторонняя политическая, государственная деятельность сформировали Рузвельта как выдающегося мастера живого, магически воздействующего слова.

Умение избрать актуальную проблему, необходимый материал для её раскрытия, верно определить логику аргументации главной идеи, найти единственно безотказные психологические приемы воздействия на аудиторию, умение облечь всё содержание речи в яркий, ясный и образный язык – всё это порождало высшую, неотразимую гармонию мысли, слова, чувства. Как оратор Рузвельт был подлинным чародеем логического и психологического воздействия на слушателей.

Рузвельт уделял должное внимание каждой структурной части своего выступления. Что касается зачинов речей и бесед, то можно сказать, что они не были у него трафаретными. Любой из них был логически и психологически мотивирован. Не редко в зачине оратор начинал говорить о каком-нибудь интересном жизненном факте, событии внутренней или международной жизни. Или с вопроса о том, что его собеседники слышали (или читали) о каком-либо событии, имеющем отношение к теме разговора.

Основная часть выступления всегда содержала смысловое ядро с серией аргументов, поддерживающих важнейшие положения речи.

Что касается заключительной части выступлений, то Рузвельт избегал таких, которые могли бить лишь на внешний эффект. Его завершающие мысли, как правило, подводили итог тому главному, что содержалось в основной части речи. Часто бывало и так, что заключительная часть завершалась тем или иным видом его энергического волеизъявления, побуждением слушателей к конкретным действиям.

Рузвельт, как оратор, был последовательным приверженцем главного: речь должна прежде всего характеризоваться надежной смысловой емкостью, логической основательностью, интеллектуальной убедительностью. Что касается формы речи, её языка, стиля, то на первое место в его требованиях выходили, такие качества речи, как её предельная ясность, доступность для понимания слушателей и, наконец, выразительность речи, в конечном счете – её воздействующая сила.

За время длительного практического опыта ораторской деятельности Рузвельт выработал свой стиль, свою манеру политического красноречия, которые заметно отличались от стиля и манеры многих его национальных предшественников, а также таких его современников, которыми были, например, У. Черчилль и И. Сталин. Рузвельт обладал всеми необходимыми данными выдающегося политического оратора. Он знал все важнейшие принципы, на основе которых должно строиться публичное выступление политического лидера. Для его выступлений было характерно главное: богатство содержания речи и изящество её формы.

Проблемы, поднимавшиеся Рузвельтом в его публичных выступлениях, не были случайными, надуманными, формальными. Они порождались самой жизнью, динамикой событий того сложного времени.

Объектом внимания президента, главнокомандующего, политического лидера были проблемы сферы социально-экономической жизни страны, её безопасности, международных отношений, военных действий и другие. Их появление в поле зрения Рузвельта, как правило, являлось результатом систематического анализа складывающейся обстановки, проводимого им лично, его «мозговым центром», соответствующими государственными структурами, средствами массовой информации.

Многие публичные выступления Рузвельта по своему содержанию носили прогностический характер. Характерны в этом отношении те его речи и радиобеседы, которые были посвящены реализации нового курса и те, которые произносились им в годы борьбы с фашистской Германией и милитаристской Японией. Особенно показательны те выступления, в которых содержались его размышления о послевоенном мироустройстве.

Прогнозы, предвидения Рузвельта основывались на анализе происходивших социально-экономических, политических, военных и других процессов. Оратор как бы программировал в общих чертах контуры грядущих свершений.

Действенным вспомогательным средством развития его прогностических идей были его воображение и интуиция. Это особенно сказывалось в его размышлениях относительно послевоенного мироустройства.

Рузвельт как государственный деятель, как оратор стоял в интеллектуальном отношении наравне со своим веком. Он отчетливо представлял духовные и материальные потребности эпохи. Он говорил в своих речах о проблемах, достойных внимания американской и мировой общественности. Он располагал всеми необходимыми качествами, которыми должен был обладать политический лидер, подлинный корифей ораторского искусства: ум, трудолюбие, энергия, философская, логическая, психолого-педагогическая, лингво-риторическая подготовленность. Кроме того, подлинной душой Рузвельта-оратора были глубокая убежденность в верности своих позиций, искренность, человечность.

Рузвельт умел говорить так, что аудитория не только слышала каждое его слово, не только видела его перед собой как человека, но и обзревала мысленным взором рисуемые им образы и картины реальной действительности.

Логика в речах Рузвельта сочеталась с большим эмоциональным подъемом. Его речь – это нерушимый союз ума, чувства и воли.

Знаток человеческого сердца с его световыми и затененными сторонами, с его достоинствами и слабостями, он живописал своим волшебным словом. Рузвельт искусно привлекал к себе слушателей, достигая этого главным образом не изобилием риторических ухищрений, а глубокими мыслями, силою истины, твердостью убеждения. Он покорял своей воле мысли и чувства всех ему внимающих. Он воодушевлял их своим чарующим словом на трудовые и ратные подвиги.

Рузвельт сполна использовал единственно неизменное и вечное основание убеждения – логику. Однако он воздействовал не на один только разум слушателей, но и на все их душевные силы. Зная сокровенные изгибы человеческого сердца, он возбуждал их устремления и страсти на понятиях нравственности, чести, справедливости, славе, патриотизме. Слушатели поддава-

лись очарованию его мысли, голоса, выражению его лица. Животворное слово Рузвельта производило мощное интеллектуальное и эмоциональное воздействие. Оно потрясало души его соотечественников, оставляя неизгладимое впечатление. Его апостолическое по характеру слово, порожденное и проникнутое впечатлениями и парениями человеческого духа воистину творило чудеса.

Мастер психолого-педагогического воздействия

Всякому творящему речь
подобает применяться к слушателям,
кто не хочет говорить на ветер.

Сократ

Философской основой политического красноречия Рузвельта были его социальные и нравственные идеи. Ораторское искусство Рузвельта было действенным потому, что было связано с повседневной жизнью миллионов соотечественников. Из жизни он черпал содержание своих речей, сама жизнь порождала его идеи и силу эмоций. Это не было случайным явлением. Речи оратора были полны информации о состоянии производства, о том, какова заработная плата, жилье, питание американцев, сколько в стране безработных, нищенствующих и т.д.

Восприимчивый ко всему, что волновало его слушателей, Рузвельт черпал необходимую информацию из многочисленных встреч, бесед с представителями самых различных сфер деятельности. Обогащенный наблюдениями реальной жизни американского общества во всех её социальных и иных проявлениях, он стремился найти пути разрешения социально-экономических, политических и иных проблем Америки. Соотечественники благожелательно относились к социальной направленности его идей. Особо это относилось к его провозглашениям о непреложном праве обездоленных на труд, на достойную материальную обеспеченность.

В речах Рузвельта и в период Великой депрессии, и в трагические дни войны не раз и с огромным сочувствием раздавались его слова о тяжких бедах, выпавших на долю простых людей. Его проникновенные слова действовали на массы воистину магически. Президент слышал массы, понимал массы. Он умел зажечь в сердцах людей благороднейшие чувства, подвигнуть их к действиям по решению сложнейших задач.

Рузвельт был патриотом своей страны. Решению сложнейших проблем той эпохи он отдавал полностью все свои силы, знания и опыт. До конца жизни он боролся ради того, чтобы человечество в грядущем могло жить лучше в условиях мира и дружбы народов.

Обличения Рузвельта, которые он бросал в адрес партийных и экономических боссов электризовали аудиторию, находили в массах одобрение.

Дошедшие до современных поколений тексты речей, радиовыступлений Рузвельта не могут в полной мере передать многих важнейших качеств, особенностей его ораторских выступлений, в частности, как оратор пользовался жестами, мимикой лица, интонациями и другими средствами.

Тексты его речей передают, в основном, то, что говорил Рузвельт. Однако они лишены возможности донести до современных поколений как говорил оратор. И тем не менее, нельзя не подчеркнуть особо то, что дошедшие до нас тексты его речей, радиобесед, небольшое число звукозаписей его выступлений достаточно наглядно отображают содержание его мыслей и безупречную красоту их языкового оформления.

Нельзя не сказать о том, что в громадной степени сила влияния Рузвельта как президента, как высшего военачальника, духовного лидера нации, просто как человека во многом заключалась в его громадном личном обаянии.

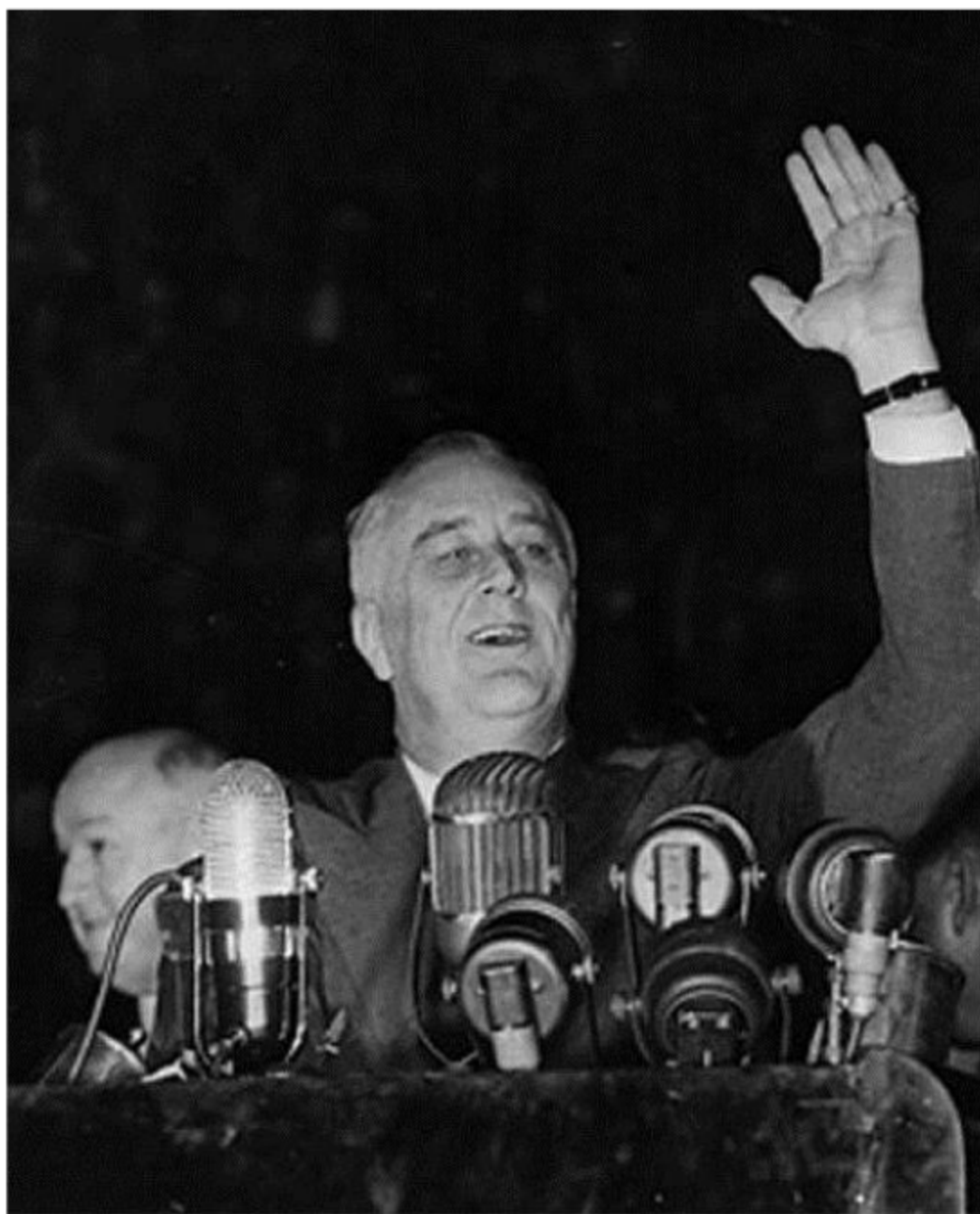
Публичные выступления Рузвельта, отличаясь строгой простотой, вместе с тем были всегда ораторски приподняты, взволнованны, эмоционально экспрессивны.

Рузвельт в совершенстве владел всеми красками образной, выразительной речи. Он был выдающимся мастером драматизации освещаемого. Он находил проникновенные, горячие слова, глубоко воздействующие убедительные доводы, он искусно воздействовал на чувства слушателей, пробуждая их эмоции.

Ораторский стиль Рузвельта не был неизменным, статичным. И дело здесь не только в том, что оратор обладал уникальным политическим кругозором, обширными экономическими, военными, историческими, географическими, психологическими, педагогическими знаниями и высокой языковой и общей культурой. Динамика его ораторского стиля обуславливалась во многом в зависимости от состава аудитории, места, времени выступления. Его стиль мог приобретать признаки то политического, то военного, то судебного, то бытового, то сугубо официально-делового характера.

Как опытейший, высокоэрудированный социальный психолог Рузвельт умел мастерски играть на таком тонком музыкальном инструменте, каким является человеческое сердце. Выступал ли он на митинге, в Конгрессе, вел ли с миллионами американских слушателей радиобеседу, всегда для его речи были характерны эмоциональная насыщенность и волевая заряженность. Оратор воздействовал не только на разум, но и на все душевные силы своих слушателей. Огромная впечатляющая сила его живого слова основывалась на глубоком знании жизни, интересов простых граждан Америки.

Рузвельт всегда ориентировался при подготовке своих выступлений на ту аудиторию, перед которой собирался выступать. Он прекрасно знал, что интересы промышленных рабочих значительно разнятся с насущными вопросами фермеров, горняков, студентов, военных, государственных служащих и др. Он всегда, как свидетельствовали его современники, размышлял над тем, что может ему обеспечить тесное взаимодействие с аудиторией, надежный психологический контакт. Повседневный опыт общения с представителями самых различных сфер, а также его природные задатки, склонности к тонкому психологическому анализу позволяли ему находить верные пути эффективного психологического воздействия на аудиторию.

Стремление Рузвельта к обеспечению максимальной доступности содержания его речей основывалось на его четких представлениях об интеллектуальной физиономии его слушателей, о силе и объеме тех умственных ресурсов, которыми обладала та или иная его аудитория.

Одна из существенных психолого-педагогических особенностей его влияния на аудиторию состояла в том, что он, обращаясь к слушателям, стремился учить и воспитывать их на лучших образцах работы, на положительном опыте тех или иных представителей американского общества. Как опытный политик, социальный психолог, оратор Рузвельт основывал возбуждение у своих слушателей их страстей на нравственных понятиях о чести, о справедливости, славе, преданности, любви к своей стране. Весьма показательны в этом отношении его выступления во время вывода страны из Великой депрессии. Особенно показательны его патриотические речи и радиообращения, которые он адресовал со-

отечественникам, пробуждая у них энтузиазм, готовность самоотверженно работать и выполнять воинский долг.

С особой теплотой слушатели воспринимали слова Рузвельта, в которых он сочувственно отзывался о многочисленных страданиях простых людей, особенно фермеров и их семей, переживших тяжелейшие последствия природных катаклизмов, связанных с жесточайшей засухой и т.д. То же можно сказать и о тех его выступлениях, когда Рузвельт говорил труженикам тыла о трудностях, которые переносили солдаты, офицеры на фронтах.

Рузвельт, как никто из политических лидеров того времени, мог в США приводить в столь глубокое волнение чувства американских граждан.

Можно, анализируя речи и другие публичные выступления Рузвельта, указать на некоторые конкретные психолого-педагогические приемы воздействия на аудиторию. Для многих публичных выступлений характерен драматизм изображения происходивших событий. Образность, картинность, драматизм изображения оказывали сильнейшее воздействие на слушателей. Многолетний опыт общения с людьми давал Рузвельту основание убедиться в том, что эмоциональность, драматизм изображения событий способен воистину творить чудеса, воздействие на эмоции слушателей оказывалось колоссальным.

Анализ текстов публичных выступлений Рузвельта, свидетельства тех, кто работал вместе с ним в администрации, в «мозговом центре», свидетельствуют о том, что Рузвельт и в общении с небольшой аудиторией, с отдельными должностными лицами, дипломатами и др. был очень внимательным собеседником. Он тонко чувствовал психологический настрой собеседника, умел по словам, окраске голоса, по глазам, по выражению лица и т.д. определять его состояние, его намерения и т.п., что позволяло ему подбирать верный ключ к разуму и сердцу собеседника.

Мощным рычагом психолого-педагогического воздействия на аудиторию у Рузвельта был прием убеждения, увлечения слушателей личным примером, своими самоотверженными поступками в интересах общего дела, в интересах каждого слушателя.

Психологическое воздействие публичных выступлений Рузвельта во многом обуславливалось его чрезвычайно высоким деловым и моральным авторитетом, тем, что миллионы его соотечественников не только глубоко уважали его, но и любили его как президента, как человека. Оттого его умное, его искреннее, его страстное слово зажигало в слушателях ответную страсть и готовность отдать все силы на решение поставленных Рузвельтом задач.

Общаясь с представителями различных сфер общества, Рузвельт нередко говорил с ними по-разному. Выступления перед массовой аудиторией были более доступными, всё содержание речи излагалось понятным каждому языком. Характерным для оратора был переход на рассказочное повествование. Особенно это очевидно в стиле его радиообращений к миллионам американских и зарубежных слушателей.

Высокая степень психологической подготовленности помогала Рузвельту не раз укрощать враждебно настроенную ему аудиторию и склонять её умонастроение и чувства на свою сторону. Чувствуя дыхание, настрой мыслей и

чувств аудитории, Рузвельт умел быстро, возможно инстинктивно, находить мгновенно отвечавшие моменту формулировки мысли и звучащие интонации.

В целом, объективности ради, можно отметить, какими бы совершенными находками не были в речах Рузвельта средства и приемы психологического воздействия на аудиторию, главную свою задачу оратор видел не в том, чтобы увлечь аудиторию, а в том, чтобы основательно убедить её в правоте своих мыслей, своих идей, воздействуя при этом на разум слушателей.

В процессе выступления Рузвельт, выражая свое волеизъявление не ограничивался только такими формулами, как-то: «нужно то-то», «да то-то», «мы с вами должны», «мы (вы) обязаны», «нам (вам) надо» и т.п. Формы выражения его волеизъявления были разнообразны. Иногда они осуществлялись в виде рассуждения, размышления, вопроса, совета и т.п.

Совершенство ораторского мастерства Рузвельта в значительной мере обуславливалось тем, что он был человеком с широким научным образованием, особенно было важным то, что он имел фундаментальные знания в области истории, социологии, психологии, философии и ряда других отраслей научного знания.

Рузвельт к тому же имел громадный опыт государственного управления, знал сферу финансово-экономического, хозяйственного развития страны, военно-промышленного комплекса, современного ему технического прогресса.

Сила и глубина воздействия выступлений Рузвельта заключалась в их политической социальной актуальности, информационной емкости, эмоциональной выразительности. В каждом вопросе, о котором он говорил, стремился разобраться обстоятельно, выявить подлинные истоки процесса, заглянуть в будущее.

Как уже отмечалось, особенно значительным фактором, определявшим действенность ораторского искусства Рузвельта, была высокая степень его исторической подготовленности, фундаментальное историческое образование позволяло ему основательно разбираться в самых сложных общественных процессах. История давала ему обильное число тех или иных поучительных примеров из жизни своей страны и из жизни других народов.

Для Рузвельта был свойственен конкретно-исторический подход к анализу событий. Он рассматривал происходящее в развитии, взаимосвязи настоящего и минувшего. Не случайно во множестве его публичных выступлений встречаются исторические экскурсы. Факты исторического характера служили у него более глубокому освещению задач современности.

Энциклопедическая образованность, уникальные исторические знания, высокая степень осведомленности в области внешней политики, международных отношений способствовали широкому использованию оратором многих интересных, порой уникальных материалов, значительно обогащавших содержание его выступлений.

Весомость живого слова Рузвельта во многом обуславливалась и тем, что он был основательно подкован в правовом отношении. По его инициативе, при его личном участии не только разрабатывались десятки законов и законоуло-

жений, но и с помощью его публичных выступлений формировалось правовое сознание американского общества того времени.

Сила Рузвельта-оратора состояла во многом в том, что он хорошо знал жизнь своих слушателей во всех её проявлениях. Он знал особенности психологии каждого слоя населения. Он знал заботы рядовых американцев.

Рузвельт мог установить тесный психологический, деловой контакт с любой аудиторией. В этом ему помогали те обширные знания, которые он имел в области социальной психологии. Он знал интересы самых различных слоев общества. Его влияние на людей не происходило само по себе. Рузвельт тщательно готовился всю свою жизнь к деятельности национального лидера.

Публичные выступления Рузвельта доказывают, что психологическое воздействие оратора во многом обуславливалось тем, что выступавший являл аудитории свою огромную убежденность в том, что выдвигаемые им задачи будут решены.

В годы войны во многих речах Рузвельта присутствовал патриотический пафос, страстность, которые сильно ударяли в сердца слушателей. Целеустремленность, деловая напористость с особой силой проявились в выступлениях Рузвельта именно в период войны. Он настойчиво добивался того, чтобы все силы тех, кто работает в тылу, самоотверженно отдавались на нужды фронтов.

Его выступления всегда были страстны, искренни, глубоко продуманы. Он заражал всех, кто его слушал, глубокой верой в то, что он говорил, к чему призывал. Не найдется, пожалуй, ни одного его публичного выступления, которое не дышало бы твердой уверенностью оратора в правоте его дела.

Знания психологии давали Рузвельту возможность глубоко проникать в особенности человеческой природы, в характеры своих слушателей.

Он умел, в зависимости от обстоятельств, от целей общения со слушателями вызывать у них самые различные движения души: чувства патриотизма, восторг, гнев, ненависть и т.д.

Каждое выступление Рузвельта несло в себе мощный воспитательный заряд. Каждый факт общения с массовой аудиторией или отдельным человеком был фактом учебы уму разуму.

Известный российский американист, доктор исторических наук, профессор А.И. Уткин в своем труде «Рузвельт», говоря о психологических особенностях Франклина Делано Рузвельта, счел уместным сослаться на любопытные суждения по этому вопросу английского философа Исая Берлина:

«Прав философ Исайя Берлин, указавший на исключительную человеческую чувствительность этого человека, на его знание, сознательное и бессознательное, надежд, страха и устремлений того множества людей, которые составляют народ. Это вольное или невольное знание, считает Берлин, было главным источником его величия, его гения, его места в истории. Словно различные потоки разнообразного общества отразили общую сейсмограмму в его нервной системе. Но знания было недостаточно. «Прежде всего, – пишет Берлин, – он был абсолютно бесстрашен. Он был одним из немногих государственных дея-

телей двадцатого века – да и любого века – который не имел страха перед будущим».²⁹

В годы Второй мировой войны Берлин работал в британской службе информации в США (1941-1942), а в 1945-1946 гг. 2-м секретарем британского посольства в СССР. Цитируемые суждения Исая Берлина А.И. Уткиным были взяты из книги Сэра Исая Берлина³⁰.

Рузвельт знал законы, по которым могут управляться чувства слушателей.

Психологическое воздействие на аудиторию начинается ещё до того, когда оратор уже произносит свою речь. Такое воздействие реализуется уже с момента появления оратора перед публикой.

Рузвельт высоко ценил общение с массами. Он знал их психологию, их заботы, нужды, чаяния. Его уважение к простым людям было беспримерным. С течением времени он выработал умение говорить с ними по душам: доходчиво, ярко, убедительно. Шедевром в этом отношении являются его знаменитые «радиобеседы у камелька». Общаясь с большой аудиторией, он в то же время говорил будто с каждым, размышляя и советуясь с ним. Противник назидательности, враг избитых фраз и пустых словесных штампов.

Рузвельт являл собой сгусток ума, энергии, конструктивных идей, железной воли, направленных на достижение поставленных целей. Сотни раз, пренебрегая здоровьем, опасностями, он совершал поездки по стране и зарубежным странам, встречаясь с самыми различными категориями населения: шахтерами, рабочими промышленных предприятий, докерами, военными, фермерами, учеными, студентами, дипломатами и др.

Своими речами Рузвельт стремился вызвать к жизни энергию людей труда, создать понимание и глубокую сознательность их по отношению к задачам подъема экономики страны, обеспечения нужд армии и флота в военные годы. Он заражал своей неустойчивостью всех, кто с ним так или иначе соприкасался. Все восхищались его трудолюбием, самоотверженностью, стремились следовать его примеру. Влияние Рузвельта на окружающих было огромным. Магия его живого слова воистину беспримерна.

Искренность Рузвельта в общении со слушателями, соединенная с его умом, с даром убеждения и внушения, вызывала у внимавших простых американцев безграничное доверие к нему и готовность действовать в русле его рекомендаций, советов, призывов.

Как оратор Рузвельт был многогранен, что обуславливало и динамичность его ораторского стиля. Слушатели имели возможность общаться с Рузвельтом-рассказчиком, задушевым старшим другом, грозным высшим чиновником, ядовитым обличителем, мудрым учителем, проповедником, осторожным юристом, уклончивым дипломатом и т.д.

Отличительная черта Рузвельта-оратора – умение соотнести содержание своего выступления с интересами слушателей.

29 Уткин А.И. Рузвельт.- М.: Издательская корпорация "Логос", 2000, с.538-537.

30«Личные впечатления». Изд-во Принст. ун-та, 2001, с. 27-28.

Для Рузвельта-оратора, политика, социального психолога было присуще контрастное описание свершавшихся процессов, событий, что позволяло ему отчетливее выразить свое личное отношение к происходящему и в то же время – рельефнее показать освещаемое для слушателей.

Стратег в формировании общественного мнения

Нет ничего изменчивее, неопределеннее общественного мнения, и как бы своенравно оно ни было, всё-таки оно бывает правдивым, разумным, справедливым гораздо чаще, нежели полагают.

Наполеон

Более полутора тысяч лет феномен «общественного мнения» (в самых различных вербальных номинациях) является объектом пристального внимания государственных, политических деятелей, философов, социологов, историков, психологов и других.

Были ли знакомы Рузвельту суждения о феномене общественного мнения мыслителей античности (Платон, Аристотель, Сократ и др.), Средневековья и эпохи Возрождения (Н. Макиавелли и др.), более позднего времени (Вольтер, Гегель и др.)? Это неизвестно.

Безусловно, однако, что до него дошли размышления об общественном мнении «отцов-основателей» Соединенных Штатов Америки в лице, скажем, Т. Джефферсона, А. Линкольна и некоторых других американских прогрессивных деятелей.

Джефферсон, к примеру, полагал, что общественное мнение может являться эффективным средством контроля за деятельностью правительства со стороны общественности. «Народ, – говорил он, – должен оказывать влияние на правительство в интересах всего государства».

А. Линкольн считал: «Всему, что поддерживается общественным мнением, гарантирован успех. Без поддержки общественного мнения успеха не будет».

Рузвельт на протяжении всей своей президентской деятельности следовал мудрому линкольновскому совету: «В союзе с общественным мнением можно сделать всё, без него – ничего».

Не случайно, при решении многих важнейших экономических, политических, военных, социальных проблем Рузвельт неуклонно стремился наиболее полно, точно определить политический, социально-психологический настрой широких масс населения.

По результатам многочисленных личных встреч с гражданами, специально проводимых опросов, на основе материалов прессы, информации различных общественных организаций и специальных служб он внимательно прослеживал динамику общественного мнения. Используя все рычаги влияния, он формировал его контуры и содержание. С особой очевидностью это проявлялось в про-

цессе вывода страны из тяжелейшего экономического и морального кризиса периода Великой депрессии, а также в годы Второй мировой войны.

Оценивая состояние общественного мнения, Рузвельт находил те или иные его отклонения от нормального, приемлемого состояния и своевременно намечал серию мер по его коррекции.

Главным инструментом, зажигающей искрой в комплексе неотложных мер, наряду с принятием тех или иных законодательных инициатив, принимаемых правительством мер, являлось его живое слово, реализуемое в выступлениях по радио, в конгрессе, на съездах партий, на международных форумах, на бесчисленных митингах, встречах с различными слоями населения.

К толкованию суждений президента немедленно подключались пресса, радио, телевидение.

Состояние национального мнения, как в целом, так и в отдельных его частях, находилось постоянно под пристальным вниманием и влиянием президента. Оно ни на минуту не выпадало из поля его зрения. Те или иные тенденции в колебаниях общественного мнения прогнозировались в большинстве случаев, сопровождалась принимаемыми президентом, правительством предварительными мерами его нормализации до приемлемого состояния.

Из личного опыта Рузвельт знал, что в ряде случаев формирование общественного мнения надо проводить с особой аккуратностью. Необходимо, в частности, более тщательный учет имеющихся традиций, норм морали, религиозных убеждений, личных особенностей слушателей и т.д. Его кампании по преодолению сложностей в судебной системе страны, по преодолению сложившихся традиций изоляционизма и др. как раз подтверждали необходимость более тонкого и системного подхода к разрешению возникших проблем. Не менее сложной для президента оказалась работа по преодолению феномена антисоветизма.

Военный конфликт СССР и Финляндии, характер действий в отношении Прибалтийских государств, прогерманская внешняя политика СССР в конце 1939 – первой половине 1941 г. нанесли чувствительный урон престижу Советского Союза в США, Англии и ряде других стран. Общественное мнение на мировой арене оказалось в значительной мере не в пользу СССР.

Рузвельтом были предприняты значительные усилия, чтобы изменить общественное мнение в США и на мировой арене в пользу Советского Союза и создать благоприятные условия для оказания помощи народам Советского Союза в борьбе с германским фашизмом.

Большую роль в установлении положительного климата в мировом общественном мнении сыграли публичные выступления Рузвельта, его многочисленные послания в адрес политического и военного руководства СССР, его участие в ряде мировых форумов.

Выступления Рузвельта были поддержаны его сторонниками, многими средствами массовой информации США и других стран, видными политическими деятелями ряда государств антигитлеровской ориентации.

В сущности именно позиция Рузвельта обеспечила формирование общественного мнения народов Америки и других стран в пользу героической борьбы Советского народа с гитлеровскими захватчиками.

Положительная позиция Рузвельта в отношении СССР обозначилась со всей определенностью ещё в 1933 году, когда по его инициативе были преодолены негативные тенденции в общественном мнении в отношении молодой страны Советов, что позволило установить дипломатические отношения Соединенных Штатов Америки с Союзом Советских Социалистических Республик.

После нападения гитлеровской Германии на СССР Рузвельт 24 июня 1941 года с учетом своего личного мнения и общественного мнения американского народа заявил о готовности Соединенных Штатов оказать поддержку борьбе советского народа.

В декабре того же 1941 года, после вступления Соединенных Штатов в войну Рузвельт, руководствуясь мировым общественным мнением взялся за активное создание и укрепление антигитлеровской коалиции.

Поль Л. Сопер в книге «Основы искусства речи» писал:

«Президент Франклин Д. Рузвельт, по общему признанию великолепный стратег в вопросах организации общественного мнения, ни в 1935 году, ни в 1939 году, когда война уже разразилась в Европе, никогда прямо не призывал поднять оружие против Германии и Японии. Вместо этого шаг за шагом, по мере того как складывалась уверенность в успехе мероприятия, он добивался сначала создания флота на двух океанах, затем отказа от политики нейтралитета в торговле с границей, наложения эмбарго на агрессоров и, наконец, всеобщей воинской повинности и т.д. С другой стороны, в смелых попытках 1936 года укомплектовать Верховный суд своими людьми он недооценил сил оппозиции и потерпел неудачу. Но нельзя совершенно избегать антагонизма: некоторые враги помогут вам приобрести друзей. Слушатели ценят в ораторе смелость».

Несмотря на имевшие место успехи в формировании общественного внимания, Рузвельт считал, что работа в этой сфере должна проводиться более энергично и масштабно. Он, в частности, считал, что надо полнее формировать, развивать общественное мнение в интересах демократии. Это нужно, по его мнению, делать как в текущем управлении, так и в политике.

9 мая 1943 года, Рузвельт писал Арчибалду Маклейшу: «...Нам следует... снова и снова следить за тем, как бьется изо дня в день пульс общественного мнения, как влияют события на различные категории граждан, как ведется пропаганда, какую роль играют газетные бароны...».

Общественное мнение – феномен исторически обусловленный. В начале реализации «нового курса» важно было внедрить в сознание миллионов американцев дух организованности, уверенности в преодолении тяжелейшего экономического и духовного состояния стран. В конце 30-х- начале 40-х годов на первый план выдвигается проблема безопасности, консолидации национальных и мировых усилий в обеспечении победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией.

В завещающий этап военных действий внимание Рузвельта стало сосредоточиваться на выработке идей грядущего мироустройства. Он нацеливал на это национальное и мировое общественное мнение. Воистину программным в этом отношении явилось его историческое выступление от 6 января 1945 года, которое по сути его своеобразным наказом, завещанием для современников и потомков.

Обращаясь к народам Объединенных Наций, прежде всего к членам Большой Тройки, Рузвельт говорил:

«Нас объединяет не только общая опасность, но и общая надежда. Наша коалиция – это союз не правительств, а народов. Народы же мечтают о мире: в Америке так же, как и в Англии; в Англии – так же, как и в России; в России – так же, как и в Китае; во Франции, во всей Европе и на всей земле – повсюду, где люди любят свободу. Их надежда и цель – это прочный мир на долгие времена».

ГЛАВА IV. ЖИВОЕ СЛОВО РУЗВЕЛЬТА В МОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ БОРЬБЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА С ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИЕЙ

Рузвельт о самоотверженной борьбе советского народа и его вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны

«Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, но я видел Севастополь и Ялту! И знаю, что на Земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие».

Ф.Д. Рузвельт
(Из сообщения о пребывании
в Ялте и посещении Севастополя)
1 марта 1945 г.

Соединенные Штаты Америки были последними из великих держав в установлении дипломатических отношений с СССР. 16 ноября 1933 года было принято соглашение посредством обмена нотами, в которых выражалась уверенность, что «установленным ныне между нашими народами отношениям удастся навсегда остаться нормальными и дружественными и что нашим нациям отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира».

Рузвельт отмечал, что «два великих народа Америки и России должны поддерживать нормальные отношения. Восстановление дипломатических отношений выгодно для обеих стран».

В 1937 году последовало заключение важного соглашения о торговле. К сожалению, вскоре в отношениях двух стран обозначилось похолодание. Президент США негативно отнесся к подписанию в 1939 году советско-германского пакта, а затем и к началу войны СССР против Финляндии.

Выступая с речью в феврале 1940 года в Вашингтоне перед делегатами конгресса просоветски настроенных представителей американской молодежи, он говорил:

«...Когда большинство из вас были маленькими детьми, я испытывал огромную симпатию к русскому народу... Я, как и многие из вас, надеялся, что Россия будет заниматься разрешением своих собственных проблем и что её правительство в конце концов превратится в миролюбивое народное правительство со свободной системой выборов и не будет нарушать неприкосновенность своих соседей. Сегодня эта надежда либо разбита, либо отложена в долгий ящик до лучших дней.

Советский Союз, и это знает каждый, кто имеет мужество смотреть фактам в глаза, управляется такой же неограниченной диктатурой, как и любая другая диктатура в мире. Он связал себя союзническими узами с другим диктаторским государством и напал на соседнее государство, которое настолько ма-

ло, что не могло и помышлять о нанесении какого-то ущерба Советскому Союзу и которое стремилось только к тому, чтобы жить в мире – в условиях либеральной демократии».

Аудитория негативно отнеслась к этому заявлению президента США. Более того, сообщали, что оратор был даже освистан слушателями.

Советское руководство наверняка было осведомлено об этом инциденте. Ясно было, однако, что подобное высказывание первого лица такой большей страны как США не могло способствовать формированию в мире позитивного общественного мнения об СССР.

Последующий ход исторических событий, вероломное нападение фашистской Германии на СССР, решительная борьба советского народа против агрессии внесли коррективы в характер отношений президента США к СССР. К этому его побуждали и собственные интересы Соединенных Штатов.

23 июня 1941 года в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз правительство США выступило с заявлением, в котором охарактеризовало данный факт «вероломным», «свидетельствующим о планах безжалостного и грубого порабощения».

24 июня Рузвельт, выступая на пресс-конференции, заявил, что Соединенные Штаты «намерены оказать России всю помощь, какую только смогут».

Согласно закону о ленд-лизе, который был подписан Рузвельтом 2 марта 1941 года, с 7 ноября 1941 года начались поставки по ленд-лизу Советскому Союзу. Законом предусматривалась передача займы или в аренду вооружение, боеприпасы, стратегическое сырье и продовольствие странам-участникам антигитлеровской коалиции. Поставки шли через Мурманск, Архангельск, Дальний Восток, а также через Иран.

С момента фашистской агрессии и до конца своей жизни Рузвельт оказывал народам Советского Союза неизменную материальную и моральную поддержку.

Советские исторические источники свидетельствуют, что «...По американским официальным данным из США в СССР за время войны было отправлено 14 450 самолетов и около 7000 танков; из Англии (по 30 апреля 1944 (3384 самолета и 4292 танка; 1188 танков были доставлены из Канады. Между тем Советский Союз в течение трех последних лет войны производил ежегодно более 30 тыс. танков и САУ и до 40 тыс. самолетов».³¹

Кроме того в СССР доставлялась другая военная техника, транспортные средства, продовольствие. Против стран Оси вели боевые действия вооруженные силы Объединенных Наций.

Координация действий против гитлеровской Германии, фашистской Италии, милитаристской Японии осуществлялась штабами, ведомствами, министерствами и высшим военным и политическим руководством Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

31 Советская Военная Энциклопедия. В 8 тт., Т. 4, с. 599.

За период с 1941 года по апрель 1945 года Рузвельт направил на имя Сталина 153 послания. Сталин адресовал президенту США 135 посланий. Часть посланий, шедших от союзников, имела два адресата (Рузвельта и Черчилля).

Почти в каждом послании президента США содержатся слова моральной поддержки борьбы советского народа и его вооруженных сил.

Вот одно из первых посланий (в извлечении).

Получено 15 августа 1941 года

Ф. РУЗВЕЛЬТ И У. ЧЕРЧИЛЛЬ И.В. СТАЛИНУ

Мы воспользовались случаем, который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в этом великолепном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь...

Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления.

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ
Уинстон С. ЧЕРЧИЛЛЬ³²

Намерения Рузвельта развернуть полнокровную поддержку СССР в борьбе с фашистской Германией нередко встречали сопротивление в определенных кругах Соединенных Штатов.

Посол СССР в США К. Уманский в своих сообщениях в Народный комиссариат иностранных дел СССР многократно отмечал, что указания Рузвельта о развертывании помощи Советскому Союзу бешено саботируются и в структурах министерства обороны, и в госдепартаменте, и в сенате. По словам Уманского Гопкинс и сам президент уже не раз «одергивали» зарывающихся чиновников.

В телеграмме от 13 сентября 1941 г. К. Уманский на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР сообщал о беседе с Рузвельтом. Посол, в частности, свидетельствовал:

«Рузвельт сетовал на антисоветские интриги церкви, особенно католиков и их людей в конгрессе, просил в информации на СССР подчеркивать патриотическую позицию церкви в СССР, заявил, что послал своего личного представителя при Ватикане Тейлора снова к папе с основной целью нейтрализовать

³² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1946 гг. Т.2. – М.: Политиздат, 1986. с. 3-4

«фактически профашистское» влияние католиков в США и уломать папу по вопросам СССР».³³

Рузвельт не был человеком со слабым характером. Он строго наказывал за упущения в работе по выполнению его распоряжений.

Любопытный факт, приведенный в телеграмме посла СССР в США К. Уманского. В телеграмме он передает содержание встречи с Гопкинсом:

«Гопкинс откровенно признал, что в аппарате американского правительства (с намеками на госдепартамент) имеется немало людей, у которых «политические предрассудки по отношению к СССР сильнее их лояльности при выполнении приказов главы государства и главнокомандующего вооруженными силами их родины.

Однако он может меня заверить, что с этими людьми церемониться не будет, что у Рузвельта сейчас тяжелая рука, что, например, некоторые генералы и полковники, на днях обедавшие с Линдбергом, будут смещены, что всякий раз, когда я буду сообщать ему конкретные факты саботажа поставок нам, виновные будут сняты и наказаны.

Гопкинс с большой откровенностью стал перечислять мне людей, на содействие которых можно рассчитывать при реализации поставок: Моргентау, Икес, Нокс, Стимсон, заместитель морского министра Форрестол, заместитель военного министра Паттерсон, начальник морского генштаба адмирал Старк, специальный уполномоченный по поставкам антигитлеровским странам генерал Бернс, ряд конкретно названных им людей в аппарате Моргентау и генерала Бернса...».³⁴

Далее в процессе беседы, свидетельствует К. Уманский, Гопкинс добавил «Нацистов в своем аппарате не потерпим, будем их убирать».³⁵

Распространение на Советский Союз условий помощи по ленд-лизу потребовало от Рузвельта немалого мужества. Даже изначально, когда его планы касались только Англии, многие в Соединенных Штатах были против решений президента и обвиняли его в «политической близорукости».

Рузвельт проявил упорство и выстоял. Будучи противником коммунистической идеологии, социализма, он, однако, руководствуясь политическими, экономическими интересами США, усматривал опасного противника не в Советском Союзе, а в фашистской Германии. Президент сделал заявление о том, что Соединенные Штаты Америки окажут «любую помощь России».

9 декабря 1941 года Рузвельт, выступая с радиообращением к миллионам соотечественников, подчеркнул:

«...Мы должны усвоить, что, скажем, партизанская война против германских войск в Сербии или в Норвегии помогает нам, что успешное наступление русских облегчает нашу задачу, что военные успехи англичан на суше и на море в любой части света играют нам на руку».

³³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т.1. 1941-1943 / М-во иностр. дел СССР - М.: Политиздат, 1984, с.8.

³⁴ Из телеграммы посла СССР в США в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 13 июля 1941 г. / Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Том I. Документы и материалы. В 2-х т. Т.1. 1941-1943 / М-во иностр. дел СССР - М.: Политиздат, 1984, с. 64-65.

³⁵ Там же, с. 65.

1942 год был тяжелым годом для СССР. Тем не менее, сопротивление гитлеровским захватчикам неуклонно возрастало. Более того, был осуществлен ряд операций контрнаступательного характера.

Мировое общественное мнение всё с большим и большим уважением относилось к героической борьбе советских людей, Рузвельт внимательно следил за общественным мнением в мире. Он не только следил, но сам лично принимал необходимые шаги к тому, чтобы общественное мнение активнее формировалось в пользу стран, борющихся с фашистской агрессией Германии и её союзников.

Можно с полным основанием утверждать, что Рузвельт сам лично активно участвовал в формировании общественного мнения в США и в мире в пользу действий Советского Союза.

В радиообращении к американскому народу 23 февраля 1942 года Рузвельт, призывая соотечественников, напрячь силы с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, неоднократно в своей радиобеседе говорит о беспримерной борьбе народов Советского Союза и его, Вооруженных сил:

«...Окиньте взглядом огромную территорию России с её могучими армиями и испытанной военной мощью».

В этом же выступлении президент, осуждая тех, кто ратует за прекращение, сокращение посылки военного снаряжения ряду стран, в том числе и России, борющейся с гитлеровскими ордами, говорит:

«...Если, приняв такую безрассудную политику, мы перестанем защищать линию снабжения в Северной Атлантике, по которой от нас поступает помощь Британии и России, мы тем самым значительно ослабим героическое контрнаступление русских против нацистов и поставим Британию в такое положение, что она может остаться без необходимого продовольствия и военного снаряжения».

Здесь же Рузвельт говорит о стойкости, героизме англичан и русских:

«Народы Британии и России испытали на себе всю ярость нацистского нашествия. Были моменты, когда судьбы Лондона и Москвы внушали серьезные опасения. Однако никогда не возникало ни малейшего сомнения в том, что англичане и русские не сдадутся, будут продолжать борьбу.

И сегодня Объединенные Нации салютуют славной русской армии в день её двадцать четвертой годовщины».

16 марта 1942 года. Послание Сталину Рузвельт завершает словами:

«Решимость Ваших армий и народов нанести поражение гитлеризму вдохновляет свободные народы всего мира".³⁶

12 апреля 1942 года. Рузвельт завершает очередное послание следующим образом:

«Американский народ в восторге от замечательной борьбы Ваших заслуженных сил, и мы хотим Вам оказывать помощь в уничтожении гитлеровских армий и материальных сил лучше, чем мы это делали до сих пор».³⁷

³⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.2. М.: Политиздат, 1986, с. 15.

³⁷ Там же, с. 16.

В радиообращении к американскому народу, состоявшемся 28 апреля 1942 года, Рузвельт горячо призывал американцев к самоограничению, на равные для всех жертвы ради достижения полной победы. Давая военно-политический анализ положению дел на фронтах, он, в частности, сказал:

«На европейском фронте самым важным событием прошедшего года. без сомнения, стало сокрушительное контрнаступление великой русской армии против мощной германской группировки.

Русские войска уничтожили – и продолжают уничтожать – больше живой силы, самолетов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные Объединенные нации вместе взятые».

Такая оценка была объективной и в высшей степени значимой в деле признания великой роли Советского Союза и его вооруженных сил в сокрушении германских полчищ.

Эта оценка послужила своеобразной отправной точкой для последующих высказываний Рузвельта как в его устных выступлениях, так и в многочисленных посланиях Сталину.

В послании Рузвельта Сталину от 19 августа 1942 года было сказано:

«Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом».³⁸

7 сентября 1942 года Рузвельт обратился к соотечественникам по радио. Он выступил как президент и главнокомандующий вооруженными силами США с обзором положения на всех фронтах.

«Русский фронт. Здесь немцам по-прежнему не удастся одержать сокрушительную победу, о которой Гитлер объявил ещё почти год назад. Германия захватила важную часть территории России. Тем не менее, Гитлер не смог уничтожить единую русскую армию, а это – можете не сомневаться, – было и остается его главной целью. По всей вероятности, миллионам германских солдат предстоит пережить ещё одну суровую зиму на русском фронте.

Русские истребляют больше вражеских самолетов и танков, чем противники Гитлера на любом другом фронте.

Обратим внимание на то, что это высказывание Рузвельта отчасти созвучно по своему содержанию с оценкой, которую он давал действиям русской армии ещё 28 апреля 1942 года. И апрельское и сентябрьское заявление президента, главнокомандующего вооруженными силами США были, безусловно, значительной моральной поддержкой борьбы советского народа против фашистской Германии и её союзников в один из тяжелейших периодов Великой Отечественной войны. В сентябрьском радиовыступлении есть одно суще-

³⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.2, М.: Подит-издат, 1986, с. 28.

ственное добавление: "Русские сражаются не только отважно, но и искусно". Ещё одна важная мысль в этом «добавлении» – твердое, уверенное пророчество: «Несмотря на все временные неудачи Россия выстоит и с помощью своих союзников, в конце концов изгонит со своей земли всех нацистов да последнего».

В том же тяжелейшем 1942 году, в радиовыступлении, которое имело место 12 октября, Рузвельт с глубоким удовлетворением констатирует перед всем многомиллионным американским народом и мировым сообществом следующий непреложный факт:

«Война нервов», которую нацисты вели против Объединенных Наций, теперь, подобно бумерангу, бьет по ним самим. Впервые нацистской пропагандистской машине приходится защищаться – оправдываться перед собственным народом за то, что мощнейшая германская группировка под Сталинградом получила отпор, понесла огромные потери».

Через четыре месяца после радиовыступления от 12 октября 1942 года название города Сталинграда вновь появится на устах Рузвельта в связи с завершением Сталинградского сражения. Президент США направит в адрес Сталина следующее послание:

«Получено 5 февраля 1943 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ИОСИФУ В. СТАЛИНУ,
ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Москва

В качестве Главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. Сто шестьдесят два дня эпическая борьба за город, борьба, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славою оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага,

Франклин Д. Рузвельт».³⁹

Для этого послания-поздравления характерна тональность высокого, торжественного стиля, что обусловлено спецификой самого содержания и соответствующими языковыми средствами реализации этого содержания.

³⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: В 2 т. М., 1986. Т.2. с. 51.

С особой силой уважение, восхищение Рузвельта выдающимися успехами советских вооруженных сил в борьбе с гитлеровской Германией было выражено в его радиообращении к миллионам соотечественников 28 июля 1943 года.

Президент, в частности, говорил:

«Сегодня самые тяжелые и решающие сражения идут в России. Я рад, что англичанам и нам удастся вносить вклад в великую ударную мощь русских армий».

До этого не было более высокой оценки действий советской армии. Существенно то, что такая оценка дается человеком, который понимал толк в тактике и военной стратегии и мог верно оценить реальную обстановку.

В своем выступлении Рузвельт далее продолжал:

«В 1941-1942 годах русские отступали, но не сдавались. Им удалось перевести многие военные заводы из засадной части России вглубь страны. Весь русский народ в полном единении встал на защиту своей великой родины».

И данная политическая оценка в высшей степени была глубокой и верной.

«Успехи русских армий, – продолжал президент США, – показали, как опасно предрекать что-либо по их поводу. Великому стратегу герру Гитлеру с его мистической интуицией надо зарубить это себе на носу».

Острая ирония, сарказм в адрес «герра Гитлера», надо полагать, вызвали глубокое удовлетворение у слушающей оратора многомиллионной аудитории простых американцев.

«Германское наступление, – продолжал Рузвельт, – начатое в начале этого месяца, было отчаянной попыткой подстегнуть упавший дух немецкого народа. Эта попытка провалилась. Русские не дали себя обмануть и развернули собственное наступление, которое согласуется со всей наступательной стратегией Объединенных Наций».

Будучи опытным политиком, мудрым дипломатом, Рузвельт счел необходимым дать высочайшую оценку деятельности высшего политического и военного руководства Советского Союза.

Рузвельт так сказал об этом: «Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир».

Никто из политических деятелей мира нигде и никогда не давал такой высочайшей оценки высшим моральным качествам русского народа.

И вот один из великих заветов великого Рузвельта, заветов, которому не суждено было сбыться в интересах народов Соединенных Штатов Америки и народов Советского Союза:

«После войны, – говорил Франклин Делано Рузвельт, – наша страна всегда будет рада поддерживать отношения добрососедства и искренней дружбы с Россией, чей народ спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы».

В августе 1943 года на конференции руководителей США и Великобритании в Квебеке («Квадрант») высадка во Франции (операция «Оверлорд») была признана «главным американско-английским наступлением... против европей-

ских держав "Оси". К этому времени политические и военные руководители этих стран проявляли растущее беспокойство по поводу предстоящих вступлений советской армии в пределы Восточной и Центральной Европы. Это могло случиться до прихода туда войск США и Англии.

Рузвельт имел основание ядовито заметить, что «если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится».⁴⁰

В очередном радиообращении Рузвельте, к американскому народу, которое имело место в сентябре 1943 года, было сказано:

«Мы все время поддерживали связь и с нашими боевыми союзниками – Россией и Китаем, – которые с неумолимой решимостью ведут войну на далеких фронтах и добиваются выдающихся успехов».⁴¹

Конец 1943 года (ноябрь и декабрь) знаменателен тем, что в это время высшее и военное и политическое руководство СССР получило важную по содержанию телеграмму и послание от Рузвельта. Кроме того, 24 декабря 1943 года президент Соединенных Штатов выступил с радиообращением к американскому народу. Названные документы и радиообращение были весьма актуальны.

Телеграмма президента США в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР от 7 ноября 1943 года и Послание президента США Председателя Совета Народов Комиссаров СССР от 4 декабря 1943 года содержат высокие оценки Рузвельтом новых военных и трудовых успехов советского народа и уверенность президента в том, что в послевоенное время будет обеспечено тесное сотрудничество двух великих держав.

В радиобеседе от 24 декабря 1943 года Рузвельт дал обзор результатов Тегеранской конференции, отметив, что её решения имеют историческое значение.

Рузвельт, в частности, сказал:

«Конференции в Каире и Тегеране дали мне возможность внешне лично встретиться и говорить с двумя непобедимыми военными руководителями: генералиссимусом Чан Кайши и маршалом Сталиным. Конференции в Каире и Тегеране не планировались как встречи за одним столом лицом к лицу, однако скоро выяснилось, что мы находимся, так сказать, по другую сторону стола. Уже до этих конференций мы верили друг в друга, однако нам был необходим личный контакт. Теперь наша вера получила решительное подтверждение.

Для того чтобы лично встретиться, каждому из нас пришлось проделать долгий путь по морю и по суше, однако дело того стоило: теперь у нас есть воодушевляющая уверенность в том, что мы согласны относительно всех главных целей и военных средств для их достижения».

Президент в данной радиобеседе особенно детально коснулся обстоятельств контактов со Сталиным.

⁴⁰ Цит. по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т.1. 1941-1943. (М-во иностр. дел СССР).- М.: Политиздат, 1984, с. 22.

⁴¹ Выражение Рузвельта приведено Элиотом Рузвельтом в его книге «Его глазам». М., 1947, с. 161.

«После каирской конференции г-н Черчилль и я на самолете прилетели в Тегеран. Там мы встретились с маршалом Сталиным. С ним мы в обстановке полной откровенности обсуждали всевозможные вопросы, связанные с достижением победы в этой войне и обеспечением прочного мира в послевоенный период».

«За три дня интенсивных и неизменно дружественных переговоров мы пришли к согласию по всем пунктам относительно начала огромного по своим масштабам наступления на Германию», – констатировал президент США в своем радиовыступлении.

Относительно имевших место контактов с высшим руководством СССР Рузвельт в своем радиовыступлении сказал:

«...Я отлично поладил с маршалом Сталиным. Этот человек сочетает в себе огромную непреклонную волю и здоровое чувство юмора; я думаю, душа и сердце России имеют в нем своего истинного представителя. Я верю, что мы и впредь будем отлично ладить с ним и со всем русским народом».

В радиовыступлении Рузвельт неоднократно возвращался к своим мыслям, своим заботам о послевоенном мироустройстве.

«Великобритания, Россия, Китай и Соединенные Штаты вместе со своими союзниками представляют три четверти всего населения земли. До тех пор, пока эти четыре страны, обладающие великой военной мощью, едины в своем стремлении сохранить мир, ни один агрессор не предпримет попытки развязать новую мировую войну».

1944 год также будет отмечен активной перепиской Рузвельта со Сталиным. Президент США направит в адрес советского руководителя послание (25 мая 1944 года), в котором уведомит его о том, что он посылает Сталину две грамоты для Сталинграда и Ленинграда – городов, которые завоевали искреннее восхищение американского народа.

Текст грамот краткий, можно привести тот и другой без сокращений.

«ГРАМОТА СТАЛИНГРАДУ

От имени народа Соединенных штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будет вечно вдохновлять сердца всех свободных людей.

Их славная победа остановила волну нашествия и стада поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии.

Франклин Д. Рузвельт
17 мая 1944 года. Вашингтон».⁴²

⁴² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.2. М.: Политиздат, 1986, с. 312.

«ГРАМОТА ЛЕНИНГРАДУ

От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии.

Франклин Д. Рузвельт
17 мая 1944 года. Вашингтон».

Послание Рузвельта и обе почетные грамоты для передачи Сталинграду и Ленинграду в ознаменование героической обороны этих городов были вручены И.В. Сталину послом США в СССР Гарриманом 26 июня 1944 г.

27 июня 1944 года Сталин ответным посланием поблагодарил Рузвельта за высокую оценку усилий Сталинграда и Ленинграда в борьбе с немецкими захватчиками.

Политическим завещанием Рузвельта о послевоенном мироустройстве можно считать его исключительно содержательное и яркое радиообращение к американскому народу и Объединенным Нациям.

Рузвельт выразил здесь непреклонную волю в достижении победы: «У нас нет никаких сомнений относительно конечного исхода войны. У нас нет иллюзий относительно цены, которую нам придется заплатить – потери будут большими, однако мы и наши союзники будем продолжать сражаться вместе до полной и окончательной победы».

Его стратегия в отношении послевоенного мироустройства.

«В области внешней политики, – говорил Рузвельт, – мы предполагаем и в дальнейшем тесно сотрудничать с Объединенными Нациями – не только в военных действиях, но и в реализации победы.

Нас объединяет не только общая опасность, но и общая надежда. Наша коалиция – это союз не правительств, а народов. Народы же мечтают о мире: в Америке так же, как и в Англии; в Англии – так же, как и в России; в России – так же, как в Китае; во Франции, во всей Европе и на всей земле – повсюду, где люди любят свободу. Их надежда и цель – это прочный мир на долгие времена».

В своей радиобеседе Рузвельт отмечал, что «...Построить мирное будущее для народов будет нелегко. Мир приносит свои проблемы – мы уже столкнулись с этим на территориях, освобожденных от нацистской и фашистской тирании. Рассчитывать, что все эти проблемы можно будет решить в одночасье, – значит обманывать себя».

Несмотря на трудности, полагал Рузвельт: «Мы можем заложить основы мирных взаимоотношений, и это обязательно будет сделано. Однако сохране-

ние мира в долгосрочной перспективе, наполнение его живым содержанием – деле самих народов».

Рузвельт призывает в своей речи укреплять установившиеся дружественные отношения: «Нам и впредь нужна будет дружба с нынешними союзниками. Скажу больше: эта дружба будет иметь жизненно важное значение в мирное время».

Заключая свое радиообращение, Рузвельт говорит о важности того, что сегодня совершают свободолюбивые народы Объединенных Наций: «Сегодня мы, американцы, вместе с нашими союзниками делаем историю. И я надеюсь, что это будет более светлая история, чем вся история прошлого».

Мы молимся о том, чтобы быть достойными тех безграничных возможностей, которые нам даровал Бог».

Протокол побоку: идет война

1943-й год. 4 октября. Новый, молодой посол Советского Союза, согласно дипломатическому протоколу, должен был вручить верительные грамоты Президенту Соединенных Штатов Ф.Д. Рузвельту.

В процессе данного действия посол и глава государства, в котором послу предстоит работать, произносят соответствующие речи.

Тексты речей того и другого тщательно подготовлены, отработаны, как говорят, по высшему порядку. Однако протокол, к удивлению молодого советского посла А.А. Громыко, был неожиданно нарушен.

Произнесение речей не состоится. О причине изменения протокола разговор впереди...

Обратимся вначале к содержанию текстов речей советского посла и президента Соединенных Штатов Америки. Их историческая, политическая значимость воистину колоссальна.

Речь посла СССР в США А.А. Громыко при вручении грамот 4 октября 1943 г.:

«Господин Президент, я имею честь вручить Вам верительные грамоты, которыми Президиум Верховного Совета СССР аккредитует меня при Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР, а также отзывные грамоты моего предшественника.

Вручая Вам верительные грамоты, я считаю своим долгом заявить, что народы Советского Союза питают к американскому народу чувства дружбы и глубокого уважения и что поддержание и дальнейшее развитие дружественных отношений и теснейшего сотрудничества с ним являются горячим желанием и стремлением моего правительства. Дружба между народами наших стран не случайна. Она является выражением основных интересов наших народов и наших стран. Эта дружба окрепла в тяжелых испытаниях войны, в которой народы Советского Союза и Соединенных Штатов сражаются против общего врага – гитлеровской Германии и её союзников в Европе. Узы дружбы, связы-

вающие наши народы, ещё более укрепляются кровью, проливаемой лучшими сынами наших стран в борьбе против германских фашистских бандитов.

В течение двух лет этой упорной борьбы, в которой самое тяжелое бремя усилий и жертв пало на долю Советского Союза, народы СССР получали и получают от дружественного американского народа не только моральную, но и значительную материальную поддержку как самолетами, танками, орудиями и другими военными материалами, так и продовольствием.

Советский народ высоко ценит эту поддержку, за которую я выражаю Вам, г-н Президент, а через Вас и всему американскому народу горячую благодарность моего правительства и народов моей страны.

Вооруженные силы союзников, в том числе и вооруженные силы Соединенных Штатов, принимают все возрастающее участие в нашей общей борьбе против гитлеровской Германии и уже нанесли ряд тяжелых поражений коварному врагу.

Успехи Красной Армии в её борьбе против гитлеровских орд в течение более двух лет, её нынешнее победоносное продвижение на советско-германском фронте, замечательные успехи англо-американских войск в Северной Африке и в Сицилии, а также разворачивающиеся военные операции англо-американских сил на территории Италии создали благоприятную военную и политическую обстановку для нанесения решающих ударов по ненавистному врагу.

Сейчас ясно, что ход войны поворачивается в благоприятную для Объединенных Наций сторону. Однако для нанесения окончательного удара по врагу потребуется напряжение всех сил наших стран и сил всех Объединенных Наций.

Я твердо убежден, г-н Президент, что нынешняя совместная борьба против нашего общего врага – гитлеровской Германии и её союзников в Европе – приведет к тесному сотрудничеству наших стран и в послевоенный период в интересах всеобщего мира и безопасности.

Я полагаю, что взаимопонимание и взаимное доверие между нашими странами, столь необходимые как во время войны, так и в послевоенный период, также будут в максимальной степени выкованы в огне наших совместных военных усилий.

Я готов посвятить все мои силы дальнейшему укреплению этого взаимопонимания и доверия между нашими странами и уверен в успехе и плодотворности наших взаимных усилий, направленных на достижение этой высокой цели.

Я надеюсь, г-н Президент что, выполняя свои обязанности Посла, аккредитованного при Вас, я могу положиться на Вашу поддержку, а также на поддержку возглавляемого Вами правительства.

Прошу Вас, г-н Президент, принять заверение в полной уверенности в дальнейшем плодотворном развитии и укреплении дружественных отношений

между Советским Союзом и Соединенными Штатами на благо и процветание наших великих народов и всех дружественных стран».⁴³

В ответ на речь советского посла Президент Соединенных Штатов был готов произнести свою ответную речь.

Речь президента США при вручении
верительных грамот послом СССР в США.
4 октября 1943 г.:

«Я счастлив получить от Вашего Превосходительства грамоты, которыми Президиум Верховного Совета СССР аккредитует Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР при правительстве Соединенных Штатов, и я приветствую Вас в этой роли.

Я глубоко удовлетворен выраженной Вами решимостью продолжать развивать дружественные отношения, взаимопонимание и доверие, которые столь счастливо существуют между нашими двумя странами, и тем самым продолжить работу Вашего выдающегося предшественника, отзывные грамоты которого Вы вручили мне.

Я могу заверить Вас, что, выполняя эту высокую задачу, возложенную на Вас Вашим правительством, Ваше Превосходительство может рассчитывать на полное сотрудничество и поддержку американского правительства.

Стойкость, мужество и самопожертвование Вооруженных Сил и народа Советского Союза в ужасные для них часы испытаний вызвали безграничное восхищение американского народа, и мы радуемся вместе с народом Советского Союза все возрастающим успехам, венчающим советское оружие.

С момента предательского нападения нацистской Германии на вашу страну непреклонным намерением нашей страны были и есть предоставление максимальной помощи вашим доблестным армиям.

Обе наши страны объединились против общего врага. Американское правительство и американский народ приложили все усилия для того, чтобы как можно скорее и эффективнее бросить наши вооруженные силы против этого врага. Враг чувствовал, чувствует и будет чувствовать во все возрастающих размерах мощь совместных сил Объединенных Наций.

И когда будет достигнута окончательная и полная победа – а она будет достигнута, – я уверен, то можно будет сказать, что каждая Объединенная Нация приняла полное участие в борьбе за эту победу.

Наши страны объединились для великого дела, и я полностью разделяю Вашу уверенность, что единство цели, объединяющее наши народы и страны в ведении войны, превратятся в тесное и прочное сотрудничество вместе с другими одинаково мыслящими странами в создании справедливого и длительного мира».⁴⁴

⁴³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т.I. 1941-1943 / М-во иностр. дел СССР. - М.: Политиздат, 1984, с. 377.

⁴⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т.I. 1941-1943 / М-во иностр. дел СССР. - М.: Политиздат, 1984, с. 377.

Текст только что приведенной здесь речи, как нетрудно заметить, не просто речь протокольного характера с набором обычных комплиментарных фраз.

Президент Соединенных Штатов Америки, как и весь американский народ, восхищается беспримерной стойкостью, мужеством и самопожертвованием Вооруженных сил и всего народа Советского Союза.

Он восхищается возрастающими успехами, которые венчают славу советского оружия.

Президент констатирует непреклонное намерение Соединенных Штатов Америки предоставить доблестным армиям Советского Союза максимальную помощь для разгрома общего врага.

Президент говорит об усилиях, в результате которых бросаются все новые силы для сокрушения нацистской Германии.

Эти и другие высказывания Рузвельта адресовались, разумеется, не только молодому советскому послу, но и народам обеих великих государств, всему прогрессивному мировому сообществу.

Такая политика президента Соединенных Штатов являлась мощной поддержкой общим усилиям Объединенных Наций.

С литературно-языковой точки зрения речь Рузвельта выдержана в духе высокого стиля, характерного для такого рода дипломатических акций. Однако этот элемент торжественности органично сочетается с объективной, реалистической оценкой положения дел в тот период.

Глубоко уважительный тон речи, выраженное в ней восхищение героической борьбой советского народа не могли быть не замечены в мировом сообществе.

Глубокое, емкое содержание речи, затрагивающее животрепещущие проблемы того грозного времени, органично сочетается с богатством психориторической, лингвистической и составляющей. В речи президента органично использованы различные риторические универсалии. Это и повторы, и градационные ряды и другие риторические и стилистические фигуры.

Обратим внимание: в речи многократно использован прием повтора в различных его вариантах. Повторение оратором отдельных слов и сочетаний слов усиливало их логико-смысловое значение и их эмоционально-экспрессивное звучание.

В первой трети речи использован повтор личного местоимения «Я» в сочетании со словами эмоциональной окраски: «Я счастлив...»; «Я глубоко удовлетворен...»; «Я приветствую Вас...»; «Я могу заверить Вас...».

В заключительной части речи значительный эмоционально-экспрессивный эффект достигнут повтором глагола "чувствовать". Роль его в этой части речи ключевая. Глагол употреблен в прошедшем, настоящем и будущем времени: «Враг чувствовал, чувствует и будет чувствовать во все возрастающих размерах мощь совместных сил Объединенных Наций».

В заключительной части речи президента мастерски использован целый букет эмоционально-экспрессивных определений: «окончательная и полная победа», «полное участие», «великое дело», «тесное и прочное сотрудничество», «справедливый и длительный мир» и д.р.

Значительную смысловую и эмоционально-экспрессивную нагрузку несет на себе в этой части выступления сочетание вспомогательного глагола и краткого причастия «будет достигнута», подчеркивающее уверенность в безусловном достижении полной и окончательной победы над общим врагом.

Теперь кратко о том, почему речь советского посла и речь президента Соединенных Штатов не произносились.

А.А. Громыко, повествуя в своих мемуарах о встрече с президентом Соединенных Штатов во время вручения верительных грамот, писал:

«Вспоминаю, что при вручении верительных грамот президенту я подчеркнул:

– Как посол СССР в США, я буду работать на благо сотрудничества между нашими странами, укрепления союзнических отношений между ними.

Рузвельт в ответ заявил:

– Считаю развитие дружественных советско-американских отношений делом абсолютно необходимым и соответствующим интересам народов обеих стран.

Впрочем, обмена речами, обычными при вручении верительных грамот иностранными послами, тогда не было, и слова, которые приведены выше, были сказаны в беседе в ходе встречи.

А при встрече президент сразу же со свойственной ему непосредственностью предложил:

– Дайте, пожалуйста, мне вашу речь, а вот вам моя. Завтра они будут напечатаны в газетах. А теперь лучше перейдем к разговору о возможностях организации совещания руководителей США, СССР и Англии.

Речь шла о предстоящей Тегеранской конференции этих держав. Так мы и поступили. Не скрою, на меня произвели сильное впечатление этот деловой стиль и непосредственность президента. Мне они понравились.

Протокол побоку, идет война, так рассуждал Рузвельт. Он как будто прочел мои мысли. И мне подумалось тогда, что хозяин Белого дома – не аристократ, заботящийся больше всего о том, чтобы облечь свои мысли во внешне изящную форму и тем произвести на собеседника впечатление, а человек дела, с характером, которому может позавидовать любой генерал».⁴⁵

Нестандартный дипломатический переговорщик

В течение всей президентской деятельности Рузвельт активно вел переговоры с представителями профсоюзов, шахтерами, фермерами, рабочими заводов, конгрессменами, дипломатами, руководителями других государств, с представителями молодежных организаций и т.д.

В результате переговоров, как правило, он достигал желаемых результатов.

Во множестве свидетельств современников говорится о том, с каким вниманием, деликатностью, дружелюбием общался президент, создавая благоприятную обстановку для успешных переговоров.

⁴⁵ Громыко А.А. Памятное. Кн.1.- М.: Политиздат, 1988, с. 92-93.

Вершинными достижениями Рузвельта в переговорном общении являются результаты его деятельности по созданию Большой коалиции стран, борющихся с немецко-фашистскими агрессорами и японскими милитаристами.

Гений Рузвельта как великого переговорщика по сложнейшим международным проблемам с особой ясностью проявился во время Тегеранской и Крымской (Ялтинской) конференций.

Дошедшие до нас протокольные записи бесед, выступлений Рузвельта, Сталина, Черчилля, хотя и не передают всех тонкостей их высказываний, тем не менее, некоторые существенные особенности их суждений переданы с полной достоверностью.

Прежде всего, это относится к точной передаче содержания высказываний государственного деятеля. По протокольным записям можно судить об особенностях аргументации в пользу главной мысли, о характере волеизъявления, реализуемого вербальными и невербальными средствами общения.

В материалах Тегеранской конференции есть записи двух бесед Председателя Совета Комиссаров СССР с президентом США (28 и 29 ноября). Кроме того, есть также запись беседы глав правительств СССР, США, Великобритании (от 3 ноября 1943 года). На этих двух встречах Рузвельт брал слово 37 раз. «Вводящими» словами его реплик в протокольных записях были: «говорит» – 17 раз; «отвечает» – 8 раз; «заявляет» – 6 раз; «спрашивает» – 3 раза; «соглашается» – 2 раза; «замечает» – 1 раз.

После «вводящего» слова и следующего за ним союза, характерного для косвенной речи, следует точное, буквальное высказывание Рузвельта, отражающее смысл речи и особенности стилевой манеры.

1 декабря 1943 года состоялась ещё одна, личная, беседа Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с президентом Рузвельтом. Оформление реплик собеседников здесь несколько иное, а именно: называется только фамилия участника переговоров, после чего идет прямое высказывание Сталина, Рузвельта, с передачей смысла высказывания и определенных стилевых его особенностей.

Интересна по содержанию и стилю первая беседа Рузвельта и Сталина. Эта беседа знаменовала их личное знакомство, их первую личную встречу. Приведем здесь хотя бы часть содержания этой беседы. Чтобы уловить и по достоинству оценить суждение каждого из переговорщиков, от читателя этих строк потребуется некоторое напряжение внимания, ибо за каждым произнесенным словом переговорщика находится нечто весьма важное:

«ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР С ПРЕЗИДЕНТОМ США

28 ноября 1943 г.

(в извлечении)

Рузвельт спрашивает, каково положение на советско-германском фронте.

Сталин отвечает, что в последнее время наши войска оставили Житомир – важный железнодорожный узел.

Рузвельт спрашивает, какая погода на фронте.

Сталин отвечает, что погода благоприятная только на Украине, на остальных участках фронта – грязь и почва ещё не замерзла.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы отвлечь с советско-германского фронта 30-40 германских дивизий.

Сталин отвечает, что если это возможно сделать, то было бы хорошо.

Рузвельт замечает, что это один из вопросов, по которому он даст свои разъяснения в течение ближайших дней. Американцы стоят перед задачей поддержания войск количеством в 2 миллиона человек, находящихся на расстоянии 3 тысяч миль от американского континента.

Сталин говорит, что нужен транспорт и что он это вполне понимает.

Рузвельт заявляет, что суда в Соединенных Штатах строятся удовлетворительным темпом.

Он говорит, что позже он хотел бы переговорить с маршалом Сталиным о послевоенном периоде и о распределении торгового флота Великобритании и Соединенных Штатов таким образом, чтобы Советский Союз получил возможность начать развитие торгового судоходства. У Англии и США после окончания войны будет слишком большой торговый флот, и он, Рузвельт, рассчитывает передать часть этого флота другим Объединенным Нациям.

Сталин отвечает, что это было бы хорошо. Если Соединенные Штаты этого захотят, то они смогут это сделать. Он должен сказать, что Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов.

Рузвельт говорит, что американцам после войны потребуется большее количество сырья, и поэтому он думает, что между нашими странами будут существовать тесные торговые связи.

Сталин соглашается с этим и говорит, что если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье...».⁴⁶

Начало этой первой беседы Рузвельта и Сталина весьма любопытно. На первую фразу американского президента Сталин в ту пору мог бы ответить и по-иному. Тогда готовились мощные резервы к громадному контрнаступлению в районе Волги. Ответ Сталина на слова Рузвельта, конечно, был дан с хитрецой. Весьма скромно, с сожалением он сказал о том, советские войска были вынуждены оставить Житомир. Из его ответа Рузвельту следовало, что неплохо было бы иметь от союзников более эффективную помощь. А тут ещё и погода не совсем та.

⁴⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1, 1941-1943/ М-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, с. 443-444.

Рузвельт улавливает смысл сказанного Сталиным и заявляет о своем намерении отвлечь с советско-германского фронта 30-40 германских дивизий. Сталин в ответ говорит, что это было бы совсем неплохо.

Далее Рузвельт, на всякий случай, намекнул, что сделать это не совсем просто. Американцы вынуждены проявлять заботу о своих войсках, их 2 миллиона, и они находятся бог весть где, на расстоянии 3 тысяч миль от собственно американского континента.

Сталин улавливает намек и говорит, что такое положение ему понятно: необходима тьма транспорта.

Рузвельт говорит о том, что судов строят много. К окончанию войны можно будет поделить часть флота с СССР.

Сталин воспринимает сказанное благожелательно и говорит, что это было бы неплохо.

Рузвельт далее подбрасывает новую идею: после войны штатам потребуется для промышленности много сырья.

Сталин незамедлительно реагирует и замечает, что ежели американцы будут согласны доставлять в СССР оборудование, то за поставками США сырья дело не станет...

Эти суждения Рузвельта и Сталина, казалось бы самые обычные, реализованные в спокойной, деловой форме, предельно лаконично, создали благожелательную атмосферу к дальнейшим размышлениям не только о военном, техническом сотрудничестве, но и о сотрудничестве политическом.

По-иному складывались переговорные отношения у Сталина с Черчиллем. Между ними не раз возникали острые баталии. Полемика резко обострилась на Тегеранской конференции на следующий же день.

Адмирал Леги в книге «Я там был...» писал:

«В полдень 29 ноября премьер-министр от имени короля Великобритании Георга VI передал маршалу Сталину почетный меч – дар английского короля гражданам Сталинграда. Это был символ признания английским народом героической и успешной обороны города от немецких захватчиков.

После церемонии кинооператоры сделали групповой снимок всех участников конференции. Была запечатлена «большая «тройка» коалиции, созданной для уничтожения нацистской Германии.

В этот же день на пленарном заседании вновь возникла полемика относительно сроков вторжения в Нормандию.

Сталин настаивал на установлении даты начала операции. Черчилль уклонялся от такого обязательства. Президент склонялся к поддержке советской точки зрения.

Раздраженный тактическими уловками Черчилля, Сталин в упор спросил:

«Верят ли англичане в операцию "Оверлорд" или просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских?».

Черчилль ответил в том смысле, что поддерживает операцию по вторжению через Канал, но он твердо верит, что предлагаемые им другие операции помогут обеспечить конечный успех вторжения во Францию. Чтобы оттянуть окончательное решение о дате операции «Оверлорд», Черчилль предложил пе-

редать политические аспекты его положений относительно Средиземного моря на рассмотрение министров иностранных дел, присутствующих в Тегеране (государственный секретарь США из-за состояния здоровья в Тегеране не присутствовал, и его обязанности исполнял специальный помощник президента США Г. Гопкинс).

Сталин ответил быстро и решительно: «Зачем нам это делать? Мы главы государств. Мы знаем, что мы хотим сделать. Зачем передавать этот вопрос нашим подчиненным, чтобы они советовали нам».

Однако Сталин, по-видимому, узрел определенные выгоды в этом парламентском маневре. На последующих конференциях «большой тройки» была создана комиссия министров иностранных дел. Когда возникал вопрос, по которому «большая тройка» не могла договориться, его часто передавали на рассмотрение министрам иностранных дел, которые в свою очередь обычно также не могли прийти к соглашению»...⁴⁷

«Острота полемики» – продолжал Леги, – потребовала от председательствовавшего на заседании Рузвельта всего его хорошо известного дипломатического искусства и умения.

На этом же заседании Сталин поставил перед Рузвельтом трудный вопрос. Советский руководитель в упор спросил, кто будет назначен главнокомандующим операцией «Оверлорд».

Рузвельт откровенно ответил, что этот вопрос ещё не решен.

Я сидел рядом с президентом, и тот, наклонившись ко мне, прошептал: "Этот старый большевик пытается заставить меня назвать ему имя нашего главнокомандующего. Я не могу ответить ему, потому что еще сам не пришел к окончательному мнению".

Сталин согласился, что назначение главнокомандующего является прерогативой Рузвельта, но подчеркнул, что, пока командующий не будет назначен, он может считать, что операция фактически не готовится. Было очевидным, что Сталин хотел, чтобы назначение состоялось, пока он находится в Тегеране».⁴⁸

Переводчик Сталина Валентин Бережков в очерках «На Тегеранской конференции» сделал интересные зарисовки той острой полемики, которая развернулась на конференции с первого же заседания по поводу операции «Оверлорд». Союзники, особенно У. Черчилль, всячески уклонялись от принятия конструктивного решения: о сроках открытия второго фронта. Он выдвигал одну за другой оговорки, условия, которые вообще сводили на нет позитивное решение вопроса. Обстановка накалялась. Участники конференции вновь и вновь возвращались к теме «Оверлорда», но сближения в вопросе о сроках и очередности вторжения в северную Францию не наступало.

В конце концов, пишет В. Бережков "Черчилль дал понять, что при определенных обстоятельствах операция «Оверлорд» вообще может оказаться под

⁴⁷ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Халла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М.: 1990, с. 419.

⁴⁸ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Халла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М.: 1990, с. 419-420.

вопросом. В итоге после долгих дебатов проблема "Оверлорда" снова оказалась в тупике. Казалось, что продолжать переговоры вообще бессмысленно.

Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал:

– Идемте, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте...

Черчилль заерзал в кресле, покраснел и невнятно пробурчал, что его «не так поняли».

Чтобы как-то разрядить атмосферу, Рузвельт примирительным тоном сказал:

– Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин...

Когда руководители трех держав собрались за завтраком, сразу стало заметно приподнятое настроение Рузвельта. На его лице сверкала улыбка, весь он был какой-то праздничный. Обращаясь к присутствующим, он с подчеркнутой торжественностью заявил:

– Господа, я намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня объединенные штабы с участием британского премьера и американского президента приняли следующее предложение: «Операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени».

Советские представители внешне спокойно восприняли это заявление. Но мне кажется, что внутренне каждый из нас испытывал глубокое волнение: ответ, которого так упорно добивалась советская делегация, был наконец получен. И хотя до реализации этого обязательства оставалось ещё очень много времени, казалось, что уже сам факт его получения снимает часть огромного бремени, лежавшего на нашем народе, волеет новые силы в борьбе против фашизма.

Волнение Сталина выдавали только его необычайная бледность и голос, ставший ещё более глухим, когда он, немного наклонив голову, произнес:

– Я удовлетворен этим решением...».⁴⁹

Этому эпизоду, имевшему место на Тегеранской конференции дал описание в своих мемуарах и Главный маршал авиации СССР А.Е. Голованов.

Маршал авиации в частности писал: «В Тегеране состоялось генеральное сражение между Сталиным и Черчиллем, где последний принимал все меры к тому, чтобы заменить операциями на Средиземном море вторжение в Северную Францию...

Лишь вмешательство президента Рузвельта предотвратило возможный срыв конференции. Он заявил, что «Оверлорд» является основной операцией, которая согласована между СССР, США и Англией, и никакие другие операции не должны задерживать вторжение союзников в Северную Францию. Это заяв-

⁴⁹ Бережков В. На Тегеранской конференции. В кн.: Тегеран, 1943, с. 243-244.

ление заставило согласиться Черчилля и в конце концов подтвердить дату операции «Оверлорд» – май 1944 года».⁵⁰

Советник президента Рузвельта У. Леги в мемуарах упоминает ещё об одном остром моменте, имевшем место на Тегеранской конференции:

«Сталин и Черчилль, рассказывал мне президент, затеяли спор о германском милитаризме. Он разгорелся, когда Сталин заявил, что имеет список 60 тысяч немецких офицеров, которых следует предать суду. Реакция Черчилля была бурной. Премьер-министр настаивал, что он не может согласиться на любые подобные суды, потому что по английским законам суд не может вынести обвинительный приговор за совершенные правонарушения, которые не являлись предусмотренными законом преступлениями в то время, когда они были совершены.

Черчилль разъяснил, что не питает симпатии к нацистским варварам, но, по словам президента, красноречиво призывал к соблюдению традиционной английской концепции правосудия, которая основана на юридическом принципе, что закон не имеет обратной силы.

Рассказывая о вспыхнувшем споре, Рузвельт упомянул о своей попытке разрядить обстановку с помощью реплики, которую преподнес как шутку. Рузвельт сказал, что если 50 тыс. офицеров – это слишком много для предания суду, то почему бы не договориться в порядке компромисса о меньшем числе, ну, скажем, 49 тыс. Грустно улыбнувшись, президент заметил, что Черчилль в тот момент явно не был склонен к шуткам...».⁵¹

Упомянутый инцидент освещен и самим У. Черчиллем с дополнением некоторых частностей. Вот как он повествует в своем труде «Вторая мировая война»:

«Обедали мы у Сталина, в узкой компании: Сталин и Молотов, президент, Гопкинс, Гарриман, Кларк, Керр, я, Иден и наши переводчики. Усталости от трудов заседания как не бывало, было довольно весело, предлагалось много тостов. Как раз в это время в дверях появился Эллиот Рузвельт, который прилетел, чтобы присоединиться к своему отцу; кто-то жестом пригласил его войти. Поэтому он вошел и занял место за столом. Он даже вмешивался в разговор и впоследствии дал весьма пристрастный и крайне неверный отчет о том, что он слышал. Сталин, как рассказывает Гопкинс, сильно меня «поддразнивал», но я принимал это спокойно до тех пор, пока маршал в шутливом тоне не затронул серьезного и даже жуткого вопроса наказания немцев. Германский генеральный штаб, сказал он, должен быть ликвидирован. Вся сила могущественных армий Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов. Если этих людей выловить и расстрелять после войны, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем. Здесь я счел нужным сказать: "Английский парламент и общественное мнение никогда не потерпят массовых казней. Даже если в период военного возбуждения и будет дозволено начать их, английский парламент и общественное мнение после первой же массовой бойни решительно выступят

⁵⁰ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная. М.: 2007, с. 384.

⁵¹ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Халла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М.: 1990, с. 418.

против тех, кто несет за это ответственность. Советские представители не должны заблуждаться на этот счет».

Однако Сталин, быть может только шутки ради, продолжал говорить на эту тему. «50 тысяч, – сказал он – должны быть расстреляны». Я очень рассердился. «Я предпочел бы, – сказал я, – чтобы меня тут же вывели в этот сад и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором».

Здесь вмешался президент. Он внес компромиссное предложение. Надо расстрелять не 50 тысяч, а только 49 тысяч человек. Этим он, несомненно, рассчитывал свести все к шутке. Иден тоже делал мне знаки и жесты, чтобы успокоить меня и показать, что это шутка. Однако в этот момент Эллиот Рузвельт поднялся со своего места в конце стола и произнес речь, в которой выразил свое полное согласие с планом Сталина и свою полную уверенность в том, что американская армия поддержит его. Здесь я не выдержал, встал из-за стола и ушел в соседнюю комнату, где царил полумрак. Я не пробыл там и минуты, как почувствовал, что кто-то хлопнул меня сзади руками по плечам. Это были Сталин и Молотов; оба они широко улыбались и с живостью заявили, что они просто шутили и что ничего серьезного они не думали. Сталин бывает обаятелен, когда он того хочет, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы он проявлял это в такой степени, как в этот момент. Хотя в то время – как и сейчас – я не вполне уверен, что все это была шутка и что за ней не скрывалось серьезного намерения, я согласился вернуться к столу, и остальная часть вечера прошла очень приятно».⁵²

В мемуарах лиц, имевших возможность участвовать в переговорах Рузвельта по вопросам международного характера, содержатся ценные наблюдения над манерой, стилем общения президента с участниками переговоров.

Интересными, на наш взгляд, являются заметки бывшего посла СССР в Соединенных Штатах Америки во время Великой Отечественной войны А.А. Громыко.

В двухтомнике своих мемуаров «Памятное» автор, в частности, отмечал:

«Следует сказать и о том, как вел себя Рузвельт, участвуя в переговорах, и прежде всего, конечно, на Тегеранской и Крымской конференциях руководителей трех основных союзных держав – СССР, США и Англии.

Основываясь на собственных наблюдениях за президентом во время Крымской конференции, должен подчеркнуть, что он проявлял стойкую выдержку, стремился даже в самые напряженные моменты работы этой конференции привносить в атмосферу переговоров нотки примирения и деловитости.

В этом смысле американский президент определенно в лучшую сторону отличался от английского премьер-министра Черчилля. Вообще они были людьми во многом разными и по характеру, и по темпераменту. Известно, что на конференциях в Тегеране и Ялте Черчилль не раз приходил в состояние раздражения при обсуждении тех или иных вопросов, хотя и старался оставаться

⁵² Черчилль У.С. Вторая мировая война: в 6 т. Т.5: Кольцо смыкается М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998, с. 231-232.

перед собеседниками в рамках общепринятых норм. Таким он предстает и перед читателем в своих мемуарах.

По манере ведения дискуссии Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам. В такие моменты президент США пытался разрядить обстановку, примирить спорящих, пуская в оборот соответствующие слова и фразы.

Понятно, речь тут не идет о какой-то трехмерной уступчивости Рузвельта. Он также настойчиво отстаивая интересы США, добивался возможного, но делал это тоньше и тактичнее Черчилля».⁵³

Тегеранская конференция приняла ряд важнейших документов. Это – «Военные решения Тегеранской конференции», «Декларация трех держав об Иране» и наиважнейший документ – «Декларация трех держав» от 1 декабря 1943 г., в которой было сказано:

«Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника – Иране и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

⁵³ Громыко А.А., Памятное. Кн. 1. – М.: Политиздат, 1988

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время .

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга...

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительно друзьями по духу и цели.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года.

Рузвельт Сталин Черчилль».⁵⁴

4 декабря 1943 г. Президент США Ф.Д. Рузвельт направит в адрес Председателя Совета Народных Комиссаров СССР следующее послание:

«Наша группа благополучно прибыла к месту назначения, и все мы искренно надеемся, что к этому времени Вы также прибыли благополучно. Я считаю, что конференция была весьма успешной, и я уверен, что она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела грядущего мира в полнейшем согласии. Наши личные совместные беседы доставили мне большое наслаждение и особенно возможность встречаться с Вами наедине. Я надеюсь видеть Вас снова когда-нибудь, а до этого времени желаю самого большого успеха Вам и Вашим армиям».⁵⁵

Итогами конференции была удовлетворена и советская делегация, в том числе и её глаза – И.В. Сталин.

О Тегеранской конференции до нашего времени ходит немало легенд. Об одной из них поведал в своей книге «Сто сорок бесед с Молотовым» Ф. Чуев.

По словам журналиста, во время очередной встречи с Вячеславом Михайловичем Молотовым он спросил его о том, не слышал ли он о той молве, которая имела место во время проходившей в Тегеране конференции.

«...Рассказываю Молотову анекдот, который он не знал, – пишет Ф. Чуев, – На Тегеранской конференций Рузвельту и Черчиллю надоело, что Сталин постоянно давит на них, проходят только его предложения, он один им двоим диктует свою волю. И они решили его разыграть.

⁵⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы в 2-х т. Т. 1. 1941-1943 /Мин-во иностр. дел СССР – М.: Политиздат, 1984, с. 459-460.

⁵⁵ Там же. С. 461

Утром, перед очередным заседанием Черчилль говорит:

– Мне сегодня приснилось, что я стал властелином мира!

– «А мне приснилось, – сказал Рузвельт, – что я стал властелином Вселенной! А вам что снилось, маршал Сталин?»

– «А мне приснилось, – неторопливо ответил Сталин, что я не утвердил ни вас, господин Черчилль, ни вас, господин Рузвельт».

Александр Голованов в своих мемуарах о Тегеранской конференции писал, что Сталин и Рузвельт были удовлетворены состоявшимися переговорами и решениями конференции.

«Настроение у Верховного было хорошее. Высказав удовлетворение прошедшей конференцией, а точнее, результатами встреч и переговоров с Рузвельтом, он, смеясь, сказал:

– Как ни дрался, как ни старался Черчилль обвести нас вокруг пальца, а всё-таки пришлось сдаться. Однако противник он достойный!

Президент Рузвельт, вернувшись из Тегерана и выступая в канун Рождества 1943 года в Гайд-парке, сказал о Сталине в своей речи, которая транслировалась по радио по всему миру: «Это человек, сочетающий в себе громадную, неукротимую волю и необычную широту натуры. Я считаю, что он является

истинным представителем настоящей России, и я надеюсь, что мы, безусловно, будем очень хорошими друзьями с ним и русским народом». ⁵⁶

«Подобные разговоры с подковырками имели место на конференциях «Большой тройки», и Сталин, действительно, всегда находил выход из, казалось, безвыходного положения, – говорит Молотов». ⁵⁷

В мемуарной литературе неоднократно отмечалось, что во время переговоров на Тегеранской конференции Рузвельт неоднократно принимал сторону Сталина в его полемике с Черчиллем, убеждая последнего в том, что русские люди – просто люди, но было бы ошибкой полагать, что они слепы и не видят того, что находится перед их глазами. Русские чутко улавливали различные оговорки, которыми обставлял Черчилль вопрос об открытии второго фронта.

Рузвельт показал себя во время конференции умным, талантливым, в высшей степени опытным переговорщиком.

Так было и на Крымской (Ялтинской) конференции. На этой конференции у Рузвельта и Сталина состоялось две беседы (4 и 8 февраля 1945 года).

Имеются протокольные записи этих двух бесед. В период с 4 по 11 февраля состоялись заседания глав правительств. Всего их было восемь. Имеются также и протокольные записи этих заседаний с выступлениями глав правительств.

По степени убывания вводящими словами суждений Рузвельта были следующие: «заявляет» – 57; «говорит» – 27; «отвечает» – 19; «предлагает» – 9; «спрашивает» – 8; «соглашается» – 7; «считает» – 7; от одного раза до 3-х раз использованы в качестве вводящих слов: «выражает», «продолжает», «рекомендует», «резюмирует», «подчеркивает», «предлагает», «подтверждает», «повторяет», «спрашивает», «проясняет», «вспоминает», «соглашается», «высказывается», «излагает», «добавляет», «интересуется», «просит», «благодарит», «повторяет», «разъясняет», «замечает» и некоторые другие.

Таким образом к суждениям Рузвельта было использовано во время бесед со Сталиным и 8 заседаний глав правительств 180 вводящих слов. Важно учитывать, что Рузвельт открывал и вел заседания глав правительства. Это всё говорит к тому, что в некоторых изданиях о Рузвельте делаются намеки на то, что ко времени Ялтинской конференции он был по состоянию здоровья будто бы недостаточно активен.

Приведенные здесь свидетельства не подтверждают какого-либо снижения активности президента по сравнению, скажем, со времен Тегеранской конференции.

По предложению Сталина на всех заседаниях Крымской конференции Рузвельт был избран постоянным председателем на всех заседаниях.

В повестке дня первого заседания стояли военные вопросы. Генералы Антонов и Маршалл доложили о положении на фронтах. Германия находилась накануне окончательного поражения. Участники конференции обсудили необ-

⁵⁶ Голованов А. Дальняя бомбардировочная. Воспоминания Главного маршала авиации. 1941-1945. – М., 1957, с. 386-387

⁵⁷ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – М.: ТЕРРА, 1991, с. 73-74.

ходимые меры по координации и сотрудничеству между союзными вооруженными силами, имея в виду ускорить разгром гитлеровской армии.

Все последующие пленарные заседания конференции (их было ещё семь) посвящались политическим вопросам. Здесь уже не было полного единодушия.

И.М. Майский, будучи в составе советской делегации, в своих мемуарах вспоминал:

«При рассмотрении этих вопросов за столом конференции нередко возникали оживленные дискуссии, острая полемика, разгорались споры, скрещивались клинки. И не только между советской и англо-американской сторонами. Бывали случаи, когда англичане и американцы расходились во взглядах. Однако весь этот обмен мнениям происходил в рамках «парламентского приличия», и поэтому в конце концов удавалось в большинстве случаев приходиться к приемлемому для всех компромиссу.

Немалую роль в поддержании духа сотрудничества за столом конференции играл лично Рузвельт, с большим искусством выполнявший функции председателя. Он был спокоен, выдержан, остроумен и с полуслова улавливал мысль оратора.

Он умел также вовремя предложить какое-либо решение или формулу, которые примиряли точки зрения спорящих.

Меня удивляла также выносливость президента. Президент находил в себе силы сохранять бодрость и внимание в течение многочасовых заседаний, а сверх того ещё заниматься различными государственными делами, доходившими до него из Вашингтона».⁵⁸

Адмирал Н.Г. Кузнецов, будучи главнокомандующим ВМФ СССР, участвовал в работе Крымской (Ялтинской) конференции глав правительств СССР, США, Англии. Он имел возможность видеть, слышать Рузвельта. В своей книге «Курсом к победе» адмирал в высшей степени тепло отзывался о президенте США Франклине Делано Рузвельте. Он, в частности, отметил:

«Теперь нам известно, кто из политических деятелей США и Англии и в какой степени искренне, доброжелательно относился к нашей стране.

Дальновидный политический деятель Рузвельт был прогрессивнее многих, и в частности – прогрессивнее своего преемника Г. Трумэна».

Искусство переговорного общения Рузвельта заключалось и в том, что он всегда стремился учесть точку зрения другой стороны. Особенно плодотворно это его умение реализовывалось в переговорных процессах с деятелями других стран, в данном случае с представителями Советского Союза и лично с И.В. Сталиным.

⁵⁸ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг.: 2-е изд. - М.: Международн. отношения, 1987, с.756-757.

ГЛАВА V. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ РУЗВЕЛЬТА

Ясность, доступность языка оратора

Достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что раз речь не ясна, она не достигает своей цели.

Аристотель

Одной из принципиально важных установок Рузвельта в процессе общения с массовой аудиторией была установка на достижение максимальной прозрачности, ясности, доступности содержания речи для всех слушателей.

Ясность, доступность речи оратора он считал одним из самых главных её достоинств. Отсюда тщательность логического построения речи, полная прозрачность словесной её ткани, её оптимальная синтаксическая организация, разумное использование риторико-стилистических «цветов красноречия».

Публичные выступления Рузвельта различны по своей тематике, по охвату проблем. Они вместе с тем различны и по стилю своего оформления и стилю изложения. У него много выступлений, которые имели место на митингах, на партийных съездах, в Конгрессе, на инаугурационных процедурах и т.д. В стиле такого рода выступлений нередко имела место некоторая приподнятость как в оформлении содержания, так и в манере произнесения речи. В них был весьма ощутим элемент эмоционального убеждения.

Значительная часть выступлений Рузвельта по содержанию по манере исполнения тяготела к стилю повествования, к манере рассказочного характера. Главной составляющей волеизъявления в них оказывалось разъясняющее убеждение слушателей для решения тех или иных задач. Оратор говорил, рассказывая и убеждая. Стиль таких выступлений, в частности, знаменитых «бесед у камина» имел признаки обычной, повседневной, бытовой манеры общения.

Характерна в этом отношении первая радиобеседа Рузвельта, которую он провел 12 марта 1933 года. «Собеседниками» нового президента были десятки миллионов американцев. Речь в беседе шла о банках и предпринимаемых правительством мерах. Один из участников действия потом метко скажет, что Рузвельт говорил так ясно, так доступно, «что даже банкиры могли его понять».

Приведем здесь некоторые извлечения из текста этой радиобеседы. Уяснение стилевой манеры оратора послужит своеобразным ключом к осмыслению особенностей других его радиобесед, и многих речей, с которыми он выступал перед массовой аудиторией.

Привлечем внимание к зачину выступления Рузвельта.

«Друзья мои, я обращаюсь к гражданам Соединенных Штатов, чтобы немного поговорить о банках. Я обращаюсь к тем, кто понимает механику банковского дела, — таких сравнительно мало, — но особенно к тому огромному

большинству из вас, кто пользуется банками, чтобы хранить деньги и выписывать чеки».

Такого рода зачины речи не были характерны для чиновников высоко ранга ни в США, ни в какой иной стране. Первая фраза оратора – «Друзья мои» – есть беспроегрышный маневр оратора в привлечении многомиллионной аудитории на свою сторону, психологически, политически верный шаг к установлению доверительных отношений между президентом и слушателями всей страны.

Этой цели послужили и дальнейшие слова Рузвельта, обращенные к радиослушателям: «Я хочу рассказать вам о том, что сделано за последние несколько дней и зачем это было сделано, а также о наших дальнейших шагах. Я понимаю, что многочисленные официальные заявления, исходящие из столиц штатов и Вашингтона, законодательные акты, распоряжения Казначейства и тому подобное – все эти документы, зачастую изобилующие банковскими и юридическими терминами, могут быть непонятны среднему гражданину и требуют пояснения. Это мой долг, тем более что все вы так стойко и терпеливо сносили лишения и неудобства из-за банковских каникул».

В сущности с самого зачала своего выступления Рузвельт определил, в каком ключе с точки зрения стиля, он будет вести деловой разговор с каждым, кто будет находиться у радиоприемника: «Я хочу рассказать вам...».

Здесь же оратор берет на себя обязательство «пояснения» банковских и юридических терминов, которыми изобилуют «многочисленные официальные заявления», «законодательные акты», «распоряжения», порожденные в чиновничьих апартаментах.

Оратор заявляет: «Это мой долг...».

Рузвельт считает, что верное осознание народными массами решаемых правительством задач, явится реальной поддержкой проводимой им политики:

«И я знаю: когда вы поймете, чем занимались мы здесь в Вашингтоне, вы и впредь будете оказывать мне поддержку – такую же полную, какими были ваши солидарность и помощь в течение прошедшей недели».

Далее в радиобеседе за приведенной здесь ораторской «декларацией» о том, в каком духе пойдет разговор, Рузвельт уже практически показывает слушателям, как будет работать механизм разъяснения тех или иных положений финансово-экономического характера:

«Прежде всего, – говорит оратор, – позвольте мне указать на тот простой факт, что, когда вы помещаете деньги в банк, их там не складывают в сейфы. Банк инвестирует ваши деньги в различные формы кредита – облигации, коммерческие бумаги, залладные и многие другие виды ссуд. Иначе говоря, банк заставляет ваш деньги «работать», чтобы «крутились колеса» промышленности и сельского хозяйства».

По содержанию радиобеседы оратором неоднократно употребляются фразы: «я хочу вам рассказать», «я хочу, чтобы всем было ясно» и т.п.

В процессе разъяснения Рузвельт употребляет слова и фразы разговорного характера, которые широко бытуют в повседневном общении простых людей.

Как человек с большим жизненным опытом, он дает своим слушателям простые, но весьма полезные, мудрые советы в яркой, доступной для понимания языковой форме:

«Я хочу, чтобы вам было ясно: банки смогут удовлетворить все потребности, конечно, за исключением истеричных требований набивателей кубышек, а набивание кубышек, как я убежден, стало у нас за последнюю неделю гораздо менее популярным занятием. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: стоит людям убедиться, что они могут получить свои деньги – получить их тогда, когда захотят, на любые законные цели, – их страхи быстро рассеются. Люди снова будут охотно хранить свои деньги там, где о них надежно позаботятся и где ими можно в любое время удобно воспользоваться. Уверяю вас, друзья мои, что надежнее хранить деньги во вновь открытом банке, чем дома под матрасом».

Эта радиобеседа по содержанию, языковой форме, психологическому подходу оратора к аудитории производит впечатление, что оратор говорит по душам с каждым американцем: рабочим, шахтером, фермером, бизнесменом, домашней хозяйкой и другими. Оратор добивается предельной ясности, доступности в том, о чем он говорит с аудиторией.

Особо следует обратить внимание на то, что предложения, используемые Рузвельтом в публичных выступлениях, не характеризуются громоздкостью, что, как правило, присуще лицам, занимающим длительное время высокие административные должности. Тяжеловесность их синтаксических конструкций, связанных с официально-деловым стилем, общеизвестна.

В текстах речей, бесед Рузвельта представлены все виды простых, сложных, сложносочиненных, сложноподчиненных и иных предложений. Для подавляющего большинства их характерна предельная синтаксическая прозрачность, способствующая слушателям без какого-либо напряжения быстро схватывать суть мысли оратора. В словесной ткани любой его речи, беседы не встречается каких-либо малопонятных слов и фраз. Оратор сознательно не склонен в выступлениях употреблять специфические технические, медицинские, философские, политические, экономические термины, которые могли бы широкой аудитории затруднить восприятие его речи. К сожалению, в наше время нередки случаи, когда речь политического лидера оказывается чрезмерно перегруженной теми или иными терминами финансово-экономического, технического характера и не является вполне доступной для массового слушателя.

Ясность, доступность публичных выступлений Рузвельта можно продемонстрировать на десятках и даже сотнях примеров почерпнутых из его речей и бесед.

Возьмем, к примеру, его радиобеседу от 22 октября 1933 года. Она была посвящена оратором вопросам восстановления промышленности и регулирования сельского хозяйства.

Обращаясь к слушателям, Рузвельт здесь отмечал:

«Предпринимая каждый свой шаг, ваше правительство думает о среднем гражданине, выражаясь старомодным языком, стремится к «наибольшему благу для наибольшего числа людей». Поэтому, как здравомыслящие люди, мы не

могли рассчитывать существенно улучшить положение каждого отдельного человека, каждой профессии и в каждой отрасли, в промышленности и в сельском хозяйстве. Точно так же ни один здравомыслящий человек не мог ожидать, что за столь короткое время, когда новые экономические механизмы нужно было не только «запустить», но сначала создать, тенденция к улучшению дел в равной степени проявится в каждом уголке всех сорока восьми штатов страны».

«Однако общая картина, – заключает оратор свою мысль в этой части речи, – если говорить о средних данных по всей территории от побережья до побережья и всему 120-миллионному населению, – являет каждому непредвзятому человеку факты и дела, которыми вы и я можем гордиться».

Нередко в ходе речи Рузвельт подчеркивал, что он о той или иной проблеме будет говорить простым, доступным языком. Например, в этой же радиобеседе от 22 октября 1933 года он подчеркивает далее:

«Без колебаний хочу сказать вам самыми простыми и ясными словами, что, хотя на многие сельскохозяйственные продукты цены поднялись, и у многих фермерских семей положение лучше, чем год назад, я не удовлетворен ни величиной роста, ни тем, как широко он распространился. Поэтому мы продолжим политику повышения цен, распространяя повышение на те продукты, которых оно пока не затронуло».

Заключительные слова Рузвельта в этой радиобеседе:

«Итак, сегодня я рассказал вам о нашей работе по восстановлению экономики. Мы действуем без лишней поспешности, я всегда подчеркивал, что, во-первых, я не обещаю чудес, а во-вторых, я сделаю все от меня зависящее.

Я благодарю вас за ваше терпение и веру. Наши трудности не закончатся завтра, но мы уже сделали первые шаги к их преодолению и движемся в правильном направлении».

Слова Рузвельта «я вам рассказал», «расскажу» встречаются почти во всех его многочисленных радиобеседах.

Феномен «ясности», «доступности» – неотъемлемая составляющая всех публичных выступлений Рузвельта. Это качество стиля присуще не только радиобеседам, но и его инаугурационным речам, выступлениям в Конгрессе, речам на митингах, различных партийных, международных форумах и др.

Особо следует подчеркнуть, что «ясность», «доступность» выступлений являлась следствием не только вдумчивости отбора лексико-фразеологического материала речи. Доступность уяснения содержания речи Рузвельта определялась четкостью формулировок основных положений выступления, железной логикой, весомостью политических, экономических, военных, нравственных и т.п. аргументов, рельефностью, выразительностью его речи, оптимальной её структурированностью, близостью к разговорному стилю общения, бытовой речи большинства простых граждан Америки.

При подготовке выступлений Рузвельт всегда был озабочен тем, а как поймут его слушатели, особенно рабочие, фермеры, шахтеры, студенты, военные, работодатели, соратники и оппоненты, домохозяйки и другие.

Элеонора Рузвельт, супруга президента, разделяла озабоченность мужа: «Я всегда говорила мужу, что, если его речь пойму я, её поймет кто угодно».

В воспоминаниях внучки Рузвельта – Анны Элеоноры Рузвельт читаем:

«Мой дедушка любил разговаривать с людьми прямо, простым языком. Он обладал большой верой в американский народ и знал, исходя из длительного опыта общения с друзьями, соседями и простыми жителями своего любимого города Гайд-парка и штата Нью-Йорк, что самыми лучшими судьями его политики были обычные американцы, которые понимали, что он пытался сделать».⁵⁹

В своих мемуарах Роберт Шервуд делится впечатлениям о некоторых особенностях ораторской практики У. Черчилля и Франклина Рузвельта. Он повествует в частности о событиях, связанных с англо-американскими переговорами, известными под условным наименованием «Аркадия».

Были рождественские праздники. Премьер-министр Англии прибыл 22 декабря 1941 года.

«На следующий день после рождества, – пишет Р. Шервуд, – Черчилль отправился в здание Капитолия и выступил на совместном заседании обеих палат Конгресса.

Это была одна из самых лучших его речей, великолепно отвечавшая настроению самой трудной аудитории, с какой ему когда-либо приходилось встретиться. Гопкинс несколько беспокоился тем, какой прием будет оказан Черчиллю сенаторами и членами палаты представителей, но все сомнения рассеялись, когда Гопкинс услышал взрывы смеха и приветственные возгласы республиканцев и демократов после слов премьер-министра: «Я думаю, что, если бы мой отец был американцем, а моя мать англичанкой, а не наоборот, я мог бы оказаться здесь по праву».

Спустя несколько дней Черчилль отправился в Оттаву, чтобы выступить с большой речью на заседании обеих палат канадского парламента. В этой речи он сделал свое саркастическое замечание по поводу «некоего цыпленка и его шеи», вызывая в памяти мрачное предсказание Вейгана, сделанное накануне капитуляции Франции.

В то время Рузвельт подготавливал свое послание Конгрессу о положении в стране в 1942 году, и тот факт, что Черчилль как искусный оратор являлся опасным конкурентом Рузвельта, вызывал беспокойство у некоторых его сотрудников. Особенно обеспокоен был этим Стив Эрли: болезненно преданный Рузвельту и ревниво оберегавший престиж своего шефа, Эрли вел таблицу, показывающую колебания в численности аудитории, слушавшей выступления президента по радио, и он отнюдь не приветствовал появление новой звезды там, где так долго и безраздельно царил Рузвельт. Он воспринял это так, как если бы на карту было поставлено первенство президента.

Однако Рузвельт не был обеспокоен. Его только забавляла тревога его друзей. У него не было желания соперничать с Черчиллем в ораторском искусстве.

Наоборот, он всё больше склонялся к другой крайности, пытаясь найти кратчайший, простейший и самый ясный способ изложения своих мыслей. Но

⁵⁹ Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камина. - М.: ИТРК, 2003, с. 9.

ему удалось добиться того, что его послание Конгрессу от 6 января 1942 года оказалось одним из лучших.

Он изложил всю программу действий Соединенных Штатов в войне в таких выражениях, которые не могли остаться непонятными ни для друга, ни для врага.

Прежде чем произнести эту речь в здании Капитолия, он прочел её вслух в овальном кабинете Черчиллю и Бивербруку и позднее рассказывал, что «она имела большой успех».⁶⁰

Размышляя о начале президентской деятельности Ф.Д. Рузвельта, историк Д. Юнкер, на наш взгляд, емко и образно отразил в своем труде некоторые политические, экономические, социально-психологические новации стиля деятельности нового президента. Он, в частности, писал:

«Рузвельт предложил альтернативу. Отныне пятидесятилетний чистокровный политик был не только близким народу оратором, мастерски владевшим политическими разговорными символами нации; не только «простым фермером» и «хорошим соседом», чей здоровый человеческий рассудок позволял ему знать истинные нужды простого человека; не только Рузвельтом-путешественником, чей запланированный по совету друзей по партии предвыборный поход охватил 36 штатов США; не только человеком, который внушал надежду и уверенность, но и любителем «окунуться в толпу»; не только искусным организатором, к кому в конечном счете тянулись все нити; не только артистом сильной политики, которому удалось путем умных маневров добиться поддержки и старых прогрессистов, и консерваторов в своей партии; не только ненавистником и демагогом, который своего оппонента, мог назвать некомпетентным, но человеком с политической субстанцией, который понимал причины кризиса иначе, чем Гувер, который и до 1932 года придерживался другого основного убеждения о задачах и функциях правительства и поста президента, иначе интерпретировал прошлое нации и иначе видел её будущее».⁶¹

Многоцветие лексико-фразеологического арсенала

Мастерство Рузвельта-оратора во многом обуславливалось обширностью его познаний вообще и богатством лексико-фразеологического арсенала, охватывающего самые различные сферы человеческой деятельности.

Словарь будущего президента США формировался под воздействием образовательной подготовки в годы детства, юности, в процессе изучения английского, немецкого, французского, испанского языков, во время последующей многообразной административно-управленческой, общественно-политической деятельности, в условиях постоянного стремления Рузвельта к общению с людьми.

Будучи уже губернатором, а затем и президентом Рузвельт активно общался, с представителями крупного, среднего, малого бизнеса, с военными, ра-

⁶⁰ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт. Т.2, с. 13-14.

⁶¹ Юнкер Д., Айгнер Д. Франклин Рузвельт. Уинстон Черчилль. - Ростов-на-Дону, «Феникс», 1988, с. 69.

бочими металлургической и горнодобывающей промышленности, политическими лидерами, дипломатами, с фермерами, домашними хозяйками, деятелями науки и искусства, представителями средств массовой информации, студентами и другими.

Многолетний опыт общественно-политической, государственной деятельности обогатил его политический, дипломатический, официально-деловой дискурс.

Рузвельт свободно владел лексико-фразеологическим богатством и публицистического, и официально-делового, и разговорно-бытового стилей.

Особо хотелось бы привлечь внимание к уникальной компетентности Рузвельта в области политической и военной географии. Он сполна использовал в своей повседневной работе как президента и главнокомандующего обширный лексико-фразеологический материал этих сфер.

Блестящее знание расстановки политических сил, экономических и военных возможностей государств различных континентов позволяло Рузвельту свободно вести речь о самых актуальных проблемах, возникавших в том или ином уголке мира.

Всесторонняя информированность такого рода была особенно важна для Рузвельта и как для президента, и как главнокомандующего всеми вооруженными силами США.

С любым собеседником Рузвельт мог свободно обсуждать любые вопросы того или иного региона мира. Он был в курсе жизни многих народов, проживавших в тех или иных границах. Элеонора Рузвельт свидетельствовала, что «...никто не мог сравниться ни со знанием географии, ни с историческими познаниями и общим охватом всей исторической картины Франклина. Он мог переговорить любого из англичан, в том числе и Уинстона Черчилля».

Обладая широкими познаниями, богатейшей информацией, Рузвельт считал чрезвычайно важным вооружать объективной информацией всех граждан страны, на плечи которых ложились все тяготы тяжелейшего кризиса и губительной войны.

Ясным, доступным для понимания каждого гражданина языком он повествовал в своих речах, беседах о наиболее жгучих проблемах текущей жизни страны, союзной коалиции, экспансионистских устремлениях стран-агрессоров.

Обширна, к примеру, в речах Рузвельта лексика и фразеология сферы политической географии. В них обилие названий континентов, государств, городов, океанов, морей, островов и т.д. Вот лишь отдельные примеры встречающихся лексико-фразеологических единиц: «Восток», «Запад», «Север», «Юг», «Европа», «Азия», «Африка», «Австралия», «Америка», «Антарктида», «Северный полюс», «Тихий океан», «Атлантический океан», «Северная Америка», «Центральная Америка», «Южная Америка», «Соединенные Штаты Европы», «Соединенные штаты Америки», «Соединенные штаты Азии», «Западное полушарие», «Северный полюс», «Новый свет», «Ближний восток», «Азорские острова», «Британские острова», «страны Оси», «Карибское море», «Мексиканский залив», «Суэцкий канал», и т.д. Можно было бы перечислить все другие названия из данной сферы до полного их исчерпания.

В текстах речей и бесед Рузвельта фигурируют названия большого количества государств мира: Австрия, Бельгия, Великобритания, Египет, Индия, Ирландия, Италия, Германия, Япония, Албания, Болгария, Греция, Испания, Исландия, Канада, Китай, Иран, Ливия, Норвегия, Нидерланды, Польша, Португалия, Россия и др.

В его выступлениях также можно встретить названия сотен городов и иных населенных пунктов.

Как президенту и главнокомандующему Рузвельту приходилось уделять должное внимание военным вопросам как теоретического, так и практического характера.

Речи, беседы военного периода буквально насыщены терминологией стратегии, тактики, названиями различных видов вооружения и снаряжения: вооруженные силы США, самолеты, танки, орудия, корабли и т.п.

Особенно многочисленны термины из сферы военно-морского дела: подводные лодки, миноносцы, линкоры, эсминцы, базы, рейды, мачты, торпеды и др.

Показательно, например, в смысле активного использования военной терминологии, радиовыступление Рузвельта от 27 мая 1941 года.

«Во время Первой мировой войны, – говорит президент, – мы придавали торговым судам сопровождение в виде небольших крейсеров, канонерских лодок и эсминцев. Такого рода сопровождение называемое конвоем, было эффективным средством защиты от подводных лодок. Однако в наше время, во Второй мировой войне, проблема стоит серьезнее. Для свободы мореплавания теперь существует больше угроз; это и усовершенствованные подводные лодки, и тяжело вооруженные крейсера и мобильные линкоры, которые теперь гораздо чаще используются для нападения на торговые суда, и бомбардировщики, способные уничтожить судно на расстоянии семьсот-восемьсот миль от своей авиабазы. Появилась возможность с помощью бомбардировщиков дальнего радиуса действия наносить удары по судам непосредственно в портах».

В этом небольшом выступлении встречается очень много лексико-фразеологических единиц, имеющих прямое отношение к военной сфере.

Уместно заметить, что свободное владение оратором, в данном случае военной терминологией, не только способствовало более точной логической организации речи. Основательное владение этой специфической лексикой и фразеологией имело и сугубо социально-психологические последствия. В числе слушателей президента были миллионы солдат, сержантов, офицеров, генералов, адмиралов. Каждым из них верил в компетентность главнокомандующего.

Весьма показательно по эффективному использованию военной лексики радиовыступление Рузвельта от 17 июня 1944 года.

Вот лишь небольшое извлечение из этой беседы:

«Сегодня мы уже по всему миру перешли в наступление, атакуем наших врагов.

В тихом океане непрерывные наступательные действия наших военных кораблей и подводных лодок, морские десанты, набирающие силу воздушные

налеты лишили японцев возможности сдерживать нарастающий и расширяющийся натиск наших войск.

Мы добились того, что объем перевозок у японцев сократился на 3 миллиона тонн. Мы преодолели первоначальное превосходство в воздухе. Мы отрезали дорогу к дому десяткам тысяч японцев, которых теперь ждет осада, голод и в конечном итоге – капитуляция. Военно-морские силы японцев понесли от нас такие потери, что уже на протяжении многих месяцев их корабли избегают любого риска столкновения с нашими».

В заключительной части обзора театров военных действий Рузвельт говорит: «На востоке союзная нам доблестная советская армия изгнала врага из тех земель, которые он захватил три года назад, и теперь наносит ему сокрушительные удары».

Заметный след на словаре Рузвельта оставили годы напряженной работы по выводу страны из тяжелой депрессии. В первый и второй президентские сроки Рузвельту особенно много приходилось заниматься решением вопросов финансово-экономического характера. Отсюда в его речах, беседах периода 1933-1939 годов множество слов и устойчивых фраз из сферы финансов, банков, экономики. Это слова и выражения типа: «банки», «казначейства», «денежные знаки», «банковские активы», «финансовая система», «экономическая система», «банковские операции», «платежеспособность банков», «финансовые резервные системы», «активы коммерческих и сберегательных банков», «инфляция», «банкротство банков», «золотой стандарт», «фунты», «доллары», «серебро», «кредитоспособность» и т.п.

Уместно отметить, что слова и выражения из финансово-экономической сферы, когда, по мнению оратора, могли показаться слушателям недостаточно доступными, пояснялись им, растолковывались доступным, разговорным языком.

Во время всего многолетнего периода президентства Рузвельт уделял много внимания сельскому хозяйству. Содержание его речей и бесед по этой проблематике вызывает интерес и в наши дни. Пожалуй, можно сказать, что Рузвельт любил выступать по такой тематике, обнаруживая удивительный профессионализм в своих суждениях.

Можно здесь добавить, что его ораторское повествование на сельскохозяйственные темы нередко носило признаки повествования художественного, с мастерским использованием самых различных средств образного живописания.

Что касается словесной ткани такого рода выступлений, то она изобиловала всем известными понятиями типа: урожай, засуха, пшеница, скот, вода, колодцы, сад, сев, фермеры, поля, пастбища, акры, спекшаяся земля, палящее солнце, обжигающий ветер, скотоводы, посевы, корма, пруды, водоемы, искусственные озера, ирригационные работы, водные ресурсы, семена, весенний сев, сельскохозяйственная продукция, говядина, свинина, мука, кукуруза, фрукты, молочные продукты, хлопок, шерсть, кожа, засушивая зона, подножные корма, эрозия почвы, пастбища и т.д.

Опять-таки обратим внимание на социально-психологический аспект ораторского действия Рузвельта. Сельские жители, фермеры считали его своим человеком, доверяли ему, его слову.

Президентский ораторский лексикон имел ещё некоторые особенности. Вот одна из них. Профессиональная юридическая подготовленность обусловила использование Рузвельтом лексико-фразеологического материала из правовой сферы. Особенно активно Рузвельт использовал такой пласт языковых средств во время «тяжбы» с Верховным судом США. Кроме того, руководство исполнительной властью, постоянные контакты с деятельностью Конгресса – всё это вызывало необходимость разработки, обсуждения, разъяснения многих правовых актов.

В связи с этим в речах и беседах нередки слова и выражения типа: «законы», «законодательные акты», «вето», «конституционность», «судебные функции», «законодательные поправки», «судьи», «судебные инстанции», «законодательные средства», «судейские коллегии», «правовые споры», «федеральная судебная система», «законы штатов», «правомочность» и т.п.

В целом лексико-фразеологический материал оратором использовался, если говорить современным языком, аккуратно, не вызывая у слушателей затруднений в понимании сути основного содержания того или иного выступления президента.

В публичных выступлениях Рузвельта встречается немалое количество фразеологизмов, относительно устойчивых выражений, состоящих из двух и более слов.

Они были различны по своей природе, происхождению. Одни восходили своими истоками к живой разговорной речи. Другие носили книжный характер. Однако и в том, и в другом случае они оживляли речь оратора, делали выразительной и во многих случаях – образной.

Фразеологизмы разговорно-бытового характера способствовали доступности речи оратора, лучшему её восприятию с психологической точки зрения.

Вот пример характерных фразеологизмов, встречающихся в публичных выступлениях Рузвельта: «верить от души», «кормить рассказами», «не быть кликушами», «пустить на ветер», «застить глаза», «верить от души», «выдавать желаемое за действительное», «играть на руку», «спасать свою шкуру», «закрывать глаза», «чаша весов», «брать за горло», «питать иллюзии», «проливать кровь», «за отдельными деревьями не видят леса» и т.п.

Вот некоторые примеры использования фразеологизмов в некоторых выступлениях Рузвельта по радио:

28 июня 1934 года:

«Подводя итоги последней сессии Конгресса семьдесят третьего созыва, мы все яснее понимаем, что её задача состояла в завершении работы, которую Конгресс начал в марте 1933 год. Это была далеко не простая задача, но она оказалась ему по плечу».

7 мая 1933 года:

«Создав Гражданский корпус охраны природных ресурсов, мы одним выстрелом убиваем двух зайцев: повышаем ценность наших природных ресурсов и в то же время оказываем немалую помощь нуждающимся».

28 июня 1934 года:

«Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы, действительно, наступаем кое-кому на «больные мозоли» – и будем наступать на них и впредь». Но это «мозоли» тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем – за счет общего блага».

28 июня 1934 года:

«Я хорошо понимаю, что страна уже до истечения этого года ожидает развертывания работ, как говорится, «на всю катушку». И хочу заверить моих сограждан: мы не пожалеем сил для того, чтобы обеспечить эффективное расходование государственных средств, а в результате – осуществить крупное наступление на проблему безработицы».

27 мая 1941 года:

«Перед нами стоят неотложные проблемы в военной области, в частности, по охране морей. Мы не можем себе позволить относиться к ним с благодушием, принимать желаемое за действительное. Мы должны посмотреть в лицо суровым фактам».

2 сентября 1941 года:

«Миролюбивые страны, одна за другой, попадали в катастрофическое положение потому, что не могли заставить себя прямо смотреть в глаза нацистской опасности до тех пор, пока нацисты уже не брали их за горло» Соединенные Штаты не повторят этой смертельной ошибки».

В этом же выступлении:

«У нас нет другого выхода, если только мы намерены, как обязались, держать на замке оборону западного полушария».

Говоря об использовании Рузвельтом фразеологических оборотов разговорного и книжного характера, уместно заметить, что у него, пожалуй, чаще всех других, использовались фразеологизмы, восходящие своими истоками к спортивной сфере. И дело, наверное, не только в том, что он с большими симпатиями относился к спорту. Не исключено, что их активное использование обуславливалось и тем, что фразеологизмы, порожденные в спортивной среде, были в большом ходу и в лексиконе молодежи, и у мужчин среднего возраста. Их употребляли и те, кто уже вышел из активной спортивной жизни. Так что в политической речи фразеологизмы такого рода могли использоваться с определенным намерением психологического свойства.

С очевидной политической начинкой использовались такие фразеологизмы из спортивной сферы, как: «забивать гол», «забить мяч», «бить по мячу», «удар ниже пояса» и другие.

Находили применение у Рузвельта и фразеологизмы из литературных, библейских источников. Это крылатые выражения типа: «Троянский конь», «возносить мольбы», «молиться Богу», «погрузиться в скорбь» и другие.

Рузвельт, по мнению историка Детфлера Юнкера, как «чистокровный политик был не только близким народу оратором, мастерски владевшим политическими разговорными символами нации; не только «простым фермером» и «хорошим соседом», чей здоровый человеческий рассудок позволял ему знать истинные нужды простого человека; не только Рузвельтом-путешественником, чей запланированный по совету друзей по партии предвыборный поход охватил 36 штатов США; не только человеком, который внушал надежду и уверенность, но и любителем «окунуться в толпу»; не только искусным организатором, к которому в конечном счете тянулись все нити; не только артистом сильной политики, которому удалось путем умных маневров добиться поддержки и старых прогрессистов, и консерваторов в своей партии; не только ненавистником и демагогом, который своего оппонента мог назвать некомпетентным, но и человеком с политической субстанцией, который понимал причины кризиса иначе, чем Гувер, который и до 1932 года придерживался другого основного убеждения о задачах и функциях правительства и поста президента, иначе интерпретировал прошлое нации и иначе видел её будущее».⁶²

В заключение можно отметить, что Рузвельт обладал богатым словарным запасом. Оратор, выступая, «не лез за словом в карман». Живой, динамичный, тонко ситуативный ум Рузвельта позволял в любой момент общения находить, выхватывать из глубин сознания единственно необходимое слово.

Библеизмы в нравственно-психологическом воздействии

Искушенный политик, тонкий социальный психолог Рузвельт не мог не учитывать фактора религиозности населения страны, сложившейся культурно-исторической традиции.

В Соединенных Штатах Америки около 80 миллионов граждан принадлежит к протестантскому вероисповеданию, более 50 миллионов – к католическому. В стране есть многочисленные приверженцы различных сект и нетрадиционных культов.

С целью усиления внушающего, психологического воздействия на аудиторию Рузвельт в большинстве своих публичных выступлений активно использовал знакомые всем верующим библейские образы.

К ним прибегали многие президенты Соединенных Штатов – предшественники Франклина Рузвельта (Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Авраам Линкольн и другие). Однако так часто и так мастерски никто не использовал библеизмы в нравственно-психологическом воздействии на слушателей, как это делал 32-й президент Соединенных Штатов.

Неотразимую внушающую силу воздействия у него выполняли такие емкие и высокие слова концепта Бог (Господь, Творец, Всевышний и другие синонимичные им понятия).

Безотказное воздействие поддерживалось величайшим авторитетом Рузвельта среди населения и тем, что он не раз и не два подчеркивал в выступле-

⁶² Юнкер Д., Айгнер Д., Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль. Серия «Исторические силуэты». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998, с. 68-69

ниях, что сам он человек глубоко верующий, и что говорит он от имени всех верующих соотечественников страны.

Сказанное можно проиллюстрировать множеством характерных его высказываний, которые содержатся в его речах, беседах, посланиях и т.д.

Возьмем, к примеру, радиовыступление Рузвельта от 28 июня 1934 года. В этом выступлении президент разъяснял соотечественникам цели и задачи «Нового курса» и давал ответ «критикам». Он страстно призывал всех граждан не жалеть усилий для превращения страны в процветающее государство. Свое выступление он закончил словами: «Когда во время войны я был во Франции, наши парни, бывало, называли Америку «Божьей страной». Давайте сделаем так, чтобы она действительно была и всегда оставалась Божьей страной».

28 апреля 1935 года Рузвельт выступил по радио с очередным обращением к народу США. В этой беседе он кратко подвел итоги реализации «Нового курса», остановился на показе того, что было достигнуто и что предстоит еще решать. Президент отметил, что положительные сдвиги достигнуты не только в экономике, есть такие подвижки и в духовной жизни страны.

Завершая эту беседу, Рузвельт сказал: «Еще никогда, со времени своего вступления в должность в марте 1933 года, я не ощущал в Америке столь явно и существенно атмосферу возрождения».

Дело не только в восстановлении материальной основы жизни каждого человека в отдельности. Возрождается доверие к нашим демократическим порядкам, к республиканским государственным институтам.

Мы выстояли в величайшем экономическом бедствии, принеся нашей стране много лишений и опасностей. В самые мрачные периоды национальных испытаний мы сохранили веру в нашу способность распоряжаться собственной судьбой.

Страхи рассеиваются. В обществе растет взаимное доверие, крепнет обновленная вера в неисчерпаемую способность человека улучшать свое материальное и духовное состояние с помощью демократических форм правления.

Эта вера уже получает заслуженную награду. За это мы должны быть благодарны Богу, который хранит Америку».

Ссылки оратора на высший авторитет Создателя не просто усиливали эмоционально-экспрессивные возможности выступления. В определенной степени они несли в себе заряд внушающего характера.

14 апреля 1938 года Рузвельт провел радиобеседу с соотечественниками. Причины проведения ее были обусловлены некоторыми факторами негативного характера. А именно: в стране с 1937 года появились признаки экономического спада. Были необходимы экстренные меры по нейтрализации этой негативной тенденции. В своем выступлении президент заверил, что правительство не допустит ухудшения обстановки. В речи был перечислен ряд экстренных мер.

Однако анализу сложившейся в стране обстановки и намечаемым в речи мерам предшествовало оригинальное вступление оратора, в котором прозвучали библейские мотивы:

«Друзья мои, – тепло обратился президент к многомиллионной радио-аудитории и продолжал, – прошло пять месяцев с тех пор, как я последний раз беседовал с народом Соединенных Штатов о положении страны.

Сегодняшний разговор я поначалу хотел на некоторое время отложить, поскольку, как вы все знаете, сейчас на календаре Страстная неделя. Однако то, что я хочу сказать вам, гражданам нашей страны, имеет столь безотлагательный характер и так тесно касается жизни людей, проблем избавления человека от страданий, что я почувствовал: медлить нельзя. В этом решении меня еще укрепила та мысль, что мое выступление поможет людям обрести душевный мир, и надежда, которая для нас связана с Пасхой, станет во всех американских семьях немного более реальной».

И далее президент сказал: «Разговор, который поможет поселить мир в душах, будет совсем не лишним сейчас, когда мысли многих из нас обращены к Иисусу Христу».

В этой «беседе у камелька» пошел обстоятельный разговор о том, какие неотложные меры необходимо предпринять, чтобы нейтрализовать обозначившуюся негативную тенденцию спада.

Выбор момента радиобеседы, по признанию самого Рузвельта, не был случайным. Этот момент обуславливался и экономическими и социально-психологическими факторами.

Началась Вторая мировая война. Гитлеровские войска вторглись в Польшу. 3 сентября 1939 года Рузвельт выступил с радиообращением к американскому народу. Он говорит о той грозной опасности, которая нависла над народами Европы, да и всего мира. Усилия американского правительства, направленные на мирное разрешение кризисных явлений не дали положительных результатов.

«Большинство американцев, – говорит президент, – верят в духовные ценности. Большинство из нас, независимо от принадлежности к той или иной церкви, следуют духу Нового Завета – великого учения, противостоящего насилию, применению оружия, марширующим армиям и падающим бомбам. Подавляющее большинство нашего народа стремится к миру – к миру в нашей стране и к такому же миру в других странах, при котором ничто не угрожало бы нашей мирной жизни».

Президент заключает свое выступление словами:

«Я уже много раз говорил: мне известно, что такое война, и я ненавижу войну. Я буду повторять это снова и снова. Надеюсь, что война не коснется Соединенных Штатов, я от души в это верю. И готов дать вам самую большую гарантию: ваше правительство сделает для этого все возможное.

Насколько это будет в моих силах, я постараюсь обеспечить, чтобы война не омрачила жизни американцев даже на самое короткое время».

Однако этим проникновенным словам Рузвельта не суждено было сбыться.

Угроза нацизма распространялась. Ее дыхание стало ощущаться уже и у берегов американского континента.

26 мая 1940 года Рузвельт выступает с радиообращением к американскому народу. Речь идет о задачах по обеспечению национальной безопасности Соединенных Штатов. Оратор призывает граждан Америки укреплять оборону страны. Выступление завершает обращением к Всевышнему:

«Днем и ночью я молюсь о том, чтобы в нашем сумасшедшем мире опять воцарился мир. Мне, вашему президенту, нет нужды просить американцев молиться об этом, ибо я знаю, что вы делаете это вместе со мной.

Я уверен, что все люди в этой стране – мужчины, женщины и дети – в сердцах своих каждую минуту возносят мольбы к всемогущему Богу. Мы молим об одном: чтобы прекратились страдания, голод и смерть, чтобы на землю вернулся мир. Ваши молитвы сливаются с моей в любви ко всему человечеству, в надежде, что Бог залечит физические и душевные раны людей».

Эмоциональная сфера верующих в результате такого тонкого подхода оратора оказывалась, безусловно, под мощным его воздействием. Такая этическая, социально-психологическая составляющая заключительной части выступления выполняла огромную роль в формировании общественного мнения, отвечающего конкретным историческим условиям.

В военные годы Рузвельт обращается к библеизмам почти в каждом своем выступлении. Он это делает дважды в радиовыступлении от 27 мая 1941 года. Дважды обращается к Богу в радиобеседе от 11 сентября 1941 года. Такое обращение содержится в его радиообращении от 9 декабря 1941 года.

Аналогичные упоминания о Боге имеются в радиовыступлении от 12 октября 1942 года; 8 сентября, 24 декабря 1943 года.

Обращение к христианским ценностям, к Богу содержится в радиовыступлении Рузвельта от 24 декабря 1943 года. После возвращения с Тегеранской конференции президент отправился на рождественские праздники на свою родину – в Гайд-парк. И здесь, во вновь отстроенной библиотеке он выступил со своим радиообращением к соотечественникам.

Для иллюстрации приведем здесь два извлечения из текста выступления Рузвельта:

«В последние годы – годы международного бандитизма и варварской агрессии в Европе и Азии – празднование Рождества для нас омрачалось тревогой за свое будущее. Мы говорили друг другу: «Счастливого Рождества и с Новым годом!» – но при этом не забывали о нависшей над миром угрозе, и наши веселые пожелания из-за этого звучали не совсем убедительно.

И сегодня, встречая Рождество, мы знаем, что нас ожидает еще много страданий, жертв и личных трагедий. Наши бойцы, прошедшие через жестокие битвы на Соломоновых островах Гилберта, в Италии и Тунисе и на личном опыте испытавшие, что такое современная война, не сомневаются, что впереди у них еще много сражений. Грядущие битвы будут еще крупнее предыдущих и обойдутся нам еще дороже.

Однако в канун этого Рождества я могу вам сказать, что, наконец, мы действительно можем смотреть в будущее с уверенностью. Мы знаем: какую бы цену нам не пришлось заплатить, «мир на земле и благоволение в человеках» могут наступить и обязательно наступят».

Президент сообщил слушателям о том, что готовятся крупные наступательные компании и в Европе, и в Азии и что надо сделать все, чтобы эти кампании были успешными.

В заключительной части речи Рузвельт говорит:

«Меньше месяца назад я в большом транспортном самолете пролетел над маленьким городком в Палестине, он называется Вифлеем.

Сегодня, в канун Рождества, люди во всем мире мыслями обращаются к этому древнему городу, к звезде веры, которая засияла над ним более девятнадцати столетий назад.

Сегодня американские парни воюют в заснеженных горах, малярийных джунглях и выжженных пустынях, на океанских просторах и в заоблачных высях. Они сражаются за то, во что верят. Я думаю, смысл этой борьбы лучше всего выражает благая весть, пришедшая к нам из Вифлеема.

От имени американского народа я направляю это рождественское послание вам, нашим воинам.

В своем сердце мы молимся за вас и всех ваших товарищей, которые идут в бой, чтобы освободить мир от зла.

Мы молимся о Божьей благодати для вас и ваших близких, которые ждут вас дома: отцов, матерей, жен и детей.

Мы просим Бога даровать свою милость больным и раненым, а также военнопленным, которые находятся в руках неприятеля и не могут дожидаться дня освобождения.

Мы просим Бога принять к себе и окружить своей любовью тех, кто положил свою жизнь в этой войне. Пусть их имена навсегда останутся в благодарной памяти соотечественников.

Да благословит Бог всех нас и да укрепит Он нашу веру в то, что мы боремся за лучшее будущее всего человечества».

Уместное, творческое использование Рузвельтом библеизмов увеличивало эмоционально-экспрессивную силу его выступлений, способствовало повышению могущества его волеизъявления как президента и главнокомандующего.

В радиобеседе от 6 января 1945 года Рузвельт обращает внимание соотечественников на возросшую необходимость наращивания военной продукции. Это обуславливается самим ходом вооруженной борьбы.

Президент с целью убедить слушателей в правоте постановки очередной задачи наряду с экономическими, военными аргументами прибегает и к психологическому воздействию, используя в этой беседе дважды библейские заповеди.

«Удовлетворить возросшие потребности в вооружении мы сможем только в том случае, если каждый американец, уже занятый на военной работе, останется на своем месте – на своем боевом посту, и, кроме того, если на военную работу дополнительно придет часть гражданского населения, в настоящее время работающего на второстепенных участках. Те рабочие, которые высвобождаются в силу сокращения производства отдельных видов военного снаряжения, должны получать новую работу военного характера – там, где военное

производство расширяется. Я полагаю, сейчас совсем не время увольняться или переходить на менее важные участки работы.

Старая верная поговорка гласит, что Господь не терпит тех, кто бросает свое дело. За всех тех, кто ушел с важной военной работы – бросил такую работу по каким-нибудь несущественным причинам, расплачивается наша страна. И расплачиваться приходится кровью наших сыновей».

Приведенные доводы оратора с точки зрения моральной - неотразимы. Напомним, эта последняя беседа президента со своими соотечественниками завершается оптимистической фразой, оратор и здесь обращается к Создателю:

«Сегодня мы, американцы, вместе с нашими союзниками делаем историю. Я надеюсь, что это будет более светлая история, чем вся история прошлого.

Мы молимся о том, чтобы быть достойными тех безграничных возможностей, которые нам даровал Бог».

Названные библеизмы в речах и беседах Рузвельта, как правило, носили во фразах ключевой характер. Анализ дошедших до нашего времени звукозаписей публичных выступлений этого оратора свидетельствует о том, что эти библейские слова и фразы произносились Рузвельтом с особой интонацией. Динамичный, баритонального тембра голос Рузвельта становился более полновочувственным, торжественным, что, разумеется, не могло не усилить эмоционально-экспрессивные возможности его речи.

Нельзя не подчеркнуть особо то, что мастерское использование Рузвельтом библеизмов, как важнейшего средства психологического воздействия, сопровождалось одновременно гармоничным применением самых разнообразных образно-выразительных средств (метких сравнений, образных метафор, тончайших эпитетов и т.д.) и целым арсеналом риторических универсалий, отчего речь оратора, безусловно совершенная по своему содержанию, оставляла неизгладимое впечатление.

Семь десятилетий минуло со времени ухода из жизни великого политика. Иным во многом стал мир. Другими стали условия общения внутри государств и на международной арене. Однако, как и прежде, синонимичный ряд понятий концепта «Бог» (Господь, Творец, Всевышний, Вседержатель и другие) и в XXI столетии находит разумное применение не только в проповедях христианских иерархов, но и в публичных выступлениях современных политических лидеров.

Уместно в заключение привести одну любопытную сакраментальную фразу Рузвельта, произнесенную им о себе: «Я президент убеждающий, молитвенный».

Афористичность ораторского стиля Рузвельта

Сила речи состоит в умении
выразить многое в немногих словах.
Плутарх

Большой жизненный опыт, обширные познания многих сторон общественной жизни, глубокий, ситуативно обостренный ум, мастерское владение

богатствами языка позволяли Рузвельту формулировать мысли ясно и лаконично. Многие его речи, беседы, послания становились источниками оригинальных, емких по смыслу суждений.

Афористические изречения Рузвельта различны по идейно-тематической направленности, по логико-синтаксической организации, по эмоционально-экспрессивной окраске.

Многообразна природа афористичности его ораторского стиля. Положение президента, главнокомандующего, партийного лидера побуждало его прибегать к использованию таких жанров коммуникации как призывы, обращения, тезисы, послания. Повседневная официально-деловая управленческая практика связывала его с непосредственной разработкой приказов, распоряжений, директив и т.п., характерным признаком которых являлся феномен лаконичности. Насыщенность распорядка дня объективно работала на формирование лаконичного стиля личного общения с членами администрации, представителями бизнеса, прессы, учеными, дипломатами и просто гражданами.

Афористические высказывания Рузвельта неоднородны по жанровым признакам. Некоторые из них полностью подпадают под общепринятое понятие афоризм (краткое выразительное изречение). Другие могут быть квалифицированы как сентенции (изречения нравоучительного плана). Третьи могут быть рассматриваемы как максимы (важный принцип, правило). В четвертых изречениях можно усмотреть признаки гномы (мысль, завершающая суждение оратора). В пятых наблюдаются свойства парадокса (мнение, расходящееся с общепринятым). Есть суждения Рузвельта с признаками эссе (краткое толкование той или иной проблемы). Среди его лаконичных изречений можно встретить такие, в которых есть признаки моралий (поучительные выводы, наставления, нравоучения) и др.

Афористичность ораторского стиля Рузвельта своими истоками могла уходить в глубину веков, в античность, Возрождение и т.д. Нельзя не указать на традиции, сложившиеся в политическом красноречии США в результате деятельности именитых предшественников Рузвельта – основателей американского государства.

Афористичность как характерный признак речей политических лидеров США можно возвести, например, к деятельности первого президента Джорджа Вашингтона (1732-1799). В центре внимания этого выдающегося государственного деятеля были высказывания по политическим, правовым, военным, управленческим, этическим проблемам:

«Великое основное правило наших отношений с другими странами состоит в том, чтобы мы развивали наши торговые отношения, но как можно меньше соприкасались с ними политически».

«Капитан, желающий избежать подводных камней, должен знать, где они находятся».

«Верховный суд может быть назван краеугольным камнем нашей политической фабрики».

«Я боюсь не оправдать ожиданий моих соотечественников».

Множество отточенных афоризмов внес в национальную сокровищницу США философ, государственный деятель, дипломат, изобретатель, один из создателей Декларации независимости Бенджамин Франклин (1706-1790). Тематика его изречений: философия, политика, религия, мораль, быт и др. Вот некоторые из них:

«Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев».

«Те, кто способен отдать свою свободу, чтобы обрести недолговечную защиту от опасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности».

«Атеист – несчастный ребенок, который напрасно пытается уверить себя, что у него нет отца».

«Все философы – мудрецы в своих сентенциях и глупцы в своем поведении».

«Лень, как ржавчина, разъедает быстрее, чем труд изнашивает» и др.

Умел емко сказать второй президент США Джон Адамс (1735-1826). Тематика его изречений разнообразна: право, политика, военное дело, управление, мораль и т.д.

«Правление законов, а не людей».

«Я должен изучать политику и военное дело, чтобы мои сыновья могли изучать математику и философию».

«Разум держит штурвал, а страсти – это бури».

«Горнило бедствий очищает и облагораживает как отдельного человека, так и целые страны».

Безусловный лидер в порождении оригинальных изречений третий президент США Томас Джефферсон (1743-1826). В поле его внимания были политика, философия, история, экономика, право, мораль, религия и другие:

«Всё искусство управления состоит в искусстве быть честным».

«Стремитесь всегда исполнять свой долг, и человечество оправдает вас даже там, где вы потерпите неудачу».

«Пока мы будем владеть искусством печати, наука не сможет отстать от развития общества: никакое уже забытое знание не может быть утрачено».

«Человеку, не страшася правды, нечего бояться лжи».

«Если принципы берут верх над законом, значит, правительство окончательно разложилось».

«Человек, облеченный доверием общества, должен смотреть на себя как на общественную собственность».

«Моя конфессия состоит из меня одного».

«Коммерсант не имеет отечества».

«Законы пишутся для обыкновенных людей, поэтому они должны основываться на обыкновенных правилах здравого смысла».

«Те, кто трудится на земле, являются Богоизбранным народом».

«Цена свободы – вечная бдительность».

«Проповедью должна быть наша жизнь, а не слова».

«Не пытайся сделать добра больше, чем люди способны выдержать».

«Вводить законы, противоречащие законам природы, – значит порождать преступления, чтобы потом их наказывать».

«Дерево свободы должно время от времени орошаться кровью патриотов и тиранов».

«Ни одно правительство не может существовать без цензуры: там, где печать свободна, никто не свободен».

«Всякий раз, когда я вспоминаю о том, что Господь справедлив, я дрожу за свою страну».

«Человек, который ничего не читает, образованнее того, кто не читает ничего, кроме газет».

«История, вообще говоря, лишь показывает нам, что такое плохое правление».

«Вежливость – это привычка приносить в жертву мелкие неудобства».

Авраам Линкольн (1809-1865), шестнадцатый президент Соединенных Штатов Америки, также оставил обильное количество афористических изречений, которые вошли в американскую и мировую сокровищницу духовной культуры, Тематика их весьма разнообразная: политика, военное дело, право, религия, социальная сфера и т.д.:

«Сила способна завоевать всё на своем пути, но её победы недолговечны».

«Овца и волк по-разному понимают слово «свобода». В этом суть разногласий, господствующих в человеческом обществе».

«Принимая как должное существование цепей рабства, вы тем самым готовите эти оковы для своих рук».

«Я заявляю, что это не я управлял событиями, и открыто признаю: это они руководили мной».

«Правление народа, волей народа, для блага народа».

«В союзе с общественным мнением можно сделать всё, без него – ничего».

«Ни у кого не достанет памяти, чтобы всегда лгать с успехом».

«Избирательный бюллетень сильнее пули».

«Коней на переправе не меняют».

«Надеюсь, я никогда не буду столь опытен, чтобы говорить без смущения, когда мне нечего сказать».

«Можно все время дурачить некоторых, можно некоторое время дурачить всех, но нельзя всё время дурачить всех».

«Поглядите на меня. Будь я двуличен, разве я стал бы носить это лицо?»

«Мне неважно, что обо мне говорят за моей спиной, пока обо мне говорят неправду».

«Я не знаю, кем был мой дед; но гораздо больше меня занимает, кем будет его внук».

«Если вы поймали слона за заднюю ногу, и он вырывается, самое лучшее – отпустите его».

«Знай он, какие пышные похороны его ожидают, он бы давно умер».

«Бог, как видно, любил простых людей, коль скоро сотворил их так много».

«Мы верим, что Господь на нашей стороне. Но гораздо важнее знать, что мы на стороне Господа».

«Нельзя помочь бедным, разоряя богатых».

«Если рабство не является адом, то и остальные несправедливости тоже нельзя считать злом».

«Такт – это способность характеризовать других так, как они сами о себе думают».

Теодор Рузвельт (1858-1919), двадцать шестой президент Соединенных Штатов Америки, имел склонность к афористическим изречениям. Энергичной деятельностью родственного предтечи восторгался (особенно в молодости) Франклин Делано Рузвельт. Уместно сразу подметить, что афористические высказывания Теодора Рузвельта находились в некоторой гармонии с характером этого человека, с особенностями стиля его управленческой деятельности в качестве президента США. Вот некоторые из его афористических высказываний:

«Делай, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть».

«Не наноси удара, если можешь этого избежать без ущерба для твоей репутации, но если уж бьешь, не бей вполсилы».

«Не повышай голоса и держи наготове большую дубинку, и ты далеко пойдешь».

«В политике приходится делать много такого, чего не следовало бы делать».

«Президент должен быть очень сильным человеком, который без колебаний использует всю предоставленную ему власть; но как раз поэтому я полагаю, что народ должен зорко следить за ним».

«Никогда не недооценивайте человека, который себя недооценивает».

«Пусть лучше бизнесмены ведут свое дело честно, чем отдают часть сверхприбыли на благотворительность».

«Наибольшего успеха добивается тот политик, который говорит, что думают все, чаще и громче других».

«Лидер действует открыто, а босс – за закрытыми дверями. Лидер ведет за собой, а босс управляет».

«Я могу управлять Соединенными Штатами и могу управлять своей дочерью Эйлис, но я не могу делать и то, и другое одновременно».

«Никто не может быть выше закона, и никто не может быть ниже закона».

«Совершенно необразованный человек может разве что обчистить товарный вагон, тогда как выпускник университета может украсть целую железную дорогу».

«Разгребатели грязи часто необходимы для блага общества, при условии, что они понимают, когда нужно перестать копать в грязи».

Вудро Вильсон (1856-1924), двадцать восьмой президент Соединенных Штатов, имел склонность украсить свою речь оригинальными изречениями.

Его афористические высказывания также тяготели к сфере политической деятельности.

Вот некоторые из его лаконичных суждений:

«Если мужик может стать королем, не думай, что в королевстве уже демократия».

«Я использую не только весь ум, которым располагаю, но весь ум, который могу взять взаймы».

«Если хочешь нажить врагов, попробуй что-нибудь изменить».

«Меня больше интересует, что будут думать обо мне соотечественники через десять лет, чем то, что думают обо мне теперь».

«Америка – единственная в мире нация идеалистов».

«Каждый, кто получает должность в Вашингтоне, либо растет, либо надувается; и когда я даю человеку должность, я зорко слежу, по какой из этих дорог он пойдет».

«На подготовку 10-минутной речи мне нужна неделя; на 14-минутную – три дня; на получасовую – два дня; а часовую речь я могу произнести хоть сейчас».

«Только дружба может быть тем цементом, который сплотит воедино весь мир».

Франклин Делано Рузвельт, тридцать второй президент Соединенных Штатов Америки (1882-1945), внимательно относился к историческому опыту своих выдающихся национальных предшественников. Ему были известны особенности их политической деятельности, в том числе и своеобразие ораторского стиля некоторых из них.

Античные и более поздние европейские и национальные афористические традиции могли, конечно, оказать влияние на ораторский стиль Франклина Делано Рузвельта. Однако в основных своих чертах афористичность его ораторских выступлений, его манеры общения, коммуникации во всех её видах определялись особенностями его личности, склада его ума, спецификой политической управленческой деятельности того времени, всем укладом его жизни.

Рузвельт умел говорить густо. Его митинговые речи, радиовыступления, послания Конгрессу, дипломатически речи и т.д. в большинстве своем не занимали много времени, обычно укладывались в 3/4 часа. Удивительна их смысловая прозрачность, смысловая плотность при наличии многих других положительных качеств.

Деятельность Рузвельта была в высшей степени многогранной, что обусловливалось его должностными обязанностями и неисчислимыми проблемами эпохи депрессии и Второй мировой войны. Отсюда и идейно-тематическое разнообразие содержания его афористических изречений.

Если попытаться систематизировать афористические высказывания Рузвельта, то их можно было бы объединить по следующим темам.

О президенте, правительстве,
политической деятельности.

«Президент, как никто другой, обязан мыслить категориями всей страны.

Он должен думать не только о ближайшей перспективе, но и более отдаленном будущем, когда президентом будет уже кто-то другой.

Он не должен ограничиваться среднестатистическими данными о материальном достатке и благополучии страны, поскольку за усредненными цифрами легко не заметить опасные проявления бедности и нестабильности.

Он не должен допускать, чтобы страна была введена в заблуждение временным процветанием, достигнутым за счет расточительной эксплуатации ресурсов, которых надолго не хватит».

Он должен заботиться не только о том, чтобы уберечь нас от войны сегодня, но и о том, чтобы войны не знали наши будущие поколения».

«Я президент, убеждающий, молитвенный».

«Лучший способ потерпеть поражение – недооценить противника».

«Если я окажусь плохим президентом, вероятно, я буду последним президентом».

«Первые двенадцать лет президентства – самые трудные».

«Обязанность президента – найти среди многих противоречивых элементов единство цели, наилучшим образом устраивающей всю нацию».

«Президентство – это не просто административная должность. Менее всего эта должность является административной. Прежде всего это возможность осуществлять моральное лидерство».

«Главная обязанность государственного деятеля – воспитывать».

«Иногда мне жаль, что я не могу быть сразу президентом и Конгрессом».

«Гамильтон привел Вашингтона, Бенджамина Франклина и других к соглашению о принципе, согласно которому правительство должно состоять из трех ветвей... Гамильтон, не будучи искушенным в государственных делах, при помощи своего ума и организаторских способностей разработал такой документ, который стал образцом для других народов и основой Конституции Соединенных Штатов».

«При нашей политической системе было бы очень жаль, если бы продолжительность работы либерального правительства зависела от одного человека – президента».

«Об искусстве политики действительно может быть сказано, что она в значительной степени является искусством примирения интересов конфликтующих сторон».

«Мой курс немного левее центра».

«Не называйте нашу политику правой или левой, это достойно мышления первокурсника. Она не правая и не левая...».

«Социальные беспорядки и углубляющееся чувство неблагополучия опасны для наших национальных институтов и требуют от нас принятия решительных мер, которые могли бы свести их к минимуму».

«Конституцию следует рассматривать не как ограничивающий бандаж, а как инструмент, созданный для охраны здорового роста народа».

«Мы не можем отрицать значимости мощи и в мировой политике, равно как мы не можем отрицать мощь как фактор в нашей национальной политике».

«Правительство является внешним выражением единства и руководителем всех групп в стране».

«Лучше случайные ошибки правительства, которое живет в духе милосердия, чем постоянное бездействие правительства, замерзшего во льдах своего безразличия».

«Организованное богатство, которое до сих пор контролировало правительство, пользуется случаем, чтобы решить, следует ли продолжить контроль над правительством или устраниваться».

«Мы решаем сложные административные проблемы, с которыми ещё не сталкивалась ни одна партия. Чтобы решить их, мы постоянно рекрутируем лейтенантов, которые были бы ревностно и искренне преданы делу либерального правительства».

«Именно администрация спасла систему частной собственности и свободного предпринимательства, когда она была поставлена на грань разрушения теми же самыми руководителями, которые теперь пытаются запугать нас».

«Мы должны иметь две настоящие партии: одну – либеральную и другую – консервативную. В настоящее время каждая из двух партий разбита на фракции».

«Существуют паразиты, которые роятся в кулуарах конгресса и барах Вашингтона. Они представляют интересы этих особых групп как противостоящие интересам Нации в целом».

«Всякий, кто по своему положению призван формировать предложения или выносить суждения по общенациональной политике, должен из личного опыта хорошо знать положение народа в целом».

«Если в плуг впряжены три лошади, то поле можно вспахать только при их дружной работе. Стоит одной из лошадей лечь или потянуть в другую сторону, как работа будет сорвана».

«Если у нас не хватит мужества вести американский народ по дороге, по которой он хочет идти, его поведут другие».

«Мы были против революции, поэтому мы объявили войну против тех условий, которые порождают революции».

«Каждое появление главы правительства на людях таит в себе элемент риска – и, если кто-либо хочет убить меня, нет решительно никакой возможности помешать этому, разве только предотвратить второй выстрел».

«Мудрая государственная политика состоит не только в обеспечении надежности банков, но также в том, чтобы банковские ресурсы в полной мере поставить на службу экономической жизни страны».

«Свобода демократии небезопасна, если народ терпит усиление власти частного капитала до таких пределов, когда он становится сильнее, чем само демократическое государство».

«Найди способ и пробуй его. Если он не дает результата – иди другим путем. Но, главное, пробуй, делай что-нибудь» (из советов чиновникам).

«Ловить воров лучше всех может специалист в обхождении законов» («Совет» о замещении должностей чиновников, которые по обязанностям службы должны вести борьбу с коррупцией).

О мире и войнах

«Мир, как и война, может возобладать, только если будет проявлена воля сражаться за него и, если будет существовать сила, способная обеспечить условия его существования».

«Ничто так не содействует установлению лучшего морального климата в мире и не помогает улучшению экономического положения, как соглашение о немедленном и существенном сокращении вооружений под соответствующим наблюдением и контролем».

«Вокруг нас везде бушуют необъявленные войны – настоящие и экономические. Везде вокруг нас существует угроза новых агрессий – военных и экономических... Приходят такие времена в жизни людей, когда они должны быть готовы защищать не только свои очаги, но самые основы веры и человечества, на которых стоят их храмы, их правительства и сама цивилизация».

«Нет такого понятия, как безопасность для какой-либо страны – или личности – в мире, управляемом принципами гангстеризма. Мы не можем больше измерять свою безопасность милями на карте».

«Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается под угрозой».

«Войны заразны».

«Мир, мой друг, – это работа».

«Чтобы цивилизация уцелела, мы должны культивировать науку человеческих взаимоотношений, способность всех народов, самых разных, жить в мире на одной земле».

«Солидарность – вот ключевое слово. С нею мы смело можем не бояться ничего, кроме самого страха».

«Невозможно жить в мире и одновременно не быть его частью».

«Те, кто отказывается от свободы ради временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности».

«Мы должны внимательно наблюдать за теми, кто под звуки барабанов и кимвалов молится «изму» примирительства. Особенно мы должны иметь в виду малую группу себялюбивых людей, которые вырывают перья у американского орла, чтобы устелить ими свои собственные гнезда».

«Бог даровал нашей стране веру, которая стала надеждой всех народов истерзанного мира».

«Во время войны американский народ знает, что одно из важнейших задач, стоящих перед ним, это сражаться и работать на победу».

«Похоже, печальная правда заключается в том, что эпидемия мирового беззакония расширяется, когда начинает распространяться эпидемия опасной

болезни, общество одобряет и вводит карантин для пациентов, чтобы защитить граждан».

«Страны «Оси» знали, что они должны выиграть войну в 1942 году, в противном случае они потеряют всё. Мне нет нужды напоминать всем, что они не выиграли войну в 1942 году».

«Мир слишком мал, чтобы предоставить достаточное жизненное пространство Гитлеру и Богу».

«Никакой компромисс не завершит этот конфликт. Никогда нельзя достигнуть удовлетворительного компромисса между Добром и Злом. Только тотальная победа может вознаградить сторонников терпимости и приличия, свободы и веры».

«Мы хотим мира, он нужен не только нам, современникам, но и нашим детям. Ради них, наших детей, мы должны поддержать непрерывное развитие мировой цивилизации, чтобы достижения народов всего мира и впредь оказывали благотворное, стимулирующее воздействие на нашу американскую цивилизацию».

«Развитие общества и рост благосостояния людей зависит от того, насколько каждый человек в отношениях с другими соблюдает основополагающие требования порядочности. Так же точно и мир во всем мире зависит от «порядочности» стран в отношениях между собой».

«Американский народ, обладающий здравым смыслом и умом, согласится с моим утверждением о том, что Америка ненавидит войну. Америка надеется на мир. Поэтому Америка активно участвует в поисках мира».

«Сила должна соединяться с ответственностью и служить для защиты всеобщего блага, и только это может оправдать её применение».

«Осуществляя намеченную программу, мы по-прежнему должны бережно хранить то, что для надежной обороны страны не менее важно, чем материальные орудия войны. Пусть армия и ВМС с их пушками, кораблями и самолетами составляют первую линию нашей обороны. Но ясно, что за ними стоит нечто другое – то, что питает военную машину, дает ей мощь. Этим источником является сила духа, высокие моральные устои свободного народа».

«В наше время военное дело всё больше зависит от техники, и нам нужно помнить, что вооружение, современное и эффективное по современным меркам, уже завтра может устареть и выйти из употребления».

«Оборона сегодня не сводится только к боевым действиям. Оборона – это ещё и укрепление морального состояния войска и гражданского населения. Это использование всех имеющихся ресурсов. Это расширение оборонной промышленности. Это борьба со слухами и искажением фактов, в которой мы опираемся на традиционный американский здравый смысл. Это разоблачение мошенников и тех, кого мы называем «пятой колонной», чьи происки для нас сегодня так же опасны, как и зажигательные бомбы».

«Я уже много раз говорил: мне известно, что такое война, и я ненавижу войну. Я буду повторять эти слова снова и снова».

«Прочный мир не может осуществиться без сильной Америки – сильной в социальном и экономическом отношении так же, как и в военном».

«Мир можно установить и в дальнейшем поддерживать только при твердой воле свободлюбивых народов, которые стремятся сотрудничать, помогать друг другу, с уважением и терпимостью относиться к особенностям каждого, стараться понять позицию и чувства других».

«В будущем устройстве мира необоснованное употребление силы – то, что имеют в виду, когда говорят о «политике с позиции силы», не должно быть решающим фактором международных отношений. В этом суть принципов, за которые мы выступаем. В демократическом мире, как и в демократической стране, была должна быть сопряжена с ответственностью. Применение силы во всех случаях допустимо только в интересах общего блага».

«Мир и благополучие в международных отношениях, как и мир и благополучие внутри одной страны, требуют постоянного внимания, совместных действий и организационных усилий. И так же, как мир внутри страны, международный мир можно обеспечить только с помощью соответствующих международных институтов, способных на долгую жизнь и развитие».

«В современной войне, которая ведется с помощью танков и самолетов, нельзя дожидаться встречи с врагом нос к носу – тогда уже будет слишком поздно».

«Всякий, кто представляет себе внезапный, ударный характер современной войны, понимает, что глупо позволять вероятному противнику завладеть плацдармом для нападения».

«Победа в войне только тогда имеет смысл, если она долговечна».

«Чрезмерная уверенность в себе и самоуспокоенность – вот едва ли не самые опасные из наших врагов».

Экономика, социальная сфера, быт

«В течение четырех лет я изучал экономику, и все, чему меня учили, не согласовывалось с истиной».

«Правление при помощи организованных денег ничуть не менее опасно, чем правление при помощи организованной толпы».

«Иметь небольшую информацию – всё равно, что быть немного беременной».

«Мы осознали, что экономика требует перестройки и нравственного реформирования. Нравственного реформирования – поскольку экономические бедствия последних лет в значительной мере произошли именно из-за того, что ведущие деятели наших финансов и бизнеса пренебрегли простейшими принципами справедливости».

«Кризис многому научал американский народ. На последних трех общенациональных выборах он подавляющим большинством проголосовал за то, чтобы Конгресс и президент взялись за обеспечение экономической безопасности – и не после многолетних дебатов, а немедленно».

«Мы можем позволить себе всё, в чем нуждаемся; но мы не можем позволить себе всё, что хотим».

«Я не могу понять, почему люди, которые имеют денежные интересы в том или ином деле, никогда не видят дальше шести дюймов под собственным носом».

«Рабочий обладает таким же человеческим достоинством и имеет такое же право на гарантированное положение, как инженер, управляющий или владелец завода. Именно рабочий – источник живой человеческой силы – в конечном итоге, производит эсминцы, самолеты и танки».

«Действенная сельскохозяйственная политика должна обеспечивать стабильные цены на продукты фермерского труда во все годы – как урожайные, так и неурожайные, в том числе в условиях засухи».

«Современная цивилизация может и должна разработать действенные средства, с помощью которых избыток продукции в годы изобилия можно было бы сохранять для потребления в годы недорода».

«Право на труд – неотъемлемая привилегия свободного человека».

«Покупательная способность народа – это та почва, на которой произрастает процветание страны».

«Безработица – одна из самых мучительных проблем, омрачающих жизнь человека в наше время».

«Я уверен, что гений нашей нации способен, используя природные ресурсы страны, так устроить экономику, чтобы каждый американец – будь он молод или стар – имел возможность работать и зарабатывать. Я не вижу никакой необходимости и никакой логики в том, что одна треть нашего населения не получает достаточных средств для достойной, по современным меркам, жизни».

«Мудрая государственная политика состоит не только в обеспечении надежности банков, но также в том, чтобы банковские ресурсы в полной мере поставить на службу экономической жизни страны».

«Среди пройдох, о которых я говорил, есть не только крупные мошенники, но и мелкие «жучки», пытающиеся получить несправедливый доход обманым путем».

«Мы против влияния денег на политику, мы против контроля частных лиц над финансами государства, мы против обращения с человеком как с товаром, мы против голодной заработной платы, мы против власти групп и клик».

«Одна из обязанностей государства заключается в заботе о тех своих гражданах, которые оказались жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишаящих их возможности получать даже самое необходимое для существования без помощи других. Эти обязанности признаются в каждой цивилизованной стране. Помощь этим несчастным гражданам должна быть предоставлена правительством не в форме милостыни, а в порядке выполнения общественного долга».

«В переживаемое нами тяжелое время нужны планы, в которых возлагается надежда на забытого человека, находящегося в основе социальной пирамиды».

О демократии, о народных массах

«Свобода демократии небезопасна, если народ терпит усиление власти частного капитала до таких пределов, когда она становится сильнее, чем само демократическое государство».

«Опасность нашей демократии заключается в склонности выбирать лидеров, равных нам, в то время как надежда демократии, на наш взгляд, состоит в том, чтобы выбирать лидеров, которые выше нас».

«Я считаю вызов федеральных войск во время забастовки, за исключением чрезвычайного положения в стране, одной из наиболее опасных вещей, которые могут случиться в демократическом обществе».

«В демократии, уничтожающей потребность в руководстве, нет никакого очарования».

«Мне нравится думать о нашей стране как о едином доме, в котором интересы каждого тесно связаны со счастьем для всех».

«Мы были против революции. Потому мы вели войну против тех условий, которые приводят к революциям, – против неравенства и возмущений, которые питают их».

«Мы знаем, что время эксплуатации ресурсов и населения одной страны в целях какой-либо группы людей в другой стране навсегда закончилась».

«Я не хочу допустить, чтобы жизненные силы нашего народа ещё больше подрывались выдачей пособий наличными деньгами, продовольственными пакетами или предоставлением на несколько часов в неделю работы по уходу за газонами, сгребанию листьев или уборке мусора в общественных парках. Мы должны спасти рабочих не только физически, но мы должны также сохранить их уважение к себе, мужество и решимость».

«Если когда-нибудь было время, когда духовные силы нашего народа были подвергнуты испытанию, то это было во время ужасной депрессии в 1929-1933 годах. Тогда могло случиться, что наш народ обратится к чужеземным идеологиям, вроде коммунизма или фашизма. Однако наша демократическая вера была достаточно прочной».

«Новый курс стремится сementировать наше общество, богатых и бедных, работников физического и умственного труда, в добровольное братство свободных людей, стоящих вместе, работающих ради блага всех».

«Психология масс такова, что из-за обычной человеческой слабости они не могут выдержать в течение длительного периода постоянное повторение высоких идеалов... Люди устают каждый день видеть одно и то же имя в заголовках газет и ежедневно слышать все тот же голос по радио. Пусть выговорятся другие, а я буду готов к новому стимулированию американского действия в надлежащий момент».

«Средние американцы, которых я встречал, сейчас уже не безразличны к проблемам правительства. И по моему мнению, сейчас у нас больше ясного политического рассудка, чем было за всю нашу историю. В мире, который во многих случаях пошел по недемократическому пути, мы пошли более демократическим».

«Сторонитесь замкнутых отношений внутри вашего клана... Не забывайте укреплять дружбу не только с людьми, принадлежащими к вашему классу и профессии, но и с простыми людьми». (Из выступления перед выпускниками Военно-морской академии. 1933).

«Помните и никогда не забывайте, что все мы, вы и я в особенности, ведем свой род от иммигрантов и революционеров». (Реплика в ответ на критику членам организации «Дочери американской революции». 1935).

«Народ просил меня ввести дисциплину и указать путь под моим руководством. Народ сделал меня инструментом своей воли. В духе дара я принимаю его... Мы смиренно просим благословения Бога. Пусть он защитит каждого и всякого среди нас. И пусть он ведет меня в грядущие дни».

«История свидетельствует, что диктаторские режимы появляются не там, где власть сильна и эффективна, а там, где она слаба и беспомощна. Если народ демократическим способом получает власть, достаточно сильную, чтобы защитить людей от страха и голода, демократия торжествует. Если же это не удается, люди теряют терпение. Таким образом, единственным бастионом, который может надежно защитить демократические свободы, является сильная власть, способная обеспечить интересы народа, при условии, что и сам народ имеет достаточно сил и достаточно информации, чтобы осуществлять суверенный контроль над властью».

Философские, социально-психологические, этические суждения

Рузвельт как политик, оратор настолько многогранен, афористические изречения так разнообразны, что среди них можно найти и такие, которые можно отнести к философской, этической, социально-психологическим сферам.

«Жизнь людей следует таинственному циклу. Некоторым поколениям много дано, от других много требуется. Нынешнее поколение американцев встретилось со своей судьбой».

«Сниженные умственные или физические возможности заставляют людей избегать углубляться в сложные дела».

«Постепенно старые очки искажают новые факты, ибо очки подбирались для нужд другого поколения».

«Старики, считающие, что все обстоит по-прежнему, перестают изучать и ставить под сомнение настоящее и будущее».

«У каждого из нас своя собственная философия, собственные обычаи и образ жизни. Но мы доказали здесь, в Тегеране, что отличные друг от друга идеалы наших наций могут быть совмещены в единое гармоничное целое в ходе движения вместе к благополучию всего мира, увлекая нас к общему благу».

«Единственным обстоятельством, ограничивающим наши успехи завтра, являются наши сомнения сегодня. Двинемся же вперед со стойкой и неувядающей верой».

«Единственное, чего нам следует бояться, – самого страха, безрассудного, безликого, неоправданного ужаса, который парализует необходимые усилия по превращению отступления в наступление».

«Довольно долгие годы учебы и личного опыта в самой Германии и за её пределами привели меня к убеждению, что философия немцев не может быть изменена декретом, законом или приказом. Изменение философии немцев должно пойти эволюционным путем и может по времени занять жизнь двух поколений».

«Опасно недооценивать человека, который переоценивает себя».

«Может быть, это сукин сын, но это наш сукин сын».

«Пытаться что-то изменить на флоте – всё равно что выбивать пуховый матрац. Ты колотишь его левой и правой рукой, до изнеможения, а потом видишь, что проклятый матрац точно такой же, как был».

«Нам не следует забывать, что человеческий род ещё далек от совершенства и что эгоистическое меньшинство в любой сфере деятельности – будь то фермерство, финансы, бизнес или даже государственная служба, – всегда будет думать сначала о себе, а уж потом о ближних».

«Полицейский не будет эффективным, если, увидев грабителя, отправится в муниципалитет, чтобы обсудить возможность ареста. Моему простому уму ясно, что, если мировая организация желает быть реальностью, наши американские представители должны быть наделены заранее полномочиями от конгресса».

«Слова – прекрасное препятствие, нужно только уметь использовать их».

«У китайцев есть по этому поводу притча, за которой стоят три или четыре тысячи лет развития цивилизации. Как-то два китайских кули горячо спорили посреди людной улицы. Иностранец удивился, что их спор не переходит на кулаки. Его китайский знакомый объяснил: «Тот, кто ударит первым, тем самым признает, что разумных доводов у него не осталось».

«Когда оратор или автор печатного выступления в попытке повлиять на общественное мнение от сдержанной аргументации опускается до нечестных приемов, в девяти случаях из десяти он наносит больше вреда себе, чем своему оппоненту».

О судах и юристах

«Прав был судья Хьюз, когда говорил: «Мы все подчиняемся Конституции, но что такое Конституция, определяют судьи».

«Не ограничиваясь чисто судебными функциями, Верховный суд стал чем-то вроде третьей палаты Конгресса – «сверхзаконодательной» палаты, по выражению одного из судей». Вольно интерпретируя Конституцию, суд навязывает ей слова и смысл, которых её создатели в нее не вкладывали и не имели в виду».

«В итоге мы, весь народ, поставлены в такое положение, что нам придется принять меры и каким-то образом оградить Конституцию от Верховного суда, а Верховный суд – от него самого».

«Мы должны найти способ апеллировать на решения Верховного суда к ещё более высокой инстанции, каковой является сама Конституция».

«Нам нужен такой Верховный суд, который будет отправлять правосудие, подчиняясь Конституции, а не подчиняя её себе».

«В наших судах должны править законы, а не люди».

«Я хочу – думаю, все американцы меня поддержат, – чтобы у нас действовала независимая судебная власть, как это было задумано авторами Конституции. Для этого необходим такой Верховный суд, который обеспечивал бы исполнение Конституции, как она написана, без попыток «подправить» её, произвольно применяя судебные полномочия и считая свое слово за высший авторитет».

«Независимость суда не означает, что ему дозволено отрицать общепризнанные факты».

«Многие из них (из судей – авт.) предпочитают величественный судебный ритуал, где законники исполняют все озвученные роли, простой процедуре административных слушаний, которую клиент в состоянии понять и даже участвовать в ней».

«Мой пример показывает, что юриспруденция в сущности не имеет ни малейшего значения».

«...С тех пор, как у нас набрало силу законодательное движение, направленное на обеспечение социального и экономического прогресса, Верховный суд стал все чаще и все самоувереннее утверждать свое право налагать вето на законы, поднимаемые Конгрессом и законодательными собраниями штатов, полностью пренебрегая тем, что в прошлом он ограничил это право. В последние четыре года было предано забвению то мудрое правило, что не следует подвергать сомнению конституционность принятых законов без очень серьезных оснований. Верховный суд действовал уже не как судебный, а как политический орган».

«Когда я начал анализировать проблему, уже вставшую перед нами во весь рост методом исключения пришел к выводу, что, кроме внесения поправок в Конституцию, у нас есть ещё один конституционный путь обеспечить осуществление необходимых реформ. Это – влить в наши суды «свежую кровь». Нам нужны достойные люди, подготовленные для того, чтобы вершить беспристрастное правосудие. Но, с другой стороны, нам нужны также судьи, которые привнесли бы в суды современное восприятие Конституции, – судьи, которые сохраняют за судами судебные функции, но откажутся от законодательных претензий, чем они грешат в настоящее время».

Исповедь президента и человека

Продолжая иллюстрировать тематику афористических изречений Ф.Д. Рузвельта, привлечем внимание читателя к тем из них, которые в той или иной степени касаются его самого как личности, как президента, как духовного наставника нации. Эти изречения можно считать подлинными откровениями.

«Одним из благословенных обстоятельств моей жизни было встретить в годы становления Вашу направляющую руку и Ваш вдохновляющий пример... За это Вам моя благодарность. Более сорока лет назад, во время молитвы в Ста-

рой часовне, Вы сказали о необходимости сохранить юношеские идеалы в грядущей жизни. То были идеалы Гротона, которые я стараюсь не забыть, эти слова живут во мне». (Из письма старому учителю Э. Пибоди)

«С 1913 по 1921 год я лично имел довольно близкое отношение к международным делам. В те годы я много узнал не только о том, что нужно делать в мировой политике, но и чего не нужно делать».

«Я не искал, я не ищу, я отвергаю поддержку любого сторонника коммунизма или любого «чуждого изма», стремящегося честными путями или обманом изменить нашу американскую демократию. На том я стою. На том я стоял. На том я буду стоять».

«Я пытаюсь пробить идею: когда нам попадаются подходящие люди, их партийная принадлежность не имеет большого значения».

«Я научился одной штуке у Вильсона. Он сказал мне в назидание: «Если вы хотите, чтобы вашу докладную прочитали, напишите её на одной странице».

«Когда у меня иссякает терпение, я отправляюсь в поездку по стране и, общаясь со своими согражданами, вновь утверждаюсь в простых и мудрых истинах».

«Меня считают загадкой, которую я сам создал, на самом деле я своего рода гибрид загадки и Санта-Клауса».

Ответ репортеру на вопрос о философии президента: «Философия? Я христианин и демократ – этим всё сказано».

«Я клянусь вам, я даю клятву самому себе повести Новым курсом народ Америки» (Съезд демократической партии 2 июля 1932 г.)

«Вы, видящие меня в первый раз, читали в газетах и слышали по радио, что я по меньшей мере людоед – сговариваюсь с коммунистами, уничтожаю богачей, разрушаю древние традиции. Иные из вас, быть может, думают, что я изобрел экономических роялистов, зловерные компании, ростовщиков. Шесть лет вы слышите, что я только и хлопочу, чтобы бросить страну в войну, послать вас и ваших младших братьев на кровавые поля сражений в Европу, веду к банкротству и завтракаю каждый день жареным миллионером на блюде. На деле я умерен во всем – стою за мир в стране и за рубежом, верю в капиталистическую систему, а на завтрак ем яйца всмятку».

«Я никогда не забываю, что дом, в котором живу, принадлежит всему американскому народу, облекшему меня своим доверием. Я всегда помню, что для моих сограждан на первом месте стоят их жизненные проблемы. Я постоянно общаюсь с теми, кто приходит, чтобы высказать мне свою точку зрения – с руководителями крупной промышленности и финансовых институтов страны, с представителями фермеров и рабочих, а часто – очень часто – с обычными, средними людьми, не занимающими никаких постов. Я стараюсь не ограничивать свой кругозор Белым домом или официальным мирком нашей столицы, а видеть дальше, понимать надежды и страхи, которые владеют людьми в их частной жизни. Я много ездил по стране. От своих друзей и врагов, из ежедневной почты я узнаю о том, что вы думаете, на что надеетесь. Я хочу верить, что несмотря на бремя власти и сопряженную с ней борьбу, я не потеряю способно-

сти понимать, чем живут американцы, и не забуду тех простых целей, ради которых они выдвинули меня сюда».

«За всеми немалыми проблемами государственного управления я стараюсь все время помнить о том, что действительно важно, что лежит глубже всякой политики. Важно, чтобы у мужчин и женщин, которые хотят трудиться, была достойная работа – такая, чтобы на заработанные деньги можно было и прокормиться самому, и содержать своих детей и свой дом. Важно, чтобы фермер и фабричный рабочий, хозяин магазинчика, владелец автозаправочной станции, промышленник, крупный или мелкий коммерсант, банкир, который горд тем, что может помочь становлению своего района или городка, – чтобы все они могли уверенно рассчитывать на разумный доход, на защищенность своих заработков – и не только сегодня и завтра, но и во всем обозримом будущем».

О будущем

«Я вижу миллионы домов, приспособленных для комфортного проживания; дешевые автомобили; новые автострады; новые самолеты и аэропорты; телевидение и другие чудесные новые изобретения и открытия».

«Мы должны идти вперед, как обученная и верная армия, готовые нести жертвы ради общей дисциплины, ибо без дисциплины невозможен прогресс, а никакое руководство не может быть эффективным».

«Желание человека не быть забытым колоссально» (Размышления в самолете над Нилом по пути в Тегеран. 1943).

Осмысление содержания публичных выступлений Рузвельта, особенностей их языкового, риторического оформления показывает, что одной из рельефно выраженных особенностей его ораторского стиля является лаконичность содержания речи, сопровождаемая такими органичными её качествами, как ясность, доступность для понимания слушателями, смысловая емкость, эмоциональность.

Содержание афористических выражений Рузвельта широко отражало проблемы жизни того сложного времени: социально-экономические, политические, военные, научные, духовные и иные сферы.

Преобладающей была тематика общественно-политического характера. Содержание многих метких его изречений направлялось против чиновничьего и олигархического произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия, других язв и пороков.

Многие афористические изречения Рузвельта, взятые в совокупности, представляют собой своеобразный философский, политический, психологический, этический кодекс президентского правления.

Разнообразна не только тематика афористических высказываний Рузвельта. Разнообразна их логико-синтаксическая организация. Одни из них укладываются в одно, как правило, сложное предложение. Другие представляли собой ряд предложений, объединенных по принципу логического развития мысли.

В афористических изречениях оратор гармонично использовал меткие сравнения, выразительные метафорические образы, красочные эпитеты и другие эмоционально-экспрессивные языковые средства.

Одно из главных достоинств публичной речи, по Рузвельту, это её краткость. Рузвельт негативно относился к любым речевым длиннотам, к всякого рода надуманным украшениям, пустым выражениям. Сжатость высказывания, по его мнению, придавала силу и мысли, и языку. Лаконичность его публичных выступлений означала то, что в них нет ничего лишнего, нет ничего несущественного. В воспоминаниях его соратников встречаются свидетельства о том, что Рузвельт при работе над содержанием очередного выступления выбрасывал, вымарывал из него всё несущественное, оставляя только то, без чего нельзя было обойтись. У Рузвельта слово всегда было по росту мысли. Между его мыслью и словом была полная гармония. Сказанное Рузвельтом всегда было тщательно продумано, взвешено, измерено и всё лишнее было отвеяно. В своих емких, лаконичных суждениях он мог охарактеризовать целую эпоху.

Одним из реальных факторов формирования афористических признаков ораторской речи Рузвельта было то, что его ораторский стиль не был отделен китайской стеной от официально-делового стиля, к которому он имел непосредственное отношение на всех значимых этапах его жизненного пути. Через руки и мозг Рузвельта за многие годы прошли сотни тысяч документов всех степеней важности и назначения, главными требованиями к стилю которых были четкость, смысловая емкость и лаконичность изложения содержания.

Важнейшее достоинство афористических суждений Рузвельта заключалось в том, что они своей смысловой емкостью, основательностью содержания, ярко выраженной экспрессией повышали убеждающую и внушающую силу его публичной речи.

Афористичность изречения составляет одну из характерных особенностей ораторского стиля Рузвельта. Блестящий тактик и стратег – Франклин Делано Рузвельт своими лаконичными, впечатляющими выступлениями умел, как никто другой из соотечественников того времени эффективно организовать, дисциплинировать, мобилизовать и вдохновить миллионы соотечественников на решение судьбоносных проблем эпохи.

Структурирование в логико-синтаксической организации речи

Ярко выраженной особенностью логико-синтаксической организации содержания речей Рузвельта является их структурирование.

Известно, что этот прием организации содержания присущ, как правило, документам организационно-распорядительного характера (приказы, распоряжения, постановления и т.п.). Структурирование характерно для текстов научного характера. Его применение ведет, как правило, к большей четкости, краткости изложения, определенности волеизъявления и т.д.

Изучение содержания публичных выступлений Рузвельта свидетельствует о том, что подавляющее число их строго структурировано. Содержание ре-

чей имеет мотивированное деление на разделы, пункты, а в отдельных случаях и подпункты.

В отличие от документов, обозначение пунктов и подпунктов в речах Рузвельта, кроме вербального (словесного) обозначения, сопровождалось и невербальными средствами, а именно: интонацией, паузами, жестами.

Чтобы нагляднее подтвердить характерность данного приема логико-синтаксической организации содержания речей Рузвельта, приведем ряд показательных примеров из выступлений, произнесенных им в период его президентства.

Радиовыступление от 12 марта 1933 года. Часть содержания речи структурирована. Пункты обозначены словами: «первый шаг», «второй шаг», «третий шаг»...

«Ко второй половине 3 марта, в пятницу прошлой недели, в стране едва ли хоть один банк продолжал нормальные операции.

Почти во всех штатах губернаторы объявили о полном или частичном закрытии банков.

Именно тогда я издал распоряжение, которым ввел банковские каникулы по всей стране, и это стало первым шагом правительства в перестройке нашей финансовой и экономической системы.

Вторым шагом, в прошедший четверг, стал законодательный акт, который без промедления, в духе патриотизма, принял Конгресс. Этим актом Конгресс подтвердил мое распоряжение и расширил мои полномочия, что позволит, по мере необходимости, продлевать запрет на работу банков и постепенно снимать его в будущем. Кроме того, Конгресс санкционировал разработку программы оздоровления наших банковских учреждений. Я хочу сказать моим согражданам во всей стране, что члены национального Конгресса – и республиканцы, и демократы показали такой пример приверженности общественному благу и понимания необходимости быстрых действий в чрезвычайной ситуации, равный которому едва ли найдется во всей нашей истории.

Третьим шагом стал ряд регулирующих постановлений, которые позволили банкам продолжать операции, необходимые для снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости, а также для выдачи заработной платы».

Проведенное оратором структурирование речи значительно облегчало слушателям осмысление того, что предприняло правительство для выхода из сложившейся тяжелой ситуации с банками.

Радиовыступление Рузвельта от 7 мая 1933 года, кроме экономических проблем, затрагивало проблемы международных отношений. Вот как президент обозначил направления работы правительства в этой сфере, используя прием структурирования своего выступления:

«На встречах с руководителями других стран, которые мы уже провели или проводим в настоящее время, мы преследуем четыре главные цели.

Во-первых, это общее сокращение вооружений и, как следствие, избавление народов от страха вторжения и вооруженного нападения при одновремен-

ном сокращении расходов на вооружение, что поможет сбалансировать бюджеты правительств и уменьшить налоги.

Во-вторых, это снижение торговых барьеров для возобновления потоков обмена продовольственными и промышленными товарами между странами.

В-третьих, это стабилизация курсов валют, что позволит промышленности и торговле заключать долговременные контракты.

В-четвертых, это восстановление дружественных отношений и доверия между народами».

Примененное к содержанию речи структурирование сделало её предельно четкой, ясной, выразительной, максимально доступной для понимания каждого гражданина Соединенных Штатов.

Строго структурировано с целью достижения наибольшей четкости, ясности, доступности содержание таких радиобесед, посвященных экономическим проблемам, которые были проведены Рузвельтом 24 июня 1933 года; 28 июня 1934 года; 28 апреля 1935 года; 9 марта 1937 года; 14 апреля 1938 года.

В радиовыступлении от 14 апреля 1938 года Рузвельт приемом структурирования пользуется дважды. Обращение к соотечественникам было обусловлено проблемами экономического спада, который стал проявляться к 1937-1938 году.

В первом случае оратор обозначает необходимость решения трех главных проблем, а затем структурирует порядок решения третьей обозначенной задачи.

«Я поставил вопрос, – говорит президент, – в каких направлениях и каким образом правительство должно действовать, чтобы способствовать экономическому перелому? – и предложил три пакета мер. Я кратко сформулирую вам эти свои предложения.

Во-первых, я запросил ассигнования, необходимые для того, чтобы в предстоящем финансовом году, который начинается 1 июня, сохранить текущий уровень расходов правительства на общественные работы и другие подобные цели. В том числе имеется в виду выделить дополнительные средства Администрации общественных работ, Администрации по защите фермерских хозяйств, Национальной администрации по делам молодежи, а также Гражданскому корпусу охраны природных ресурсов, чтобы сохранить все ныне действующие лагеря.

Эти ассигнования, обусловленные ростом безработицы, будут на миллиард с четвертью долларов больше, чем предусмотрено проектом, который я направил Конгрессу 3 января этого года.

Во-вторых, от имени администрации я предложил Конгрессу для удовлетворения потребностей страны в кредитах использовать дополнительные банковские резервы. Часть хранящегося в Казначействе золотого запаса – примерно 1 миллиард 400 миллионов долларов – будет использовано для покрытия новых расходов правительства, а банкам будут предоставлены дополнительные кредитные ресурсы на три четверти миллиарда долларов. Это будет сделано за счет снижения требований на величину резервов, которые сейчас предъявляет Совет Федеральной резервной системы...

Мое третье предложение направлено на то, чтобы решительно повысить покупательную способность населения страны в целом за счет развертывания общественных работ наряду с продолжением старых...».

Далее оратор «третье предложение» структурирует в свою очередь на пять подпунктов. Каждым новым четко обозначая решение очередной новой задачи.

Характерным использование приема структурирования содержания речи было при постановке тех или иных очередных задач, решение которых президент считал делом неотложным. Возьмем, к примеру, его обращение к Конгрессу о положении в стране от 6 января 1942 года.

В острой публицистической форме президент отметил, что войну эту развязали милитаристы Берлина и Токио. Однако закончат её победоносно массивные, возмущенные силы объединенного человечества.

Мощным волеизъявлением президент далее четко обозначил то, что неотложно в самое ближайшее время должно быть сделано:

«Во-первых, необходимо повысить темпы производства самолетов настолько, чтобы в текущем, 1942 году, мы выпускали шестьдесят тысяч самолетов – на десять тысяч больше той отметки, которую мы установили полтора года назад. Это включает сорок пять тысяч боевых самолетов – бомбардировщиков, пикирующих бомбардировщиков, истребителей. Темпы роста производства надо сохранить и увеличить таким образом, чтобы в новом, 1943 году выпускать сто двадцать пять тысяч самолетов, включая сто тысяч боевых самолетов.

Во-вторых, необходимо увеличить выпуск танков настолько, чтобы в текущем, 1942 году производить двадцать пять тысяч танков и продолжить наращивание их выпуска, так, чтобы в следующем, 1943 году производить семьдесят пять тысяч танков.

В-третьих, необходимо быстрыми темпами увеличить производство зенитной артиллерии, чтобы в текущем, 1942 году производить двадцать тысяч зенитных орудий и, продолжая наращивание их производства, выпускать в следующем, 1943 году тридцать пять тысяч зенитных орудий.

И в-четвертых, необходимо увеличить в этом, 1942 году производство коммерческих судов настолько, чтобы их выпуск достиг шести миллионов тонн полной грузоподъемности (дедвейта) по сравнению с одним миллионом ста тысячами тонн дедвейта в 1941 году. Мы должны наращивать темпы производства, чтобы в следующем, 1943 году строить суда на десять миллионов тонн дедвейта.

Эти цифры и подобные цифры для множества других видов вооружений дадут японцам и нацистам небольшое представление о том, чего они достигли атакой на Пёрл-Харбор».

Строго структурированы почти все выступления президента, с которыми он выступал в военные годы. Это обуславливалось постоянной озабоченностью предельно четко ставить очередные задачи командующим фронтами, родами войск, перед министерствами, ведомствами, работающими в интересах вооруженных сил.

Возьмем, к примеру, радиовыступление Рузвельта от 23 февраля 1942 года. Президент обращает внимание соотечественников на то, что США ни в коем случае не должны допустить изоляции союзников друг от друга и обязаны позаботиться о том, чтобы обеспечить безопасность соединяющих союзников коммуникаций.

«Легко себе представить, что произойдет, если все эти регионы, представляющие собой крупные силы сопротивления агрессивным планам Оси, будут отрезаны друг от друга либо действиями врагов, либо в результате добровольной самоизоляции».

Обозначив проблему, оратор далее четко перечислением, обозначает, к каким тяжелым последствиям недопонимание, нерасторопность могут привести в этом серьезном вопросе.

«Во-первых, тогда мы больше не сможем посылать никакой материальной помощи Китаю, его мужественному народу, который, сопротивляясь японскому натиску в течение почти пяти лет, уничтожил сотни тысяч японских солдат и огромное количество вражеского военного снаряжения. Нам важно помочь Китаю в его достойной восхищения обороне, а потом – в контрнаступлении, которое неотвратимо произойдет. Это важное слагаемое окончательной победы над Японией.

Во-вторых, если мы утратим коммуникации в юго-западной части Тихого океана, весь этот регион, включая Австралию, Новую Зеландию и Ост-Индию, попадет под власть японцев. В таком случае у Японии появятся ресурсы, чтобы построить и укомплектовать достаточно кораблей и начать крупномасштабную агрессию в западном полушарии – против Южной Америки, Центральной Америки и Северной Америки, вплоть до Аляски. Одновременно с этим Япония могла бы распространить свои завоевания в другом направлении – на Индию, затем через Индийский океан – на Африку и Ближний Восток, чтобы там постараться сомкнуть силы с Германией и Италией.

В-третьих, если мы прекратим посылать военное снаряжение англичанам в регион Средиземного моря, Персидского залива и Красного моря, мы тем самым поможем нацистам оккупировать Турцию, Сирию, Ирак, Иран, Египет, Суэцкий канал и все побережье Северной Африки. После этого Германия неизбежно захватит и все западное побережье Африки, где займет позицию для нанесения удара по Южной Америке, от которой её будут отделять всего полторы тысячи миль.

В-четвертых, если, приняв такую безрассудную политику, мы перестанем защищать линию снабжения в Северной Атлантике, по которой от нас поступает помощь Британии и России, мы тем самым значительно ослабим героическое контрнаступление русских против нацистов и поставим Британию в такое положение, что она может остаться без необходимого продовольствия и военного снаряжения».

Четко структурированы последующие радиовыступления Рузвельта, в частности; его выступление по радио 23 февраля 1942 года, 28 апреля 1942 года, 12 октября 1942 года, 28 июля 1943 года и ряд других.

Это относится и к последнему обращению по радио Рузвельта к американскому народу, с которым он выступил 6 января 1945 года.

В заключение можно отметить, что приведенные здесь извлечения из устных выступлений Рузвельта свидетельствуют о безусловной характерности приема структурирования для его речей и бесед.

Роль данного приема, в его устных выступлениях весьма значительна. Четкое структурирование позволяет оратору рельефно выделять в содержании речи ключевые мысли, что облегчало слушателям восприятие основных положений, высказываемых оратором. Прием структурирования способствовал более четкой логико-синтаксической организации речи. Кроме того, он давал возможность полнее использовать ресурс интонации в эмоциональном воздействии на слушателей, в частности, при волеизъявлении оратора. Последнее было особенно важно, если учесть конкретные исторические условия, в которых Рузвельту приходилось реализовывать свои президентские полномочия и обязанности главнокомандующего вооруженными силами США.

ГЛАВА VI. ТРОПЫ КАК СРЕДСТВО ПОСТРОЕНИЯ ОБРАЗНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОРАТОРА

Эпитет как средство живописания

В ораторской практике Рузвельта в ходу были всевозможные определения, которые выявляли те или иные признаки людей, предметов, различных явлений. Это, как правило, слова, отвечающие на вопрос: «какой?», «чей?», «какой?» и другие. Количество определений бывало и одно, и два, и более.

В речах Рузвельта находили применение логические и эмоционально-экспрессивные определения, так называемые тропы. Последние обычно называют эпитетами.

В широком смысле под эпитетом подразумеваются все вообще грамматические определения и приложения. Однако в строгом смысле эпитетами называют лишь определения, в которых указываются свойства предметов, явлений, людей, производящие на человека наиболее сильное эмоциональное впечатление.

Рузвельтом использовались две разновидности эмоциональных эпитетов. Одни были с экспрессией позитивной оценки, другие несли в себе резко негативную оценку характеризуемого человека, предмета, явления.

В публичных выступлениях Рузвельта этот вид образно-выразительных средств обычно использовался в сочетании с другими образно-выразительными средствами (сравнения, метафоры, эмоционально-окрашенная лексика и др.).

Эффективность эпитета как одного из образно-выразительных средств можно с полной очевидностью увидеть, прочувствовать с наибольшей полнотой только в самом контексте ораторской речи.

Рассмотрим некоторые примеры использования Рузвельтом эпитетов как изобразительно-выразительных средств, увеличивающих впечатляющую силу ораторской речи.

Вот извлечение из радиовыступления президента от 6 сентября 1936 года:

«Друзья мои, я предпринял поездку по сельскохозяйственным районам. Прежде всего хотел лично познакомиться с положением в штатах, пострадавших от засухи, узнать, насколько эффективно федеральные и местные власти решают неотложные проблемы оказания помощи её жертвам и как они намерены работать вместе, чтобы защитить народ нашей страны от подобных стихийных бедствий в будущем.

Я видел опустошительные последствия засухи в девяти штатах. Я говорил с семьями, которые лишились всего: урожая пшеницы, скота, воды в колодце, садов; которые подошли к осени, не имея ни единого доллара сбережений; которым предстоит голодная зима – и для людей, и для скота, а затем – весна, когда будет нечем засеять землю. Тысячи и тысячи фермерских семей Запада переживают такие трудности.

Я видел скотоводов, которые из-за отсутствия травы на выпасах или зимних кормов были вынуждены продать всех коров, кроме племенных, да и те вряд ли переживут зиму, если хозяевам не оказать помощь.

Я видел скот, который ещё жив только потому, что для него издалека привозят воду в цистернах.

Я встречался с фермерскими семьями, которые, хотя и не потеряли всего, но собрали только часть обычного урожая и нуждаются в помощи, чтобы весной приступить к севу.

Я никогда не забуду пшеничных полей, настоль выжженных солнцем, что с них уже нечего убирать. Мне не забыть бесконечных кукурузных полей, где чахлые растения стоят без листьев и початков, потому что саранча уничтожила все, что ещё пощадило солнце.

Я видел выгоревшие пастбища, где одна корова не могла бы прокормиться даже в пятидесяти акрах.

И все же я ни на минуту не поверил, что в зоне засухи произошла окончательная катастрофа, что население покинет эти места. Ни спекшаяся земля, ни палящее солнце, ни обжигающий ветер, ни саранча – ничто не может заставить сдаться нестигаемых американских фермеров и скотоводов с их женами и детьми, которые пережили тяжелейшие дни и показывают всем нам вдохновляющий пример опоры на собственные силы, жизненной стойкости и мужества. Фермеры делают все, чтобы сохранить хозяйства и семейные гнезда, когда-то построенные их предками, а наша задача – помочь им выстоять в этой борьбе».

Только в этом, небольшом отрывке речи, взятом из радиовыступления Рузвельта, оратором использовано около двух десятков эмоционально-экспрессивных определений-эпитетов, не считая определений логического характера.

Перечислим их в том порядке, в каком они следуют в тексте радиообращения президента: «районы, пострадавшие от засухи»; «неотложные проблемы»; «стихийные бедствия»; «опустошительные последствия засухи»; «голодная зима»; «пшеничные поля, выжженные солнцем»; «бесконечные кукурузные поля»; «чахлые растения»; «выгоревшие пастбища»; «окончательная катастрофа»; «спекшаяся земля»; «палящее солнце»; «обжигающий ветер»; «нестигаемые американские фермеры и скотоводы»; «тяжелейшие дни»; «вдохновляющий пример»; «опора на собственные силы»; «жизненная стойкость и мужество»; «семейные гнезда, когда-то построенные их предками».

Эмоционально-экспрессивную силу речи здесь составляют не только эпитеты, но и другие риторические средства, приемы и средства. Однако, пожалуй, основу выразительности, эмоциональности её в данном случае составляют удачно подобранные эпитеты. Если попытаться убрать их из выступления оратора, то речь его в эмоциональном отношении сразу же померкнет, воздействующая её сила, несомненно, убудет. Эпитеты украшают речь выступающего, она приобретает художественный характер.

Оратор живописует эпитетами, достигая наибольшего воздействия на эмоциональную сферу слушателя.

С обсуждением программ регулирования сельского хозяйства Рузвельт выступил в радиообращении 12 октября 1937 года. И это выступление характеризуется особой глубиной содержания и яркостью стиля изложения. Наряду с

другими образно-выразительными средствами оратор использует здесь весьма активно и эпитеты. Вот характерная иллюстрация к сказанному:

«Я только что побывал во многих местах, где правительство страны ведет работы, направленные на борьбу с эрозией почвы, на охрану лесов, предотвращение наводнений и производство дополнительной электроэнергии для общего пользования. Осуществляется ирригация тысяч акров потенциально плодородной, но безводной земли. С появлением воды эта земля сможет хорошо обеспечить фермеров, которые обоснуются на ней, переселившись из менее благоприятных районов.

Я видел голые, выжженные холмы там, где ещё недавно росли могучие леса. Сейчас в этих местах производится новые посадки – не только для борьбы с эрозией почвы, но и чтобы в будущем получать древесину.

Я видел, как молодые люди из Гражданского корпуса охраны природных ресурсов и рабочие, занятые в проектах общественных работ, строили защитные дамбы, небольшие пруды и террасы, чтобы поднять уровень грунтовых вод и обезопасить фермы и деревни. Я видел, как умирляют бурные и мутные воды Миссури – реки, которая смывает верхний плодородный слой почвы во многих наших штатах.

Я видел новые каналы, по которым груженные баржи плывут там, где не пролегают естественные водные пути.

Позвольте мне на двух простых примерах показать, почему подобные правительственные проекты имеют не только местное значение, но важны для всей страны...».

Изобразительно-выразительная роль эпитетов очевидна и в этом выступлении Рузвельта.

Эпитет, как эффективное средство эмоционального воздействия на аудиторию нашел широкое применение в выступлениях Рузвельта, относящихся уже к периоду расползания по миру Второй мировой войны. В использовании логических и эмоционально-экспрессивных определений в военные годы заметно их тяготение к феномену публицистичности. Оратор использовал эпитеты для характеристики как фактов, явлений, событий позитивного плана так и фактов, явлений, событий негативного характера.

Многие публичные выступления Рузвельта, имевшие место в период Второй мировой войны несли в себе заряд огромной обличительной силы. Своими речами он формировал резко негативное отношение у свободолюбивых народов к политике, варварским действиям стран Оси.

С этой целью в его выступлениях использовались слова и выражения с экспрессией отрицательной характеристики руководства фашистской Германии и Италии, а также Японии.

Наибольшая частотность употребления наблюдается в использовании логических и эмоционально-экспрессивных определений лицам, действиям, различным фактам, имеющим отношение к агрессивной, захватнической политике стран Оси.

Вот, к примеру, определения (эпитеты) с экспрессией предельно негативной характеристики соответствующих явлений: «безжалостные звери»; «безум-

ные завоевания»; «диктаторское правление»; «диктаторский режим»; «оккупационный жестокий режим»; «военные заправилы»; «зловещие планы»; «нацистское господство»; «нацистская угроза»; «неприкрытое пиратство»; «международные преступления»; «коварные гангстеры»; «преступные вожди»; «грубая сила»; «фальшивые аргументы»; «пиратская философия»; «варварская агрессия»; «концентрационные лагеря»; «гремучие змеи»; «нечестивый сговор» и т.п.

В текстах речей Рузвельта множество примеров эффективного использования в целях обличения не только логических и эмоционально-экспрессивных определений. Нередко само ключевое слово – название того или иного явления несло в себе заряд мощной негативной характеристики. Это слова-названия типа: «агрессоры», «нацисты», «банды», «бандиты», «преступники», «диктаторы», «приспешники», «вероломство», «гангстеризм», «террор», «тирания», «свастика», «рабство», «террор» и т.п.

Эмоционально-экспрессивные свойства как номинативных слов-названий, так и эмоциональных определений (эпитетов) с особой рельефностью проявлялись в контексте произносимой оратором речи. Их резко отрицательные характеристические свойства усиливались особой для таких случаев интонацией оратора.

Вот некоторые характерные примеры:

Радиообращение Рузвельта от 29 декабря 1940 года.

«За хваленой эффективностью диктаторских режимов, за всей лицемерной ложью относительно целей войны стоят концентрационные лагеря и законные в цепи служители Бога. История последних лет показывает, что расстрелы, пытки, и концентрационные лагеря – не случайные временные средства, а неотъемлемые спутники современных диктатур, которым постоянно требуются жертвы. Диктаторы могут говорить о «новом порядке», но в действительности они намерены возродить тиранию самого худшего образца. Эта тирания не оставит места ни свободам, ни религии, ни надежде».

«Новый порядок, – продолжает оратор – это не то правление, которое основано на согласии подданных. Это не союз обыкновенных, уважающих себя людей, заключенный ими, чтобы защитить себя, свою свободу и свое достоинство от угнетения. Это нечестивый сговор власти и «золотого тельца» с целью подавить, поработить человечество».

Живая речь оратора производила на миллионы соотечественников Рузвельта неизгладимое впечатление.

Сравнения, их логическая и образно-выразительная функция

Природа делает человека красноречивым, когда у него большой интерес или большая страсть. Кто действительно возбужден, тот видит вещи в другом свете, чем остальные люди. Всё дает для него повод к быстрому сравнению и к метафоре: без всякой преднамеренности он всё одухотворяет и в своих слушателей он переносит часть своего энтузиазма.

Вольтер

Сравнения (анalogии) в публичных выступлениях Рузвельта занимали видное место. Их применением оратор достигал две цели. С одной стороны, сравнение позволяло через знакомый предмет познать быстрее малознакомый предмет или явление. С другой стороны, сравнение делало речь более яркой, образной, впечатляющей.

В речах, беседах Рузвельта встречаются сравнения, состоящие лишь из нескольких слов, а также сравнения развернутого характера. Грамматические, интонационные формы сравнений многообразны. Выражению сопоставления служили слова: «как», «как будто», «подобно», «подобно тому», «вроде», «точно», «точь-в-точь», «словно», «вроде» и др.

Рассмотрим некоторые характерные примеры использования оратором сравнений. В июне 1933 года исполнялось 100 дней со времени начала проведения Рузвельтом реформ. 24 июля он выступил по радио обращением к американскому народу.

Президент говорил о первых достижениях и очевидных недостатках в реализации намеченного. Выступление Рузвельта было ярким, выразительным. Речь изобиловала риторическими универсалиями. Нашли здесь применение и сравнения. Вот, к примеру, одно из них:

«На войне, во время ночной атаки, солдаты носят яркие опознавательные знаки – чтобы их товарищи не обстреляли своих. Подобно этому и те, кто участвует в нашей программе, должны узнавать друг друга с первого взгляда. Вот почему мы ввели специальный почетный знак – просто оформленный, с надписью: «Мы вносим вклад». Я прошу всех, кто со мной, носить его так, чтобы все могли видеть. Это важно для достижения наших целей».

Приведенное оратором сравнение ясное, доступное для понимания, придает главной мысли оратора большую убедительность.

С развернутым сравнением встречаемся в радиобеседе Рузвельта, с которой он выступил 28 июня 1934 года, посвятив её более детальному разъяснению целей и задач «Нового курса». Значительная часть содержания выступления была посвящена ответам критикам, подвергавшим верность политики президента. Обращаясь к многомиллионной аудитории, в том числе и к критикам «Нового курса», Рузвельт сказал:

«Позвольте мне привести простое сравнение. Когда я этим летом уеду из Вашингтона, должны будут начаться работы по реставрации и расширению административного здания «Белого дома», который давно в этом нуждается. Архитекторы планируют прибавить несколько комнат, встроив их в существующую слишком тесную одноэтажную конструкцию. Одновременно с этим расширением и реставрацией будет смонтирована современная электропроводка, установлены современные сантехнические средства, а также современные устройства охлаждения воздуха, которые будут полезны жарким вашингтонским летом. Однако в основном конструкция административного здания останется прежней. Белый дом был создан мастерами-строителями в то время, когда наша республика была совсем молодой. Простота и величие этого здания устоят перед новыми требованиями, хотя современная административная жизнь и вынуждает нас к постоянным реорганизациям и перестройкам при сохранении этого величественного целого».

Оратор продолжал рисовать перед мысленным взором слушателей яркую картину:

«Если бы я был склонен прислушиваться к пророкам, которые в эти дни предрекают нам бедствия, я не решился бы на реконструкцию Белого дома. Я бы побоялся, что в мое отсутствие архитекторы превратят его в какую-нибудь готическую башню, фабричный корпус, подобие Кремля или Потсдамского дворца. Но у меня таких опасений нет. Архитекторы и строители – здравомыслящие люди, их художественные вкусы определены американской традицией. Они знают, что по законам гармонии и в силу необходимости реконструкция не должна нарушать основных контуров старого здания. Именно такое сочетание старого и нового характерно для размеренного, мирного движения вперед – не только в строительстве зданий, но и в строительстве государства».

Уподобление строительства государства обновлению здания Белого дома, осуществляемого в строгом соответствии с законами гармонии, в высшей степени было понятным, наглядным, убедительным.

Использованное сопоставление оживляло строгую по содержанию речь президента, придавало ей большую выразительность, эмоциональность, усиливало её воздействие на аудиторию. Кроме того, это очевидно, оратору в процессе беседы использованием развернутого сравнения удалось менее известное («Новый курс») пояснить через более известное и более понятное своим слушателям.

Рузвельт прибегал к использованию сравнений в полемике с оппонентами. На их резкую критику он отвечал не менее острой критикой в их адрес, используя иногда сравнения.

30 сентября 1934 года Рузвельт выступил с радиобеседой по проблемам государственного регулирования экономики и отношений между трудом и капиталом. Отвечая на нападки критиков, имя которым в ту пору было Легион, Рузвельт сказал следующее:

«У нас есть критики, к счастью, их немного, – которых пугает всякий смелый шаг, страшит необходимость принимать решения. Они высказывают недовольство тем, что мы сделали: говорят, что такие меры рискованны и при-

нимать их не было необходимости. Они похожи на людей, которые переждали ураган в погребе, а выйдя оттуда, напроць о нем забыли. Эти люди приводят нам в пример Англию. Они хотят, чтобы мы поверили, будто Англия добилась успехов в борьбе с депрессией, не прилагая никаких усилий, просто положившись на естественный ход вещей».

Уподобление критиков, не замечавших позитивных подвижек по выходу страны из тяжелейшего кризиса, людям, отсидевшимся во время урагана в погребе, вполне мотивированно, метко и образно.

С развернутым сравнением встречаемся в выступлении президента Рузвельта по радио 28 апреля 1935 года. В центре внимания беседы была государственная программа общественных работ и социального обеспечения. К этому времени число людей, не верящих в успех, стало значительно меньше. Однако маловеров было ещё немало. Не случайно Рузвельт почти в самом начале беседы обратил внимание таких людей на то, что политика возглавляемого им правительства не какой-то случайный экспромт, а строго продуманная система неотложных мер.

В процессе своего настойчивого разъяснения Рузвельт использовал оригинальное развернутое сравнение. Вот начало выступления президента:

«Друзья мои, я не выступал перед широкой публикой по радио со времени своего последнего ежегодного обращения к Конгрессу 4 января этого года. Прошедшие недели Конгресс посвятил трудной задаче формирования законов, необходимых для благополучия страны. В этом уже есть заметные успехи, и работа продолжается.

Однако, прежде чем начать разговор о конкретных мерах, я хочу донести до вас один бесспорный факт. Шаги администрации и Конгресса по решению насущных задач государственного управления ни в коем случае не являются ни бессистемными, ни случайными. Каждый наш шаг так или иначе связан со всеми остальными.

Разработка программы укрепления национального благосостояния напоминает постройку корабля. В разных местах нашего побережья, где мне часто приходится бывать, строят большие морские суда. В самом начале, когда на киль будущего корабля устанавливается стальной каркас, несведущему в корабельном деле человеку очень трудно себе представить судно в окончательном виде, когда оно будет бороздить моря и океаны. Кому-то может показаться, что на стапеле царит беспорядок, но на самом деле это не так – все многочисленные детали и узлы, в конечном итоге, обретут свое место в единой конструкции, которая будет служить человеку. Точно так же дело обстоит и с разработкой национальной политики».

В выступлениях Рузвельта встречаются краткие, двух-, трехсловные сравнения. Они также были глубоко мотивированными, емкими по смыслу и доступными для восприятия слушателями.

Лаконичное сравнение было использовано оратором, например, в радиобеседе, посвященной вопросам оказания помощи жертвам засухи, которая состоялась 6 сентября 1936 года:

«Уровень оплаты труда в городах и покупательная способность сельского населения можно уподобить двум ногам, на которых нация шагает вперед».

Неоднократно Рузвельт использовал краткие, афористические сравнения и сравнения развернутого характера в радиобеседе, которая была им проведена 9 марта 1937 года с обсуждением плана реформ Верховного суда США.

Рузвельт говорил: «Я надеюсь, что в последние две недели вы перечитывали Конституцию Соединенных Штатов. Как и Библию, её стоит перечитывать снова и снова. Понять Конституцию несложно, если помнить, чем она была вызвана к жизни».

Использованное сравнение лаконично и образно.

В этой же радиобеседе (от 9 марта 1937 года) оратор мастерски использовал и развернутое сравнение, построенное на бытовых, всем понятных явлениях:

«В прошлый четверг, говоря об американской форме правления, я сравнил её с запряженной тройкой лошадей, которую по Конституции американский народ использует для возделывания своей нивы. Три лошади – это, конечно, три ветви власти: Конгресс, исполнительная власть и суды. Две лошади – Конгресс и исполнительная власть – сегодня тянут плуг слаженно, а третья – нет. Те, кто хотят представить дело так, что президент Соединенных Штатов будто бы стремится управлять всей тройкой, забывают ту простую истину, что президент как глава исполнительной власти сам является одной из лошадей.

Тройкой правит никто иной, как американский народ. Это американский народ хочет, чтобы нива была возделана. Поэтому американский народ ждет, что и третья лошадь будет тянуть в лад с первыми двумя».

На фактах бытового характера построено сравнение, использованное Рузвельтом в радиобеседе 12 октября 1937 года. Выступление было посвящено обсуждению Программы регулирования сельского хозяйства. Президент, в частности, говорил:

«Общий объем сельскохозяйственного производства в большой степени определяет цены на агропродукцию и, соответственно, благополучие или бедственное положение фермера. Я хочу привести одно сравнение. Если бы мы, американцы, были настолько глупы, чтобы позволить всем нашим обувным фабрикам работать по двадцать четыре часа в сутки все семь дней в неделю, то скоро у нас было бы больше обуви, чем народ при всем своем желании мог бы купить. Причем излишки обуви были бы настолько велики, что их пришлось бы уничтожать, дарить или продавать по ценам гораздо ниже себестоимости.

Этот пример иллюстрирует закон соответствия между спросом и предложением, действующий и в отношении цен на все основные виды сельскохозяйственной продукции».

Таким образом, необходимость учета положений закона соответствия между спросом и предложением, была пояснена оратором на бытовых, всем понятных фактах.

Сравнения в публичных выступлениях периода военного времени встречаются также весьма часто. Возьмем, к примеру, выступление Рузвельта по радио от 23 февраля 1942 года. В этой радиобеседе Рузвельт давал ответ «пора-

женцам». Президент убеждал американцев в том, что отдельные неудачи на фронтах – явление временное и призывал соотечественников к единству и всемерному наращиванию военного производства. Он убеждал американцев в том, что в союзе "с могучими армиями и испытанной военной мощью" России народ Соединенных Штатов одержит безусловную победу. Вот некоторые из использованных оратором сравнений:

«В настоящее время существует четыре основных региона морских коммуникаций, по которым курсируют наши суда: Северная Атлантика, Южная Атлантика, Индийский океан и южная часть Тихого океана. Это коммуникации – "не улицы с односторонним движением": от нас к местам сражений суда доставляют воинские контингенты и военное снаряжение, а обратно привозят необходимое сырье».

Другой, более отчетливо выраженный пример использования сравнения в этой же радиобеседе:

«Те американцы, которые верили, что мы можем жить в изоляции от остального мира, по сути дела, хотели, чтобы американский орел наподобие страуса спрятал голову в песок. Теперь те же самые люди, страшась поднять голову, хотят, чтобы птица – символ нашей нации – уподобилась черепахе, прячущейся в свой панцирь. Мы же предпочитаем, чтобы орел оставался орлом, птицей высокого полета, наносящий сокрушительные удары».

17 декабря 1940 года Рузвельт провел пресс-конференцию, которая заняла особую страницу в анналах истории США. В конце 1940 года оказалась в тяжелом положении Англия. Без мощной поддержки со стороны она могла и не выстоять.

Рузвельт, прибегая к аллегории, заговорил в выступлении о пожаре «в доме соседа». Он повел речь об оправданном риске из соображений самозащиты, высказав при этом идею дать займы оказавшемуся в беде соседу садовый шланг для спасения от огня.

Такая помощь, по мнению президента, не нарушает законов США. К тому же оказанная помощь Англии послужит обеспечению безопасности самих Соединенных Штатов.

Рузвельт призвал аудиторию хорошенько поразмышлять над подготовленной им аллегорией: Дом соседа горит. Пожар угрожает перекинуться на всю округу.

«Что я делаю в этой критической ситуации? – спрашивал оратор присутствующих на пресс-конференции. Я не говорю пошедшему в беду соседу перед тем, как вручить ему мой садовый шланг для борьбы с огнем: «Сосед, мой шланг стоит 15 долларов, ты должен уплатить мне за него эти 15 долларов...». Мне не нужны эти 15 долларов, но мне нужно, чтобы он просто возвратил мне мой садовый шланг после того, как пожар будет потушен».

Сравнение реального, тяжелого положения Англии (да и самих Соединенных Штатов) с примером пожара у соседа способствовало относительно благополучному прохождению законопроекта о ленд-лизе через Конгресс, где проект закона в иных обстоятельствах мог и пролежать бесконечно долго.

Позднее Р. Шервуд в связи с этим напишет:

«По моему мнению, можно совершенно точно сказать, что это сравнение с домом соседа помогло Рузвельту выиграть борьбу за закон о ленд-лизе. Предстояли два месяца самых ожесточенных дебатов, какие когда-либо знала история Америки, но на протяжении всего этого периода американский народ в целом сохранял убеждение в том, что не могло быть ничего слишком радикального или слишком опасного в предложении президента предоставить займы наш садовый шланг англичанам, столь героически сопротивлявшимся в неравной борьбе».

Развернутые сравнения, сопоставления содержатся в радиовыступлениях от 12 июня 1944 года, 6 января 1945 года.

В своем последнем радиообращении (от 6 января 1945 года) Рузвельт, размышляя о послевоенном мироустройстве, особое внимание обратил на огромную опасность для дела мира, которую несет враждебная, человеконенавистническая пропаганда фашистов, нацистов и их прихвостней.

В острой обличительной речи он использует прием сравнения, уподобления:

«Я хотел бы самым серьезным образом предостеречь об опасности, которую для нас представляет ядовитая вражеская пропаганда.

В свое время Германия старалась вбить клин между странами Западной Европы. Однако, с точки зрения достижения победы в войне, гораздо опаснее то, что сейчас она пытается вбить клин между нами и нашими союзниками.

Всякий, даже пустяковый на первый взгляд слух, направленный на то, чтобы подорвать нашу веру в союзников, подобен вражескому агенту, который действует среди нас, стараясь саботировать наши военные усилия. То тут, то там возникают злонамеренные, беспочвенные слухи, порочащие русских или британцев, или наших собственных военачальников. Если проследить происхождение этих слухов, на них всегда можно обнаружить одно и то же клеймо: «Сделано в Германии».

Мы должны противостоять вражеской пропаганде, разоблачать слухи с такой же силой и решимостью, с какой наши бойцы отбрасывают и уничтожают вражеские танковые дивизии».

Меткая, острая аналогия, проведенная оратором завершается, как видим, мощным волеизъявлением президента и главнокомандующего.

Метафоры и их роль в построении образной речи

...Бесспорно, что самые убедительные речи именно те, где заключено более всего образов.

Ж. Ж. Руссо

Большая соль в порождении образно-выразительной речи принадлежит метафорам. Ещё Аристотель в своей «Поэтике» писал: «Важнее всего – быть искусным в метафорах». При этом он добавлял: «Только этого нельзя перенять от другого; это – признак таланта, потому что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство».

Теоретики метафоры в наше время утверждают, однако, что и метафоре, как и всему иному, можно учиться.

Рузвельт как мастер живого слова владел в совершенстве созданием образов с помощью метафор. Можно с достаточным основанием утверждать, что метафоризация отдельных слов, выражений и даже отдельных частей текста речи было в высшей степени характерным явлением для его ораторской речи.

Метафоризации подвергаются самые различные слова. Особенно часто метафорически используются слова, обозначающие явления природы, названия птиц, животных и т.д.

В текстах речей Рузвельта встречаются метафоры с экспрессией положительной и отрицательной характеристики. Неоднократно, к примеру, Рузвельт использовал метафорические выражения в радиобеседах, с которыми он выступал многократно.

Так, 24 июля 1933 года, подводя итоги своей деятельности за 100 дней проводимых им реформ, он говорил:

«...Таким образом, как вы видите, мы сохранили свою кредитоспособность. В это время всеобщего смятения мы заложили гранитный фундамент в виде федерального кредита. Этот фундамент послужит основой для всего плана восстановления».

Метафорическое использование понятий «фундамент», «гранитный фундамент» придавало речи образность, выразительность, что повышало в конечном счете её впечатляющую силу.

Ещё более зримо феномен метафоризации явлений проявляется в выступлении Рузвельта от 22 октября 1933 года, в котором он раскрывал механизм экономической политики и вел речь о практической реализации закона о восстановлении промышленности и закона о регулировании сельского хозяйства. В этом выступлении речь ведется уже не о «фундаменте», а о том, что находится над ним. Оратор использует при этом не отдельное слово, а целый метафорический контекст:

«Нам предстоит долгий путь, но мы уже вступили на него и движемся вперед. Каким образом мы строим здание зарождающейся экономики – этот храм, который, когда мы его завершим, больше не будет храмом менял и нищих, а станет служить социальной справедливости и росту благосостояния Америки – прибежища здоровой экономической жизни? Камень за камнем мы возводим колонны, которые будут поддерживать этот храм. Число таких колонн велико, и может статься, что быстрый рост одной из них на время замедлит возведение другой, но вся работа в целом должна продвигаться без помех и промедлений».

Основу впечатляющей картины, созданной оратором, составило метафорическое использование таких ключевых слов, как "здание", "храм", "колонны", "камень". В данном случае оратором употреблены метафоры с экспрессией положительной характеристики.

В выступлениях Рузвельта находили применение и метафоры с функцией отрицательной оценки тех или иных явлений. Пример такого метафорического высказывания можно привести из радиобеседы, с которой Рузвельт выступил

28 июня 1934 года. Беседа посвящалась разъяснению целей и задач «Нового курса». Вот что говорил оратор:

«Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы, действительно, наступали кое-кому на "больные мозоли" – и будем наступать на них впредь. Но это "мозоли" тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем – за счет общего блага».

Основу метафорического высказывания, как видим, составил известный устойчивый фразеологизм.

Образные возможности устойчивых фразеологических оборотов, располагающих метафорическими признаками, позволили оратору ярко сказать о ходе реализации программ «Нового курса» в радиобеседе, проведенной Рузвельтом 28 апреля 1935 года;

«Подготовка к реализации программы ведется уже в течение многих месяцев. Выделение средств на лучшие проекты уже началось. Подобраны главные исполнители; вместе они уже в основном готовы отвечать за выполнение задачи. Я хорошо понимаю, что страна уже до истечения этого года ожидает развертывания работ, как говорится, «на всю катушку». И хочу заверить моих сограждан: мы не пожалеем сил для того, чтобы обеспечить эффективное расходование государственных средств, а в результате – осуществить крупное наступление на проблему безработицы».

Далее оратор продолжал:

«Мы несем ответственность перед всем народом. Это – великий общенациональный крестовый поход. Это поход против губительной для человеческого духа вынужденной праздности – порождения экономической депрессии. Мы поведем наступление на этого врага, не щадя сил и не делая никаких исключений. Нельзя допустить, чтобы к людям разных слоев общества или разных политических взглядов применялись какие-то разные подходы.

Однако хочу предупредить – без сомнения, вы меня поймете, что, когда такая кампания охватывает все три с лишним тысячи округов нашей страны, в отдельных случаях мы можем столкнуться с неэффективным, плохим управлением или с растратой средств. И тогда, конечно, найдутся люди, которые постараются убедить вас, что эти отдельные неудачи типичны для всего предприятия. Мы с вами не должны забывать, что в каждом большом деле обязательно бывают недостатки. Во всех сферах жизни есть мошенники: в любой отрасли встречаются предприниматели, насаждающие несправедливые производственные порядки, а в любой профессии находятся свои «паршивые овцы».

Метафорическое употребление фразеологизма «крестовый поход» в сочетании с другими фразеологическими средствами и эмоционально-экспрессивной лексикой («на всю катушку», «паршивые овцы», «наступление», «мошенники» и др.) придавали речи оратора эмоционально-экспрессивный характер, боевой, наступательный дух. Воздействующая сила оратора увеличивалась мощным волеизъявлением Рузвельта: «Друзья мои, предотвратить порочные проявления в реализации программы общественных работ может прежде всего неусыпная бдительность самого американского народа».

Оправданным с риторической точки зрения было применение оратором метафор в выступлении от 9 марта 1937 года, которое было обусловлено необходимостью реформы Верховного суда Соединенных Штатов. Обращаясь к соотечественникам, Рузвельт говорил:

«В чем состоит мое предложение? Оно очень простое: если судья какого-либо федерального суда достигает семидесятилетнего возраста и не желает воспользоваться возможностью уйти на пенсию, президент должен дополнительно назначать нового члена суда с одобрения Сената Соединенных Штатов, как того требует Конституция.

Это предложение преследует две главные цели. Во-первых, обеспечив постоянный приток новой, более молодой крови в нашу судебную систему, мы можем рассчитывать, что все федеральное правосудие сверху донизу станет работать быстрее и эффективнее, а следовательно, будет обходиться дешевле. Во-вторых, решение вопросов, имеющих экономические и социальные последствия, будет поручено более молодым людям, у которых есть личный опыт жизни в современных условиях и сохранилась связь с тем миром, в котором приходится жить и трудиться среднему человеку. Это убережет нашу конституционную систему от судебного «атеросклероза».

Метафорическое использование лексических единиц из сферы медицины, несомненно, придавало политической речи образность, экспрессию. Хотя консервативную стратегию и тактику Верховного суда преодолеть Рузвельту в полной мере не удалось, тем не менее, благодаря его неоднократным ярким и обоснованным выступлениям удалось добиться правового оправдания социально-экономических реформ «Нового курса».

Обстановка в мире к концу 30-х годов становилась всё более тревожной. Свою озабоченность президент выразил в речи, произнесенной в Чикаго 5 октября 1937 года. В ней Рузвельт говорил:

«Мир, свобода и безопасность для девяноста процентов населения земного шара находятся под угрозой со стороны остальных десяти процентов, которые угрожают разрушением всех международных законов и установлений...».

И далее оратор, прибегая к образному метафорическому сопоставлению ситуации, складывающейся на международной арене, сказал:

«Похоже, к несчастью, верно, что эпидемия всемирных беззаконий распространяется вширь. Когда эпидемия заразной болезни начинает распространяться в разные стороны, общество объединенными усилиями устраивает карантин для больных, с тем, чтобы защитить здоровье остальных и предотвратить распространение заразы».

Сторонники президента и его оппоненты признавали важность сказанного, хотя относились к этому по-своему. Первые одобряли, вторые отнеслись с настороженностью. Эту речь Рузвельта впоследствии будут называть «карантинной».

Метафорические выражения встречаются в выступлениях президента, посвященных проблемам сельского хозяйства. Метафорические выражения бытового характера встречаются, например, в его выступлении от 12 октября 1937 года:

«Американцы не слишком озабочены тем, чтобы все частные политические решения всегда были безошибочными; для них важно общее направление. Они знают, что пока мы движемся по верной дороге, не так уж страшно, если время от времени нас будет потряхивать на ухабах».

Использованные оратором метафоры «движение по верной дороге», «потряхивание на ухабах» картинны, они придают речи образность, наглядность, усиливают её впечатляющие возможности.

Известно, что Рузвельт и по личным интересам, и по своей профессиональной деятельности в аппарате морского ведомства, и как главнокомандующий в годы войны был тесно связан с флотом, морями, океанами. Не случайно в его публичных выступлениях встречаются метафоры из сферы морского дела. В этом отношении показательным его радиообращение от 14 апреля 1938 года; приведем пример из заключительной части этого выступления:

«Мне слышится ваш немой вопрос: вы хотите знать, куда мы движемся в этом беспокойном мире? Я не могу рассчитывать, что все люди в состоянии понять проблемы других людей, но моя работа в том и состоит, чтобы стараться вникнуть во все проблемы моих сограждан.

Я стараюсь всегда помнить, что примирение разногласий не может удовлетворить полностью. Я не ожидаю многого и поэтому не испытываю разочарования. Но я знаю, что не имею права опускать руки, не имею права отказываться от борьбы за основные интересы всего народа потому только, что для меня лично в данный момент так было бы проще.

Я верю, что мы наметили правильный курс. Отказаться сейчас от наших планов построить более сильную и стабильную Америку, в которой было бы больше взаимной терпимости, означало бы, выражаясь морским языком, упустить прилив и в результате, возможно, вообще не доплыть до порта назначения. Я предлагаю развернуть паруса и плыть вперед. Уверен, что вы связываете со мной свои надежды, и я могу рассчитывать на вашу помощь. Чтобы достигнуть порта, нам нужно плыть, а не стоять на якоре, плыть, а не дрейфовать».

Заключительные метафорические фразы передают с необыкновенно-экспрессивной силой волеизъявление Рузвельта, его страстный призыв не останавливаться на достигнутом.

Метафоры, построенные на основе понятий, терминов морской сферы встречаются во многих других его выступлениях, особенно периода второй мировой войны.

Например, в радиобеседе от 26 мая 1940 год, посвященной вопросам укрепления национальной обороны, Рузвельт использует метафорическое выражение, придающее речи образный колорит:

«Многие не обращали внимания на события за рубежом из-за неосведомленности или отсутствия интереса, искренне полагая, что сотни и сотни миль соленой воды надежно отделяют наше полушарие от остального мира, что Северная, Центральная и Южная Америка с их огромными ресурсами сами могут продолжать жить, не зная ни зависимости от других континентов, ни опасности с их стороны».

Насыщено метафорами радиообращение Рузвельта от 29 декабря 1940 года, в котором президент вел речь о растущих извне угрозах Соединенным Штатам, прежде всего со стороны стран «Оси».

«Давайте не будем больше закрывать глаза на тот бесспорный факт, что силы зла, которые подтачивали, разлагали изнутри и губили до нас многие страны, уже перешагнули наш порог.

Вашему правительству известно многое о проводниках зла, мы каждый день занимаемся тем, что выкуриваем их из нор.

Тайные агенты активно действуют и в нашей стране, и в соседних странах. Они стремятся посеять внутренние раздоры, создать обстановку взаимной подозрительности и раскола. Они стараются восстановить капитал против труда и наоборот. Они пытаются оживить давно забытую расовую и религиозную вражду, которой не место в нашей стране. Они действуют в каждой группе населения, позиция которой способствует росту нетерпимости в обществе. Они используют для своих целей присущее нашей нации отвращение к войне. Эти сеятели зла преследуют одну цель. Она заключается в том, чтобы расколоть наш народ – разделить его на враждующие друг другу части, подорвать единство и поколебать общую волю к обороне».

Использование метафорических выражений («силы зла», «выкуривать из нор» и др.) в сочетании с другими риторическими фигурами (прием повтора, фразеологизмы разговорного характера – «закрывать глаза», «сеять раздоры»; лексические ряды – «они стремятся, стараются, пытаются» и др. – всё это способствовало повышению выразительности речи, её эмоциональному накалу.

В этой же радиобеседе (29 декабря 1940 года) встречаем блестяще использованное метафорическое выражение, построенное на базе восточного изречения:

«Опыт последних лет неопровержимо доказывает, что ни одна страна не может умиротворить нацистов. Оттого, что вы будете поглаживать тигра, он не превратится в котенка. Нельзя умиротворить безжалостного зверя. Нельзя уговорить зажигательную бомбу. Мы уже знаем, что страна может достигнуть мира с нацистами только ценой полной капитуляции».

Наглядным примером мастерского использования метафор в целях повышения эмоционально-экспрессивных качеств речи может служить радиобеседа Рузвельта, проведенная 28 июля 1943 года. Выступление посвящалось анализу наступательной стратегии Объединенных Наций.

Вот некоторые доказательные примеры использования метафорических выражений в этой радиобеседе:

1. «Мои соотечественники-американцы! Более полутора лет назад я произнес в Конгрессе такие слова: «Эту войну начали милитаристы Берлина, Рима и Токио, но закончат её разгневанные силы простой человечности».

«Сегодня, – продолжал оратор, – мое пророчество начинает сбываться. «Разгневанные силы человечности» наступают – и на русском фронте, и в тихоокеанском регионе, и в Европе, стремясь сомкнуть свои ряды на последних рубежах: в Берлине и Токио».

2. «Я думаю, Ось дала первую трещину. Преступный, прогнивший фашистский режим Италии разваливается на куски».

3. «Увидев занесенную над ним неумолимую руку правосудия, Муссолини пришлось признать, что «игра окончена». Однако он и его фашистская клика обязательно предстанут перед законом и понесут наказание за свои преступления перед человечеством. Ни одному преступнику не удастся избежать кары, уйдя «в отставку».

Наблюдаются факты, когда в выступлениях Рузвельта метафоры и сравнения оказываются в близком соседстве и порой переходят друг в друга. Сравнение становится метафорой, а метафора иногда переходит в развернутое сравнение.

В «беседе у камина», проведенной в связи с пропагандой третьего военного займа (8 сентябре 1943 года), Рузвельт с целью усиления эмоционального воздействия на аудиторию неоднократно прибегает к использованию образно-выразительных средств и риторических фигур (повтор, вопросно-ответный прием, антитезы, яркие эпитеты и т.д.). Здесь же нашли применение сравнения и метафоры.

Вот характерный пример одновременного использования развернутого сравнения и метафорического контекста:

«Мои соотечественники-американцы! На Среднем Западе, на берегу большой реки стоит город. Несколько лет назад над ним нависла угроза разрушительного наводнения. Вода поднялась настолько, что грозила хлынуть через дамбы. Был брошен клич – укреплять дамбы мешками с песком. Все жители города – мужчины, женщины и дети – включились в работу, чтобы защитить свои дома. Много дней и ночей они смотрели в лицо разрушению и смерти.

Непреклонная решимость и общие усилия всего населения спасли город. Люди успели нарастить дамбы и таким образом преградили путь воде. Когда нужда заставила, за дело сообща взялись все: предприниматели, рабочие, фермеры и священники, люди разного цвета кожи.

Для меня этот город стал живым символом того, на что способны люди, когда они действуют сообща».

Далее оратор в содержании речи переходит к сопоставлению людей, работавших самоотверженно по защите своего города от грозного наводнения с явлениями гигантского масштаба, вызванными мировой войной. При этом оратор создает картину битвы, прибегая к феномену метафоризации.

Оратор в частности говорит:

«Сегодня нечто подобное происходит в гораздо большем масштабе. Народы Объединенных Наций укрепляют «дамбы» цивилизации, чтобы их не захлестнуло наводнение агрессии, варварства и массовых убийств. Это наводнение угрожает нам уже четыре года. Наконец мы начинаем одерживать над ним верх, однако воды ещё недостаточно отступили, чтобы мы могли расслабиться и бросить свои тяжелые мешки с песком.

Покупать облигации военного займа для нас то же, что насыпать песок в мешки и преграждать ими путь мутному потоку, который все ещё грозит нам затоплением».

Феномен метафоризации характерен для многих выступлений Рузвельта. С помощью метафор оратор создавал яркие, запечатлевающиеся в сознании слушателей картины. Укажем на удачное применение развернутой метафоры в радиобеседе, которая была проведена Рузвельтом 12 июня 1944 года.

Президент вел речь об успешном наступлении союзников и открытии второго фронта:

«Решающие события произошли на Западе. В прошлый вторник утром, меньше недели назад, на побережье Франции обрушился удар, который стал итогом тщательного планирования и упорной подготовки на протяжении многих месяцев.

Миллионы тонн вооружения и припасов, сотни тысяч бойцов, сосредоточенных перед этим в Англии, теперь вливаются в великую европейскую битву.

Я полагаю, что, с точки зрения неприятеля, мы осуществили невозможное: сломили считавшуюся неприступной оборонительную линию в северной Франции. Однако наступление с моря стоило нам больших людских и материальных потерь. Некоторые десантные операции можно назвать отчаянными предприятиями. Однако, по имеющимся на сегодня сведениям, наши потери ниже, чем могли рассчитывать наши военачальники. Мы захватили надежный плацдарм и теперь готовы к неизбежным контратакам немцев – у нас есть силы и уверенность в себе. И мы все молимся с тем, чтобы уже в скором времени иметь гораздо больше, чем просто плацдарм.

Все американцы, как один, работали на то, чтобы этот день наступил».

Развертывая перед мысленным взором миллионов слушателей впечатляющую картину происходящего, Рузвельт говорит далее:

«Освободительные силы, которые хлынули через канал на побережье и двинулись дальше через поля и леса Франции, имеют в своем распоряжении тысячи и тысячи самолетов, кораблей, танков и тяжелых пушек. Они оснащены всем военным снаряжением, необходимым для этого огромного и опасного предприятия. Они не испытывают недостатка ни в чем – ни в чем! Так должно быть и впредь».

Важность сообщаемого, мастерское использование средств и приемов ораторского воздействия (образные метафоры, яркие эпитеты, риторическое восклицание, повторы и т.д.) – всё это в значительной степени усиливало воздействующую силу страстного выступления Рузвельта.

ГЛАВА VII. РИТОРИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ, ИХ ЛОГИКО-СМЫСЛОВАЯ И ОБРАЗНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ РУЗВЕЛЬТА

Антитезы и их роль в создании контраста

К числу традиционных риторических фигур, использованных Рузвельтом в публичных выступлениях, относится антитеза (противопоставление). Сущность её состоит в показе, противопоставлении предметов, явлений с целью контрастного изображения и наиболее сильного эмоционально-экспрессивного воздействия на слушателей.

Антитезы находили применение в речах многих великих ораторов, начиная со времен античности.

Формы построения противопоставлений в устных выступлениях Рузвельта различны. В одних случаях это лишь два слова, имеющих противоположное значение. В других случаях Рузвельт-оратор использовал для раскрытия контраста не отдельные слова, а сочетания слов, фразы и даже пространные высказывания.

С помощью антитез Рузвельт рельефно, резко раскрывал суть тех или иных социально-политических, экономических и иных явлений.

Характерные примеры использования в устных выступлениях антитез особенно часто встречаются в выступлениях Рузвельта по радио.

Радиобеседа президента от 24 июля 1933 года. Отмечается «Сто дней реформ».

«Задолго до вступления в должность, – говорит президент, – я пришел к убеждению, что ни усилия отдельных людей, ни усилия местных властей, ни даже разрозненные усилия на федеральном уровне не имели и не будут иметь успеха.

Следовательно, назрела необходимость в сбалансированном руководстве со стороны федерального правительства – об этом говорит и теория, и фактическое положение».

Сказано лаконично, емко, контрастно и в целом – верно.

И далее, развивая мысли о необходимости дальнейшего преодоления кризисных явлений, оратор ещё несколько раз обращается к использованию приема противопоставления.

«До сих пор я говорил главным образом о фундаменте нашей политики – о тех мерах, которые были необходимы, чтобы восстановить кредит и повернуть людей в противоположном направлении, предотвращая разорение и предоставляя как можно больше работы через правительственные учреждения.

Теперь я перехожу к тем звеньям, из которых сложится наше благополучие на более длительное время. Я уже говорил, что мы не сможем его достичь, если половина нации будет процветать, а другая половина – бедствовать. Если у всех наших граждан есть работа и справедливая заработная плата или справедливые прибыли, то каждый может покупать то, что произведено соседями, и бизнес идет хорошо. Но если отнять зарплату и прибыль у половины, то дела

ухудшатся вдвое. Положение не спасет даже сильное процветание удачливой половины».

Прием противопоставления Рузвельт неоднократно использовал в радиобеседе, посвященной обсуждению Программы регулирования сельского хозяйства (12 октября 1937 года).

Вот характерный пример использования развернутой антитезы при пояснении обязанностей президента при решении проблем общенационального характера, т.е. что он должен делать и чего не должен делать.

Обращаясь к соотечественникам, Рузвельт говорил:

«Всякий, кто по своему положению призван формулировать предложения или выносить суждения по общенациональной политике, должен из личного опыта хорошо знать положение народа в целом. Поэтому в этом году я снова предпринял поездки по всей стране.

Весной побывал в регионе Юго-Запада, летом несколько раз ездил на Восток. Совсем недавно вернулся из большой поездки, в ходе которой пересек весь континент, а позднее этой осенью собираюсь совершить свое ежегодное паломничество на Юго-Восток.

Президент, как никто другой, обязан мыслить категориями всей страны.

Он должен думать не только о ближайшей перспективе, но и о более отдаленном будущем, когда президентом будет уже кто-то другой.

Он не должен ограничиваться среднестатистическими данными о материальном достатке и благополучии страны, поскольку за усредненными цифрами легко не заметить опасные проявления бедности и нестабильности.

Он не должен допускать, чтобы страна была введена в заблуждение временным процветанием, достигнутым за счет расточительной эксплуатации ресурсов, которых надолго не хватит.

Он должен заботиться не только о том, чтобы уберечь нас от войны сегодня, но и о том, чтобы войны не знали наши будущие поколения.

Нам нужно прочное и постоянное благосостояние, а не временное благополучие одних слоев общества за счет других.

И мир нам нужен прочный, на долгие времена. Такой можно построить общими усилиями всех миролюбивых стран».

Используя прием противопоставления, Рузвельт с особой рельефностью говорит о важнейших особенностях стиля своей деятельности, создавая, в сущности, подлинный кодекс, устав, регламент, четко определяющий, какими должны быть умозаключения президента в процессе решения проблем общенациональной политики.

Обеспеченная в речи контрастность выражения, показа того, что должно быть и чего не должно быть в деятельности президента позволяло миллионам слушателей глубже уяснить то, о чем вел речь оратор.

29 декабря 1940 года Рузвельт выступил с радиобеседой, содержание которой было посвящено обострившейся проблеме угрозы Соединенным Штатам со стороны стран «Оси» по вопросам организации помощи странам-жертвам фашистской агрессии.

В основу содержания беседы оратором, с точки зрения риторики, стилистики, был положен принцип противопоставления «нового порядка», пропагандируемого фашистской Германией, и то, как должны отреагировать на лживую пропаганду и военную угрозу народ Соединенных Штатов Америки и народы, уже ставшие жертвой агрессии.

Обратив внимание слушателей на многообещающую болтовню фашистской пропаганды о благах, которые принесет народам «новый порядок», Рузвельт со страстным призывом обращается к народам трезво взглянуть на эти посулы и увидеть в них нечто прямо противоположное.

29 декабря 1940 года. Вот что говорил Рузвельт:

«Некоторые у нас хотели бы думать, что даже в случае падения Великобритании мы останемся в безопасности благодаря широким просторам Атлантики и Тихого океана. Однако океаны уже не представляют собой таких преград, как во времена парусных судов.

В одном месте расстояние между Африкой и Бразилией меньше, чем между Вашингтоном и городом Денвером в штате Колорадо, а это всего пять часов лета для новейшего бомбардировщика. А в северной части Тихого океана Америка и Азия почти касаются друг друга.

Достаточно сказать, что уже сегодня мы располагаем самолетами, которые могут пролетать от Британских островов до Новой Англии и обратно без заправки. При этом радиус действия современных бомбардировщиков постоянно увеличивается.

И далее в названной радиобеседе оратор неоднократно в освещении проблемы использует прием противопоставления, сопоставления различных явлений и точек зрения на те или иные проблемы.

Оратор продолжал:

«В течение последней недели многие из разных концов страны сообщали мне, что они хотели бы услышать от меня сегодня.

Почти все высказывали желание узнать неприкрытую правду о том, насколько серьезно нынешнее положение.

Однако в одной телеграмме была выражена позиция тех людей — их незначительное меньшинство, которые не желают ни замечать зла, ни слышать про него, хотя в глубине души знают, что зло существует.

В этой телеграмме меня умоляли не напоминать о том, как легко сможет бомбить наши американские города любая враждебная держава, если она завладеет базами в западном полушарии. В общем, смысл телеграммы был такой: «Пожалуйста, господин президент, не пугайте нас вашими фактами».

«Если говорить откровенно и по существу, — продолжал оратор, — нам угрожает опасность, и к ней мы должны готовиться. Нам хорошо известно, что ни от самой опасности, ни от страха нельзя избавиться, залезая в постель и натягивая на голову одеяло».

Неоднократно прием антитезы был использован Рузвельтом в радиообращении к американскому народу 27 мая 1941 года. Главный вопрос содержания радиобеседы — неотложные задачи в обеспечении безопасности США, стран Северной, Центральной и Южной Америки.

Часть суждений оратора построена на использовании приёма противопоставления ряда факторов, относящихся к повестке дня.

«Сегодня, – говорил президент, – мир разделен на две больше части; граница проходит между рабством и свободой человека, между языческим варварством и христианским идеалом. Мы выбираем свободу человека, которая составляет и христианский идеал. Никто из нас не имеет права даже на минуту поколебаться в своем мужестве и в своей вере.

Мы не примем мир под властью Гитлера. И мы не согласимся на такой мир, где, как это было после Первой мировой войны, в двадцатые годы могли бы снова взойти семена гитлеризма. Нам нужен только такой мир, в котором торжествует свобода слова и свобода каждого человека верить в Бога по-своему, мир, не знающий нужды и террора».

Прием антитезы использовался Рузвельтом в радиовыступлении от 11 января 1944 года:

«Подавляющее большинство наших граждан приняло требования военного времени с замечательным мужеством и большим пониманием. Люди согласились терпеть неудобства и лишения, примирились с неизбежностью трагических жертв.

Однако, как мы все знаем, у нас есть люди и другого сорта. Их немного, но они очень назойливы; в то время как большинство безропотно несет бремя войны, они постоянно поднимают шум, требуя особых преимуществ для отдельных групп населения. Их представители, подобно мошкаре, роятся в холлах Конгресса и коктейль-барах Вашингтона...».

Уместно отметить, что приём антитезы использовался, как и многие другие риторические универсалии, в сочетании с другими образно-выразительными средствами, говоря современным языком – «комплексно».

Прием повтора как средство усиления логического и эмоционального воздействия на слушателей

Со времен античности всеми выдающимися государственными деятелями, политическими лидерами в публичных выступлениях активно использовалась такая риторическая фигура как повтор.

Оратор в момент произнесения речи в местах особенно важных, страстных повторял с особой интонацией отдельные (часто ключевые) слова, фразы с целью либо их логического усиления, либо в целях повышения эмоционально-экспрессивных качеств речи, придания ей особо выразительного ритмико-интонационного звучания.

В публичных выступлениях прием повтора применялся активнее всех других риторических универсалий. По составу повторы были различны,

В одних случаях повторялось имя существительное, в других глагол, в третьих – местоимение. Могли повторяться служебные части речи: предлог, союз, междометие.

В других случаях могла повторяться фраза, состоящая из нескольких слов, целое предложение.

Повторы были разнообразны не только по структуре, но и по месту расположения в предложении, абзаце и т.д.

Подчеркнем: повторяемое оратором слово или фраза часто бывали ключевыми высказываниями оратора. Сам повтор, интонационное выделение слова или фразы придавали логическую весомость сказанному. Повторяемая оратором мысль глубже входила в сознание слушателя.

Часто повторы несли на себе только функции эмоционально- экспрессивного характера. Они увеличивали выразительность речи, придавали ей определенный, воздействующий на психику слушателей интонационно-ритмический колорит.

Прием повтора использовался в речи в сочетании с другими риторическими фигурами, образно-выразительными средствами. Речи, беседы Рузвельта дают уникальную возможность показать ярко выраженную характерность этой риторической фигуры для его ораторской практики.

Рассмотрим типичные примеры использования приема повтора в речах и беседах президента США.

Использование некоторых риторических универсалий можно наблюдать уже в ранних политических выступлениях Рузвельта.

Так, в одном из выступлений в 1920 году, имевших место в связи с кампанией по его выдвижению от демократической партии на пост вице-президента Соединенных Штатов, Рузвельт, используя такую риторическую фигуру как повтор, следующим образом выразил одну из своих ключевых мыслей:

«Мы против влияния денег на политику, мы против контроля частных лиц над финансами государства, мы против обращения с человеком как с товаром, мы против голодной заработной платы, мы против власти групп и клик».

Обратимся еще раз к радиовыступлению президента, которое имело место 6 сентября 1936 года. Рузвельт информировал соотечественников о том, что ему пришлось увидеть в районах, которые подверглись жесточайшей засухе. Поездка явилась толчком к неотложной выработке правительством «сильной национальной аграрной политики».

К использованию повтора в этом выступлении оратор прибегает несколько десятков раз.

Рузвельт был потрясен тем, к каким тяжелым последствиям привела засуха население обширных районов страны. Зачин этого выступления президента особенно эмоционален. Во многом это обусловлено тем, что оратор для передачи своих впечатлений использовал прием повтора.

После обращения к радиослушателям и краткого пояснения о целях поездки в ряд сельскохозяйственных районов оратор с огромной эмоциональной силой передает мысленному взору миллионов соотечественников то, что ему пришлось увидеть:

«Я видел опустошительные последствия засухи в девяти штатах.

Я говорил с семьями, которые лишились всего: урожая пшеницы, скота, воды в колодце, садов; которые подошли к осени, не имея ни единого доллара сбережений, которым предстоит голодная зима – и для людей, и для скота, а за-

тем – весна, когда будет нечем засеять землю. Тысячи и тысячи фермерских семей Запада переживают такие трудности.

Я видел скотоводов, которые из-за отсутствия травы на выпасах или зимних кормов были вынуждены продать всех коров, кроме племенных, да и те вряд ли переживут зиму, если хозяевам не оказать помощь.

Я видел скот, который ещё жив только потому, что для него издалека привозят воду в цистернах.

Я встречался с фермерскими семьями, которые, хотя и не потеряли всего, но собрали только часть обычного урожая и нуждаются в помощи, чтобы весной приступить к севу.

Я никогда не забуду пшеничных полей, настолько выжженных солнцем, что с них уже нечего убирать. Мне не забыть бесконечных кукурузных полей, где чахлые растения стоят без листьев и початков, потому что саранча уничтожила все, что ещё пощадило солнце.

Я видел выгоревшие пастбища, где одна корова не могла бы прокормиться даже на пятидесяти акрах.

И все же я ни на минуту не поверил, что в зоне засухи произошла окончательная катастрофа, что население покинет эти места. Ни спекшаяся земля, ни палящее, ни обжигающий ветер, ни саранча – ничто не может заставить сдаться нестигаемых американских фермеров и скотоводов с их женами и детьми, которые пережили тяжелейшие дни и показывают всем нам вдохновляющий пример опоры на собственные силы, жизненной стойкости и мужества.

Многократно использованный оратором в начале этого радиовыступления повтор в органическом сочетании с другими образно-выразительными средствами создали воистину подлинно художественный шедевр, обладающий огромной эмоционально-экспрессивной силой.

Прием повтора встречается на всем протяжении содержания этого уникального выступления Рузвельта. Личное местоимение «Я» использовано в речи оратором около полутора десятка раз. Местоимение «Мы» повторено более 10 раз. По содержанию выступления оратором в качестве повтора использованы и другие слова и выражения.

Повтором определялось и своеобразие интонационного рисунка речи оратора. Динамичность интонации, силы голоса, оттенков тембра – всё это создавало неповторимый рисунок произносимой оратором речи.

Прием повтора нередко нес в себе заряд побудительности, силу волеизъявления оратора, побуждающую, мобилизующую слушателей на определенные конструктивные действия согласно видам оратора.

«... Мы имеем, – говорил далее президент – все шансы добиться перелома в нынешней чрезвычайной ситуации. Мы будем беречь землю, приумножать водные ресурсы, сохранять жизнь. Мы собираемся на долгие времена защитить людей, как от низких цен, так и от засухи. Мы намерены разработать такую аграрную политику, которая будет служить национальному благосостоянию. Именно с этим мы связываем наши надежды на будущее».

Повторяемое неоднократно слово "Мы" как бы объединяло оратора с миллионами граждан США, выполняя тем самым важную социально-психологическую функцию.

Эмоционально-экспрессивная функция повтора оказывалась наиболее рельефно выраженной в полемических выступлениях Рузвельта. Такие выступления у него бывали не раз. Финансовый капитал, банковские дельцы, вкупе с республиканскими оппонентами президента не раз объединялись для противостояния намеренному им курсу преобразований.

В конце первого президентского срока атаки на Рузвельта приобрели ожесточенный характер. Рузвельт решил прибегнуть к ответным шагам.

31 октября 1936 года он выступил с одной из своих ярких «бойцовских речей». Он произнес её в переполненном до отказа Мэдисон-Сквер-Гардене.

Вот небольшие извлечения из этой речи.

«В течение двенадцати лет, – отмечал Рузвельт, – наша нация управлялась ничем не видящим, ничего не слышащим, ничего не делающим правительством.

Нация смотрела на это правительство, а это правительство смотрело в другую сторону.

Девять возмутительных лет с золотым тельцом и три долгих года высокомерного безделья.

Девять сумасшедших лет в раже и три долгих года в очередях за хлебом!

Девять безумных лет миража и три долгих года отчаяния!

И, мои друзья, могущественные силы пытаются сегодня вернуть к власти то правительство, которое считает, что наилучшее правительство – это то, которое наиболее индифферентно к заботам человечества».

Аудитория с напряженным вниманием внимала страстной речи Рузвельта. Срывающимся голосом оратор бросал в массу жгучие слова.

«Никогда прежде в истории эти силы не были так объединены против одного кандидата, который в данном случае стоит перед вами. Они единодушны в своей ненависти ко мне – и я приветствую их ненависть».

Аудитория, как свидетельствовала пресса, буквально ревела от негодования, а оратор бросал в массу все новые и новые обвинения в адрес оппонентов:

«В ходе моей первой администрации эти корыстные и тянущиеся к власти силы встретили равный по мощи барьер. Во время моей второй администрации эти силы будут подчинены».

Миллионы американцев самых различных слоев с надеждой восприняли новое обещание кандидата в президенты. Заключительными словами речи Рузвельта были:

«Мы будем улучшать условия труда рабочих Америки. Мы будем снабжать дешевым электричеством дома и фермы Америки, мы будем работать ради молодых людей и женщин, ради калек, слепых, матерей, мы дадим гарантии безработным и обеспечим старость пожилым... Мы только начинаем борьбу».

Многие положения этой мощной речи Рузвельта, отчасти в иных формулировках, будут изложены 4 марта 1937 года перед демократами в связи с про-

тиводействием со стороны некоторых конституционных ветвей власти и усиливающимся в обществе социальным напряжением.

Обращаясь к демократам, Рузвельт решительно заявил: «Необходимо мужество, чтобы служить интересам нации. Для нашей партии совет, который дает мужество, – это совет мудрости. Если мы не поведем за собой американский народ, это сделают за нас. Ненакормленная, плохо одетая и живущая в непотребных жилищах треть нации нуждается в помощи сейчас.

Нужно помочь фермерам, не знающим, какая конъюнктура их ждет на рынке в будущем году, сейчас.

Тысячам мужчин и женщин, работающим за недостаточную зарплату, нужно помочь сейчас.

Детям, которым следует сидеть в школах и которые сейчас работают на шахтах, нужно помочь сейчас...

Если мы желаем сохранить доверие тех, кто голосовал за нас, чтобы демократия восторжествовала, мы должны действовать сейчас».

Использование оратором целой серии формул долженствования («нужно...», «должны...», «необходимо...» и др.), приема повтора («сейчас», «мы» и др.), высокой лексики («мужество», «мудрость», «интересы нации», «восторжествовать» и др.) делали речь президента емкой по смыслу, яркой по стилю, эффективно воздействующий на аудиторию.

Одним из сильных по содержанию и ярких по стилевому оформлению, мощным по волеизъявлению являлось выступление по радио, с которым президент и главнокомандующий вооруженными силами Соединенных Штатов выступил 26 мая 1940 года.

Говоря о неотложных задачах по укреплению национальной безопасности страны в усложняющейся международной обстановке, Рузвельт самым серьезным образом обращает внимание всех государственных структур, бизнеса, общественных и иных организаций на то, чтобы намечаемые меры в области обеспечения безопасности не послужили причиной ухудшения социального положения граждан Соединенных Штатов.

Эта часть беседы изложена, равно как и другие, ясно, ярко, аргументированно, решительно. Убедительность сказанного президентом в значительной степени обуславливается неоднократным повтором говорящим ключевых слов высказывания:

«...Мы должны позаботиться о том, чтобы все, что мы делаем, ни в коем случае не привело к утрате тех социальных достижений, которых мы добились за последние годы. Мы предприняли широкое наступление на социальное и экономическое неравенство, на злоупотребления, которые ослабляли наше общество. Это наступление не должно теперь быть сорвано обходным маневром тех, кто хотел бы это сделать под прикрытием насущных потребностей укрепления обороны».

Повтором слова «Мы...» оратор подразумевает все здоровые силы нации, объединяя с ними вместе прежде всего и себя. Президент и всё демократическое сообщество страны едины в сохранении, умножении социальных достижений.

Далее в этом же выступлении Рузвельт указывает, что сложнейшая обстановка в ряде конкретных сфер также не должна являться оправданием ухудшения социального положения людей.

«Нынешние чрезвычайные обстоятельства никак не могут служить оправданием удлинения рабочей недели, по сравнению с тем максимумом, который предусмотрен действующим законодательством. Я полагаю, что, по мере поступления заказов, когда производство начнет расширяться, работу получат десятки тысяч тех, кто сегодня безработный».

Чрезвычайные обстоятельства никак не могут служить оправданием ухудшения условий займа. Нельзя допустить снижения максимальной ставки оплаты труда. Более того, я надеюсь, что рост темпов производства заставит повысить ставки многих предпринимателей, которые в настоящее время платят своим рабочим меньше установленного минимума.

Чрезвычайные обстоятельства никак не могут служить оправданием нарушения системы пенсионного обеспечения по старости или страхования от безработицы. Напротив, я бы хотел, чтобы действие этих систем распространилось на те группы населения, которые пока не охвачены.

Чрезвычайные обстоятельства не могут служить оправданием даже малейшего отступления от любой из наших социальных программ, будь то сохранение природных ресурсов, помощь сельскому хозяйству, жилищное строительство или помощь малоимущим».

Рефреном звучащая фраза «Чрезвычайные обстоятельства» придавала речи оратора категоричность его волеизъявления о недопущении ослабления завоеванных позиций в социальной сфере.

Возвращаясь в своем радиовыступлении от 26 мая 1940 года к вопросу об укреплении национальной безопасности в условиях военной напряженности в мире, Рузвельт в заключительной части речи вновь использует прием повтора, повышая силу экспрессии в воздействии на мысли и чувства своих слушателей:

«Я верю, что державам Оси не победить в войне. Моя вера основана на самой свежей и точной информации. Мы не признаем поражения. У нас есть все основания для надежды. Да, это надежда на мир, но также и на то, что нам удастся защитить цивилизацию, а в будущем обеспечить её дальнейший прогресс.

Я глубоко убежден, что американский народ полон решимости, как никогда, напрячь силы и увеличить производство всех видов оборонной продукции, чтобы дать отпор угрозе, нависшей над нашей верой в демократию.

Как президент Соединенных Штатов я призываю к общегосударственным усилиям по обеспечению обороны. Я призываю к этому во имя нашей страны, которую мы любим и чтим и которой с гордостью служим. Я обращаюсь с этим призывом к моим соотечественникам, будучи совершенно уверен, что наше общее дело увенчается успехом».

Непреклонная воля президента к организации отпора возможной агрессии стран Оси, безусловно, передавалась его яркой, впечатляющей речью миллионам американцев. Использованный здесь прием повтора выполнял свою эмоци-

онально-экспрессивную функцию, увеличивая воздействующую силу слов оратора.

В радиовыступлении 29 декабря 1940 года Рузвельт в целях усиления своего президентского волеизъявления, в сочетании с другими риторическими универсалиями, эффективно использовал прием повтора:

«Никакие пессимистические взгляды на будущее Америки не должны помешать срочному наращиванию производства в тех отраслях, от которых зависит оборона. Это необходимо».

Категоричность высказывания главнокомандующего очевидна. Сказанного, считает президент, недостаточно и далее он продолжает:

«Я хочу, чтобы было ясно: перед нашей страной сейчас стоит задача как можно скорее создать все, что требуется для производства вооружений: станки, арсеналы, заводы. Для этого у нас есть рабочие руки, профессиональный опыт, денежные средства и самое главное – воля.

Я уверен, что, если где-то для целей обороны нам потребуются станки или сырье, используемые в производстве потребительских товаров или предметов роскоши, «гражданская» промышленность должна уступить, и охотно уступит все необходимое для выполнения нашей главной и неотложной задачи.

Я призываю владельцев заводов, управляющих и рабочих, а также наших государственных служащих бросить все силы на скорейшее производство вооружений. Призывая к этому вас, я со своей стороны заверяю, что и члены нашего правительства также безраздельно посвятят себя осуществлению стоящей перед нами великой цели».

Волеизъявление руководителя страны, как видим, передано здесь предельно четко, ясно, аргументированно и твердо.

Прием повтора использован в комплексе с другими риторическими универсалиями эффективно, действенно.

Весьма показательным в смысле удачного использования приема повтора радиовыступление Рузвельта, которое имело место 27 мая 1941 года. Стремясь добиться единства действий правительств и народов Северной, Центральной и Южной Америки, Рузвельт объединяет всех представителей этих континентов в единое «Мы». В своем выступлении он повторил это слово более 50 раз.

Особенно активно слово «Мы» употреблено в заключительной части этого радиовыступления. Эта часть речи есть, в сущности, клятва, произносимая в минуты грозной опасности для страны, для всех народов Северной, Центральной и Южной Америки.

Вот что считал необходимым выполнить Рузвельт:

«Наш народ и правительство без колебаний ответят на этот вызов.

Как президент единого в своей решимости народа я торжественно заявляю:

Мы подтверждаем старую американскую доктрину свободы мореплавания!

Мы подтверждаем солидарность со всеми американскими республиками и Канадой в деле защиты независимости нашего полушария!

Мы торжественно обещали материальную поддержку другим демократиям мира и мы сдержим свое обещание!

Мы, страны Американского континента, сами будем решать, когда и где ущемляются наши интересы и возникает угроза нашей безопасности!

Мы приводим наши вооруженные силы в состояние стратегической готовности!

Мы подтверждаем свою неизменную веру в жизнеспособность нашей конституционной республики как оплота свободы, терпимости и приверженности слову Божьему!

Во исполнение этого, глубоко сознавая ответственность, которую я несу перед моими соотечественниками за будущее нашей страны, я сегодня объявил о введении на всей территории страны чрезвычайного положения и потребовал всемерного укрепления обороны с использованием всех возможностей.

О характерности для ораторской манеры Рузвельта приема повтора наглядно свидетельствует его радиовыступление от 23 февраля 1942 года, в котором он буквально десятки раз прибегал к использованию этого риторического средства.

Приведем здесь в целях наглядной иллюстрации два-три извлечения из текста названного радиовыступления.

«Мы призываем строить новые заводы и расширять действующие. Мы призываем переводить гражданское производство на военные рельсы. Чтобы все эти заводы заработали, нам требуется больше людей. Мы работаем сверхурочно. Мы начинаем осознавать, что если завтра выпустить лишний самолет, лишний танк, лишнюю пушку или лишний корабль, то через несколько месяцев эта лишняя единица боевой техники может обеспечить перелом в нашу пользу на каком-нибудь отдаленном поле сражения, от нее будет зависеть жизнь или смерть наших бойцов. Мы знаем, что если мы проиграем в этой войне, то демократия, как мы её понимаем, не возродится ещё многие десятилетия, а то и века. А проиграть войну мы можем только в том случае, если ослабим свои усилия или будем растрачивать их, воюя друг с другом».

В этом небольшом отрывке речи объединяющее слово «Мы» оратор применил шесть раз. Четыре раза повторено слово «лишний» (лишний самолет, лишний танк, лишняя пушка...), два раза – слово «призываем».

Повтор слова «Мы» выполняет две функции: логическую и эмоционально-экспрессивную. Слова «лишний», «призываем» – преимущественно выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

В целом эта часть речи несет в себе мощный заряд побудительности, призывности, реализуя волеизъявление оратора.

В заключительной части рассматриваемого радиовыступления Рузвельта есть ещё наглядное применение приема повтора с функцией повелительного, эмоционально-экспрессивного характера:

«Из Берлина, Рима и Токио шли пропагандистские материалы, где нас изображали такими слабаками, «плейбоями», которые хотят нанять британских, русских и китайских солдат воевать вместо себя.

Пусть попробуют повторить это сегодня!

Пусть скажут это генералу Макартуру и его бойцам!

Пусть скажут морякам, которые наносят врагу сокрушительные удары в далеких водах Тихого океана!

Пусть скажут парням, которые управляют нашими «летающими крепостями!»

Пусть скажут нашим морским пехотинцам!»

В заключительной части этого выступления есть и четырехкратный повтор из знаменитого изречения Рузвельта «о четырех свободах»: «...свобода слова, свобода вероисповедания, свобода от нищеты и свобода от страха».

Прием повтора придавал речи оратора определенный интонационный колорит. Речь оратора приобретала ритмический характер, который в свою очередь усиливал психологическое воздействие на слушателей.

Одним из ярчайших выступлений Рузвельта было его радиообращение к соотечественникам, с которым он выступил 28 апреля 1942 года.

Положение на всех фронтах было тяжелым. Для перелома его в лучшую сторону требовались неимоверные усилия от вооруженных сил и от всех граждан, занятых на военном производстве. Доказательно, убедительно и в высшей степени эмоционально президент и главнокомандующий побуждает американцев к самоограничению и мобилизации всех материальных и моральных ресурсов для обеспечения перелома в ходе войны и достижения победы.

Для эффективного воздействия на многомиллионную аудиторию слушателей оратор мастерски использует весь спектр политических, экономических, военных, морально-психологических аргументов и доводов.

Одна из мобильно использованных оратором риторических универсалий – прием повтора. Он использован в этом выступлении десятки раз. Он разнообразен здесь по участию лексических единиц, он разнообразен по синтаксической организации, он разнообразен по эмоционально-экспрессивным качествам.

Многократно оратор использует повтор с ключевым словом «Мы»:

«Хотя непосредственным поводом для нашего вступления в войну стало вероломное нападение на Перл-Харбор, американский народ к тому времени был уже морально готов к войне в мировом масштабе.

Мы вступили в войну во всеоружии.

Мы знаем, за что мы сражаемся.

Мы понимаем, что война приобрела тотальный характер, о чем Гитлер объявлял с самого начала».

«Свою великую борьбу мы ведем ради того, чтобы сохранить наш свободный образ жизни, и все, что мы делаем для этого, не является жертвой».

Ярко выраженный побудительный характер выполнял повтор с глаголом в повелительном наклонении – «Спросите».

«За цивилизацию приходится платить тяжелой работой, страданиями и кровью. И это не слишком высокая цена. Если вы сомневаетесь, спросите у тех миллионов людей, которые сегодня живут под игом гитлеризма.

Спросите рабочих Франции, Норвегии и Голландии, которых на работу загоняют кнутом, считают ли они стабилизацию заработной платы слишком большой жертвой.

Спросите фермеров Польши, Дании и Чехословакии, которых, лишив всего скота и урожая, заставляют голодать на собственной земле, считают ли они паритетные цены слишком большой жертвой.

Спросите предпринимателей Европы, у которых отобрали их предприятия, считают ли они ограничение прибылей и личных доходов слишком большой жертвой.

Спросите женщин и детей, которых Гитлер довел едва не до голодной смерти, считают ли они слишком большой жертвой нормированную продажу автомобильных покрышек, бензина и сахара.

Нам нет нужды спрашивать их. Их страдания уже дали нам ответ».

Глагол «спросите» в данном случае многократно включен в синтаксические конструкции, выполняющие в данной речи оратора функцию риторического вопроса, цель использования которого – воздействие на эмоциональную сферу слушателей.

Прием повтора в рассматриваемом радиовыступлении использован с целями повышения эмоционального звучания речи в тех её местах, которые, в сущности, можно считать клятвенным обещанием оратора:

«Великий труд ради победы в войне мы доведем до полного завершения. Залогом тому – негибкая воля и решимость всего народа, выступающего как одно целое.

Мы не допустим, чтобы нам помешало чье-то малодушие.

Мы не допустим, чтобы нам помешали те, кто ставит свои эгоистические интересы выше интересов нации.

Мы не допустим, чтобы нам помешали те, кто честную критику подменяет фальсификацией фактов.

Мы не допустим, чтобы нам помешали самозванные эксперты по экономическим или военным вопросам, которые не знают ни точных данных, ни даже географии.

Мы не допустим, чтобы нам помешали те лже-патриоты, которые используют священную свободу печати, чтобы вторить пропаганде Токио и Берлина.

Но прежде всего мы не допустим, чтобы нашему делу угрожала горстка крикливых изменников – предателей Америки и самого христианства, которые, мня себя будущими диктаторами, в душе уже капитулировали перед гитлеризмом и хотели бы, чтобы вся наша республика последовала их примеру».

Прием повтора использовался Рузвельтом многократно в его инаугурационных речах и во многих других речах, которые им произносились на различных митингах, встречах с массовой аудиторией.

Возьмем, к примеру, четвертую инаугурационную речь Рузвельта. Вот один из наглядных примеров:

«Мы, американцы, сегодня вместе с нашими союзниками проходим период чрезвычайного испытания... Если мы пройдем это испытание успешно и с честью – мы решим задачу исторического значения ... Я помню, как мой учи-

тель доктор Пибоди говорил – в дни, которые сейчас кажутся нам спокойными и безмятежными: «Дела в жизни не всегда идут гладко. Иногда мы возносимся до небес – а затем все меняется, и мы устремляемся вниз. Главное, что следует запомнить, это то, что развитие самой цивилизации всегда идет вверх; что линия, проведенная через пики и падения столетий, всегда будет направлена вверх...».

И сегодня в этом военном 1945 году мы, заплатив страшную цену, должны извлечь урок. Мы знаем теперь, что не можем жить отчужденно в мире, что наше собственное благополучие зависит от благосостояния других наций, расположенных далеко от нас. Мы извлекли урок, что должны жить как люди, а не как страусы и не как собаки в укрытии. Мы научились быть гражданами мира, членами человеческого сообщества. Мы научились простой истине, выраженной Эмерсоном: «Единственный способ иметь друга – быть им. Мы не получим продолжительного мира, если будем относиться к другим с подозрением и недоверием или со страхом. Мы можем преуспеть только в том случае, если будем относиться к другим с пониманием, доверием и мужеством, которое питается убеждением».

Размышления президента США вели к тому, чтобы организовать личный контакт с руководством Советского Союза. Обращает на себя внимание то, что в данном отрывке речи Рузвельт для усиления воздействия своей речи использует, наряду с приемом повтора, целую серию других средств и приемов, которые обеспечивали наибольшее психологическое и эмоциональное воздействие на американскую аудиторию. Здесь, в частности, кроме семикратного использования ключевого слова «Мы», находим две цитаты, лексический разряд («...пониманием, доверием и мужеством»), эпитеты и т.д. В целом речь оратора емкая по содержанию, предельно выразительна, экспрессивна.

Прием повтора был блестяще использован Рузвельтом в его последнем радиообращении к американскому народу 6 января 1945 года.

Наступил новый год. У народов уже было предчувствие, что он будет отмечен в истории величайшим событием. Вот как видел, предчувствовал этот год президент Соединенных Штатов:

«Новый, 1945 год, может стать годом самых великих свершений в истории человечества.

1945 год может стать свидетелем окончательного краха террористического правления нацистов и фашистов Европы.

1945 год может стать свидетелем того, как силы возмездия сомкнутся вокруг самого центра злобного японского империализма.

Но самое главное – 1945 год может стать и должен стать свидетелем того, как будет положено начало организации по поддержанию мира во всем мире, поскольку мы все знаем, как важна такая организация для обеспечения безопасности, прав человека и религиозных свобод».

Прием повтора, использованный оратором в завершающей части речи, стал эмоционально-экспрессивным её венцом.

Вопросно-ответный прием построения речи, его смысловая и эмоционально-экспрессивная функция

Многие выдающиеся мастера живого слова: политические лидеры, судебные, духовные деятели – часто строили свои речи в виде вопросов и ответов на них.

Такая синтаксическая и логическая организация речи придавала выступлению оратора разговорный характер. Между выступающим и слушателями устанавливался более тесный психологический контакт. Речь оратора становилась более целеустремленной, динамичной, более эмоциональной, более впечатляющей.

Вопросно-ответный прием построения речи, беседы был в высшей степени характерен для ораторского стиля Рузвельта. Пожалуй, не найдется ни одной речи, ни одной беседы, в которой бы не был использован этот прием синтаксической, логической организации речи.

Рассмотрим некоторые характерные примеры

В радиобеседе от 12 марта 1933 года этот прием использован оратором неоднократно. Так, в тексте беседы встречаем:

«Что же произошло в последние дни, в конце февраля – начале марта?» – обращается оратор к многомиллионной аудитории радиослушателей.

За поставленным вопросом, побудившим всю аудиторию задуматься над сказанным президентом, следует его разъясняющий ответ:

«Из-за того, что доверие населения к банкам было подорвано, массы людей кинулись обращать банковские вклады в наличное и золото. Наплыв желающих оказался настолько большим, что даже самые платежеспособные банки не находили достаточно наличных денег, чтобы удовлетворить спрос».

По мере изложения своих мыслей оратор, обращаясь к аудитории в этой беседе, ставит перед слушателями новые вопросы по обсуждаемой проблеме.

«Вы можете спросить? почему не открыть все банки одновременно?

Ответ прост, и я уверен, что вы с ним согласитесь. Ваше правительство не желает повторения истории последних нескольких лет. Мы не хотим и не допустим новой эпидемии разорения банков».

Чтобы успокоить соотечественников, побудить их к тому, чтобы они не допустили эпидемии разорения банков, оратор продолжал:

«Соответственно, завтра, в понедельник, мы начнем с того, что откроем банки в двенадцати городах, где имеются банки федеральной резервной системы. Открыты будут те банки, с которыми, по первому заключению Казначейства, все в порядке. Вслед за этим, во вторник, возобновят все операции банки, уже признанные платежеспособными, в городах, где имеются правомочные расчетные палаты. Таких городов в Соединенных Штатах примерно 250. Словом, мы продвигаемся так быстро, как только позволяет ситуация».

Спокойный, уверенный тон ответа оратора сыграл огромную роль в умиротворении общественного мнения, удержал миллионы вкладчиков от неразумных действий.

Встречаемся с использованием Рузвельтом вопросно-ответного приема построения речи в его радиобеседе от 22 октября 1933 года. Президент ведет речь о механизме экономической политики «Нового курса».

«Каким образом мы строим здание возрождающейся экономики - этот дом, который, когда мы его завершим, больше не будет домом менял и нищих, а станет служить социальной справедливости и росту благосостояния Америки – прибежища здоровой экономической жизни».

Поставив этот кардинально важный вопрос, президент дает на него ответ в яркой образной форме:

«Камень за камнем мы возводим колонны, которые будут поддерживать этот дом. Число таких колонн велико, и может статься, что быстрый рост одной из них на время замедлит возведение другой, но вся работа в целом должна продвигаться без помех и промедлений», сопровождал ответ четко выраженным волеизъявлением, адресованным слушателям: «продвигаться без помех и промедлений».

Построение выступления в форме вопросов и ответов использовалось Рузвельтом часто в военные годы. Так, обращаясь к соотечественникам по радио 26 мая 1940 года по вопросам активизации работы по укреплению национальной безопасности Соединенных Штатов президент часть этого выступления построил в виде поставленного от слушателей вопроса и ответа на него со стороны президента и главнокомандующего:

«В последние две-три недели, – говорит Рузвельт, – американскую общественность кормили разного рода рассказами о плачевном состоянии нашей обороны. Выдвигались обвинения, что средства, затраченные у нас в последние несколько лет на армию и военно-морские силы, были пущены на ветер».

И далее оратором фактически инициируется вопрос, но не в вопросительной форме, однако, произнесенная оратором фраза предполагает вслед за ней – ответ, которого ожидают миллионы американцев:

«Я полагаю, – говорит президент, – вы имеете право узнать от меня подлинные факты».

Затем идет информация о том, куда же на самом деле пошли деньги.

«Да, мы тратили большие суммы на национальную оборону. Эти средства были использованы на то, чтобы превратить армию и ВМС Соединенных Штатов в самую крупную и самую лучшую по оснащению и подготовке военную машину за всю нашу историю мирного времени.

Я упомяну только немного из того, что было сделано за последние несколько лет.

Я не имею возможности и не собираюсь входить во все подробности. Известно, однако, что к 1933 году, когда к управлению пришла нынешняя администрация, военный флот Соединенных Штатов по составу кораблей и общей боеспособности значительно уступал флотам других стран.

Наши ВМС сдали позиции во многом из-за того, что не была вовремя проведена замена устаревших кораблей и оборудования. Однако в период с 1933 по 1940 годы, то есть за семь финансовых лет, ваше правительство израсходовало на ВМС на 1 миллиард 487 миллионов долларов больше, чем за такой

же промежуток времени до 1933 года. Подчеркну, что здесь не учитываются наши оборонные ассигнования, речь идет только о том, что уже израсходовано».

Затем оратор ставит новый вопрос и дает на него ответ:

«Что мы получили за эти деньги?

Численность личного состава ВМС возросла за этот период с 79 тысяч до 145 тысяч человек. Заложено или укомплектовано 215 боевых кораблей, что почти в семь раз больше, чем в предшествующие семь лет. В числе этих 215 кораблей – 12 крейсеров, 63 эсминца, 26 подводных лодок, 3 авианосца, 2 канонерские лодки, 7 крупных и много мелких вспомогательных судов. Кроме того, в настоящий момент ведется строительство 8 новых линкоров, финансирование проводится по ходу работ...».

Далее оратор дает подробный ответ по военно-воздушным силам, по армии США.

По ходу выступления оратор вновь задает вопрос, за которым следует исчерпывающий ответ главнокомандующего.

«Что мы получили за эти деньги?

Как я уже сказал, численный состав армии почти удвоился. Кроме того, к концу этого года все до единого подразделения существующей на сегодня регулярной армии будут оснащены вооружением в полном соответствии с современными требованиями. Такое же вооружение получит и большинство подразделений национальной гвардии...».

Сила воздействия речи президента заключалась, конечно, не в том, как она оформлена с точки зрения синтаксической организации (вопрос – ответ, вопрос – ответ). Это, конечно, повышало живость, динамичность речи, вопросительная форма побуждала слушателей к активной мыслительной деятельности и т.д. Главным образом на слушателей, конечно же, воздействовала основательность, аргументированность, убедительность речи главнокомандующего.

К вопросно-ответному приему построения речи Рузвельт неоднократно прибегал в выступлении по радио, которое имело место 27 мая 1941 года. Обращение президента к народу США фактически имело целью объявление чрезвычайного положения. Цель Америки, по мнению президента, состояла в том, чтобы не допустить выход немецко-фашистских войск к западному полушарию.

Президент говорит о том, что успехи нацистов привели бы к резкому ухудшению экономического положения США:

«...Что произошло бы с доходами фермеров? Куда бы они девали все излишки сельскохозяйственного производства без международной торговли?

Американские фермеры получали бы за свою продукцию ровно столько, сколько определил бы им Гитлер. В результате в аграрном секторе неизбежно произошла бы экономическая катастрофа с последующей регламентацией хозяйственной деятельности».

Далее оратор констатирует, что в случае победы нацистов «Под угрозой оказалось бы даже наше право на вероисповедание. Нацисты не признают никакого бога, кроме Гитлера; истинного Бога они отрицают так же неистово, как

коммунисты. Какое место может быть отведено религии, проповедующей человеческое достоинство, величие человеческой души, в мире, где нормы устанавливают предатели, взяточники и личности из «пятой колонны»? Не уйдут ли наши дети от нас маршевым шагом в поисках новых богов?»

С публицистической страстностью оратор далее говорит:

«Мы не принимаем нацистского «грядущего образа жизни» и не допустим его у себя. Его никогда не удастся нам навязать, если в условиях нынешнего кризиса мы будем действовать с той же мудростью и с тем же мужеством, которые наша страна проявляла во всех предыдущих кризисах».

В ответе Рузвельта на поставленный вопрос с особой силой передано его волеизъявление. Оно твердо, решительно, мобилизующе для миллионов его соотечественников.

1942 год, 7 сентября. Рузвельт обращается по радио к народам МПА с разъяснением положения на фронтах и в тылу. Он призывает напрячь усилия на фронтах и в тылу для обеспечения победы над врагом. Свое выступление он завершает словами:

«На нас, американцах, сегодня лежит самая серьезная ответственность, которую с нами разделяют все Объединенные Нации.

Мы все здесь, у себя дома, проходит проверку на прочность; мы должны доказать свою стойкость, беззаветную преданность Америке, нашему общему делу.

Это самая тяжелая война всех времен. Нам нет нужды оставлять для будущих историков вопрос о том, на что способен американский народ: может ли он выстоять в подобном испытании?

Мы готовы уже сейчас ответить на этот вопрос: Да, может».

Ответ «Да, может» дается оратором как бы от всего американского народа.

Вопросно-ответный прием синтаксической организации речи встречаем в радиообращении Рузвельта, с которым он выступил перед американским народом 12 октября 1942 года. Содержание беседы президента было направлено на мобилизацию усилий народа в области экономики и трудовых ресурсов.

В сентябре 1942 года Рузвельт совершил поездку по США. Он посетил города, где было сосредоточено военное производство. У президента сложилось впечатление, что на производственном фронте Америка побеждает своих врагов.

Вот как в своем выступлении он мотивировал свою поездку по стране:

«Какова бы ни были обстоятельства и возможности каждого из нас, мы все участвуем в общем деле душой и телом, и наш моральный дух на высоте. Нас, американцев, и наших союзников ждет победа, и пусть только попробует кто-нибудь в этом усомниться.

Это и есть то главное, что я вынес из своей поездки по стране, я убедился в несокрушимости духа нашего народа».

«Миллионы американцев сейчас проходят подготовку в армейских лагерях и на военно-морских базах, трудятся на заводах и верфях. Кто они, эти миллионы людей, от которых зависит жизнь нашей страны? Что они думают?

Какие сомнения их преодолевают? На что они надеются? И как продвигается работа?

Главнокомандующий не может получить ответы на все эти вопросы, сидя здесь в Вашингтоне. Вот почему я совершил эту поездку».

Обозначив перечисленные вопросы, оратор в дальнейшем изложении содержания беседы озвучивает и ответы на эти вопросы.

В заключение отметим, что вопросно-ответный прием синтаксической организации речи Рузвельт был особенно характерен для содержания радиобесед, с которыми президент обращался к соотечественникам многократно.

Риторический вопрос

В ораторской практике с античных времен используется так называемый риторический вопрос. Принято считать, что мысль, выраженная в форме риторического вопроса настолько прозрачна, что адресованная аудитории, она не требует ни от слушателей, ни от оратора каких-либо дополнительных пояснений.

Возможный ответ как бы уже содержится в том высказывании, которое последовало из уст оратора. Уместно, однако, заметить, что вопросительная форма высказанной оратором мысли вольно или невольно побуждает аудиторию к более активному мышлению. К поставленному вопросу обычно добавляется определенная и синтаксическая организация речи и соответствующая интонационная оформленность, которые несут в себе очевидные признаки эмоционального волеизъявления оратора.

Каждый слушающий оратора мысленно формулирует свой возможный ответ и сверяет его с тем эмоционально поданным «утверждением» оратора.

В ораторской практике Рузвельта риторические вопросы использовались во многих его выступлениях наряду с обычными, логическими вопросами.

Встречается немало примеров, когда Рузвельт использовал в речи не один, два риторических вопроса, а целую серию. Отчего эмоциональный накал речи возрастал.

Начинались риторические вопросы нередко с таких вводных слов, как «можно ли?», «разве ...?» и других.

Характерно использование риторических вопросов в радиовыступлении президента, с которым он обратился к гражданам Америки 28 июня 1934 года. Рузвельт посвятил эту беседу разъяснению целей и задач «Нового курса».

Обращаясь к радиослушателям, президент говорил:

«...Нагляднее всего каждый из вас может судить о ходе восстановления экономики, если спросит себя, как изменилось его собственное положение.

Разве не улучшилось ваше материальное состояние, по сравнению с прошлым годом?

Разве не уменьшился груз долговых обязательств?

Разве не надежнее теперь защищен ваш банковский счет?

Разве не улучшились условия труда?

Разве не окрепла ваша вера в собственное будущее?».

Каждый вопрос, поставленный оратором в яркой эмоциональной форме побуждая слушателя мысленно давать свой ответ на вопрос оратора. Не давал вслух ответа и оратор. Из высказанной мысли и так было очевидно, что материальное положение населения улучшилось, груз долговых обязательств уменьшился, защищенность банковского счета возросла, улучшились условия труда, повысилась вера в завтрашний день.

Риторический вопрос, прием повтора, экспрессия вопросительной интонации и т.д., несомненно повышали выразительность речи оратора, увеличивали её воздействие на разум, чувства, волю слушателей.

Здесь же в этом выступлении оратор продолжал:

«Позвольте мне также задать вам ещё один простой вопрос: разве за эти достижения вам лично пришлось заплатить такую уж большую цену?»

Твердолобые консерваторы, а такие те, кто теоретическими рассуждениями прикрывает собственные корыстные интересы, будут говорить вам об утрате личных свобод. Но на это я вам также предлагаю ответить, исходя из фактов собственной жизни.

Можете ли вы сказать, что лишились своих конституционных прав и свобод, возможности действовать и выбивать?

Возьмите Билль о правах, на котором зиждутся ваши свободы и который я торжественно поклялся соблюдать. Прочтите любое положение Билля и скажите – отнял ли кто-нибудь лично у вас хоть крупицу этих великих гарантий?

Я несколько не сомневаюсь в том, каким будет ваш ответ. Он вытекает из опыта вашей собственной жизни».

Серия новых риторических вопросов, в сочетании с формулами долженствования, побуждения к определенным действиям сделали речь президента с яркой экспрессией, мощным волеизъявлением, побуждением аудитории к безусловной поддержке Нового курса.

Блистательный пример эффективного применения риторических вопросов мы встречаем в радиовыступлении Рузвельта, которое состоялось 30 сентября 1934 года и которое было посвящено обсуждению проблем, связанных с государственным регулированием экономики страны и отношениями между трудом и капиталом.

«У нас есть критики, – говорит президент, – к счастью, их немного, которых пугает всякий смелый шаг, страшит необходимостью принимать решения. Они высказывают недовольство тем, что мы сделали: говорят, что такие меры рискованны и принимать их не было необходимости. Они похожи на людей, которые переждали ураган в погребе, а выйдя оттуда, напрочь о нем забыли. Эти люди приводят нам в пример Англию. Они хотят, чтобы мы поверили, будто Англия добилась успехов в борьбе с депрессией, не прилагая никаких усилий, просто положившись на естественный ход вещей.

У Англии есть свои особенности, как и у нас – свои, но я сомневаюсь, чтобы хоть один осведомленный наблюдатель мог упрекнуть Англию в очень уж большом консерватизме перед лицом нынешней чрезвычайной ситуации».

И обращаясь далее к аудитории, оратор использует серию риторических вопросов, в формулировке которых уже фактически содержится ответ, тем не

менее Рузвельт в целях усиления эмоционального воздействия своей речи дает однословный категорический ответ. Вот как это звучало:

«Разве Англия полагалась только на естественное течение событий? Нет. Разве Англия держалась за золотой стандарт, когда её резервы оказались под угрозой? Нет. Разве сегодняшняя Англия вернулась к золотому стандарту? Нет.

Англия без колебаний отозвала 5-процентные облигации военного займа на сумму 10 миллиардов долларов, чтобы затем выпустить новые облигации с доходностью уже только три с половиной процента, что сэкономило британской казне 150 миллионов долларов в год одних процентов.

И позвольте отметить, друзья мои, что британские банкиры помогали своему правительству».

И далее Рузвельт бросал в эфир всё новые и новые вопросы эмоционально-экспрессивного характера:

«Разве не факт, что всё время, начиная с 1909 года, Великобритания по многим направлениям социального обеспечения продвигалась быстрее Соединенных Штатов?

Разве не факт, что отношения между трудом и капиталом на основе коллективных договоров в Великобритании получили гораздо большее развитие, чем в Соединенных Штатах?

И стоит ли удивляться, что консервативная пресса Англии с протестной иронией называла наш «Новый курс» просто попыткой угнаться за английскими реформами, которые идут уже не меньше десяти лет».

Комплексное использование оратором риторических вопросов с другими средствами и приемами образно выразительного характера способствовало увеличению впечатляющей силы его живого слова.

С использованием риторических вопросов можно встретиться в тексте радиобеседы Рузвельта, которая была им проведена впервые после избрания на третий срок. Президент вел речь о военной угрозе США и помощи странам – жертвам агрессии.

«Разве может кто-нибудь всерьез полагать, что у нас есть основания опасаться агрессии где-нибудь в Северной или Южной Америке, пока нашим самым могущественным морским соседом в Атлантике остается свободная Британия?

С другой стороны, можно ли всерьез рассчитывать, что мы могли бы оставаться столь же спокойными, если бы вместо этого нашими соседями были державы Оси?»

Далее, анализируя обстановку в мире, Рузвельт выражает уверенность в том, что «державам Оси не победить в войне». Призвав соотечественников крепить безопасность США, президент выразил уверенность в том, что «наше общее дело увенчается полным успехом».

В заключение можно ещё раз подчеркнуть, что риторический вопрос являлся в его выступлениях активным средством повышения выразительности речи, её воздействующей силы на эмоции слушателей.

Комплексное использование риторических универсалий

Не было речей, бесед у Рузвельта, в которых он употребил бы только один какой-нибудь прием, одно изобразительно-выразительное средство. В его речах, радиобеседах средства, повышающие эмоционально-экспрессивные возможности выступления, использовались комплексно. В одном выступлении можно встретить и риторические фигуры, и тропы, различные средства лексико-фразеологического и синтаксического арсенала. При этом отдельные средства и приемы использовались в одной речи, многократно. Каждое изобразительное средство оказывалось на своем месте, дополняя, увеличивая воздействующую силу ораторской речи.

Приведем здесь для примера отдельные фрагменты речи Рузвельта, произнесенной 6 января 1941 года в Конгрессе. Это речь «О четырех свободах, взлелеянных демократиями всего мира, – свободе слова, свободе вероисповедания, свободе от нужды и свободе от страха».

Для более наглядного восприятия покажем фрагменты речи небольшими частями, привлекая внимание к тем риторическим универсалиям, которые были использованы оратором в каждой из приведенных частей.

«Господин спикер,
Члены 77-го Конгресса!

Я обращаюсь к Вам, члены нового Конгресса, в момент, беспрецедентный в истории нашего Союза.

Я пользуюсь словом «беспрецедентный», потому что никогда прежде американской безопасности не угрожали извне столь серьезно, как сегодня».

Комментарий: Здесь присутствует повтор местоимения «Я». Есть повтор эпитета «беспрецедентный». Оратор обращается к истории, сопоставляя и противопоставляя реалии дня сегодняшнего и дня минувшего. Стиль высокий.

«Я хочу довести до вашего сознания историческую правду, заключающуюся в том, что Соединенные Штаты как государство во все времена выступали – четко и определенно – против любой попытки запереть нас за древней Китайской стеной в то время как процесс цивилизации шел минуя нас. Сегодня, думая о наших детях и об их детях, мы выступаем против изоляции, навязываемой нам в любой другой части американского континента».

Комментарий: Обращение к истории. Эпитеты. Крылатое выражение. Антитеза. Высокий стиль.

«Как государство мы можем гордиться тем фактом, что мы добродушны, но мы не можем себе позволить быть дураками. Мы всегда должны опасаться тех, кто дует в трубы и бьет в литавры, проповедуя теорию умиротворения. Мы должны особенно опасаться той небольшой группы эгоистично настроенных людей, которые готовы обрезать крылья американскому орлу, чтобы выложить его пухом свои собственные гнезда.

Комментарий: Пятикратный повтор объединяющего местоимения «Мы». Антитеза («добродушны», но не «дураки»). Крылатое выражение. Эпитеты. Метафорическое выражение (об «орле» и «гнезде»).

«За долгие шестнадцать месяцев эти нападения разрушили модель демократической жизни в огромном количестве независимых государств, больших и малых. И нападающая сторона по-прежнему на марше, угрожая другим государствам, большим и малым».

Комментарий: Использована метафора, эпитеты. Антитезы.

«Первая фаза вторжения в наше полушарие не будет представлять собой высадку регулярных войск. Важные стратегические объекты будут оккупированы секретными агентами и их пособниками, большое число которых уже находится здесь и в Латинской Америке. Поскольку государства-агрессоры продолжают наступать, именно они выберут время, место и форму своего нападения. Именно поэтому будущее всех американских республик находится сегодня в огромной опасности. Именно поэтому это ежегодное послание конгрессу уникально в нашей истории. Именно поэтому перед каждым членом исполнительной ветви государства и каждым членом конгресса стоит огромная ответственная задача – соблюдение подотчетности».

Комментарий: Повтор («именно» – четыре раза). Эмоционально-экспрессивные приложения («агрессоры»). Ряд логических и эмоциональных определений. Волеизъявление оратора.

«Мы отстаем в выполнении программы выпуска самолетов. Мы работаем день и ночь, чтобы решить неисчислимые проблемы и войти в график. Мы обгоняем график строительства боевых кораблей, но мы работаем над тем, чтобы и впредь обгонять график».

Комментарий: Повтор. Эпитеты. Антитеза. Градация.

«Наша национальная политика заключается в следующем.

Первое. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство обеспечить всеобъемлющую национальную оборону.

Второе. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство поддерживать повсюду всех решительных людей, которые противостоят агрессии и таким образом не позволяют войне перекинуться на наш континент. Этой поддержкой мы выражаем нашу уверенность в том, что дело демократии победит, и крепим оборону и безопасность нашего собственного государства.

Третье. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство в отношении того, что принципы высокой морали и соображения нашей собственной безопасности никогда не позволят нам согласиться с условиями мира, продиктованными агрессорами и поддерживаемые теми, кто пытается проводить

политику умиротворения. Мы знаем, что прочный мир не может быть достигнут за счет свободы других народов».

Комментарий: Логическое структурирование содержания речи. Трехкратное повторение ключевой фразы. Эпитеты. Обличительная политическая лексика. Афористическое выражение (о мире).

«Давайте скажем этим демократическим странам: «Мы, американцы, жизненно заинтересованы в защите вашей свободы. Мы предлагаем вам нашу энергию, наши ресурсы и нашу организационную мощь для придания вам силы в восстановлении и сохранении свободного мира. Мы будем направлять вам во все возрастающем количестве корабли, самолеты, танки, пушки. В этом заключается наша цель и наши обязательства».

Комментарий: Волеизъявление, побуждение. Прямая речь. Лексический ряд.

«Подобно тому как не хлебом единым жив человек, сражается он не только оружием. Те, кто стоит на линии обороны, и те, кто стоит за ними и строит нашу оборону, должны обладать выдержкой и мужеством, источником чего является непоколебимая вера в тот образ жизни, который они защищают. Великое дело, к которому мы призываем, не может основываться на игнорировании всех тех вещей, за которые стоит бороться».

Комментарий: Сравнение. Эпитеты. Поговорка. Метафора. Волеизъявление. Высокий стиль.

«Основное, что наш народ ожидает от своей политической и экономической системы, не представляется сложным.

Это:

- равенство возможностей для молодежи и других слоев населения;
- работа для тех, кто может работать;
- безопасность для тех, кто нуждается в ней;
- ликвидация особых привилегий для избранных;
- сохранение гражданских свобод для всех;
- получение результатов научного прогресса в условиях более высокого и постоянно растущего уровня жизни.

Таковы основные вещи, которые в суматохе и невероятной сложности нашего современного мира никогда не следует упускать из виду. Эффективность нашей экономической и политической системы зависит от того, в какой степени она отвечает этим ожиданиям».

Комментарий: Структурирование речи. Лексический ряд. Эпитеты. Категория долженствования.

«Многие проблемы, связанные с нашей социальной экономикой, требуют немедленного решения. К примеру:

Мы должны охватить большее число граждан пенсиями по возрасту и страхованием по безработице;

Мы должны поднять медицинское обслуживание на надлежащий уровень;

Мы должны создать более совершенную систему, с помощью которой лица, нуждающиеся в получении выгодной работы и заслуживающие её, смогут её получить.

Я призвал к личным выводам, и я убежден в готовности почти всех американцев откликнуться на этот призыв. Частью этой жертвы является выплата более крупных сумм денег в виде налогов. В своем бюджетном послании я буду рекомендовать, чтобы более значительная, чем сегодня, часть нашей огромной оборонной программы оплачивалась из налоговых поступлений.

Никто не должен пытаться и никому не будет разрешено наживаться на этой программе, и в выработке нашего законодательства мы всегда должны руководствоваться принципом уплаты налогов в соответствии с возможностью их платить.

Если конгресс поддержит эти принципы, избиратели ставящие патриотизм выше интересов своего кошелька, наградят вас аплодисментами».

Комментарий: Структурирование. Волеизъявление. Фразеологизм. Повторы. Формулы долженствования.

«В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, мы надеемся сделать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах.

Первая – это свобода слова и высказываний – повсюду в мире.

Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избивает – повсюду в мире.

Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире.

Четвертая – это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире.

Это не мечта на далекое тысячелетие. Это основа того мира, которого можно достичь в наше время в течение жизни нашего поколения. Это мир, являющийся противоположностью тирании так называемого нового порядка, который стремятся ввести диктаторы бомбовым ударом».

Комментарий: Структурирование. Повторы. Волеизъявление. Антитезы. Обличительная лексика.

В заключительной части речи Рузвельт провозглашает, что Соединенные Штаты Америки стремятся противопоставить «новому порядку» диктаторов иной порядок:

«Этому новому порядку, – говорит оратор, – мы противопоставляем более величественную концепцию морального порядка. Добропорядочное общество в

состоянии смотреть без страха на попытки завоевать мировое господство или совершить революцию.

С самого начала нашей американской истории мы развиваемся в ходе постоянно совершаемой мирной революции, такой, которая, приспосабливаясь к меняющимся условиям, осуществляется равномерно, тихо, без концентрационных лагерей или негашеной извести, залитой в ров. Мировой порядок, к которому мы стремимся, предусматривает взаимное сотрудничество свободных государств, трудящихся в дружелюбном, цивилизованном обществе. Наша страна вручила свою судьбу рукам, умам и сердцам миллионов свободных мужчин и женщин и своей вере в свободу под покровительство Бога. Свобода означает господство прав человека повсюду. Наша поддержка предназначена тем, кто борется за завоевание этих прав и их сохранение.

Наша сила заключается в единстве наших целей. Осуществление этой великой концепции может продолжаться бесконечно, вплоть до достижения победы».

Комментарий: Эта заключительная часть насыщена эпитетами, антитезами, библеизмами, обличительной лексикой и др.

Не проводя строгого квантативного анализа текста этой речи, можно отметить, что оратором в одном выступлении многократно использованы все виды средств и приемов логики, психориторики в целях увеличения убеждающей силы своей речи.

Элементы «чужой речи» и диалога

В публичных выступлениях Рузвельта нередко встречаются вкрапления так называемой «чужой речи». У него «говорят» рабочие заводов, шахтеры, фермеры, банкиры, советники, журналисты, военачальники, оппоненты и др.

«Чужие» высказывания оформлялись оратором либо в виде прямой речи, либо в форме речи косвенной.

Такой вид синтаксической организации выступления способствовал приданию его высказываниям динамичности, эмоциональности.

Вместе с тем в теории красноречия с давних времен отмечалось, что подобная форма изложения того или иного материала может создавать у слушателей иллюзию большей достоверности тому, что сообщает оратор. К такому приему изложения прибегали особенно часто судебные ораторы. Чужое высказывание ими подавалось как бы из первоисточника, либо от лица свидетеля, либо от лица пострадавшего или обвиняемого и т.д. Степень же фактической достоверности в таких случаях никем не подвергалась проверке.

«Чужие высказывания», которые включались Рузвельтом в текст его выступлений имели под собой реальную основу. Так же они воспринимались слушателями.

Рассмотрим некоторые примеры.

Радиовыступление 29 декабря 1940 года. Президент посвятил его обсуждению военной угрозе, которая в то время нависла над Соединенными Штатами.

«Некоторые люди говорят, что у держав Оси никогда не возникнет намерения нападать на западное полушарие». За этой фразой в тексте выступления следуют слова оратора, опровергающие то, что «говорят» «некоторые люди».

«Именно эта опасная склонность выдавать желаемое за действительное подорвала способность к сопротивлению у многих ныне покоренных народов. Нацисты неоднократно открыто заявляли, что все остальные нации стоят ниже их и потому должны им подчиняться. Но, что важнее всего, огромные ресурсы и богатства американского полушария представляют для агрессоров самую соблазнительную добычу».

В радиобеседе от 29 декабря 1940 года есть ещё примеры использования «чужой речи». Оратор в острой полемической форме осуждает злостных «говорунов» или говорунов «по недомыслию»:

«И соседи американских граждан, причем, занимающих высокое положение, есть такие, кто – в большинстве случаев, по недомыслию играет на руку вражеским агентам. Я не обвиняю этих американских граждан в том, что они сами являются иностранными агентами. И тем не менее, на них лежит вина: объективно они выполняют именно ту работу, которую диктаторы хотели бы провести в Соединенных Штатах.

Эти люди не только считают, что мы можем спасти свою шкуру, если закроем глаза на судьбу других стран. Некоторые из них идут гораздо дальше. Они говорят, что мы можем и должны стать друзьями и партнерами держав Оси. Кое-кто даже предлагает нам воспроизвести у себя диктаторские порядки. Однако американцы на это неспособны и никогда этого не сделают».

Прием «чужой речи», использованный Рузвельтом в сочетании с другими средствами языковой выразительности («вражеские агенты», «иностранные агенты», «спасти свою шкуру», «диктаторские порядки» и др.) придавал речи оратора яркий, обличительный характер, экспрессия негативной оценки «говорунов по недомыслию» и других была очевидной для многомиллионной аудитории его слушателей.

Прием «чужой речи» был использован Рузвельтом в его радиовыступлении 27 мая 1941 года. В этой радиобеседе оратор обращается к нему неоднократно. Это радиообращение являлось фактически объявлением чрезвычайного положения. Отсюда его острая публицистичность, полемичность, резкость.

«Суровая действительность войны вынуждает страны ради самосохранения сделать трудный выбор. Например, не имеет смысла утверждать: «Я выступаю за оборону всего западного полушария», и вместе с этим говорить: «Я не буду сражаться пока враг не высадится на наших берегах». Если мы выступаем за независимость и целостность всех стран Американского континента, мы должны быть готовы с оружием в руках оборонять их так же, как мы стали бы защищать наши собственные дома».

Мысли оратора, переданные слушателям с использованием приема «чужой речи» сформулированы четко, рельефно, выразительно.

В радиобеседе от 27 мая 1941 года есть другие примеры использования приема «чужой речи».

«Есть среди нас люди, – говорит оратор, – с трусливыми душами. Они говорят, что нам нужно держаться за мир любой ценой, иначе мы навсегда потеряем наши свободы. Им я отвечаю: ещё ни одна страна в истории человечества не лишалась своих демократических свобод из-за того, что вела борьбу в защиту своей демократии. Мы не должны допустить, чтобы над нами взял верх страх перед угрозой, которой мы готовимся противостоять. Наша история свидетельствует, что мы можем отстоять свою свободу в войне, однако свобода не переживет капитуляции».

Оратор своим критическим ответом «трусливым душам» превратил эту часть своего выступления в острый диалог двух противоположных сторон.

«Чужая речь» Рузвельтом часто передавалась не в виде «прямой речи», а в виде «речи косвенной». Впрочем, общий тон, стиль его высказываний не терял от этого выразительности, живости, остроты.

Показательный пример из радиобеседы, которую Рузвельт проводил 12 октября 1942 года.

«Среди наших граждан, – говорит оратор, – есть немногочисленная категория таких, кто с началом крушения держав Оси снова начнет говорить, что мы уже обеспечили свою безопасность; что теперь нужно оставить весь остальной мир «вариться в собственном соку»; что мы больше никогда не будем «таскать каштаны из огня» за других; что мировая цивилизация может сама, без нашей помощи позаботиться о себе.

Мы возразим таким людям, что бесполезно побеждать в сражениях, если дело, ради которых они велись, потом оказывается проигранным. Победа в войне только тогда имеет смысл, если она долговечна».

Использование оратором приема «чужой речи» с одновременным применением такой стилистической фигуры как антитеза, ряда образных афористических фразеологизмов, делало его речь яркой, динамичной, острой, впечатляющей.

Применение приема «чужой речи» нередко превращало выступление Рузвельта в своеобразный диалог. Оратор в нем является как бы третьей стороной. Вот любопытный пример из его радиобеседы от 28 июля 1943 года.

Президент в этой радиовстрече разъясняет замыслы наступательной стратегии Объединенных Наций. Одновременно ставит задачи, которые необходимо неотложно решать:

«В следующий раз, когда кто-нибудь скажет вам, что с войной «дело в шляпе» и осталось только прокричать «ура», спросите этого человека:

«Если ты рабочий – работаешь ли ты с полной отдачей на своем месте?»

«Если ты фермер – всё ли делаешь, чтобы дать стране как можно больше продовольствия?»

«Сколько облигаций военного займа ты купил? Действительно ли ты не в состоянии купить больше?»

«Можешь ли ты сказать про себя, что с энтузиазмом и гражданской ответственностью сотрудничаешь с правительством в борьбе с инфляцией и спе-

куляцией? Ты делаешь что-нибудь для того, чтобы торговля по карточкам была справедливой для всех?»

И если на эти вопросы вы получите отрицательные ответы, скажите: «Вот поэтому война продлится гораздо дольше, чем ты думаешь».

Прием «чужой речи», оформленный в диалог «гражданина США с другим гражданином, выраженный в форме вопросительных, побудительных предложений, по сути дела являлся средством реализации волеизъявления президента, главнокомандующего, патриота своей страны.

С использованием приема «чужой речи» мы встречаемся в содержании радиобеседы, проведенной Рузвельтом 2 января 1944 года.

Здесь у оратора «выступает» рабочий военного предприятия. «Я знаю, – говорит оратор, – что любой штатский человек, работающий на военном производстве, будет рад много лет спустя сказать своим внукам: «Да, я тоже нес службу в той великой войне. Моя служба проходила на авиационном заводе, с моим участием были построены сотни боевых самолетов. Правительство сказало мне, что, работая на заводе, я лучше всего исполню свой долг перед страной».

И в данном случае прием «чужой речи» использован оратором в целях психологического воздействия на миллионы рабочих, производящих военную продукцию, в которой остро нуждались сражающиеся американцы и их союзники.

Функция цитат

Цитирование, как известно, характерно для научных трудов, полемических трактатов. Однако во многих случаях цитирование оказывалось необходимым и в устных публичных выступлениях. Издавна считается, что цитаты в документах, в научных трудах и в публичных выступлениях могут играть роль «свидетельских показаний».

Использование приема цитирования Рузвельтом обуславливалось его стремлением придать тем или иным своим положениям более значительный вес, подтвердить свою мысль суждениями другого авторитетного лица – крупного специалиста в области науки, видного государственного деятеля.

Более всего характерным для Рузвельта является цитирование собственных документов, посланий, с которыми он обращался в Конгресс. Кажется не раз ситуация складывалась таким образом, что те или иные инициативы президента формировали общественное мнение в их пользу ещё до принятия Конгрессом соответствующего решения. Инициативы Рузвельта, поддержанные общественным мнением, прессой не могли быть игнорированными Конгрессом.

Цитирование документов, направленных в Конгресс бывало буквальным, дословным, а в ряде случаев осуществлялось в виде свободного пересказа основных положений такого документа.

В радиообращении от 14 апреля 1938 года Рузвельт в виду особой важности его послания в Конгресс, цитирует это послание около двух десятков раз,

добиваясь того, чтобы поднятая в радиобеседе проблема была основательно осмыслена всем населением Соединенных Штатов.

«...Я полагаю, что первый долг правительства – защитить экономическое благополучие всех людей, во всех социальных слоях и группах.

В своем послании Конгрессу, в связи с открытием его последней сессии, я говорил, что если к весне частный бизнес не обеспечит рабочие места, правительство возьмет дело в свои руки – оно не бросит людей на произвол судьбы. Мы все хорошо усвоили урок: если правительство будет ждать слишком долго, в конце концов, оно может утратить способность действовать. Мы не имеем права себе этого позволить.

Далее президент особо подчеркивает:

«Своему последнему посланию сессии Конгресса я придаю большую важность, поэтому сегодня хочу зачитать вам некоторые выдержки из него и поговорить о поставленных в нем вопросах.

В послании я следующим образом сформулировал причины краха 1929 года: «перепроизводство практически всех предметов потребления и средств производства, лихорадочная спекуляция на всем... Миллионы людей получили работу, однако их руки производили больше продукции, чем их кошельки могли заплатить... Под действием неумолимого закона спроса и предложения предложение настолько превысило спрос, что производство вынуждено было остановиться. В результате заводы и фабрики закрылись, началась безработица. Отсюда – трагическое положение 1929-1933 годов».

В выступлении президент продолжал:

«...Волна увольнений рабочих в связи с сокращением производства началась прошлой осенью и с тех пор нарастала с такой скоростью, что правительство, банкиры, предприниматели, рабочие и те, кого постигла нужда, – все теперь сознают необходимость действий».

Это я говорил в своем послании Конгрессу и сегодня повторяю для вас, граждан нашей страны.

Я также отмечал, что все силы правительства и бизнеса должны быть направлены на то, чтобы увеличить национальный доход, обеспечить большее число людей работой в частном секторе экономики, дать нашим гражданам, независимо от социального положения, уверенность в завтрашнем дне».

И далее поясняя свое послание в Конгресс, Рузвельт отмечал: «Без сомнения, кое-кто будет говорить, что увеличение национального дохода в последние пять лет произошло не в результате программы правительственных расходов, что оживление бизнеса обусловлено частными затратами и инвестициями. Отчасти это верно, так как правительственные расходы составляют лишь малую долю всех расходов в стране. Однако именно они дали импульс для частной деловой активности. Вот почему прирост национального производства и национального дохода оказался значительно выше, чем вклад собственно правительства».

«Именно это, – говорил президент, – я имел в виду, когда говорил Конгрессу:

«Я хочу подчеркнуть, что мы не рассчитываем добиться достаточного роста национального дохода только за счет общественных средств – их инвестирования, прямого расходования и распределения в виде кредитов. В нашей экономике необходимо привести в действие частные средства, и мы все понимаем, что эти средства должны приносить их владельцам справедливый доход».

Я также напомнил, что с ростом национального дохода «расходы государства сократятся, а приток налогов в государственную казну возрастет».

В радиообращении от 29 декабря 1940 года, говоря о реальности угроз США со стороны государств Оси, Рузвельт цитирует высказывания Гитлера:

«Нацистские хозяева Германии не скрывают, что хотят не только распоряжаться жизнями и умами всего населения своей страны, но и поработить всю Европу, а потом, используя ресурсы европейских стран, добиться господства над всем остальным миром».

Всего три недели назад Гитлер заявил: «Сегодня два мира противостоят друг другу». Затем, резко отвечая своим оппонентам, он добавил: «Правы те, кто считает, что с другим миром мы никогда не сможем примириться. Я могу разбить любую другую державу».

Так говорил вождь нацистов.

Иными словами, страны Оси не только допускают, но и прямо заявляют, что не может быть долговечного мира между их диктаторским правлением и демократией, между их философией и нашей».

Вполне очевидно, что использованием хвастливых, безумных слов Гитлера, оратор возбуждает у миллионов слушателей чувство негодования, ненависти к главарю нацистов.

В радиовыступлении от 27 мая 1941 года, разъясняя политику оказания помощи тем демократическим странам, которые борются с фашистской агрессией, цитирует одно из ранее произнесенных им выступлений:

«Начало этой политике (политике агрессии – авт.) было положено в первый месяц войны, когда я настоятельно просил Конгресс отменить запрет на поставки вооружений, содержащийся в старом законе о нейтралитете. Выступая в Конгрессе в сентябре 1939 года, я говорил:

«Я был бы рад дать вам надежду на то, что нависшая над миром грозная туча скоро рассеется. Однако не могу этого сделать. Факты заставляют меня откровенно сказать, что впереди нас могут ожидать ещё более мрачные времена».

Так и случилось: за последние месяцы грозная туча ещё более сгустилась и разрослась. Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Люксембург и Франция погрузились во мрак».

Процитировав свое более раннее предупреждение об угрозе со стороны стран Оси, Рузвельт образно дополнил свою прежнюю мысль и, безусловно, сделал свое новое предупреждение гораздо более мощным в эмоционально-экспрессивном отношении. Фактически вся Европа, по словам оратора уже «погрузилась во мрак».

В этом же радиовыступлении (от 27 мая 1941 года) Рузвельт, информируя соотечественников о всё возрастающей военной угрозе, говорит о том, что в

сложившихся условиях им введено в стране чрезвычайное положение. Президент выражает надежду, что каждый гражданин Соединенных Штатов внесет свой вклад в дело сохранения, защиты интересов своей страны.

Президент в заключение цитирует Декларацию независимости:

«Я повторяю слова авторов Декларации независимости – этой горстки патриотов, которые, как и мы сейчас, вопреки всем неблагоприятным шансам, не сомневались в своей конечной победе:

«С твердой уверенностью в покровительстве божественного Проведения мы даем взаимный обет и в том отвечаем нашей честью, жизнью и имуществом».

Весьма показательно в смысле использования Рузвельтом приема цитирования его радиовыступление от 2 января 1944 года. К цитированию президент здесь обращается неоднократно.

В этом его выступлении он ведет речь о законе о всеобщей воинской повинности и об Экономическом «Билле о правах».

«Лишь немногие газеты в Соединенных Штатах могут напечатать мое послание полностью, а я очень хочу, чтобы американский народ имел возможность услышать, что я рекомендовал Конгрессу в этом решающем году нашей истории и чем я при этом руководствовался.

Вот что я написал в своем послании:

В последние два года страна стала активной участницей величайшей войны против порабощения человека. Мы объединились со своими единомышленниками, чтобы защитить себя в этом мире, над которым нависла серьезная угроза установления бандитской власти.

Однако я не думаю, чтобы кому-нибудь из нас, американцев, было достаточно просто выжить. Жертвы, которые приносим мы и наши союзники, налагают на нас священную обязанность позаботиться о том, чтобы результатом этой войны для нас и наших детей стало нечто большее, чем просто сохранение своей жизни.

Мы едины в своем твердом намерении сделать так, чтобы по окончании войны не сложились такие условия, которые со временем породят новую катастрофу. Мы хотим избежать трагических ошибок страусиной политики изоляционизма».

Процитировав ряд мыслей из своего послания Конгрессу, Рузвельт в этом же радиообращении в связи с рассмотрением вопроса о всеобщей воинской повинности цитирует часть текста из записки, которую ему подготовили его советники:

«На днях некоторые мои советники мне писали: «Когда под угрозой находится сама жизнь страны, все граждане обязаны нести службу. В такое время нельзя делать никаких различий между теми мужчинами и женщинами, которых правительство послало защищать свою страну на полях сражений, и тем, кому поручено производить все необходимое для успеха военных операций. Незамедлительное введение в действие Закона о всеобщей воинской повинности стало бы только проявлением универсального характера гражданских обязанностей в Америке».

Приведенная в речи новая цитата уже из другого источника – новый дополнительный аргумент в поддержку точки зрения президента.

В радиовыступлении от 2 января 1944 года цитируется часть текста «Билля о правах» с соответствующим комментарием оратора:

«Наша республика возникла и затем выросла в могущественную державу благодаря неотъемлемым правам граждан, к числу которых относятся свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания, право на суд присяжных, гарантия от необоснованного обыска и ареста. Все вместе они составили наше право на жизнь и свободу.

Однако постепенно мы стали все яснее осознавать, что подлинная свобода отдельной личности невозможна без экономической безопасности и независимости.

Нужда и свобода несовместимы. Массы голодных и безработных – это та почва, на которой вырастают диктатуры.

В наше время эти истины стали самоочевидными. Мы, можно сказать, приняли ещё один «Билль о правах», на основе которого можно построить безопасность и благосостояние для всех, независимо от социального положения, расы и вероисповедания. Вот основные из этих прав:

- право на полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве страны;
- право на доход, достаточный для покрытия потребностей в пище, одежде и отдыхе;
- право фермеров реализовывать свою продукцию по ценам, обеспечивающим их семьям достойную жизнь;
- право каждого предпринимателя – крупного или мелкого – вести бизнес в условиях, исключающих несправедливую конкуренцию или засилье монополии внутри страны или за границей;
- право каждой семьи на достойное жилище;
- право на полноценное медицинское обслуживание, на реальную возможность приобрести и сохранить хорошее здоровье;
- право на достаточное экономическое обеспечение в старости и в болезни, страхование от несчастных случаев и безработицы;
- право на хорошее образование.

Все эти права можно объединить одним словом: безопасность».

Использован прием цитирования в последнем радиообращении Рузвельта к народам Соединенных Штатов. Президент, отмечая несомненные успехи Объединенных Наций в деле разгрома фашистской Германии и её союзников, одновременно указывает на неотложную необходимость напрячь все усилия, чтобы довести дело до победного завершения.

«Военный и военно-морской министры направили мне письмо, в котором они говорят о нынешних военных потребностях в таких словах:

«По нашему обдуманному мнению, которое поддерживают генерал Маршалл и адмирал Кинг, требуется полная мобилизация людских ресурсов посредством принятия закона о всеобщей воинской повинности. Вооруженным

силам этот закон нужен для того, чтобы ускорить достижение окончательной победы и свести к минимуму человеческие жертвы».

Таково мнение тех, кто лучше других знает, что нас ждет впереди».

В этом же радиовыступлении Рузвельт цитирует редакционную статью в «Старз энд Страйпс» – газете американских войск в Европе: «Во имя святой любви к Богу давайте помнить о павших. Давайте учиться у живых. Давайте сомкнем ряды перед лицом врага. Шум перебранки опять заглушается звуком горна, который зовет к бою». Этого требуют наши бойцы. Мы не можем пренебречь их требованием».

Приводимые Рузвельтом цитаты, в подавляющем своем большинстве, были прозрачны по содержанию и всегда были доступны для понимания самой широкой аудиторией слушателей. Обращаясь к цитатам, Рузвельт никогда не превращал их в догмат, в абсолют.

Магия цифр

Как бы не выглядели сухо...цифры, они в действительности дают больше ценного материала... нежели томы, полные риторической чепухии политической болтовни».

К. Маркс

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, с. 513)

С незапамятных времен цифры находили применение в речах выдающихся ораторов. Одни использовали их как наиболее наглядное и эффективное средство убеждения, другие считали их действенным средством психологического, эмоционально-экспрессивного воздействия на слушателей.

Суждения об использовании цифрового материала публичных выступлений противоречивы. Одни полагают, что с помощью цифр можно сделать речь более убедительной, наглядной и тем самым – более впечатляющей. Другие считают, что цифры уместны в письменных трактатах, а в устных выступлениях они плохо воспринимаются на слух, не запоминаются и, стало быть, снижают впечатляющее воздействие речи оратора. Чаще всего такое случается, когда речь перенасыщена цифровым материалом. А если цифр в меру, к месту, то их использование вполне целесообразно.

Многогранность президентской деятельности Рузвельта, обилие проблем внутренней и международной жизни в эпоху тяжелейшего кризиса в экономике, в пору мировой войны давали ежедневно массу цифрового материала. Президенту вольно или невольно приходилось использовать из всего этого сонма фактов громадный статистический материал, который имел место в государственных, экономических, военных документах.

Использовал Рузвельт цифровой материал и в своих публичных выступлениях. Сразу же можно отметить, что дозировка его была мотивированной, без переизбытка.

Сознавая неизбежность привлечения в публичные выступления цифрового материал, Рузвельт тем не менее считал, что в принципе оратор не должен злоупотреблять цифрами, ибо устно произнесенные, они с трудом запоминаются слушателями. Он не раз на это обращал внимание своих соратников.

Так, например, в радиовыступлении от 28 апреля 1935 года он следующим образом пояснил свою точку зрения:

«Сегодня моя главная забота – в том, чтобы осуществить цели великой программы общественных работ, только что утвержденной Конгрессом.

Первая её цель – трудоустроить мужчин и женщин, живущих на пособие, и одновременно существенно помочь восстановлению промышленности, в чем у нас бесспорно, есть успехи.

Я не буду загромождать свою речь множеством цифр. Очень часто одни и те же цифры используются для обоснования самых разных утверждений в зависимости от того, в какой газете или радиопередаче они приводятся.

Поэтому я предлагаю сосредоточиться на двух-трех простых и в тоже время самых существенных фактах, относящихся к проблеме безработицы».

Привлечение в устное выступление цифрового материала обуславливалось не только той или иной позицией оратора, но и определялось объективно соответствующей тематикой выступления. Бывали выступления без единой цифры. Однако бывали и такие, где без цифр, без статистики было невозможно обстоятельное рассмотрение той или иной проблемы.

Наблюдения над фактами использования цифр в устных выступлениях Рузвельта свидетельствуют о том, что их применение обуславливалось и теми задачами, которые ставил перед собой оратор.

В одних случаях он использовал цифры для более наглядного пояснения проблемы, в других – цифры могли побудить аудиторию к более активной деятельности.

Вот, к примеру, приводимые Рузвельтом цифры, которые заставляют аудиторию «призадуматься»:

Радиобеседа от 14 апреля 1938 года, Президент говорит о приведенных и намечаемых мерах по преодолению экономического кризиса:

«Чтобы выйти из спада этим путем, нам придется потратиться, однако, расходы потом неоднократно окупятся. Потерянное рабочее время – это потерянные деньги. Каждый день, в течение которого у рабочего не было работы, простаивал станок, и предприятие работало «вхолостую» – это убыток для страны. Из-за простоя людей и станков страна за три с лишним года – с 1929 по весну 1933 года – потеряла 100 миллиардов долларов. В этом году вы, граждане нашей страны, все вместе зарабатываете на 12 миллиардов меньше, чем в прошлом году».

Если из этого отрывка речи убрать приведенные оратором цифры, то нарисованная картинка экономического положения сразу же поблекнет. Никакие слова, вместо цифр, не сделают её более рельефной и убедительной.

Цифровой материал Рузвельтом использовался также при обсуждении экономических проблем в стране в радиовыступлении от 24 июня 1938 года. Оратор подводил итоги выхода страны из экономического спада 1937-1938 гг.

Цифровой материал давал серьезное основание к тому, чтобы каждый гражданин США употребил все свои знания, силы к тому, чтобы преодолеть наметившийся спад в экономике. Приведенные оратором цифры были более чем убедительны для такого рода действий.

Цифровой материал Рузвельтом чаще привлекался в годы войны. Как главнокомандующему ему приходилось анализировать состояние безопасности страны, положение на отдельных театрах военных действий, освещать положение в отдельных отраслях промышленности, занятых производством вооружений.

Показательным примером мотивированного использования богатейшего цифрового материала может служить содержание радиобеседы с американским народом по вопросам дальнейшего укрепления национальной безопасности США, состоявшаяся 26 мая 1940 года.

На имевшие место упреки о нерациональном использовании правительством финансовых средств на нужды обороны Рузвельт в этом выступлении дал блестящий ответ, показав полную необоснованность упреков о неэффективности произведенных расходов на оборону.

«В последние две-три недели американскую общественность кормили разного рода рассказами о плачевном состоянии нашей обороны. Выдвигались обвинения, что средства, затраченные у нас в последние несколько лет на армию и военно-морские силы, были пущены на ветер».

«Я полагаю, – говорил далее Рузвельт, – вы имеете право узнать от меня подлинные факты». Так он обратился к миллионам своих соотечественников.

Далее президент и главнокомандующий дает глубоко мотивированное разъяснение американскому народу: «Да, мы тратили большие суммы на национальную оборону. Эти средства были использованы на то, чтобы превратить армию и ВМС Соединенных Штатов в самую крупную и самую лучшую по оснащенности и подготовке военную машину за всю нашу историю мирного времени. Я упомяну только немного из того, что было сделано за последние несколько лет.

Я не имею возможности и не собираюсь входить во все подробности».

На радиовыступление планировалось потратить всего 35-40 минут. Чтобы за это время сказать по поднимаемой проблеме нечто самое существенное, главное, надо было оратору много знать и не меньше уметь. Оратор блестяще справился со своей задачей, дав четкую картину буквально по каждому роду вооруженных сил США. Это стало возможным, надо сказать, благодаря тому что вместо «томов риторической чепухи» был использован четко продуманный цифровой материал.

«Известно, продолжал президент, – что к 1933 году, когда к управлению пришла нынешняя администрация, военный флот Соединенных Штатов по составу кораблей и общей боеспособности значительно уступал флотам других стран.

Наши ВМС сдали позиции во многом из-за того, что не была вовремя проведена замена устаревших кораблей и оборудования. Однако в период с 1933 по 1940 годы, то есть за семь финансовых лет, наше правительство израс-

ходовало на ВМС на 1 миллиард 487 миллионов долларов больше, чем за такой же промежуток времени до 1933 года.

Подчеркну, что здесь не учитываются новые оборонные ассигнования, речь идет только о том, что уже израсходовано».

Эту часть выступления Рузвельт завершает вопросом:

«Что мы получили за эти деньги?»

Далее президент дает обстоятельный ответ, используя конкретные статистические данные, которые свидетельствуют о реально принятых мерах.

«Численность личного состава ВМС возросла за этот период с 79 тысяч до 145 тысяч человек. Заложено или укомплектовано 215 боевых кораблей, что почти в семь раз больше, чем в предшествовавшие семь лет. В числе этих 215 кораблей – 12 крейсеров, 63 эсминца, 26 подводных лодок, 3 авианосца, 2 канонерские лодки, 7 крупных и много мелких вспомогательных судов. Кроме того, в настоящий момент ведется строительство 8 новых линкоров; финансирование производится по ходу работ».

«Постройка кораблей, конечно, – продолжал президент, – обходится в миллионы долларов, причем в Соединенных Штатах она стоит дороже, чем где бы то ни было в мире. Однако, бесспорно, мы не можем обеспечить оборону морских границ Америки без судов – надводных и подводных – и без морской авиации.

Что касается авиации, в 1933 году в составе ВМС было 1127 действующих самолетов, а сегодня, если считать имеющиеся в наличии и заказанные промышленности, это число составляет 2892. Разумеется, почти все самолеты, находившиеся на вооружении в 1933 году, с тех пор износились и устарели и были заменены на новые».

«Да, – заключает эту часть речи президент, – наши военно-морские силы могущественнее, чем в любой другой мирный период нашей истории. Я даже могу утверждать, что по огневой мощи и боеспособности они сегодня превосходят то, чем мы располагали во время Первой мировой войны».

Развивая мысли об обеспечении безопасности страны, Рузвельт, используя статистический материал, знакомит радиослушателей с мероприятиями, проведенными по армии страны:

«Теперь – об армии Соединенных Штатов. В 1933 году в её рядах насчитывалось 122 тысячи человек. С тех пор эта цифра почти удвоилась. В период с 1919 по 1933 года войска получали мало нового военного снаряжения и вынуждены были использовать старые запасы, оставшиеся от Первой мировой войны. В итоге к 1933 году наша армия сильно уступала по боевой мощи армиям Европы и Дальнего Востока.

Такое положение я застал, когда вступил в должность. С учетом текущего финансового года, за семь лет – 1933 по 1940 годы – ваше правительство израсходовало на армию на 1 миллиард 292 миллиона долларов больше, чем за предшествовавший семилетний период».

«Что мы, – обращается оратор с вопросом к аудитории, – получили на эти деньги?».

Далее следует обстоятельный ответ:

«Как я уже сказал, численный состав армии почти удвоился. Кроме того, к концу этого года все до единого подразделения существующей на сегодня регулярной армии будут оснащены вооружением в полном соответствии с современными требованиями. Такое же вооружение получит и большинство подразделений национальной гвардии».

Затем в выступлении главнокомандующего идут цифры по авиации, артиллерии, танковой и другой военной технике.

«Вот только несколько впечатляющих примеров», – говорит оратор.

«С 1933 года мы закупили 5640 самолетов, среди которых – самые современные бомбардировщики дальнего радиуса действия и высокоскоростные истребители. Правда следует оговориться, что из тех, что поступили на вооружение четыре года назад или раньше, многие в силу износа уже списаны.

Не следует забывать, что эти самолеты стоят денег, и немалых. Например, один четырехмоторный дальний бомбардировщик стоит 350 тысяч долларов; один современный перехватчик – 133 тысячи долларов; один средний бомбардировщик – 180 тысяч долларов».

Слушательская аудитория Рузвельта с большим интересом внимала его дальнейшим словам о состоянии американских вооруженных сил.

Рузвельт, в частности, констатировал далее: «...В 1933 году у нас насчитывалось всего 356 зенитных пушек. Сегодня – с учетом заказанных, но ещё не поступивших на вооружение, – мы имеем 1700 современных зенитных орудий всех видов. Следует иметь в виду, что трехдюймовая зенитка стоит 40 тысяч долларов, не считая оснащения управления огнем, которое к ней прилагается.

В 1933 году во всей армии насчитывалось всего 24 современных пехотных гаубицы. Сейчас – с учетом заказанных – их у нас 1600.

В 1933 году мы располагали всего 48 современными танками и броневиками. Сегодня их число составляет 1700. Каждый тяжелый танк стоит 46 тысяч долларов.

После 1933 года мы быстро наращивали и многие другие виды вооружений, причем, по большей части, это подлинно современное оружие».

Всё сообщенное президентом касалось количества и стоимости расходов на каждую единицу техники. Однако были ещё расходы и на подготовку личного состава.

Президент далее отметил: «Если говорить о личном составе, то в 1933 году в армии насчитываюсь всего 1263 летчика. Сейчас у нас 3200 лучших в мире военных авиаторов, которые за один прошлый год в ходе боевой подготовки налетали более миллиона часов. И это только в армейской авиации, ещё сотни превосходных летчиков имеются в национальной гвардии и в резерве».

Говоря об очередных задачах, Рузвельт назвал одну цифру, которая впоследствии его оппонентами обсуждалась и оценивалась как «весьма странная».

Что это за цифра?

«Производство современных самолетов, – говорил президент, – нашей авиационной промышленностью возрастает гигантскими темпами: за один прошлый год оно более чем удвоилось. Но и такого объема производства ещё

недостаточно. Правительство полно решимости, действуя совместно с промышленностью, довести его до уровня, отвечающего нашим потребностям.

Мы намерены мобилизовать высокоэффективную производственную базу отрасли на осуществлении правительственной программы, выпуск 50 000 самолетов в год».

Названная цифра удивила, поразила, вызвала разные толки. Однако Рузвельт был верен себе, 12 июня 1944 года он выступает с очередным радиообращением. Обстановка в США, в мире – иная, чем раньше.

«Сегодня, – говорит президент, – я счастлив сообщить вам, что в военных займах, по-видимому, принимают участие все. При том, что в нашей стране вместе с вооруженными силами насчитывается приблизительно 67 миллионов человек, получающих тот или иной доход, военные облигации приобрели 81 миллион человек, включая детей. В общей сложности, частными лицами куплено более 600 миллионов облигаций на сумму свыше 32 миллиардов долларов.

Если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал, что такое возможно, его назвали бы оторванным мечтателем. Однако американский народ сделан из такого материала, что способен воплотить в жизнь и самые смелые мечты».

«Конечно, – продолжает оратор, – всегда – то тут, то там – раздаются и голоса пессимистов. Мне вспоминается, что после падения Франции в 1940 году я просил у Конгресса денег, чтобы наладить в Соединенных Штатах выпуск 50 тысяч самолетов в год. Меня тогда называли сумасшедшим, а эту цифру – фантастической.

Что ж, сегодня мы довели выпуск самолетов до 100 тысяч в год».

Цифра в речах Рузвельта – важное средство логического и эмоционально-экспрессивного воздействия на аудиторию.

Роберт Шервуд в своем знаменитом труде писал, что Рузвельт не без оснований полагал, что цифры, произнесенные к месту, в правильно выбранное время, могут приобрести «магическую силу».

Приведем здесь некоторые из суждений президента и Шервуда на эту тему и цифровые иллюстрации, которыми последний сопровождает их.

«Производственные планы, – пишет Шервуд – разработанные во время конференции «Аркадия» и частично объявленные Рузвельтом – в его послании Конгрессу, носили такой астрономический характер, что как военные, так и гражданские власти смеялись над ними, а в ряде случаев утверждали, что они совершенно неосуществимы».⁶³

Гопкинс сказал однажды: «...Рузвельт не находился в состоянии транса, когда провозгласил производственную программу победой».

«Рузвельт, – пишет Р. Шервуд, – по самой своей природе был склонен считать, что вернейший способ захватить воображение американского народа заключается в том, чтобы бросить ему величайший вызов.

Его совершенно не беспокоило, в какую сумму денег всё это обойдется; он всегда считал, что гораздо лучше расходовать доллары налогоплательщиков, чем жизни этих налогоплательщиков.

⁶³ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт. Т.П. - М., 1958, с. 51.

Известно – я могу утверждать это, так как был в числе тех, кто присутствовал там, – что накануне своего выступления в Конгрессе Рузвельт сам, по своему усмотрению, пересмотрел некоторые цифры в сторону их увеличения.

Когда Гопкинс стал расспрашивать его об этом, Рузвельт сказал: «О, производственники могут сделать это, если попытаются».

Точно так же он поступил несколько лет спустя на пути в Чикаго, где провозгласил в качестве послевоенной цели страны обеспечение работой 60 миллионов человек.

Он никогда не боялся больших цифр.

Цифры, намеченные на 1942 год, до Пёрл-Харбора:

Боевые самолеты.....	28600
Танки.....	20400
Зенитные орудия.....	6300
Торговые суда (в тоннах).....	6 000 000
Противотанковые орудия.....	7000
Наземные и танковые пулеметы.....	168 000
Авиационные бомбы (в тоннах).....	84 000

Директива, изданная после Пёрл-Харбора (6 января 1942 года)

	На 1942 год	На 1943 год
Боевые самолеты	45 000	100 000
Танки	45 000	75 000
Зенитные орудия	20 000	35 000
Торговые суда (в тоннах)	8 000 000	10 000 000
Противотанковые орудия	14 900	(цифра не лимитирована)
Наземные и танковые пулеметы	500 000	То же
Авиационные бомбы (в тоннах)	720 000	

Две колонки цифр наглядно показывают, насколько были увеличены наметки...

Объявив Конгрессу часть «программы победы», Рузвельт сказал:

«Эти цифры и такие же цифры, установленные для множества других орудий войны, заставят японцев и нацистов хоть немного понять, чего они добились, напав на Пёрл-Харбор».

Конгресс шумно приветствовал эти слова и приступил к ассигнованию необходимых средств, в то время как дрожь пробирала тех, кто нес ответственность за осуществление этой невероятной программы.

Когда Иосиф Сталин поднимал свой бокал в Тегеране, предлагая тост за американскую промышленность, «без которой война была бы проиграна», двухгодичный срок, установленный для осуществления программы, ещё не истек.⁶⁴

Характерность обращений Рузвельта к аудитории

Обращения, как специфический компонент коммуникации, характерны для различных видов диалогической речи. Используются они и в монологической речи, в деловых документах, таких, как приказы, распоряжения, призывы, воззвания, лозунги, объявления и т.п. Они бытуют в словесной ткани художественных произведений.

Обращения – органичный компонент ораторских выступлений. Во все времена и у всех народов ораторы стремились к установлению с первых же слов выступления контакта с аудиторией. Важная роль в достижении этой цели отводилась обращениям. От того насколько обращение оказывалось уместным по смыслу, форме, окраске, по характеру произнесения нередко зависел исход выступления оратора.

Рузвельт, как опытный социальный психолог, опытный оратор, умело гармонизировал обращения с особенностями своей аудитории, содержанием выступлений, местом и временем их произнесения.

Обращения в его публичных выступлениях, как правило, сопровождались теми или иными эмоциями, что обуславливалось содержанием речи, целями, которые он ставил перед собой как оратор. Обращения, удачно подобранные, позволяли ему выражать в одних случаях искреннее уважение к аудитории, в других – сочувствие, в-третьих – иронию, возмущение и т.п. Та или иная его эмоция могла передаваться вербальными средствами или интонацией.

Звукозаписи его выступлений свидетельствуют о том, что слова-обращения при произнесении речи сопровождались, как правило, паузой, уместной интонацией. Характерные для его ораторского стиля, слова-обращения способствовали обеспечению тесного психологического контакта со слушателями. Простые, общепонятные, они придавали его выступлениям разговорный характер, присущий душевной беседе, чему способствовала особая, проникновенная интонация, выделявшая слова-обращения из общей мелодики высказывания. Чаще всего слова-обращения находили применение у Рузвельта в самом начале речи. Несколько реже – в завершающей его части. Ещё реже – в середине речи.

Из многих публичных выступлений Рузвельта наибольший интерес, с точки зрения использования обращений к слушателям, представляют радиобращения Рузвельта к американскому народу, с которыми он выступал в период с 12 марта 1933 года по 6 января 1945 года. Президент провел за этот период 31 радиобеседу.

Вот какие формулы-обращения были Рузвельтом использованы:

- обращение «Друзья мои» – использовано 26 раз;

⁶⁴ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. В 2-х тт. Т.2.М., 1958, с. 52-53.

- обращения «Мои соотечественники и друзья», «Мои соотечественники – американцы» – 5 раз;

- «Мои сограждане-американцы» – 3 раза;

- «Дамы и господа» – использовано 3 раза.

Преимущественное использование Рузвельтом формулы «Друзья-мои» не было случайным. Эти слова-обращения свидетельствуют о его глубочайшем уважении своего народа. Используя такое обращение, оратор вел разговор с каждым гражданином Соединенных Штатов Америки, как говорится, на равных. Каждый из слушателей ощущал, что человек, занимающий в государстве самые высшие посты, президента и главнокомандующего, не давал никаких поводов к тому, чтобы дать слушателю понять, почувствовать, что он стоит на какой-то иной, более низкой степени социального положения. Отсюда расположение, доверие к президенту, отсюда и рождение многочисленных надписей на заборах: «Рузвельт мой друг».

Показательно радиообращение Рузвельта от 12 марта 1933 года. Как уже отмечалось ранее, это выступление Рузвельта по радио было первым после его вступления в должность президента. Оно было посвящено разъяснению проблем, связанных с банковским кризисом. Вопрос для тех дней был самым злободневным, самым жгучим.

Выступление Рузвельт начал с обращения к многомиллионной аудитории граждан Соединенных Штатов:

«Друзья моя, я обращаюсь к гражданам Соединенных Штатов, чтобы немного поговорить о банках...».

На протяжении получасовой радиобеседы оратор пять раз использует такую формулу обращения к слушателям:

«Уверяю вас, друзья мои, что надежнее хранить деньги во вновь открытом банке, чем дома под матрасом...».

Далее оратор вновь использует названное обращение:

«Надеюсь, друзья, что из моего краткого рассказа о том, что предпринимает ваше правительство, вы убедились, что не совершается ничего сложного, никакой крутой ломки...».

Наконец дважды оратор пользуется такой формой обращения в последних фразах этой радиобеседы:

«Доверие и мужество – вот что необходимо для успешного осуществления нашего плана. Вы должны иметь веру, друзья мои, не удариться в панику от слухов и догадок. Давайте объединимся, чтобы изгнать страх. Мы разработали механизм для восстановления финансовой системы. Теперь только вы можете поддержать его и заставить работать.

Это ваше дело, друзья мои, – ваше не в меньшей степени, чем мое. Вместе мы обязательно добьемся успеха».

7 мая 1933 года Рузвельт выступает с беседой по радио с обсуждением программ и планов реформ. В этой беседе он трижды использует обращение к гражданам США: «Друзья мои». Дважды по ходу беседы и один раз в последней, заключительной фразе:

«В заключение, друзья мои, позвольте поблагодарить «Нэншл Бродкастинг Компани» и «Коламбия Бродкастинг Систем» за то, что они предоставили мне сегодня свои технические средства».

В радиобеседе от 22 октября 1933 года обращение "Друзья мои" употреблено один раз.

В ряде радиобесед в качестве обращений выступают личные местоимения во втором лице множественного числа. Это радиобеседы от 28 июня 1934 года и от 30 сентября 1934 года. В последней радиобеседе использовано и обращение «Друзья мои», трижды обращение «Друзья мои» использовано в радиобеседе от 28 апреля 1935 года.

Формула обращения «Друзья мои» фигурирует в радиобеседах от 6 сентября 1936 года; от 9 марта 1937 года; от 12 октября 1937 года; от 14 апреля 1938 года; от 24 июня 1938 года.

В радиобеседе от 3 сентября 1939 года встречаемся с несколько иной формулой обращения: «Мои соотечественники и друзья! Сегодня мой прямой долг – обратиться ко всему народу Америки. До самого последнего времени я, вопреки фактам, надеялся, что какое-то чудо предотвратит опустошительную войну в Европе и положит конец вторжению Германии в Польшу. Сегодня в половине пятого утра эта надежда рухнула...».

В трех последующих радиообращениях (от 26 мая 1940 года, от 29 декабря 1940 года, от 27 мая 1941 года) Рузвельтом использовано обращение «Друзья мои».

В радиовыступлении от 9 декабря 1941 года; от 23 февраля 1942 года он использует следующую формулу обращения: «Мои сограждане-американцы».

В радиовыступлении от 1 сентября 1942 года: вновь формула «Друзья мои».

А в предыдущем радиовыступлении (от 28 апреля 1942 года) и в радиовыступлении от 12 октября 1942 года, а также в радиовыступлении от 2 мая 1943 года использовано обращение «Мои соотечественники-американцы».

Эта же формула обращения имеет место в радиобеседе от 28 июля 1943 года; от 8 сентября 1943 года.

В выступлении по радио от 24 декабря 1943 года использовано обращение «Друзья мои». В радиобеседе от 2 января 1944 года употреблена формула «Дамы и господа!».

Формула «Друзья мои» присутствует ещё один раз в радиовыступлении от 5 июня 1944 года.

Формула обращения «дамы и господа» использована в радиовыступлениях 12 июня 1944 года и 6 января 1945 года.

Преобладающая форма обращения «Друзья мои» не была случайной. С точки зрения политической, социально-психологической, риторической она была в высшей степени мотивированной.

Монолитное единство президента и многомиллионной армии его соотечественников было решающим условием обеспечения победы над кризисом и успешного завершения боевых действий на всех театрах военных действий.

Многократное использование формулы-обращения «Друзья мои» не могло не иметь психологических последствий внушающего характера. Сам оратор отчетливо сознавал и последовательно реализовывал свои намерения максимального воздействия на эмоциональную сферу своих слушателей.

В самом деле, трудно подобрать более подходящую форму обращения к столь громадной и многоликой аудитории, какую имел президент США. Это мужчины и женщины, молодые и пожилые, люди, самого различного социального положения.

Фраза «Друзья мои» как бы делала всех, несмотря на разность положения, равными, в том числе равными и с президентом. Эта фраза являлась своеобразным психологическим ключом к установлению между оратором и слушателями теплых, доверительных отношений. Уважительность, проявляемая президентом по отношению к слушательской аудитории, порождала в ней ответное чувство уважительности к своему высокому собеседнику. Такого обращения ожидали и «низы» и «верхи». Особенно этого ожидала многомиллионная армия рабочих, шахтеров, фермеров и других.

Как бы там ни было – никто, кроме Рузвельта, не завоевал титула «друга», и это не потому, что он был богат, значителен в общественном положении. Этот человек завоевал такой титул потому, что обладал высочайшим искусством общения с людьми, потому, что был выдающимся стратегом формирования общественного мнения. Он завоевал этот титул потому, что последовательно, неуклонно реализовывал действенную заботу о нуждах бедных слоев населения, что вызывало к Рузвельту глубокое уважение, любовь, веру в него и готовность следовать его советам, его призывам.

Интонационно-ритмическое совершенство публичных выступлений Рузвельта

Слух человека – самое страстное чувство. Слуховое впечатление – ближайший путь к сердцу.

Теофраст
философ Древней Греции

Полному выражению волеизъявления Рузвельта в его устных выступлениях способствовала оптимально найденная, точно соответствующая содержанию речи, её целям, интонация. Благодаря своему многолетнему, громадному опыту общения Рузвельт как оратор отчетливо осознавал, что выразительность речи, в конечном счете её действенность во многом реализуется посредством интонации.

Под интонацией, как известно, принято иметь в виду всю совокупность звуковых средств звучащей речи, а именно: изменения силы, высоты, длительности, непрерывности звучания и качественной окраски тембра голоса.

Рузвельт вполне владел всей технологией речевой интонации. Тщательное продумывание содержания речи, её целей, учет места и времени выступления, полное представление о социально-психологических, профессиональных и

иных особенностях аудитории уже в процессе предварительной подготовки к выступлению в общих чертах определяли возможный высотный, ритмический, паузальный и тембральный рисунок того, что и как будет им произнесено перед слушателями. Все главнейшие элементы речевой интонации (фразовые ударения, паузы, мелодика речи) подчинялись оратором главному – достижению целей выступления. Именно этому в полной мере служила исключительно богатая палитра эмоциональных интонаций Рузвельта.

Изучение звуковых записей, текстов речей и бесед Рузвельта свидетельствует о том, что его выступления характеризовались особым благозвучием, ритмичностью, мелодичностью. Эти качества не были случайными.

Известно, что речи великих ораторов различных времен и различных народов носили ритмический характер. Не случайно, что учения о ритме восходят к сочинениям мыслителей эпохи античности.

Платон говорил, что ритм – это порядок в движении. Дионисий Галикарнасский, развивая учение о ритме, отмечал, что прозаической речи, а не только речи поэтической, ни один ритм не противопоставлен. Феномен ритма в высшей степени загадочен. Он разновелик, он в мироздании, космосе, в повседневной жизни всего сущего.

Поэзия, проза, ораторская речь – всё соприкасается с ритмом. Отсюда всеохватность музыкального искусства. Реакция человека и человечества на всё ритмическое особенно явственна.

Речи, беседы Рузвельта в той или иной мере ритмичны, мелодичны. Эти качества являлись следствием применения таких риторических универсалий, как повторы, риторические вопросы, риторические восклицания, градационные ряды, антитезы, речевые периоды, оптимальное структурирование речи и другие.

Исключительно значимая роль в его речах принадлежала интонациям, манерам произнесения.

Ритмичность рузвельтовской речи воспринимается как нечто музыкальное. Тщательно организованная синтаксически, искусно произносимая, она доставляла слушателям интеллектуальное и эстетическое удовольствие.

Нельзя не обратить внимания на оптимальность пауз и темпа речей Рузвельта. Так, лаконическая насыщенность словесной ткани его речей была следствием некоторого ограничения ускорения темпа речи. Он был у него такой, при котором все слушатели могли полностью воспринять и осознать текст его речи во всей полноте и убедительности.

Обращает на себя внимание употребление Рузвельтом пауз в речи. Они являлись у него одним из существенных элементов выразительности речи. С другой стороны – они часто были причастны к феномену содержательности речи.

Продуманность, естественность фразовых ударений в выступлениях Рузвельта также является наглядным свидетелем безукоризненного владения им ораторской речью.

Рузвельт собеседник, митинговый трибун всегда имел полновзвучный, основательно обработанный, динамичный голос баритонального тембра.

Стиль речи Рузвельта был энергичен, мужественен. Он всегда рельефно передавал единство мысли, воли оратора. Это был стиль человека убежденного и страстно убеждающего других.

Каждое выступление Рузвельта несло в себе печать неподдельного вдохновения. В его звучащей речи слово неразрывно связано с голосом, интонацией. Высота его голоса, тембр, большая или меньшая музыкальность, плавность или отрывистость произношения, характерная ритмичность речи, её деление на речевые такты, расстановка фразовых ударений – все это учитывалось им в общении и служило важнейшим элементом в повышении воздействия на аудиторию.

Прослушивание звукозаписей речей Рузвельта свидетельствует о том, что ритм, интонация, звуковое напряжение, тембровая окраска его голоса с каждым переходом от одного раздела речи к другому претерпевали те или иные перемены, способствуя динамичности речи, повышению её выразительности, эффективности ораторского волеизъявления. Однообразность, монотонность были чужды его манере выступлений. Ритм, интонационное оформление произносимой речи у Рузвельта находились всегда в органической гармонии со всеми оттенками его мыслей и чувств.

Самый тембр голоса Рузвельта, его артикуляция, манера произносить фразу, интонация, окраска каждого слова предвещали значительность поднимаемого оратором вопроса,

Один из соотечественников Рузвельта, знаток возможностей ораторского слова – В. Гофман в книге «Ораторское искусство на радио» (1944 год) несколько гипертрофируя одну из истин писал: «Людей трогает не столько содержание слов, сколько самый звук голоса».

Подчеркнем: у Рузвельта в устных выступлениях и мысль, и звук находились в гармонии, занимая должное место в человеческом общении.

«Цветы красноречия»: мотивированность их применения.

Публичные выступления Рузвельта не страдали избыточностью риторических украшений. Тем не менее, их было немало и в речах, и в его «беседах у камелька».

Их применение не было чрезмерным. Используемые оратором цветы красноречия не довлели над смыслом его речи, над логикой аргументаций. Разум и чувства были в подлинной гармонии.

Из средств, создающих образность речи оратора, наиболее часто встречающимися были так называемые тропы. Это – сравнения, эпитеты, метафоры, метонимии, синекдоха, гипербола, литоты, аллегории, ирония, перифразы. Во-вторых, риторико-стилистические фигуры. Такие, как: повторы, риторические вопросы, риторические восклицания, риторические обращения, апострофы, антитезы, градации, синтаксический параллелизм, умолчания, единоначатия, концовки, а также некоторые выражения непрямого и образного значения.

Из средств стилистического синтаксиса чаще всего в его речах встречаются повторы, инверсии, антитезы, риторические вопросы.

В числе лексических средств изобразительности наиболее часто встречающиеся – метафоры, эпитеты, сравнения.

Средствами построения выразительней публичной речи у Рузвельта также служили логические ударения, паузы, интонации.

Арсенал риторических средств и приемов в выступлениях Рузвельта разнообразен. Эмоционально-экспрессивные средства применялись им в той мере, в какой они способствовали усилению воздействия речи на сознание и чувства слушателей. Можно сказать, что для его публичных выступлений было в высшей степени характерно единство рациональных и эмоциональных средств воздействия на слушателей. Тропы и риторические универсалии в его речах были органичные, составляя красоту высказывания со смыслом речи.

Главными требованиями Рузвельта к языку публичного выступления были: ясность, доступность, точность, выразительность, убедительность.

Рузвельт, основываясь на громадном опыте общения с представителями самых различных социальных групп общества, знал, что аудитория в процессе общения с оратором не только слышит произносимые им слова, но и видит те образы, те картины, которые возникают на основе слышимых слов в их представлениях. Если слова оратора не вызывают соответствующих образов, то его речь теряет значительную часть своей воздействующей силы. Обращение Рузвельта к использованию в своих речах тропов и иных средств построения образно-выразительной речи не было случайным.

Какими бы ораторскими приемами и образно-выразительными средствами Рузвельт ни пользовался, его речь всегда была ясной, строгой, благородной. Речам этого оратора был чужд какой-либо избыток риторико-стилистических украшений, чужд наигранный пафос. Рузвельт был далек от того типа ораторов, которые с помощью заученных приемов, риторических фигур срывали дешевые аплодисменты. В его ораторской манере никогда не было ничего наигранного, театрального. Его речи отличались сдержанностью, отсутствием каких-либо второстепенных прикрас. Ораторский стиль Рузвельта чужд высокопарности. Язык его речей ясный, чистый, нормативный. Вместе с тем он является прекрасным образцом яркого, образного изложения мысли.

Публичные выступления Рузвельта характеризовались высокой грамматической, лексико-фразеологической, эмоционально-экспрессивной, интонационной культурой.

Огромный словарный запас Рузвельта, умение в совершенстве пользоваться им, создавали надежную основу для его ораторского искусства.

Рузвельт был мастером повествования. Изображаемые им события живо возникали перед мысленным взором слушателей. Оратор произносил содержание речи четко, размеренно, темпом, который позволял слушателям легко уяснять всё им произносимое. Он увлекал всех своей блестящей и энергичной манерой излагать существо дела. Сильный, полетный голос, характерное волевое лицо, в целом преисполненный достоинством величественный вид были существенным дополнением влияния оратора.

Современники не раз отмечали в воспоминаниях о Рузвельте, что его как оратора, как правило, отличала уверенность в себе, находчивость в любой ситу-

ации. Обычно сдержанный, несуетливый, невозмутимо уверенный, он умел заставить себя слушать, внимательно следить за ходом развиваемой им мысли.

Исследователи и современники не раз отмечали также, что Рузвельт умел сохранять олимпийское спокойствие, даже когда вокруг него всё бушевало. Он умел владеть своими чувствами, когда подвергался атакам оппонентов. Отвечая на критику, нападки, он обрушивался на оппонентов ураганом острот, шквалом метких обличений.

Для ораторского стиля Рузвельта характерно использование такого традиционного риторического и стилистического приема как антитеза. Сущность этого явления заключается в том, что оратор сопоставляет в речи противоположные предметы, явления с целью более резкого, контрастного показа их особенностей с целью активного воздействия на умственную деятельность слушателей, на их чувства.

Построение антитез в речах Рузвельта различное.

В одних случаях оратор использовал отдельные слова, имеющие противоположное значение. Иногда эти слова сопровождались какими-либо примечаниями (пометами). Однако чаще противопоставления реализовывались относительно большим, более пространным объяснением, т.е. антитетические выражения реализовывались несколькими предложениями и даже абзацами.

В речах, беседах Рузвельта довольно часто использовался вопросно-ответный прием, придающий его высказываниям характер живой беседы.

Использовалась в речах и беседах Рузвельта диалогическая форма изложения материала. У него участниками диалога выступали как отдельные лица, так и те или иные социальные группы, даже целые народы, государства. Диалогическая форма построения речи использовалась ораторами с античных времен. Известны диалоги Платона, Аристотеля, Цицерона и многих других ораторов, философов и др. Эта форма построения речи была характерна для организации публичной речи Рузвельта. Отчасти она обуславливалась особенностями его как личности всегда, по природе своей, склонной к более тесному, доверительному общению с отдельной личностью и массовой аудиторией.

Характерен для ораторской манеры Рузвельта прием «чужой речи». В отличие от прямого цитирования этот прием позволяет оратору передавать в ходе выступления в виде прямой или косвенной речи слова, выражения, суждения других лиц, порой нереальных, а придуманных оратором лиц. Этот прием создавал у слушателей впечатление большей достоверности событий, чем простое монологическое изложение оратором хода событий.

Особенности содержания и стиля выступлений Рузвельта определялись тем, что он был не просто оратором, который выдвигает или отстаивает ту или иную идею, Рузвельт выступал как государственный деятель, на задачи которого выпадало то, что он должен был организовать, мобилизовать, увлечь своим выступлением миллионные массы для решения тех или иных судьбоносных для страны задач. Потому главное, о чем заботился оратор, это было содержание речи. Вместе с тем его неизменной заботой была и форма речи, в которую должно было облекаться её содержание.

Рузвельт при подготовке речи предпринимал всё необходимое к тому, чтобы емкое содержание облекалось в достойную языковую форму. Отсюда произрастают истоки яркого, ясного, образного, эмоционально воздействующего на слушателей языка речи.

В речах, беседах Рузвельта можно встретить самые различные средства и приемы стилистического и риторического свойства.

Характерная особенность языка, стиля речей Рузвельта его образность, картинность. Этому способствовало не только тщательное усердие в работе над речевой культурой его слова, но и сами истоки речи содержательного характера. Дело в том, что Рузвельт вносил в свои выступления живую струю непосредственных наблюдений и впечатлений от бесчисленных встреч, поездок, которые придавали его словам свежесть, правдивость, наполняли умы и сердца слушателей яркими картинками, образами реальной действительности. Отсюда многочисленные факты блестящего использования оратором метафор, сравнений, противопоставлений и т.д. Большинство выступлений Рузвельта эмоционально приподняты. В этом заметна роль таких средств и приемов, как использование различных повторов, риторических вопросов, восклицаний, обращений, диалогических форм речи. Эмоционально-экспрессивный характер его речь приобретала от мастерского использования метких, тонких эпитетов, емких лаконичных афористических выражений.

Полемическим речам Рузвельта были свойственны ирония и сарказм, которые создавались умелым подбором определений, сравнений, пародированием высказываний оппонентов,

Рузвельт был гибким, находчивым полемистом. Юмором, меткими остроумиями он мог осадить любого неумеренного полемиста. В словесных баталиях он никогда не терял самообладания, чем вызывал к себе симпатии даже со стороны своих политических противников.

Исторический подход к анализу общественно-политических, экономических и иных процессов у Рузвельта органично сочетался с четким логическим и тонким социально-психологическим анализом. Вместе с тем для него всегда была важна форма речи. Она по его убеждениям должна была быть яркой и увлекательной, возбуждающей внимание и изумление аудитории.

Публичные выступления Рузвельта отразили во многом те особенности, которые были характерны для действительности тридцатых и сороковых годов. Оратором были даны многие верные оценки эпохи великой депрессии и эпохи Второй мировой войны.

Выдающийся аналитический ум, развитый колоссальным опытом, ораторский дар Рузвельта обеспечивали ему неизменный успех в воздействии на умы и сердца миллионов соотечественников, в формировании общественного мнения Соединенных Штатов Америки и в мире.

Для многих выступлений Рузвельта был нередко появлявшийся экспромт, вполне уместный, мотивированный, благожелательно воспринимаемый аудиторией.

Одна из особенностей выступлений Рузвельта – их оптимистический, мажорный стиль, тон.

Речь Рузвельта, как правило, лилась легко, свободно. Слушателям нередко казалось, что она результат талантливой импровизации. На деле было не совсем так. Импровизация, конечно, бывала, однако, есть множество неоспоримых свидетельств о том, что Рузвельт заблаговременно, тщательно готовил содержание и форму речи. Порой работал до изнеможения, побуждая к тому же своих помощников, спичрайтеров.

Отмечаемые многими его современниками ясность, логичность, образность, убедительность его речи были результатом упорного труда, который и развил у Рузвельта его недюжинный природный талант оратора.

Рузвельт имел всё то, что необходимо ему было передать массам. Вместе с тем он имел великолепный передаточный аппарат. Обе стороны ораторского искусства находились у него в полной гармонии.

Главное, решающее, конечно, было содержание выступлений Рузвельта. Оно постоянно находилось в неразрывной связи с теми сферами, в которых он был подлинным корифеем. Его речи и беседы были неразрывно связаны с реалиями текущей жизни, с практическими задачами, которые выдвигались самой историей развития американского общества. Вел ли Рузвельт речь об экономике, о финансах, о сельском хозяйстве, о промышленности, о горном деле и т.д. он всегда был в курсе по любому сложному вопросу и вел разговор со слушателями со знанием обсуждаемого дела. Особо следует отметить то, что оратор, вторгаясь в ту или иную сферу, говорил не только о достигнутых успехах, но и обращал внимание на недостатки, мобилизуя слушателей на их преодоление. В связи с этим можно с полным основанием утверждать, что Рузвельт был не только великим оратором, но и не менее великим организатором, учителем и воспитателем.

ГЛАВА VIII. МОГУЩЕСТВО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ

Каждое обращение Рузвельта к гражданам Соединенных Штатов являлось фактом мощного выражения оратором своего волеизъявления, фактом побуждения, страстного призыва, фактом организации, мобилизации соотечественников на вывод страны из тяжелейшего кризиса, на самоотверженный ратный труд для обеспечения в составе Большой Тройки (СССР, США, Великобритания) победы над гитлеровскими агрессорами и японскими милитаристами. По действенности выступления Рузвельта не сопоставимы с речами его предшественников. В каждой речи, в каждой его беседе четко обозначены неотложные задачи нации, определены политические, экономические, военные цели, указаны пути, методы, средства достижения, установлена ответственность тех, кому надлежит выполнение поставленных задач.

Для реализации волеизъявления как главы государства, главнокомандующего Рузвельт сполна использовал весь арсенал вербальных и невербальных средств воздействия на умы, сердца, на волю, на конкретные действия своих сограждан. Именно эта особенность общения Рузвельта с миллионами американцев и населением других стран существенно отличает его речи и беседы не только от выступлений предшественников, но и многих преемников, современных политических лидеров.

Волеизъявление являлось неотъемлемой органической составляющей всех видов его управленческой деятельности. Он применял те или иные средства и приемы воздействия с максимальным учетом условий эпохи, конкретной исторической обстановки.

Волеизъявление Рузвельта как главы правительства, как высшего военачальника реализовывалось в приказах, распоряжениях, директивах, инструкциях, положениях, в других видах документов. Каждому виду управления соответствовал официально-деловой стиль, деловая лексика, фразеология, соответствующая логико-синтаксическая организация содержания документов. Характерными единицами волеизъявления, повеления выступали выражения с такими ключевыми словами, как «приказываю», «требую» и т.п. Основной формой волеизъявления являлось использование глаголов повелительного наклонения, которые выражали волю говорящего, побуждение к совершению того или иного действия лицом (или лицами), в адрес которых направлялось повеление. В своей многогранной деятельности Рузвельт отдавал предпочтение не документному виду управления, а личному воздействию на подчиненных, на соратников, на оппонентов, на массовую аудиторию.

Волеизъявление Рузвельта было органической частью всех видов его устных выступлений перед членами правительства, конгрессменами, перед всеми слоями соотечественников на встречах, митингах, в радиобеседах. Язык и стиль устных выступлений, в том числе и феномен волеизъявления, был несколько иным, более разнообразным, более демократичным, более эмоциональным. В речах и беседах предпочтительными средствами волеизъявления были призывы, обращенные к соотечественникам, настоятельные советы, рекомендации, предложения, пожелания, просьбы и т.п. с соответствующим языковым оформ-

лением. К выражению волеизъявления в устных выступлениях оратором подключалась гибкая, динамичная интонация во всех её оттенках мягкости и жесткости. В подавляющем числе выступлений Рузвельта его волеизъявление как президента и главнокомандующего передается не одним каким-либо строго императивным словом, а рядом слов, целым предложением, отрывком речи и даже всем содержанием речи. Рузвельт предпочитал однословному выражению побуждения описательное, аналитическое волеизъявление.

Показательна радиобеседа Рузвельта, проведенная 12 марта 1933 года. Выступление президента слушали около 60 миллионов человек. Оратор вел речь о мерах по преодолению банковского кризиса. Рузвельт призывал соотечественников не поддаваться панике, доверять первым шагам правительства. Вот что, в частности, требовалось от граждан США, вот что они должны были делать, вот на что было направлено волеизъявление президента:

«С огромной радостью, – говорит оратор, – я улавливаю нотки доверия в настроениях людей по всей стране. У меня нет слов, чтобы выразить им благодарность за поддержку и согласие с той оценкой ситуации, на которой основывается наш курс, хотя, возможно, не всё в происходящих процессах было им понятно.

В конце концов, в нынешней перестройке финансовой системы есть нечто такое, что важнее денег, важнее золота, – это доверие людей. Доверие и мужество – вот что необходимо для успешного осуществления нашего плана».

В отрывке обращения президента скрыт тонкий психологический подход, вызывающий положительные эмоции слушателей к произнесенным словам оратора. Доверительный контакт с аудиторией практически установлен. Далее оратор продолжает:

«Вы должны иметь веру, друзья мои, не ударяться в панику от слухов и догадок».

В приведенных словах налицо элемент убеждения и внушения, а далее – прямое побуждение, повеление, призыв:

«Давайте объединимся, чтобы изгнать страх. Мы разработали механизм для восстановления финансовой системы. Теперь только вы можете поддержать его и заставить работать.

Следует вновь тончайшее психологическое воздействие: коронная афористическая фраза, объединяющая слушателей и оратора в единое целое и настраивающая совместное дело на полный успех:

«Это ваше дело, друзья мои, – ваше не в меньшей степени, чем мое. Вместе мы обязательно добьемся успеха».

Примером яркого выражения волеизъявления может служить радиовыступление Рузвельта, с которым он обратился к соотечественникам 7 мая 1933 года.

Содержание радиобеседы было посвящено подведению итогов действий по реализации намеченных программ и планов проводимой экономической реформы. Вместе с тем оратором ставились новые задачи, намечались планы очередных неотложных действий.

Оригинальное, нестандартное волеизъявление имеет место и в этой радиобеседе:

«Сегодня у нас есть основание считать, что дела обстоят несколько лучше, чем два месяца назад. В промышленности произошло оживление, железные дороги перевозят больше грузов, цены на сельскохозяйственную продукцию изменились в лучшую сторону. Однако я не позволил бы себе выступать с излишне радужными заверениями. Шумиха не вернет нас на путь благосостояния, а я намерен всегда быть честным с народом нашей страны».

Реализовав психологически мотивированный подход к аудитории, оратор далее заявляет, что он не собирается делать сам и не советует такого делать всем остальным. Следующие за этим слова оратора носят характер повелительности:

«Я не хочу, чтобы люди пошли по неразумному пути и допустили, чтобы это улучшение обернулось новой волной спекуляции. Я не хочу, чтобы необоснованный оптимизм породил у людей веру в то, что можно возобновить гибельную практику постоянного наращивания выпуска сельскохозяйственной и промышленной продукции в надежде, что доброе Провидение найдет покупателей по высокой цене. Такой курс может создать на короткое время иллюзию благополучия, но это будет благополучие, которое заведет нас в новый «штопор».

Волеизъявление президента в приведенном отрывке речи многослойно. Здесь мы видим энергичную поддержку оратором первых успешных шагов по преодолению кризиса. Успех, по его словам, налицо в различных областях. Надо наращивать усилия в том же духе. Однако, нельзя зазнаваться, хвастаться, нельзя заниматься пустой шумихой. Надо быть трезвомыслящими людьми, чтобы не попасть в новый «штопор».

Формы реализации волеизъявления в выступлениях Рузвельта были различными. В одних случаях волеизъявление было близко к прямому побуждению, повелению, в других – оно имело ощутимые признаки психологического воздействия близкого к процессу внушения.

Любопытно в этом отношении радиовыступление от 6 сентября 1936 года. Беседа была посвящена вопросам оказания помощи жертвам засухи, охватившей обширные районы Соединенных Штатов. Президент многократно прибегает к конкретным указаниям, распоряжениям о том, какие действия необходимо осуществить, чтобы облегчить положение пострадавших.

«Действенная сельскохозяйственная политика должна обеспечивать стабильные цены на продукты фермерского труда во все годы – как урожайные, так и неурожайные, в том числе в условиях засухи», – говорил президент. Продолжая развивать мысль, он отмечал далее: «Мы должны всегда поддерживать справедливое равновесие между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, постоянно думать о том, чтобы обеспечить достаточное снабжение страны продовольствием даже в неблагоприятные годы. Современная цивилизация может и должна разработать действенные средства, с помощью которых избыток продукции в годы изобилия можно было бы сохранять для потребления в годы недорода».

Во второй части выступления Рузвельт напомнил соотечественникам о том, что на следующий день страна будет отмечать День Труда (это официальный праздник США, который отмечается в первый понедельник сентября каждого года).

В связи с этим событием Рузвельт, как президент, выразил в речи свое видение этой знаменательной даты. В его словах не было прямого императива. Здесь, как нам кажется, президент больше воздействовал на аудиторию внушением, хотя в изложении мыслей и имели место формулы «долженствования».

«Завтра – День Труда», – говорил президент. «У нас в стране этот день в календаре никогда не имел классового содержания, он был государственным праздником. В наше время этот характер Дня Труда проявляется ещё ярче, чем обычно. В других странах всегда считалось само собой разумеющимся, что работодателей и наемных работников разделяет классовый барьер, который нелегко преодолеть. Но мы в нашей стране убеждены, что отношения работодателя с рабочими должны быть отношениями между равными людьми; мы считаем такие отношения важным слагаемым американского образа жизни. Мы отказываемся проводить различие между теми, кто живет трудом своих рук или умственным трудом, и теми, кого кормит собственность, отказываемся считать, что одни в чем-то ниже других. Мы убеждены, что труд достоин такого же уважения, как собственность».

В числе слушателей президента возможно были и те, кто не вполне разделял слова оратора. Однако всё произносимое уважаемым человеком, человеком, которому в ту пору принадлежала в сущности неограниченная власть, не могли не оставлять последствий, на которые рассчитывал оратор. Внушение работало: «мы убеждены», «мы считаем», «мы отказываемся», «мы убеждены...».

Оратор продолжал, подчеркивая аргументы социального характера:

«Однако наши работники физического и умственного труда заслуживают не только уважения. Они имеют право на практическую защиту, которая обеспечила бы им возможность применять свой труд и получать доход, достаточный для достойного и постоянно растущего уровня жизни. Более того, этот доход должен позволять сделать накопления, чтобы обезопасить себя от неизбежных превратностей жизни. То и другое должно быть доступно среднему человеку, если мы хотим избежать роста классовых настроений в нашем обществе».

Далее Рузвельт преподает урок тем, кто не склонен считаться с реалиями жизни миллионов рядовых американцев:

«Есть среди нас такие, кто не внимлет велениям времени и не извлекает уроков из американской истории. Они хотели бы лишить рабочих всяких действительных средств коллективно отстаивать свои права, отказать им в возможности заработать на достойную жизнь и сделать накопления на черный день. Именно от таких недалёковидных людей, а вовсе не от рабочих организаций, исходит опасность классового раскола общества, который в других странах привел к диктатуре, к тому, что жизнь людей наполнилась страхом и ненавистью».

В приведенных словах и внушение, и разумный совет, и жесткое предупреждение.

Завершается радиовыступление президента волеизъявлением – призывом к обеспечению в стране собственной гармонии:

«В Америке все наемные работники – как физического, так и умственного труда, – а также другие группы населения, чье благополучие зависит от рабочих, знают, что мы все одинаково заинтересованы в построении организованной экономической демократии, которая может принести блага каждому и обезопасит всех от порочного экономического правления, подобного тому, что привело нас на грань всеобщего краха семь лет назад. Не существует никаких причин для раскола между «белыми» и «синими воротничками», художниками и ремесленниками, музыкантами и механиками, юристами и бухгалтерами, архитекторами и шахтерами».

В заключительных словах президента повеление-предупреждение и призыв к общественному единению:

«Завтрашний праздник, День Труда принадлежит нам всем. День Труда символизирует надежду всех американцев. Каждый, кто пытается навязать ему классовое содержание, бросает вызов всей концепции американской демократии.

Четвертого июля мы празднуем нашу политическую свободу, которая, однако, не имеет смысла без свободы экономической. День Труда символизирует нашу решимость обеспечить среднему человеку экономическую свободу, что сделает реальностью и его политическую свободу».

Уместно отметить, что в монологе -проповеди Рузвельта, посвященном Дню Труда, не всё произнесенное в полной мере соответствовало американским реалиям того времени. Думается, что слушателям это было вполне понятно. Существенным всё-таки было то, что проповедь равенства политической и экономической свободы в определенной степени играла консолидирующую роль в мобилизации усилий американского общества на преодоление кризиса и сплочении усилий для обеспечения победы над фашистской Германией и милитаристской Японией.

Сильной по волеизъявлению является радиобеседа Рузвельта, которую он провел 14 апреля 1938 года. Причина её проведения состояла в том, что в экономике Соединенных Штатов в 1937-1938 гг. произошел спад. Возросла безработица с 4,5 млн в 1937 г. до 11 млн в 1938 г. Опасно накопились товарные запасы, что негативно сказалось на спросе и росте цен. Первые успехи в реализации «Нового курса» убаюкивали как администрацию, так и самих производителей. Кроме того, ряд решений Верховного суда объявили неконституционными законы о развитии национальной промышленности и сельского хозяйства, что повлекло к сокращению ассигнований со стороны правительства и на помощь безработным и фермерам, и на общественные работы.

Рузвельт направил Конгрессу специальное послание. Значительная часть этого выступления: посвящена тому, что в сложившихся условиях должен предпринять Конгресс. Любопытно постоянное употребление оратором формул долженствования, адресованных Конгрессу: «Я указал Конгрессу на динами-

ку...»; «Я в своем послании Конгрессу говорил»; «Я также отмечал...»; «Я повторил Конгрессу...»; «Я сформулировал вывод...»; «Я поставил вопрос...»; «Я запросил ассигнования...»; «Я предложил Конгрессу...»; «Я сказал Конгрессу...»; «Я также напомнил Конгрессу...» и т.д.

Проиллюстрируем особенности ораторского волеизъявления Рузвельта рядом цитат из его послания Конгрессу, которые он сам лично приводит в этом радиообращении к нации:

«В таких условиях правительство обязано дополнить нормальные экономические процессы своим вмешательством – в той степени, в какой это необходимо. Мы должны снова вступить на долгий путь постепенного подъема национального дохода».

«И на этом пути, который, как я убежден, для нас вот-вот начнется, мы постараемся не повторить ошибок прошлого: перепроизводства, спекуляции и всех других крайностей, которых не смогли избежать в 1929 году. Все эти задачи правительство не может и не должно решать в одиночку. Бизнес должен оказать ему помощь, и я уверен, что так оно и будет».

«Нам нужно нечто большее, чем просто средства к оздоровлению экономики. Нам нужна единая воля всей нации».

«Нам нужно всей страной признать, что требования отдельных социальных групп, как бы они ни были справедливы, могут быть удовлетворены только в том случае, если каждая группа деятельно участвует в поисках путей повышения национального дохода».

«Чтобы повысить экономический уровень страны, или доходы граждан, в нашем распоряжении есть все необходимое: природные ресурсы, деньги, умелые руки рабочих и знающие головы специалистов. Вопрос только в том, насколько хорошо мы можем действовать сообща. Что нам нужно – так это единая воля».

«Пришло время обратить эту волю в действие, используя все приводные ремни, которые есть в нашем распоряжении. И я полон решимости выполнить свою часть задачи».

«Эта общая воля, если она у нас есть, как мне кажется, накладывает на нас определенные обязательства... Каждый из нас должен иметь внутреннюю «цензуру»... Это не что иное, как дисциплина демократии. Каждый патриотически настроенный гражданин должен сказать себе, что невыдержанные заявления к предубеждениям, возбуждение недобрых чувств наносят удар не только по каким-то отдельным личностям, но и по всему населению Соединенных Штатов...».

Свое энергичное волеизъявление оратор заключил на высокой оптимистической ноте, употребив яркую метафору из любимой его сферы – жизни флота:

«Я верю, что мы наметили правильный курс. Отказаться сейчас от наших планов построить более сильную и стабильную Америку, в которой было бы больше взаимной терпимости, означало бы, выражаясь морским языком, упустить прилив и в результате, возможно, вообще не доплыть до порта назначения. Я предлагаю развернуть паруса и плыть вперед. Уверен, что вы связываете

со мной свои надежды и я могу рассчитывать на вашу помощь. Чтобы достигнуть порта, нам нужно плыть, а не стоять на якоре, плыть, а не дрейфовать».

Всё, к чему Рузвельт привлек внимание в своем послании конгрессу и процитированное им в радиообращении к нации, адресовалось в его волеизъявлении конгрессменам, правительству, рабочим, всем патриотически настроенным гражданам страны.

Идея единства, монолитности американского общества является предметом внимания Рузвельта и в очередном радиовыступлении, с которым он выступил 24 июня 1938 года. Это его выступление было последним в мирное время.

Указав в ходе анализа на имевшиеся ошибки в деятельности правительства, бизнеса и других структур общества, Рузвельт следующим образом выразил свое волеизъявление:

«Мы надеемся, что, наученные этим опытом, силы промышленности – и капитал и труд будут – более разумно действовать сообща, более тесно, чем в прошлом, сотрудничать с правительством. Такому сотрудничеству я буду очень рад. А в настоящий момент им, без сомнения, нужно занять единую позицию, чтобы предотвратить снижение заработной платы, которое ещё больше уменьшило бы покупательную способность населения».

«Я считаю, – продолжал оратор, – что у большинства американского народа есть уверенность, уверенность в себе, в своей способности при помощи правительства решить насущные проблемы».

«Правительство, – по убеждению Рузвельта, – несет ответственность за решение возникающих проблем, оно ни на год, ни на месяц, ни даже на один день не может сложить с себя этой ответственности».

Говоря о выборах 1938 года, Рузвельт высказался в этом выступлении относительно своей политической ориентации:

«Мы верим в то, что сможем решить наши проблемы, прилагая для этого постоянные усилия в рамках демократии, не допуская ни фашизма, ни коммунизма».

Тональность волеизъявлений Рузвельта существенно стали меняться в условиях разразившейся Второй мировой войны. Летом 1940 г. немецко-фашистские войска вторглись в Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Францию. Всё большее число американцев стало сознавать, что удаленность Америки от военных действий при современной технике не является гарантией ее безопасности.

Проблеме неотложного укрепления национальной безопасности Соединенных Штатов Америки было посвящено радиообращение Рузвельта к соотечественникам, которое имело место 26 мая 1940 года. Освещая ход событий в Европе, других регионах мира, Рузвельт в своем выступлении постоянно актуализирует проблему национальной безопасности Соединенных Штатов. Одну за другой он ставит задачи перед всеми структурами государственного управления и всем обществом, которые должны быть решены безусловно и в самые кратчайшие сроки.

Вот лишь некоторые характерные формы волеизъявления, содержащиеся в этом радиообращении:

«Мы рассчитываем на ресурсы, компетентность и творческий гений американских промышленников, производящих всевозможные орудия войны: самолеты, танки, пушки, корабли и ещё сотни видов военного снаряжения».

«Мы призываем всех, – продолжал президент, – кто занят в частной промышленности, помочь нам осуществить эту программу... Наш призыв не означает, что вся частная промышленность должна в буквальном смысле заняться производством вооружений. Эта задача по-прежнему возложена на специальные заводы и фабрики, разбросанные по всей нашей стране. Однако на всей частной промышленности лежит ответственность за обеспечение самого эффективного и качественного массового производства. Я призываю предпринимателей помочь в координировании оборонной программы – позаботиться о том, чтобы на всех заводах поддерживались максимальные темпы и эффективность производства».

«...Осуществляя намеченную программу, мы по-прежнему должны бережно хранить то, что для надежной обороны страны не менее важно, чем материальные орудия войны. Пусть армия и ВМС с их пушками, кораблями и самолетами составляют первую линию нашей обороны. Но ясно, что за ними стоит нечто другое – то, что питает военную машину, дает ей мощь. Этим источником является сила духа, высокие моральные устои свободного народа».

Президент, главнокомандующий свое волеизъявление выражает решительно, твердо, обязывая, призывая, требуя от своего имени и от имени всей страны.

Радиообращение от 29 декабря 1940 года президент завершает мощным волеизъявлением, имевшим огромное воздействие на миллионы его соотечественников:

«Я глубоко убежден, что американский народ полон решимости, как никогда, напрячь силы и увеличить производство всех видов оборонной продукции, чтобы дать отпор угрозе, нависшей над нашей верой в демократию.

Как президент Соединенных Штатов я призываю к общегосударственным усилиям по обеспечению обороны. Я призываю к этому во имя нашей страны, которую мы любим и чтим и которой с гордостью служим. Я обращаюсь с этим призывом к моим соотечественникам, будучи совершенно уверен, что наше общее дело увенчается полным успехом».

Свое волеизъявление как президента, как главнокомандующего, как гражданина своей страны Рузвельт реализовал с политической, логической, нравственной, психориторической точки зрения безупречно.

Насыщено формулами побуждения радиовыступление Рузвельта от 27 мая 1941 года: «Я не раз говорил, что Соединенные Штаты мобилизуют человеческие и материальные ресурсы только для целей обороны, только для отражения возможного нападения. Это я повторяю и сейчас. Однако, говоря о «нападении» нам нужно быть реалистами, необходимо учитывать молниеносный характер современной войны».

В некоторых случаях волеизъявление оратора выражается как бы опосредовано. Побуждает слушателей к определенным действиям не лично говорящий, а правительство, государство, народ:

«Ваше правительство вправе ожидать, что отныне и впредь все граждане будут в духе верности патриотическому долгу участвовать в общей работе по укреплению нашей обороны».

С большой эмоционально-экспрессивной силой волеизъявление Рузвельта как президента и главнокомандующего проявилось в его радиообращении к народам США, с которым он выступил 23 февраля 1942 года.

Дав анализ положению на фронтах, Рузвельт призвал американцев к энергичному наращиванию военного производства с целью бесперебойного снабжения вооруженных сил США и армий союзников всем необходимым для успешных боевых действий.

Объединяя себя, правительство, народ в единое целое, оратор говорит:

«Мы призываем строить новые заводы и расширять действующие. Мы призываем переводить гражданское производство на военные рельсы. Чтобы все эти заводы заработали, нам требуется больше людей. Мы работаем сверхурочно. Мы начинаем осознавать, что если завтра выпустить лишний самолет, лишний танк, лишнюю пушку или лишний корабль, то через несколько месяцев эта единица боевой техники может обеспечить перелом в нашу пользу на каком-нибудь отдаленном поле сражения, от нее будет зависеть жизнь или смерть наших бойцов. Мы знаем, что если мы проиграем в этой войне, то демократия, как мы её понимаем, не возродится ещё многие десятилетия, а то и века. А проиграть войну мы можем только в том случае, если ослабим свои усилия или будем растрачивать их, воюя друг с другом».

Президент побуждает соотечественников к конкретным решениям, усиливая высказывание приемом структурирования.

«Сегодня каждый американец должен проникнуться тремя высокими принципами:

1. Мы не должны прерывать работу ни на один день. Если возникают какие-либо споры, необходимо продолжать работу, пока вопрос решается с помощью посредничества, согласительных процедур или арбитража. Такой порядок должен сохраняться до окончания войны.

2. Никакая социальная или профессиональная группа населения не должна требовать для себя особых выгод, преимуществ или привилегий.

3. Мы должны быть готовы изменить свой образ жизни, отказаться от удобств, если страна попросит нас об этом. Мы сделаем это охотно, памятуя о том, что общий враг стремится разрушить наш дом и уничтожить свободу во всей нашей стране».

Волеизъявление оратора реализуется в форме очевидного повеления, побуждения, идущего от президента, от главнокомандующего, а также и в виде психологического внушения (см. пункт 1-й).

Об этом свидетельствует и дальнейшее продолжение речи, оратор социально-психологически усиливает 3-й пункт.

«Нынешнее поколение американцев своевременно и глубоко осознало, что есть нечто более значимое и более важное, чем интересы отдельного человека или отдельной группы, нечто такое, во имя чего человек с радостью пожертвует не только своими удовольствиями, имуществом, общением с близкими, но и самой своей жизнью».

Мастерство Рузвельта органически соединять в процессе волеизъявления формулы официального долженствования, распорядительности, приказности с психологическим воздействием, в частности с феноменом внушения, воистину поразительно.

Это мастерство – настоящее чародейство.

Вот ещё один пример из цитируемого радиовыступления Рузвельта от 23 февраля 1942 года:

«Мы, американцы, внесем вклад в общее дело нашим производством, нашей единоклюпной готовностью к жертвам и самоотверженному труду. Это требует такого единства всей страны, которое выше различия рас и верований, выше эгоизма в политике. Именно этого Америка ожидает от своих граждан. Американцы найдут пути и средства, чтобы продемонстрировать свою решимость врагу, в том числе тому японскому адмиралу, который заявил, что будет диктовать условия мира здесь в Белом доме».

Характерны с социально-психологической точки зрения примеры волеизъявления Рузвельта, содержащиеся в его радиообращении к американскому народу, с которым он выступил 2 мая 1943 года. Поводом для этого выступления президента послужила забастовка шахтеров.

Вот начало этого радиообращения к нации:

«Мои соотечественники-американцы, сегодня, беседуя со всем американским народом, я буду прежде всего обращаться к нашим согражданам-шахтерам».

Далее президент характеризует обстановку:

«Наша страна переживает серьезный кризис. Мы вовлечены в войну, от исхода которой зависит все будущее американского народа.

Война достигла новой, критической фазы. Потратив годы на подготовку, мы теперь вступили в решительный бой с нашими врагами. Для победы в мировом конфликте мы отдаем все, что у нас есть, – наших молодых мужчин, огромные ресурсы всей страны».

«Повсюду, – говорит президент, – есть свидетельства того, что люди готовы отдать все силы для победы в войне. Рабочие – мужчины и женщины – безропотно выносят долгие смены на трудной работе, терпят тяжелые условия жизни».

«Американский народ творит чудеса».

«Шахтеры! Ваши сыновья сейчас служат в армии, во флоте, в морской пехоте. Возможно, в эту самую минуту они ведут бои в Новой Гвинее, на Алеутских островах или на острове Гуадалканал, в Тунисе или Китае или охраняют от подводных лодок транспортные суда в открытом море. Из-за океана к нам уже поступают телеграммы от наших бойцов: жаль, что они лично не могут вам высказать, что они думают по поводу забастовки шахтеров».

Далее президент от психологических увещеваний переключается на мотивирование, на иной тон общения:

«Мы должны продолжать войну. Уголь будет добываться – независимо от того, кто и что об этом думает. Мы не допустим перерывов в работе наших заводов, электростанций и железных дорог. Наши войска должны получать военное снаряжение».

«Я всегда от души поддерживал всякое улучшение условий жизни и труда шахтеров и впредь не намерен пренебрегать их нуждами. Но я также не собираюсь пренебрегать своими обязанностями и ответственностью президента Соединенных Штатов и главнокомандующего вооруженными силами страны».

Заключительные слова радиообращения – апелляция к высшим духовным качествам соотечественников, в первую очередь шахтеров:

«Я верю, – говорит президент, – что шахтеры больше не будут ставить свое правительство под удар. Я верю, что наши американские шахтеры услышат призыв исполнить свой долг. Их долг в том, чтобы вместе со всеми честными американцами и плечом к плечу с нашими вооруженными силами идти к победе».

В заключительной фразе радиообращения Рузвельт с целью достижения безотказности своего воздействия на разум, чувства, волю тысяч шахтеров прибегает к использованию главного самого высшего государственного символа:

«Завтра над каждой шахтой будет поднят звездно-полосатый флаг, и я верю, что под этим флагом ни один шахтер не откажется работать».

28 июля 1943 года Рузвельт выступил с радиообращением к американскому народу с разъяснениями наступательной стратегии Объединенных Наций. Приведем здесь лишь небольшую часть текста этого обращения, в котором ярко отразилось волеизъявление Рузвельта как президента, как главнокомандующего, как одного из ведущих инициаторов по созданию Объединения Наций:

«Нам, – говорит Рузвельт, – предстоит победить Гитлера и Тодзио на территории их собственных стран. Для этого нам потребуется ещё больше сконцентрировать всю энергию, творческий гений и профессиональное умение нашего народа.

Не будет преувеличением сказать, что нам нужно отдать войне всю силу, весь разум и всю волю Соединенных Штатов. Мы – великая и богатая страна, но не настолько великая и богатая, чтобы позволить себе транжирить свои материальные ресурсы и жизни наших солдат, а именно это и произойдет, если мы расслабимся, не дойдя до конца пути».

И вершина, апогей президентского волеизъявления:

«Нам нужна только полная победа, на меньшее мы не согласимся. Такова непреклонная воля каждого американца на фронте. Такова должна быть – и будет – непреклонная воля каждого американца здесь, дома».

В целях безотказного воздействия своего волеизъявления Рузвельт, как видим из приведенного текста радиообращения, с непревзойденным искусством использовал весь арсенал психориторических средств и приемов. Здесь и

побудительные глагольно-наречные формулы, выразительные эпитеты, повторы, градационные ряды и т.д.

Сильным по волеизъявлению является радиообращение Рузвельта, произнесенное 8 сентября 1943 года. Здесь оратор, как и в более ранних выступлениях, прибегает к аналитической (описательной) форме волеизъявления. Побудительные формулы долженствования перемежаются с различными психологическими приемами эмоционального воздействия на аудиторию.

Названное радиообращение было посвящено вопросам пропаганды, разъяснения третьего военного займа. Рузвельт дает глубокий анализ положения на фронтах и в тылу. Он объясняет, что война вновь и вновь требует огромных затрат и жертв. Смысл всей речи состоял в том, чтобы побудить американцев к всемерной поддержке нужд фронта и тыла с целью достижения победы над врагом.

«Военные действия не прекращаются – и не должны прекращаться – ни на одну минуту. Нашим бойцам это известно... Точно так же все ответственные люди в Соединенных Штатах знают, что бои идут двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, и что из-за одного упущенного дня война может затянуться на месяцы».

Обращаясь к радиослушателям, Рузвельт говорит:

«Ваши соотечественники-американцы великолепно показали себя в сражениях по всему миру – будь то на суше, на море или в воздухе.

Теперь ваша очередь доказать им, что вы тоже вносите свою лепту и стремитесь сделать даже сверх того. Недостаточно вложить в военные облигации только те деньги, которые в нормальных условиях пополнили бы ваши сбережения; нужно отдать больше, отказавшись от части текущих расходов. Только тогда мы сможем успокоить свою совесть, сказать: «Я сделал всё, что мог». Так что все зависит от вас, американцев, живущих в американских домах – тех самых домах, для спасения которых наши сыновья и дочери работают, сражаются и погибают».

В заключительных словах радиобеседы президента снова и административно-управленческое повеление и психологическое воздействие с опорой на патриотические чувства сограждан, с мастерским применением библеизма, крылатого выражения, эмоционально-экспрессивной лексики.

«Никто не знает, когда наступит окончательная победа – однако мы знаем, что чем упорнее мы сейчас сражаемся, чем более мощные удары наносим врагу, тем скорее закончится война и тем меньше будет итоговый счет жертв.

Успех третьего военного займа станет наглядным свидетельством того, что Америка не собирается почивать на лаврах. Нам известно, что впереди нас ожидает тяжелая, ожесточенная борьба, и мы не намерены останавливаться, пока не доведем её до конца.

Теперь очередь за вами!

Каждый доллар, который вы вложите в облигации третьего военного займа, станет вашим личным вызовом нашим общим врагам – дикарям-нацистам и оголтелым японским милитаристам – и одновременно посланием веры и

добрым приветом нашим союзникам и всем бойцам на фронте. Да благословит их Бог!»

Факты мощного волеизъявления Рузвельтом в его публичных выступлениях многократно встречаются и в тех речах, радиобеседах, с которыми ему пришлось выступать в 1944 году. Сопротивление гитлеровской Германии и милитаристской Японии было ещё ожесточенным. Работа фронтов и тыла требовала невероятных усилий.

2 января 1944 года в очередном радиообращении к народам США Рузвельт отмечал:

«Я много раз говорил, что для Америки в этой войне не существует разницы между фронтом и тылом. Есть только один фронт. Сердца наших людей здесь, дома, и сердца бойцов на самых дальних форпостах бьются в едином ритме. Когда мы говорим о всеобщих военных усилиях страны, имеем в виду не только поля сражений, но и фабрики, фермы и шахты; не только солдат, но и штатских людей – всех граждан и их правительство.

На каждом из нас лежит высокая обязанность перед Богом – служить своей стране в трудный час, чтобы Америка оставалась великой и достигла ещё большего величия в будущем, более совершенном мире».

Как уже можно было заметить, Рузвельт неоднократно в целях усиления своего воздействия на религиозные чувства соотечественников обращается к образу Всевышнего.

К многомиллионной американской аудитории Рузвельт обратился по радио 12 июня 1944 года, т.е. спустя 6 дней с момента начала операции «Оверлорд». Высадка союзных войск в Нормандии в военном отношении была сложным и опасным мероприятием. Надо было сосредоточить союзническую группировку в составе около 3 млн человек, 20 тыс. самолетов, более тысячи военных кораблей. Только в южных районах Англии было размещено 39 дивизий (20 американских, 14 английских, 3 канадских, 1 польская и 1 французская). Около 10 тыс. самолетов прикрывали форсирование пролива Ла-Манш. А на Востоке разворачивалось наступление советских войск, которые, как отметил Рузвельт в своем выступлении, изгнали врага из своих земель «и теперь наносят ему сокрушительные удары».

Проинформировав соотечественников о положении на фронтах, Рузвельт обратил внимание слушателей на то, что для развития успехов в борьбе с коварным врагом необходима мобилизация всех сил на то, чтобы обеспечить войска всем необходимым. Президент призвал американцев усилить материальную помощь через приобретение военных облигаций. Он отметил в речи, что эта помощь могла бы быть большей, если бы все поступали в этом важном вопросе же совести.

«Однако в Соединенных Штатах ещё много таких людей, которые не покупали военных облигаций или покупали их в меньшем количестве, чем могли себе позволить. Каждый человек сам про себя знает, относится ли он к этой категории. В некоторых случаях это известно и его соседям.

Я надеюсь, призыв президента Соединенных Штатов разбудит совесть таких людей».

Взывая к совести соотечественников, Рузвельт заключает радиообращение следующими словами:

«Все, что мы используем в этой войне, все, что мы посылаем нашим войскам, стоит денег, и больших денег. Внести средства, необходимые для окончательной победы,- это для каждого из нас надежный способ проявить верность тем, кто отдал или в эту минуту отдает за нас свои жизни.

Я призываю всех американцев покупать военные облигации, не жалея денег. Пусть крепнет наше могучее единение, которое приблизит нас к победе!».

Пламенный призыв президента Рузвельта нашел живой отклик у его соотечественников.

5 января 1945 года Рузвельт последний раз выступил по радио. Ему внимали соотечественники и прогрессивное мировое сообщество.

Объектом особой заботы Рузвельта были проблемы послевоенного миростроительства.

«В области внешней политики, – говорил президент, – мы предлагаем и в дальнейшем тесно сотрудничать с Объединенными Нациями – не только в военных действиях, но и в реализации победы. Нас объединяет не только общая опасность, но ж общая надежда. Наша коалиция – это союз не правительств, а народов. Народы же мечтают о мире: в Америке так же, как и в Англии; в Англии – так же, как и в России; в России – так же, как и в Китае; во Франции, во всей Европе и на всей земле – повсюду, где люди любят свободу. Их надежда и цель – это прочный мир на долгие времена».

Актуальны и сегодня призывы Рузвельта к великой осторожности в применении силы. «В будущем устройстве мира необоснованное употребление силы – то, что имеют в виду, когда говорят о «политике с позиции силы», не должно быть решающим фактором международных отношений. В этом самая суть принципов, за которые мы выступаем. В демократическом мире, как и в демократической стране, сила должна быть сопряжена с ответственностью. Применение силы во всех случаях допустимо только в интересах общего блага».

Весь текст этого радиообращения насыщен языковыми формулами должествования, побуждения слушателей к активной деятельности и в ряде других сфер жизнедеятельности страны:

«Мы должны позаботиться...»; «пора строить планы...»; «необходимо принимать законы...»; «закладывать основы переходного периода» и т.д.

Озабоченность Рузвельта судьбами мира нашла яркое отражение в тексте речи, которую он собирался произнести 13 апреля по случаю Дня памяти президента Джефферсона. Есть свидетельства биографов, историков о том, что Рузвельт во второй половине дня 2 апреля 1945 года диктовал стенографистке первый вариант этой речи: «Мы откажемся от решимости добиваться того, чтобы на протяжении жизни наших детей и детей наших детей не было третьей мировой войны... Мы хотим мира, прочного мира... Ещё недавно могущественное, человеконенавистническое нацистское государство разваливается. Возмездие настигло и японскую армию на её собственной территории. Она сама напросилась на него, напав на Пёрл-Харбор. Но было бы недостаточно нанести

поражение нашим врагам. Мы должны идти дальше и сделать всё возможное, чтобы нанести поражение сомнениям и страхам, невежеству и алчности, которые сделали возможным весь этот ужас».

Следующий абзац речи был сформулирован так: «Сегодня мы сталкиваемся с основополагающим фактом, суть которого состоит в том, что если цивилизации суждено выжить, то мы для этого должны культивировать науку человеческих отношений – способность всех людей, какими бы разными они ни были, жить вместе и трудиться вместе на одной планете в условиях мира» (примерно так ранее высказывался Джефферсон).

Завершающая часть этой планируемой речи выражала мощное волеизъявление Рузвельта. Он собирался сказать так:

«Разрешите мне заверить вас, что моя рука тверда для работы, которую предстоит сделать, что я тверд в своей решимости выполнить её, зная, что вы – миллионы и миллионы людей – присоединитесь ко мне для осуществления этой работы.

Эта работа, друзья мои, делается ради мира на земле. Конец этой войны будет означать конец всем попыткам развязать новые войны, бессмысленному способу решения разногласий между правительствами путем массового уничтожения людей.

Сегодня, когда мы ополчились против этого ужасного бедствия – войны и создаем условия для прочного мира, я прошу вас сохранять веру в успех. Я измеряю меру достижений на этом пути нашей преданностью делу и вашей решимостью. И всем вам, всем американцам, которые посвящают себя вместе с нами работе во имя прочного мира, я говорю:

«Единственной преградой для приближения этого завтрашнего дня будут только ваши сомнения в отношении дня сегодняшнего.

Давайте двинемся вперед, вооруженные сильной и активной волей».

Видный американский военачальник времен Второй мировой войны, а впоследствии и 34 президент США, Дуайт Эйзенхауэр имел основание следующим образом отозваться о своем главнокомандующем и президенте:

«Я в огромной степени восхищался им как военным лидером. Этот человек отличался заразительным оптимизмом».

Каким-то особым способом он мог передавать свою несокрушимую уверенность американскому народу... В результате на протяжении военных лет, несмотря на политическую оппозицию по внутренним вопросам, ФДР держал нацию тесно сплоченной в процессе военных усилий».

«Его сила и несокрушимый дух позволяли черпать постоянную поддержку и уверенность в конечном решении всех проблем», - отмечал Эйзенхауэр. Он также говорил: «Для того чтобы быть эффективным, любой президент должен уметь воодушевлять людей. Это самое главное в руководстве».

К имени, опыту Рузвельта обращались президенты США послевоенного периода и нашего времени. Джеральд Форд отмечал необыкновенную мощь рузвельтовского воздействия на все слои американского общества:

«Я восхищаюсь, хотя у меня философские разногласия с ним. Он интригует меня как политик; я восхищен как он умел убеждать, меня поражает сила

занятой им позиции; в глубине души нельзя не прийти к выводу, что он был хорошим президентом для своей страны в свое время».

Могуществом конструктивного волеизъявления Рузвельта восхищался 39-й президент США Джимми Картер:

«Франклин Рузвельт служил миллионам американских семей, голодным и оставленным без надежды в годы великой депрессии... Рузвельт знал, что наша страна может найти лучший путь; своими смелыми и энергичными действиями он восстановил доверие к нашей экономической системе, он вернул нацию к работе. Он объединил народ это изменило наши жизни».

Немецкий историк Д. Юнкер в своей книге «Франклин Рузвельт» писал:

«Как ни один президент до него, он вырвал у конгресса законодательную инициативу и расширил в этом смысле законодательную функцию президентского ведомства. Он наводнил Капитолий особыми посланиями и законопроектами, в случае необходимости использовал право вето по отношению конгресса, очаровывая депутатов и сенаторов в личных беседах, использовал возможности для патронажа учреждений, когда было необходимо давление на конгресс с помощью общественного мнения».

Уникальность волеизъявления Рузвельта состояла не только в порождении у слушателей предельной ответственности за выполнение поставленных задач. Волеизъявление органично повышало у миллионов соотечественников вдохновение, энергичность, творческую инициативу в достижении доставленных президентом, главнокомандующим целей».

Элеонора Рузвельт писала: «Я не знаю никого, кто мог бы внушать людям большее чувство уверенности. Я никогда не слышала от него, что существуют проблемы, решить которые человеческие существа не способны».

Могущество волеизъявления Рузвельта как руководителя, как человека во многом обуславливалось тем, что он в практике своей деятельности основательно изучил психологическую природу, общеобразовательные, профессиональные, возрастные и многие иные особенности своих слушателей. Он знал их интересы, думы, чаяния, надежды, устремления. Отсюда и психологическая мотивированность выбора средств и приемов вербального и невербального воздействия на аудиторию.

Могущество волеизъявления Рузвельта основывалось на силе жизненной правды, железной логике, богатейшем политическом опыте, мощном психологическом воздействии, на блестящем применении всего арсенала социолингвистического и риторического богатства языка, на оптимальности избранного им социально-экономического и политического курса современной ему эпохи.

Действенность управленческой деятельности Рузвельта обуславливалась не только особенностями искусства его личного воздействия на те или иные структуры государственного, партийного аппарата, общественные организации, массовую аудиторию. Во времена Рузвельта число выдающихся управленцев было наибольшим, чем до него и после него. Не ему принадлежит авторство знаменитого афористического выражения – «Кадры решают всё». Однако на практике великий смысл этой емкой формулы он осознавал вполне. Рузвельт прилагал громадные усилия к тому, чтобы на всех основных направлениях ру-

ководства находились люди, обладающие высокими деловыми качествами, люди, умеющие находить наиболее оптимальные способы успешного решения экономических, политических, военных, дипломатических и других сложных проблем. Его уникальный социально-психологический опыт общения с людьми был мощным подспорьем в обеспечении эффективного руководства как президента страны и Верховного главнокомандующего.

Любопытны суждения видного английского философа Сэра Исая Берлина, имевшего возможность наблюдать практическую реализацию политической воли президента США в годы Второй мировой войны (Берлин, работая в британской службе информации в США в 1941-1942 гг., в 1945-1946 гг. являлся вторым секретарем британского посольства в СССР). В книге «Личные впечатления» (в очерке «Президент Франклин Делано Рузвельт») автор выражает глубокую восторженную оценку объекту своего внимания. Вот как отзывался об этой оценке историк А.И. Уткин:

«Прав философ Исая Берлин, указавший на исключительную человеческую чувствительность этого человека, на его знание, сознательное и бессознательное, надежд, страха и устремлений того множества людей, которые составляют народ. Это вольное или невольное знание, считает Берлин, было главным источником его величия, его гения, его места в истории. Словно различные потоки разнообразного общества отразили общую сейсмограмму в его нервной системе. Но знания было недостаточно. «Прежде всего, – пишет Берлин, – он был абсолютно бесстрашен. Он был одним из немногих государственных деятелей двадцатого века – да и любого века – который не имел страха перед будущим».⁶⁵

Российский историк А.И. Уткин в книге «Рузвельт», обращая внимание на некоторые отличия ораторского стиля Рузвельта и Черчилля, ссылается на суждения доктора Морана (автор книги «Уинстон Черчилль: борьбе за выживание»):

«Черчилль, если верить мнению Морана, был мало обеспокоен эффектом своих речей, это был своеобразный способ самовыражения. Напротив, Рузвельт всегда думал, прежде всего, о том действии, которое возымеют его слова. Его метафоры всегда служили непосредственному воздействию».

Сказанное об особенностях стиля Рузвельта, безусловно, верно. Относительно стиля выступлений Черчилля корректнее было бы сказать: у него бывали речи, в которых «способ самовыражения» был слишком очевиден. Однако, среди великого множества выступлений Черчилля есть немало сугубо деловых речей, посвященных решению конкретных судьбоносных для страны проблем.

Каждое публичное выступление Рузвельта содержало в себе такие важнейшие составляющие, как мощное убеждение, переубеждение, призыв, мобилизация, организация, побуждение соотечественников к конкретным созидательным действиям. Для достижения поставленной в выступлении цели он сполна использовал весь арсенал экономических, политических, военных и иных аргументов, весь комплекс логических средств и приемов, психоритори-

⁶⁵ Уткин А.И. Рузвельт. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000, с. 538-539.

ческих универсалий, рассчитанных на интеллектуальное и психологическое воздействие на слушателей.

Нельзя не подчеркнуть особо то, что Рузвельт был искуснейшим мастером формирования у аудитории в высшей степени положительного к себе отношения со стороны почти всех слоев населения. Восторженное отношение к его личности многих миллионов соотечественников – яркое тому свидетельство. Этот социально-психологический феномен усиливал могущество волеизъявления Рузвельта как президента, как главнокомандующего, как политического лидера, как Человека с большой буквы.

Всё содержание речей, бесед Рузвельта, стиль их реализации подчинялись одному: добиться наивысшего влияния на аудиторию, мобилизовать людей на конкретные действия по решению неотложных задач, порожденных сложной исторической обстановкой периода кризиса и войны.

Могущество волеизъявления Рузвельтом было блестяще реализовано в его первом инаугурационном выступлении. Интеллектуальное и психологическое воздействие этой речи было огромно. Вот некоторые из свидетельств, которые привел в своем труде «Рузвельт» историк Д.И. Уткин:

«Свое первое инаугурационное послание Рузвельт посвятил не тому, как виноваты предшественники, не тому, какая ему досталась ноша, не тому, как сложен и опасен мир, не ставшим на его пути трудностям, а эмоционально убедительному описанию того, что впереди период исправления ошибок, общее вставание с колен, совместное разрешение проблем; оно будет трудным, но нет оснований сомневаться в конечном результате».

«Эта речь была больше, чем речь, – пишет историк Дж. Макрегор Бернс, – это было действие, вызвавшее огромную приливную волну».

По словам Розенмана, одной лишь этой речью Рузвельт сумел создать то, что было наиболее ценным для предводителя людей – «восстановил мужество, надежду и вера народа».

Историк У. Лейхтенберг фиксирует феномен: в течение нескольких дней «дух страны изменился разительным образом, чувство надежды оказалось восстановленным».

В том же ключе историк Г. Уилс отмечает, что «Рузвельт укрепил мужество американского народа, необходимое для преодоления трудностей. И даже когда стало ясно, что эти трудности быстро не преодолеть, люди стали черпать мужество уже в самом гордом подходе к жизненным трудностям, «черпать» в позе высоко поднятой головы, в устремленном кверху мундштуке, во вселюбезной улыбке, ставшей семафором надежды».

Могущество волеизъявления политического, государственного деятеля обуславливается в той или иной стране во многом исторически сложившимися традициями, теми или иными юридическими, нравственными и иными канонами. Любопытно суждение У. Черчилля, которое имело место в день его рождения (30 ноября 1943 г. по случаю его 69-летия в английской миссии, на обеде).

«Это был памятный день в моей жизни. Справа от меня сидел президент Соединенных Штатов, слева – хозяин России. Вместе мы фактически контролировали все флоты и четверти авиации в мире и управляли армиями примерно

в 20 миллионов человек, участвовавшим в самой ужасной из всех войн в истории человечества...

Когда наступило время, я предложил тост за здоровье наших знаменитых гостей, а президент предложил тост за мое здоровье и пожелал мне много лет здравствовать. После него выступил Сталин в таком же духе...

Затем было предложено много неофициальных тостов, согласно русскому обычаю, который, безусловно, очень хорошо подходит для банкетов такого рода.

Гопкинс произнес веселую речь, в которой сказал, что он «очень долго и глубоко изучал английскую конституцию, которая не зафиксирована на бумаге, и деятельность военного кабинета, полномочия и состав которого нигде конкретно не определены». В результате этого изучения, сказал он, «я убедился, что статьи британской конституции и полномочия военного кабинета означают именно то, что Уинстон Черчилль хочет, чтобы они означали в каждой конкретной момент». Это вызвало общий смех. Читатель этой книги узнает, как мало оснований было для этого шутливого утверждения. Я действительно пользовался лояльной поддержкой в руководстве войной со стороны парламента и моих коллег по кабинету, и эта поддержка оказывалась мне в такой полной мере, какая, возможно, и в самом деле являлась беспрецедентной. Число таких случаев, когда бы в важных вопросах мое мнение не восторжествовало, было очень невелико. Но я не без гордости не раз напоминал моим обоим великим товарищам, что из нашей тройки я – единственный, кого могут в любой момент отстранить от власти голосованием в палате общин, свободно избранной на основании всеобщих выборов, и кто подчинен повседневному контролю военного кабинета, представляющего все партии в государстве.

Срок пребывания президента у власти твердо установлен, а его полномочия не только как президента, но и как главнокомандующего являются в соответствии с американской конституцией почти неограниченными. Сталин, казалось, обладал, а в данный момент наверняка обладал полнотой власти в России.

Они оба могли приказывать. Я же должен был уговаривать и убеждать. Но я был доволен таким положением вещей. Система была сложной, однако у меня не было оснований жаловаться на то, как она действовала»⁶⁶.

Ф.Д. Рузвельт, обладая громадным административным ресурсом, уникальным социально-психологическим опытом, богатейшим арсеналом лингвистических универсалий, добивался максимальной действенности своего волеизъявления. Мощная убеждающая сила живого слова Рузвельта зиждилась во многом на полном доверии простых американцев к проводимой политике, на убедительности приводимых им аргументов, на его непререкаемом авторитете как человека, как руководителя, на вере в него как защитника их интересов, на признании аудиторией его как личности «своим». Таковым делали его сила ума, понятные для аудитории аргументы, социально-психологические и лингвистические приемы, создававшие у аудитории чувство единения, чувство принадлежности её и оратора к единому «Мы».

⁶⁶ Черчилль У.С. Вторая мировая война: В 6 т. Т.5: Кольцо смыкается / Пер. с англ. под ред. А. Орлова – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998, 241.

Разговаривал ли Рузвельт с одним человеком или многомиллионной аудиторией, каждый чувствовал, что в данный момент он для президента самый важный, самый интересный во всем мире человек. Секрет воздействия Рузвельта на людей можно выразить одним емким словом: равнодушие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«...ВЗЯТЬ ИЗ МИНУВШЕГО ОГОНЬ, НО НЕ ПЕПЕЛ»

Новая эпоха не прервала созидательной роли ораторского искусства. Уникальный опыт выдающегося политического лидера, каким остался в памяти народов Франклин Делано Рузвельт, воистину бесценен и может быть творчески использован в созидательных целях в современных условиях во благо народов.

Что можно было иметь в виду из опыта этого великого предтечи?

Известно, что в основе достижения высочайшего профессионализма в любой области деятельности является упорный труд. Именно этот фактор послужил Рузвельту решающим условием в обретении могущества влияния на умы и сердца миллионов.

По крупицам накапливал он опыт руководства огромной страной, её социально-экономическим, научно-техническим и духовным развитием. Отсюда вытекало главное – в любое время и в любой аудитории он имел возможность сказать то, что было необходимо сказать, и что ожидала от него аудитория.

Значительную роль в его формировании как оратора сыграли его природные дарования, в частности, уникальная, постоянно развиваемая память. Она позволяла обогащать и запечатлевать в мозгу емкое содержание выступления, реализовывать его перед слушателями как только что сотворенный экспромт, производивший на внимавших ему колоссальное впечатление.

Чарующее искусство магического влияния его слова обуславливалось тем, что он, как признавали многие, был тончайшим психологом, социальным психологом «от Бога». Он общался по самым животрепещущим проблемам жизни миллионов простых американцев, апеллируя при этом к их высшим духовным качествам, направляя их волю на преодоление тяжелейшего экономического кризиса и достижение победы, в составе союзнической коалиции, над злейшим врагом.

Рузвельт имел ясные представления о психологии политической элиты, чиновничества, олигархов, рабочих, фермеров, военных, представителей интеллигенции.

Содержание его речей и бесед всегда было неразрывно связано с конкретными жизненными проблемами. Рузвельт своим правдивым и страстным словом перехватывал дыхание миллионов соотечественников, когда говорил о том, что каждый человек должен иметь право трудиться так, как он может, владеть собственностью, жить по средствам и иметь правительство, защищающее его интересы.

Сильная сторона речей, бесед Рузвельта – их высокая политическая, философская, логическая культура. Оратор мастерски использовал арсенал политических, экономических, иных аргументов для обоснования главных идей каждого выступления.

Структура содержания каждой его речи всегда тщательно продумана. Мысли излагались доступно, последовательно, убедительно. Строгая логичность изложения дополнялась компонентами социально-психологического и

лингвориторического характера, повышавших эмоциональность, страстность выступления.

Рузвельт придавал своей речи не только убеждающий, но и внушающий характер, используя при этом вербальные и невербальные средства влияния, отчего некоторые из его речей по содержанию, психо-стилистической тональности приобретали оттенки духовных проповедей.

Он обладал даром внушать собеседнику не только доверие к выражаемой мысли, но и большое доверие к себе как личности. Современники свидетельствовали, что Рузвельт, используя свой психологический дар, мог подбодрить тех, кому не доставало уверенности, воли в решении тех или иных задач. Сам он в процессе общения излучал энергию и силы духа. Уходившие от него принимались за порученное дело решительнее, с верой в успех. Главным стержнем внушения Рузвельта был настрой человеку на энергичнее действие, которое до встречи с президентом казалось ему непосильным.

Рузвельт владел мастерством общения с массовой аудиторией, группами и отдельно взятым собеседником. Говорил он доступно, тактично, доброжелательно. По воспоминаниям современников он мог быть и резким, когда дело касалось серьезных упущений по работе по неуважительным причинам.

Уместно особо подчеркнуть, что во время выступлений он формулировал емко, ярко, страстно. Каждая его фраза несла я себе заряд призыва к практическому действию. Особенно впечатляли его слова, которые выражали думы и чаяния повседневной, будничной жизни людей. Его речи находили живой отклик в умах и сердцах всех, кто внимал его голосу.

Живое слово Рузвельта обладало магической силой и потому, что оно постоянно, органически связывалось с его повседневной деятельностью, с работой его соратников.

Успеху Рузвельта-оратора способствовала кропотливая подготовка содержания его речей. Сугубо лично и вместе с советниками отрабатывался каждый важный довод в пользу главных идей выступления. Ювелирная работа проводилась по отбору наиболее эффективных логических, психологических и риторических средств воздействия на аудиторию. Как правило им осуществлялась и тщательная тренировка по оптимальному произнесению речи.

Главным средством воздействия на разум и чувства аудитории являлся язык, слово Рузвельта, лексико-фразеологическое богатство, многообразие средств синтаксической организации речи, широкие возможности эмоционального воздействия риторических универсалий. Умелое использование тропов придавало речам оратора свойства художественного стиля, возможности влияния которого на эмоциональную сферу человека особенно велики. Во многих случаях оратор прямо-таки живописал словом, используя меткие, рельефные определения, образные метафоры и сравнения, противопоставления, афористические выражения, элементы юмора и сатиры.

Совершенной у Рузвельта была звуковая реализация речи. Говорил он громко, выразительно. Голос его обладал большой силой и полетностью. Интонационное мастерство позволяло акцентировать внимание аудитории на ключевых моментах речи.

Рузвельта как оратора характеризует экономная, но выразительная мимика и пантомимика, обдуманность поз, редкий пластичный жест, всегда конструктивный, уместный. На движения он был скуп. Их у него было немного. Всю смысловую и эмоционально-экспрессивную нагрузку он вкладывая в слово.

Властным и неотразимым было обаяние Рузвельта. Лишенный ряда дополнительных средств воздействия из-за болезни, он убеждал слушателей своим целеустремленным, впечатляющим, полновесным и звучным словом. Для выделения в речи логически ценных слов он прибегая не только к усилению или изменению голоса, но нередко пользовался и несколько размеренным, замедленным их произношением. В искусстве звуковой реализации содержания своих речей и бесед он был неподражаем. О нем справедливо говорили, что он, воистину, чародей живого слова.

Неизменный спутник его речей – сугубо реалистическое отображение в выступлении имеющей место действительности.

Одна из ощутимых особенностей ораторского стиля Рузвельта: факты, события, о которых говорил, представлялись слушателям во всей их осязательности, драматичности, что усиливало воздействие его слова на воображение слушателей. Вместе с тем для его речи были характерны естественность, простота, разнообразие в словесном выражении мысли при полном отсутствии какой-либо вычурности, манерности.

Рузвельт сполна использовал богатые интонационные возможности своего уникального голоса – баритона.

Особо можно было бы акцентировать внимание современных ораторов на том, что по языковому оформлению речи и беседы Рузвельта были в высшей степени доступны для подавляющего большинства населения Соединенных штатов Америки времен тридцатых и сороковых годов. Рузвельт не допускал злоупотреблений сложной, малоизвестной большинству населения финансовой, экономической, научно-технической и иной терминологией.

По форме, по складу многие выступления Рузвельта носили рассказочный характер, что облегчало понимание их большинством слушателей.

Для немногих выступлений Рузвельта был характерен высокий стиль изложения. Такой стиль сказывался в выступлениях, которые посвящались каким-либо проблемам судьбоносного значения для жизни страны, её истории, грядущему развитию и т.п. В целом же высокопарность слегка была чужда его речам.

В ораторской практике Рузвельта имела место уникальная традиция опоры на историю страны. Он постоянно как бы ощущал на себе взгляд своих великих предтеч – отцов нации: Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и других видных деятелей США. Мощное ораторское воздействие Рузвельта на соотечественников обуславливалось и тем, что кто бы ни был его слушателем, была очевидна преданность этого незаурядного человека своей стране, своему народу.

США уже в сороковые годы имели фантастический военно-промышленный потенциал. Его функционирование требовало особого внимания президента и главнокомандующего. Руководство страной с огромным эко-

номическим потенциалом, военным комплексом, сложнейшей социальной структурой в эпоху колоссальных внутренних и мировых потрясений требовало ежедневного интеллектуального и физического напряжения, которое и подорвало безвременно силы Рузвельт.

Для него, как личности, были характерны решимость и настойчивость, высокое чувство долга, вера в созидательное предназначение человека, приверженность гуманистическим традициям, лояльность и великодушие, сострадание к бедным, любовь к своей стране.

Рузвельт, как харизматический политик-стратег и опытный прагматик, всегда готовый внести необходимые коррективы в те или иные замыслы, методы решения социально-экономических, военных, политических и иных задач, не отклоняясь далеко от намеченного курса к избранной цели, сумел провести государственный корабль через штормы великой депрессии и сложнейшие коллизии Второй мировой войны. История утвердила свой вердикт в отношении его личности, признав за ним высочайший статус политика-стратега национального и мирового ранга, статус величайшего политического оратора, постоянно развивавшего в своих многочисленных выступлениях идею развития в интересах всеобщего мира тесных союзнических отношений США с великой Россией на вечные времена.

Устные выступления Рузвельта являлись в те сложные времена действенные инструментом пропаганды его социально-экономических идей и политических стратегий. Его речи и беседы оказывали мощное воздействие на содержание работы всех важнейших интеллектуальных институтов страны: прессу, радио, киноискусство, изобразительное искусство и другие. Они вольно и невольно становились своеобразным тоном для публичных выступлений государственных, партийных, профсоюзных деятелей, для ученых, работников образования, для представителей различных демократических организаций, религиозных конфессий т.д.

Выступление Рузвельта оказывали определенное воздействие на те же институты других стран. Можно утверждать, что как политический лидер он был самым эффективным проповедником своих идей, своих замыслов, планов, программ, стратегий экономического и политического характера.

Живое слово авторитетного политического лидера играло громадную роль в формировании целенаправленного национального и мирового общественного мнения.

Речи-проповеди Рузвельта, которые провозглашали равное достоинство людей и их общественную ответственность, являлись убедительным и действенным средством демократического и неортодоксального руководства в Соединенных штатах.

Его публичные выступления во многом играли значительную роль в формировании демократической культуры «Нового курса», в осуществлении его массовой поддержки, в синтезировании политики интересов и демократической ответственности.

У Рузвельта было немало оппонентов. Они нередко бросали в его адрес обвинения в том, что он якобы превратил политическую деятельность в США в

«театр одного актера». Большинство же его современников полагало, что Рузвельт «придал новый импульс демократическому руководству», истоки которого восходили к деятельности «отцов основателей».

Слава выдающегося политического оратора закреплялась за Рузвельтом во много благодаря его публичным выступлениям по проблемам войны и мира. Эти его речи в те времена сыграли исключительную конструктивную роль. Они приковывали к себе внимание людей на всех континентах.

Будучи дальновидным политиком, Рузвельт проявлял неослабное внимание к судьбам грядущего мироустройства. Он обращал взор современников на то, какими путями, какой политикой можно обеспечить длительный и справедливый мир на земле.

В речи, произнесенной в январе 1945 года в Конгрессе, Рузвельт особо подчеркивал необходимость недопущения злоупотребления в использовании силы в качестве сдерживающего фактора на мировой арене.

«Сила, – говорил Рузвельт, – должна соединяться с ответственностью и служить для защиты всеобщего блага, и только это может оправдать её применение».

Говоря о «мире для народов», он видел мир, основанный на независимости, самоопределении народов.

Важнейшую роль в происходящих процессах он отводил Объединенным Нациям. По мнению Рузвельта только они могли бы иметь «право быстрых и решительных действий по поддержанию мира, если необходимо – с помощью силы».

По возвращении с Крымской (Ялтинской) конференции Рузвельт, выступая перед объединенной сессией Конгресса 1 марта 1945 года, подчеркивал:

«Мир, который мы строим, не может быть американским или британским, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран...». Должен прийти, говорил президент, «конец системы односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех этих и подобных методов, которые использовались веками и всегда безуспешно».

Незадолго до кончины, вспоминая Ялту, великий дипломат с удовольствием говорил о своих отношениях с Черчиллем и Сталиным:

«Мы достигли единомыслия, и нашли способ ладить друг с другом».

Рузвельт выражал надежду на то, что послевоенным миром будет руководить организация Объединенных Наций. К сожалению, мир, начертанный им, устраивал и в США, и за их пределами далеко не всех. Минует несколько лет и начнется длительное и изнуряющее противостояние двух противоположенных систем.

Под «Коммюнике Крымской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании» от 13 февраля 1945 г. наряду с подписями У. Черчилля, И. Сталина стоит подпись Ф.Д. Рузвельта.

Раздел IX Коммюнике «Единство в организации мира, как и в ведении войны» говорится:

«Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших Правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества – прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической Хартии, «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставит самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира».⁶⁷

Очень хочется надеяться, что когда-нибудь на Земле будет восстановлен этот «прочный и длительный мир».

Основу успеха речей Рузвельта составляли и многие другие их особенности, касающиеся не только их содержания, но и стиля реализации.

Неизменные симпатии миллионов и миллионов слушателей Рузвельта беспредельного доверию к нему как к президенту, как надежному человеку, отражающему нужды «маленького человека». Рузвельт использовал их уважение, их любовь к реализации намечаемых планов и программ. Его политика отражала их интересы, надежды, чаяния. Психологический настрой подавляющей части слушателей способствовал полноте восприятия его политической деятельности.

Рузвельту почти всегда удавалось захватить мысли и чувства аудитории, уловить её настрой и направить его в нужное, созидательное русло. Успех в этом базировался во многом на том, что оратор имел всегда в виду направленность всей массы слушателей. Предлагаемые оратором меры по улучшению положения в той или иной жизненной сфере находили поддержку миллионов.

Начальные слова большинства выступлений характеризовались у Рузвельта теплотой, уважительностью к аудитории. Тут учитывались все позитивные рекомендации традиционной психориторики. Обращаясь к аудитории, оратор часто употреблял объединяющие слова, фразы типа: «нас с Вами», «нам вместе» и т.п.

Одна из заметных особенностей ораторской практики Рузвельта заключалась в том, что концовки многих его речей имели ярко выраженный мажорный тон, несмотря на все те неисчислимые трудности, о которых он говорил в середине сечи. Позитивный эмоционально-призывный тон его голоса врезал в память, в чувства слушателей оптимизм, уверенность в том, что всё намечаемое будет выполнено. Особенно сильное впечатление производили концовки его

⁶⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т.2. 1944-1945 /М-во иностр. дел СССР. - М.: Политиздат, 1984, с. 311.

выступлений, в которых он страстно призывал слушателей внимать заветам Промысла.

Общая стилевая маневр общения Рузвельта – открытость, искренность, честность. Особенность стиля состояла и в том, что он умел сказать о любой проблеме не только содержательно, толково, но и с живым чувством, с вдохновением.

Ораторский стиль Рузвельта – это полная гармония мысли и слова. Последнее всегда было по росту мысли. Говоримое оратором, сам склад речи, голос, тон, совокупность психо-риторических средств и приемов – всё было продумано, тщательно взвешено.

Полемизируя с оппонентами, проявлял выдержку. Лишь в самых необходимых случаях давал волю искрометной иронии и сарказму.

Воздействующее влияние живого слова Рузвельта во многом обуславливалось особенностями его уникальной личности, его харизмой, высокими нравственными качествами, его жизненной позицией, высокой степенью референтности для окружающих. Отмечаемое здесь могущество его волеизъявления, безусловно, дополнялось и его высоким статусом как президента и главнокомандующего. По-иному, как теперь говорят, определенную роль в таком могуществе играл и административный ресурс.

Франклин Делано Рузвельт остался в памяти американцев и прогрессивного мирового сообщества как мужественный и честный политический деятель. Вместе со своими соотечественниками и союзниками, боровшимися с фашистской Германией и милитаристской Японией, он творил историю и был уверен в том, что грядущее человечества после победы будет мирным и ясным на долгие времена. Велико было его ораторское искусство. Велика и личность, породившая уникальные примеры могущественного влияния живого слова на общественное сознание миллионов.

Для современных политических лидеров наследие Рузвельта может служить благодатным источником познания безграничных возможностей полного живого слова, способного определять судьбы новых поколений.

Семь десятилетий минуло со времени ухода из жизни Франклина Делано Рузвельта. Иным во многом стал мир. Другими стали условия общения внутри государств и на международной арене. Однако, как и прежде живое слово сохраняет свое ведущее положение. Более того, оно, усиленное новыми научно-техническими достижениями, обрело ещё более важную роль. Мировая практика свидетельствует, что живое слово политических лидеров, реализуемое через новые средства коммуникации может оказывать то или иное влияние на многомиллионные аудитории всех континентов.

В современных условиях в ораторском искусстве стали все интенсивнее использоваться достижения новейших данных ряда наук, в том числе таких, как социология, общая и социальная психология, лингвистика, этика и эстетика, педагогика, политология, теория коммуникаций и других. При этом продолжает использоваться и исторический опыт лучших ораторов минувших эпох.

В теории и практике управления, в международных отношениях всё более значимый вес приобретают рациональные, логические способы, средства, при-

емы воздействия. Вместе с тем более изощренными стали средства и приемы иррационального воздействия на сознание и подсознание миллионов масс через телевидение, интернет, другие электронные, психотропные иные средства зомбирования.

В условиях интенсивного использования электронных средств коммуникации значительному изменению стали подвергаться требования и к приемам эффективного воздействия на аудиторию, и к формам ораторской речи. Многограннее в современных условиях стал, например, феномен комплексности в использовании различных знаковых систем в публичной речи, в частности, таких, как лингвистический, паралингвистический (интонация и т.д.), кинетический (мимика, жесты и т.д.).

Речи Рузвельта, произнесенные 70-80 лет назад, и в наше время покоряют глубиной содержания, деловитостью, тщательной литературно-языковой, риторической отделкой.

Выступления Рузвельта, его знаменитые «Беседы у камина» и сегодня могут быть настольной книгой для всех, кто посвятил себя делу политического лидерства.

Рузвельт обладал мощным прогностическим видением, богатым воображением, неукротимой жизненной силой, мужеством, вместе с тем – осторожным умом юриста и дипломата. В одном из его посланий Конгрессу есть такие слова: «Чтобы повысить экономический уровень страны, или доходы граждан, в нашем распоряжении есть все необходимое: природные ресурсы, деньги, умелые руки рабочих и знающие головы специалистов. Вопрос только в том, насколько хорошо мы можем действовать сообща. Что нам нужно – так это единая воля».

Эти слова сегодня можно отнести и к нашей стране: у нас тоже есть «все необходимое», нужно только «действовать сообща».

Идеи Рузвельта о справедливом, гармоничном мироустройстве, выраженные в его публичных выступлениях, очень актуальны в начале нового тысячелетия.

ИСТОЧНИКИ

Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камина. – М.: ИТРК, 2003:

«Новый курс» (1933 – 1938 гг.):

Банковский кризис. 12 марта 1933 года

Первые программы и планы реформ. 7 мая 1933 года

Сто дней реформ. 24 июля 1933 года

Механизм экономической политики «Нового курса». 22 октября 1933 года

Цели и задачи «Нового курса». Ответ критикам. 28 июня 1934 года

Государственное регулирование экономики и отношений между трудом и капиталом. 30 сентября 1934 года

Государственная программа общественных работ и социального обеспечения. 28 апреля 1935 года

Оказание помощи жертвам засухи. 6 сентября 1936 года

План реформы Верховного суда США. 9 марта 1937 года

Программы регулирования сельского хозяйства. 12 октября 1937 года

Перепись безработных. 14 ноября 1937 года

Меры по преодолению экономического спада. 1937 – 1938 гг. 14 апреля 1938 года

О политике «Нового курса» и выборах 1938 г. 24 июня 1938 года

В годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.):

Начало Второй мировой войны. 3 сентября 1939 года

Укрепление национальной безопасности. 26 мая 1940 года

О военной угрозе США и помощи странам – жертвам агрессии. 29 декабря 1940 года

Объявление чрезвычайного положения. 27 мая 1941 года

Об отпоре пиратским действиям нацистов в Атлантике. 11 сентября 1941 года

Нападение Японии на Перл-Харбор. 9 декабря 1941 года

Ответ пораженцам. 23 февраля 1942 года

Призыв к самоограничению. 28 апреля 1942 года

Положение на фронтах и в тылу. 7 сентября 1942 года

Мобилизация экономики и трудовых ресурсов. 12 октября 1942 года

Забастовка шахтеров. 2 мая 1943 года

Наступательная стратегия Объединенных Наций. 28 июля 1943 года

Пропаганда третьего военного займа. 8 сентября 1943 года

Конференции в Каире и Тегеране. 24 декабря 1943 года

Закон о всеобщей воинской повинности. Экономический «Билль о правах». 11 января 1944 года

Освобождение Рима. 5 июня 1944 года

Успешное наступление союзников. Открытие второго фронта. 12 июня 1944 года

Трудовой фронт. Будущее устройство мира. 6 января 1945 года

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Т.2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). Сборник документов / Мин-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1984:

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с президентом США. 28 ноября 1943 г.

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с президентом США. 29 ноября 1943 г.

Запись беседы глав правительств СССР, США и Великобритании. 30 ноября 1943 г.

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с президентом США. 1 декабря 1943 г.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Т.4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.), Сборник документов / Мин-во иностр. дел СССР. – М.: Политиздат, 1984:

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с президентом США. 4 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 4 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 5 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 6 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 7 февраля 1945 г.

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров с президентом США. 8 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 8 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 9 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 10 февраля 1945 г.

Запись заседания глав правительств. 11 февраля 1945 г.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т.1. 1941-1943 / Мин-во иностр. дел СССР, – М. Политиздат, 1984.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы, В 2-х т. Т.2. 1944-1945 / Мин-во иностр. дел СССР, – М.: Политиздат, 1984.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.) / Мин-во иностр. дел СССР. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1986.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Труменом (авг. 1941 г. – дек. 1945 г.) / Мин-во иностр. дел СССР. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1986.

Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1971.

Franklin Delano Roosevelt Great Speeches N.Y., 1999:

Acceptance Speech for Vice-Presidential Nomination Hyde Park, August 9, 1920
Campaign Speech Buffalo, October 20, 1928

- Message to the New York State Legislature Albany, August 28, 1931
 Acceptance Speech Chicago, July 2, 1932
 Commonwealth Club of San Francisco September 23, 1932
 First Inaugural Address Washington, D.C., March 4, 1933
 First Fireside Chat Washington, D.C., March 12, 1933
 Second Fireside Chat Washington, D.C., May 7, 1933
 Acceptance Speech Philadelphia, June 27, 1936
 Campaign Speech Chicago, October 14, 1936
 Second Inaugural Address Washington, D.C., January 20, 1937
 Quarantine Address Chicago, October 5, 1937
 Fireside Chat (on the Outbreak of World War II Washington, D.C., September 3,
 1939
 «Dagger in the Back» Charlottesville, June 10, 1940
 Press Conference Washington, D.C., December 17, 1940
 Fireside Chat («The Arsenal of Democracy») Washington, D.C., December 29, 1940
 State of the Union Message to Congress («The Four Freedoms») Washington, D.C.,
 January 6, 1941
 Third Inaugural Address Washington, D.C., January 20, 1941
 Fireside Chat (on German submarine attacks) Washington, D.C., September 11, 1941
 War Message to Congress Washington, D.C., December 8, 1941
 Fireside Chat Washington D C., February 23, 1942
 Fireside Chat Washington, D.C., October 12, 1942
 Radio Address to New York Herald Tribune Forum Washington, D.C., November
 17, 1942
 Fireside Chat (on GI Bill of Rights) Washington, D.C., July 28, 1943.
 Fireside Chat (on the Fifth War Loan Drive) Washington, D.C., June 12, 1944
 Campaign Speech to the Teamsters Union Washington, D.C., September 23, 1944
 Fourth Inaugural Address Washington, D.C., January 20, 1945

 Great Speeches. – Harper Collins. Audio Books. London, 1997.

 The Penguin Book of Twentieth-Century Speeches/Ed. Brian Macarthur. – L., 1999.
 The only thing we have to fear is fear itself, 1933.
 The forces of selfishness and of lust for power met their match, 1936.
 The arsenal of democracy, 1940.
 The four freedoms, 1941.
 A date which will live in infamy, 1941.
 Speeches that changed the world. – London, 2005.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Античные риторика. – М.: изд-во Моск. ун-та, 1978.
2. Батлер, Дж. Большая стратегия. / Дж. Батлер. – М., 1959.
3. Бернс, Д.М. Франклин Рузвельт. Человек и политик. / Д.М. Бернс. – М., 2004.
4. Борисов, А.Ю. СССР и США – союзники в годы войны 1941-1945. / А.Ю. Борисов. – М., 1983.
5. Бурстин, Д. Американцы: Демократический опыт. / Д. Бурстин. – М., 1993.
6. Буш, Дж. Глядя в будущее. / Дж. Буш. – М.: Прогресс, 1989.
7. Валовой, Д.В. От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. / Д.В. Валовой. – М., 2007.
8. Воронов, Ю.С. Библиизмы как средство нравственно-психологического воздействия в публичных выступлениях Ф.Д. Рузвельта. / Ю.С. Воронов. – Материалы XXIII Страховских Чтений. Сборник научных трудов. – Саратов: ИЦ «Наука», 2014. – С.: 133-139.
9. Воронов, Ю.С. Джон Кеннеди – политик и оратор. / Ю.С. Воронов, Н.В. Любезнова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2010.
10. Воронов, Ю.С. Из истории политического красноречия. Ф. Рузвельт как выдающийся оратор XX столетия. / Ю.С. Воронов. – Материалы Семнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. – Саратов: ИЦ «Наука», 2008. – С. 261-284.
11. Воронов, Ю.С. Моцарт от политики. / Ю.С. Воронов. – Материалы Страховских чтений XXII. – Саратов: ИЦ «Наука», 2013. – С.: 178-189.
12. Воронов, Ю.С. Ораторский стиль Ф.Д. Рузвельта. / Ю.С. Воронов. – Вопросы социальной психологии. Выпуск 8 (13). – Саратов: ИЦ «Наука», 2012. – С. 119-130.
13. Воронов, Ю.С. Риторика и политика в лицах. XX век. / Ю.С. Воронов, В.И. Новичкова. – Саратов, 2001.
14. Воронов, Ю.С. Риторика и политика Уинстона Черчилля. / Ю.С. Воронов, О.Г. Петрова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2014.
15. Воронов, Ю.С. Риторика и политика Шарля де Голля. / Ю.С. Воронов, О.Г. Петрова; под ред. М.Б. Борисовой. – Саратов: ИЦ «Наука», 2014.
16. Воронов, Ю.С. Российское военно-политическое красноречие. / Ю.С. Воронов, Н.В. Любезнова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2009.
17. Воронов, Ю.С. Феномен волеизъявления в публичных выступлениях Ф.Д. Рузвельта (социально-психологический и лингвориторический комментарий). / Ю.С. Воронов. – Ученые записки. – Выпуск 10. – Саратов: ИЦ «Наука», 2013. – С. 6-27.
18. Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хелла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. – М., 1980.
19. Герберт, Ф. Черчилль, Рузвельт, Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. / Ф. Герберт. – М., 1990.
20. Голованов, А. Дальняя бомбардировочная. Воспоминания главного маршала авиации. 1941 -1945. / А. Голованов. – М., 2007.
21. Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв 1940-1942. / Шарль де Голль; Пер. с фр. Анфилофьева А.А., Арзуманова Ю.Б., Гак В.Г. и др. – М.: ООО Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003.
22. Грег, В. История США. – М., 2009.

23. Данн, Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве : пер. с англ. / Д. Данн. – М. : Три квадрата, 2004.
24. Детлеф, Ю. Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль. / Ю. Детлеф. Д. Айгнер. – Ростов н/Д, 1998.
25. Доуиз, Р. Утерянное искусство красноречия. / Р. Доуиз. – М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2014.
26. Иванов, Р.Ф. Сталин и союзники. 1941-1945. / Р.Ф. Сталин. – М., 2005.
27. Илларионов, С.И. Геополитическая экспансия США и реалии современного мира. / С.И. Илларионов. – М., 2007.
28. История второй мировой войны 1939-1945. – М., 1977.
29. История США. В 4-х тт. – М., 1985.
30. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. / Д. Карнеги. – М.: Прогресс. 1989.
31. Кейссар Х. Вспоминая войну: советско-американский диалог. / Х. Кейссар, В.В. Познер. – М., 1990.
32. Кимболл, У. Черчилль и Рузвельт. Переписка в 3-х тт. / У. Кимболл. – Принстон, 1984.
33. Клинтон, У.Дж. Моя жизнь. / У.Дж. Клинтон. – М.: Альпина Бизнес Бук, 2005.
34. Колесников, А. Спичрайтеры: хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир. / А. Колесников. – М., 2007.
35. Кольковский, В. Рузвельт против Сталина. / В. Кольковский. – М., 2004.
36. Корсаков, К.Н. История Соединенных Штатов Америки. / К.Н. Корсаков. – М., 1998.
37. Кузнецов, Н.Г. Курсом к победе. / Н.Г. Кузнецов. – М., 1975.
38. Курков, Н.В. Борьба американских шахтеров. 1929 – 1939 гг. / Н.В. Курков. – М., 1971.
39. Кэтчер, Ф. Армия США. Вторая мировая война 1939-1945. / Ф. Кэтчер. – М., 2001.
40. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. / И.М. Майский. – М., 1987.
41. Мальков, В.Л. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. / В.Л. Мальков. – М., 1973.
42. Мальков, В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. / В.Л. Мальков. – М., 1988.
43. Мальков, В.Л. Великий Рузвельт. / В.Л. Мальков. – М., 2011.
44. Меньшиков, М.А. Вашингтон, 16-я улица. Из записок советского посла. / М.А. Меньшиков. – М., 1986.
45. Меньшиков, М.А. Франклин Рузвельт и традиции сотрудничества с СССР. / М.А. Меньшиков. – Новая и новейшая история. – №3 – 1982.
46. Монтефиоре, С. Речи, которые изменили мир. / С. Монтефиоре – М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер», 2012.
47. Моррис, Д. Основные проблемы рабочего движения в США. / Д. Моррис. – М., 1961.
48. Мэтлофф, М. От Касабланки до «Оверлорда». / М. Мэтлофф. – М., 1964.
49. Ораторы Древней Греции. – М., 1985.
50. Очерки новой и новейшей истории США. В 2-х тт. – М., 1960.
51. Петрухина, М.А. США – история и современность. / М.А. Петрухина. – М., 2008.

52. Печатнов, В.Д. Рузвельт, Трумен. СССР и США. / В.Д. Печатнов. – М., 2006.
53. Пономарева Т. Франклин Рузвельт. / Т. Пономарева. – Минск, 1998.
54. Рейган, Р. Откровенно говоря. Избранные речи. Пер. с англ. / Р. Рейган. – М.: Новости, 1990.
55. Рейган, Р. Жизнь по-американски. Пер. с англ. / Р. Рейган. – М.: Новости, 1992.
56. Робертис А.Д. Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942- 1945 гг. / А.Д. Робертис. Пер. с итал. / Редакция В.А. Гуторова. – СПб., 2003.
57. Рузвельт. Черчилль. – Ростов н/Д., 1999.
58. Рузвельт Э. Его глазами. / Э. Рузвельт. – М., 2003.
59. Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев. / Д. Сантаяна. – М., 2003.
60. Словарь американской истории. / Под ред. Т. Пёрвиса. – М., 2007.
61. Согрин, В.В. Политическая история США XVII-XX вв. / В.В. Согрин. – М., 2001.
62. Сталин. Рузвельт, Черчилль. Де Голль: политические портреты. – Минск, 1991.
63. Токвиль, А. Демократия в Америке. / А. Токвиль. – М., 2000.
64. Уткин А.И. Теодор Рузвельт. Политический портрет. / А.И. Уткин. – Свердловск, 1989.
65. Уткин А.И. Рузвельт. / А.И. Уткин. – М., 2000.
66. Уэллс, Г. Статьи. Собрание сочинений в 15-ти тт., Т. 15. / Г. Уэллс. – М., 1964.
67. Фостэр У. Очерк политической истории Америки. / У. Фостэр. – М., 1955.
68. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. / М.Т. Цицерон. – М.: Наука, 1973.
69. Черчилль У.С. Вторая мировая война. В 6 т. Т.1-6. / У.С. Черчилль. – М., 1997.
70. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. / Ф. Чуев. – М., 1991.
71. Шервуд, Р. Рузвельт и Гопкинс. В 2-х тт. / Р. Шервуд. – М., 1958.
72. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. / А.М. Шлезингер. – М., 1992.
73. Штеменко, С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х тт. / С.М. Штеменко. – М., 1974.
74. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. / Д. Эйзенхауэр. – М., 1980.
75. Яковлев Н.Н. Франклин Д. Рузвельт – человек и политик. / Н.Н. Яковлев. – М., 1969.
76. Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. / Н.Н. Яковлев. – М., 1983.
77. Binkley W, President and Congress. – N.Y., 1948.
78. Burns S.M. Roosevelt: The Lion and the Fox. – N.Y., 1956.
79. Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. – N.Y., 1970.
80. Byrnes James F. Speaking Frankly. – London, 1947.
81. Crocker A. Roosevelt's Road to Russia. – Chicago, 1959.
82. Daller R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932-1945. – N.Y., 1979.
83. FDR. His Personal Letters. 1928-1945. – N.Y., 1956.
84. Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. – London, 1957.

85. Freidel F. Franklin D. Roosevelt, The Apprenticeship, vol. 1. – Boston, 1952.
86. Graham J. White, FDR and the Press. – Chicago, 1979.
87. Gunther J. Roosevelt in Retrospect. – London, 1950.
88. Great Speeches. - Harper Collins. Audio Books. – London, 1997.
89. Halford R. Ryan. Franklin D. Roosevelt's Rhetorical Presidency. – Greenwood Press, 1988.
90. Hatch A. Franklin Roosevelt. Informal Biography, 1947.
91. Hull C. Memoirs. Volumes 1-2. – N.Y., 1948.
92. Leahy W.D. I Was There. Personal Story of the Chief of Staff of Presidents Roosevelt and Truman based on Notes and Diaries Made at the Time. – N.Y.-London-Toronto, 1950.
93. Levering R. American Opinion and the Russian Alliance, 1939-1945. – Chapel Hill, 1976.
94. Lindley E. The Roosevelt Revolution. – London, 1934.
95. Nisber P. Roosevelt and Stalin: the Failed Courtship. – Wash., 1988.
96. Philip Abbott. The Exemplary Presidency: Franklin D. Roosevelt and the American Perkins F. The Roosevelt I Knew. – N.Y., 1948.
97. Perkins D. The New Age of Franklin Roosevelt's 1932-1945. The University of Chicago Press, 1957. Rauch. Roosevelt: from Munich to Pearl-Harbour. – N.Y., 1950.
98. Robinson E. The Roosevelt Leadership. 1932-1945. – N.Y., 1955.
99. Roosevelt Franklin Delano, great Speeches. – N.Y., 1999.
100. Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. – N.Y., 1975.
101. Roosevelt Eleanor. This I Remember. N.Y., 1949.
102. Roseman Samuel. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – N.Y., 1969.
103. Roseman S. Working with Roosevelt. – N.Y., 1952.
104. Speeches That Changed the World. –London, 2005.
105. Stettinius E. Lend - Lease. Weapon for Victory. – N.Y., 1944.
106. Stettinius E. Roosevelt and Russians: the Yalta Conference. – London, 1950.
107. The Memoirs of Cordell Hull. Vol.2. – N.Y., 1946.
108. The Penguin Book of Twentieth-Century Speeches/Ed. Brian Macartur. – London, 1999.
109. Tugwell R. The Democratic Roosevelt. –N.Y., 1957.
110. William E. Leuchtenburg. Franklin D. Roosevelt: The First Modern President. – Cambridge, 1988.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ И ПОТОМКОВ

Более всего ему понадобилось мужество, когда его парализовал полиомиелит. Но я никогда не слышала, чтобы он жаловался. Он воспринял это несчастье как испытание своей жизни.

Элеонора Рузвельт

Он довел свою Работу до конца, и он хотел, чтобы вы выполнили до конца свою.

Элеонора Рузвельт – сыновьям

...Он умер как солдат.

Элеонора Рузвельт

Как лидер страны, который столкнулся с двумя самыми серьезными кризисами в современной американской истории – «Великой депрессией» и Второй мировой войной, – Франклин Делано Рузвельт часто выступал с объяснениями своих идей согражданам. Мой дедушка не хотел, чтобы его друзей, соседей, всех американцев призывали идти на жертвы или поддерживать его политику до того, пока они не услышат объяснений важности этих шагов непосредственно от него. И поэтому он открыто разговаривал с ними по радио. Серию таких его выступлений продолжительностью 30-40 минут каждая вскоре стали называть «Беседами у камина».

Анна Элеонора Рузвельт (Сопредседатель бюро директоров Института Франклина и Элеоноры Рузвельт)

Мой дедушка любил разговаривать с людьми прямо, простым языком. Он обладал большой верой в американский народ и знал, исходя из длительного опыта общения с друзьями, соседями и простыми жителями своего любимого города Гайд-парка и штата Нью-Йорк, что самыми лучшими судьями его политики были обычные американцы, которые понимали, что он пытался сделать.

Анна Элеонора Рузвельт

Франклин Рузвельт «взывал к лучшим чувствам и качествам людей, чтобы восстановить их доверие и дать им возможность жить вместе в мире и согласии. Вот эта способность объединять людей во имя общего блага, возможно, является самым значимым наследием «Бесед у камина».

Анна Элеонора Рузвельт

Франклин Д. Рузвельт установил хороший прецедент, завещав свои документы, которых насчитывается несколько миллионов, нации, а не своей семье, причем разрешение на доступ к ним общественности дается начальником Государственного архива Соединенных Штатов, облеченным государственными полномочиями.

Р.Э.Шервуд
(Мемуары)

...Те, кто хорошо знал Рузвельта, никогда не могли представить себе его в роли диктатора. Он был беспощаден и неумолим по отношению к тем, кого считал виновными в нелояльности. Однако он был очень мягок по отношению к тем членам его правительства, которые были бездеятельны, или даже непокорны, или безнадежно неспособны, но все-таки лояльны. Он затрачивал драгоценное время и бесконечное количество энергии и изобретательности, чтобы подыскать должности, сохраняющие престиж, или найти способ почетной отставки некомпетентных людей, которых следовало попросту прогнать.

Р.Э.Шервуд
(Мемуары)

Методы управления, применявшиеся Рузвельтом (как это можно видеть на примере его отношения к организациям по представлению работы безработным), по меньшей мере не являлись общепринятыми. У некоторых людей практического склада они возбуждали опасения и уныние, а у некоторых – недовольство. Однако у других они вызывали восхищение и удивление. Я уверен, что ещё долго нельзя будет окончательно оценить их. Однако по поводу этих методов можно сказать одно: независимо от того, были ли они хорошими или плохими, разумными или нет, они были действенными.

Р.Э. Шервуд
(Мемуары)

Черчилль – стопроцентный англичанин, и, согласно правилам, должен был быть поэтому флегматичным и вести себя холодно, но он один из самых эмоциональных людей и не стыдится этого. С другой стороны, сентиментальный американец Рузвельт всегда так глубоко таил свои чувства, что можно было только догадываться об их характере или даже об их существовании.

Р.Э. Шервуд
(Мемуары)

Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне. Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения.

Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира.

Р. Э. Шервуд
(Мемуары)

Утром после смерти Рузвельта Гопкинс позвонил мне... Он сказал: "У нас с вами есть нечто драгоценное, что мы пронесем до конца своей жизни. Это — великое сознание того, что вера в него и любовь к нему такого множества людей действительно оправданы.

Президент ни разу не обманул их чувство. Вот о чем мы с вами не должны забывать. Мы все знаем, что он иногда бывал раздражительным, что он мог колебаться и тянуть, и иногда нас просто бесило, когда нам казалось, что он слишком считается с обстоятельствами. Но все это были мелочи, второстепенные вещи, и он прекрасно понимал, какими мелкими и второстепенными они действительно были. В серьезных же делах, во всем, что имело действительно глубокое значение, он ни разу не подводил народ.

Р.Э. Шервуд
(Мемуары)

Как я уже писал в начале этой книги, я никогда не мог понять, что происходит в сокровенных тайниках души Рузвельта. Однако в результате моих наблюдений и после обобщения этих наблюдений и обдумывания мнений других людей одно для меня стало ясно: хотя Рузвельт был немощен физически и подвержен всяким заболеваниям, в духовном отношении он был самым здоровым человеком, какого мне когда-либо приходилось встречать. Он был поразительно свободен от всяких проявлений психической аномалии, именуемых фобиями. Его ум, хотя он и не всегда отличался организованностью, не носил никаких следов паралича, так же как и вся его эмоциональная конституция; и сердце у него, конечно, было на своем месте. Кроме того, он полностью признавал эти огромные преимущества и пользовался ими, и это сознание позволяло ему стать выше обстоятельств, которые других людей привязали бы к земле.

Р.Э. Шервуд

Военный журнал "Янк" в некрологе, посвященном Рузвельту, писал: «Он был главнокомандующим не только наших вооруженных сил, но и всего нашего поколения».

Р.Э. Шервуда «Рузвельт и
Гопкинс. Глазами очевидца. Т.2.

В больших делах он видел все в ясном свете, и события приобретали свою подлинную значимость. И он никогда не позволял себе унижить человека.

Гарри Гопкинс
(гос. деятель США, дипломат,
помощник Ф. Д. Рузвельта)

Рузвельт – сложнейшее человеческое существо, которое я когда-либо встречала.

Френсис Перкинс
(Министр по социальным вопросам)

Рузвельт – величайший президент, которого когда-либо имела страна.

Гарри Трумен
(33-й президент США)

Отправлено 13 апреля 1945 года

ПРЕЗИДЕНТУ ТРУМЕНУ

Вашингтон

От имени Советского Правительства и от себя лично выражаю глубокое соболезнование Правительству Соединенных Штатов Америки по случаю безвременной кончины Президента Рузвельта. Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны.

Правительство Советского Союза выражает свое искреннее сочувствие американскому народу в его тяжелой утрате и свою уверенность, что политика сотрудничества между великими державами, взявшими на себя основное бремя войны против общего врага, будет укрепляться и впредь.

И. СТАЛИН

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И.В. СТАЛИНА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ

Ваше послание по случаю кончины Президента Ф. Рузвельта получил.

В Президенте ФранкLINE Рузвельте советский народ видел выдающегося политического деятеля и непреклонного поборника тесного сотрудничества между нашими государствами.

Дружественное отношение Президента Ф. Рузвельта к СССР советский народ будет всегда высоко ценить и помнить.

Что касается меня лично, то я особенно глубоко чувствую тяжесть утраты этого великого человека – нашего общего друга.

15 апреля 1945 года

Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в коей степени не хочу умалить выдающиеся личные качества Рузвельта – его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт – самая сильная фигура.

И. Сталин
Из беседы с английским писателем
Г. Уэллсом. 23 июля 1934 года

Для меня было ужасным ударом узнать о смерти президента Рузвельта. Его смерть является большой потерей не только для американского народа, но и для миролюбивых народов всего мира. Мы потеряли одного из величайших государственных деятелей, которых когда-либо знал мир, и великого человека. Заслуги президента Рузвельта в деле мобилизации сил Соединенных Штатов для войны против нашего общего врага – нацистской Германии – были огромными. Он мог различать подлинных друзей так же, как и настоящих врагов. Он знал цену единства великих союзных держав и значение этого единства для победы. Личное обаяние президента Рузвельта было большим. Мои личные встречи с ним навсегда сохранятся в моей памяти. Я не сомневаюсь, что великий американский народ, который дал такого великого человека, будет с такой же решимостью, как и под его руководством, продолжать борьбу против общего врага, пока полная и окончательная победа над врагом, которая очень близка, не будет достигнута. Советский народ разделяет великое национальное горе, которое постигло дружественный американский народ.

А.А. Громыко
(Заявление посла СССР в США
представителям печати. 12 апреля 1945г.)

Глубоко запади в мое сознание встречи с Рузвельтом. Твердо придерживаюсь и сейчас того мнения, что он являлся одним из самых выдающихся государственных деятелей США. Это был умный политик, человек широкого кругозора и незаурядных личных достоинств.

А.А. Громыко
(государств. деятель СССР)

Самая поразительная черта президента состоит в том, что в моменты успехов или поражений в войне он способен констатировать эти факты в спокойной и бесстрастной манере, больше всего меня ободряет, что он действительно озабочен этими проблемами и ни на минуту не обманывается насчет войны. Я полагаю, именно так должен вести себя Верховный главнокомандующий.

Г. Моргантау
(министр финансов США. 1934-1945 гг.)

Я в огромной степени восхищался им как военным лидером. Этот человек отличался заразительным оптимизмом; совершенно очевидно, что мысль о возможности поражения никогда не приходила ему в голову несмотря на то, что он вел две войны одновременно в противоположных концах земного шара. Этого не было даже в дни самых горьких поражений в тихоокеанском бассейне.

Каким-то особым способом он мог передавать свою несокрушимую уверенность американскому народу... В результате на протяжении военных лет, несмотря на политическую оппозицию по внутренним вопросам, ФДР держал нацию тесно сплоченной в процессе военных усилий.

Д. Эйзенхауэр

Его сила и несокрушимый дух позволяли черпать постоянную поддержку и уверенность в конечном решении всех проблем.

Д. Эйзенхауэр

Для того чтобы быть эффективным, любой президент должен уметь воодушевлять людей. Это самое главное в руководстве. Я часто думал о везении иметь среди лидеров лиц ранга Черчилля и Франклина Д. Рузвельта, которые полностью владели этим качеством и применяли его мастерски.

Д. Эйзенхауэр

...Я знал его только в роли лидера страны, находившейся в состоянии войны, и в этой роли, как мне казалось, он сделал все, что можно было ожидать от него.

Д. Эйзенхауэр

...Идеология почти не играла никакой роли в принятии Рузвельтом решения начать помощь России. Речь шла о собственном интересе Америки, каким его видел Рузвельт; он начал помогать русским так же, как ранее помогал англичанам, – в надежде, что когда Америка вступит в войну (а он думал, что она неизбежно в нее вступит), придется посылать меньше наземных сил.

А. Гарриман

Я думаю, что в его сознании столкновение русских армий с немецкими означало для нас возможность участия преимущественно военно-морских и военно-воздушных сил.

А. Гарриман

Главенствующей мотивацией президента Рузвельта в представлении любой возможности помощи было желание удержать русских в войне. Он хотел помогать скорее и больше, чем меньше, – там, где мы считали даваемую помощь завышенной.

А. Гарриман

Президент не беспокоился о том, что должны были получить русские. Он думал, что их требования справедливы.

У. Леги, 1945.

«Президент Рузвельт любил военную сторону событий, и ему нравилось держать руководство военными делами в своих руках. После Пёрл-Харбора он предпочитал, чтобы его называли главнокомандующим, а не президентом. Он обожал этот титул».

Корделл Хэлл
(Государственный секретарь США)

...Его видение превосходит горизонт всех. Он – величайший человек, которого я когда-либо знал.

У. Черчилль
(Из беседы, январь 1943 г.
Во время проводов
Рузвельта из Касабланки)

У меня сложилась сильная привязанность, которая росла с годами нашего товарищества в отношении этого крупнейшего политика, на протяжении почти десяти лет утверждавшего свою волю на американской политической арене, чье сердце, казалось, отвечало столь многим импульсам моего сердца.

У. Черчилль «История
второй мировой войны»

...Мои отношения с этой блистательной личностью значили так много в эти долгие ужасные годы. Я раздавлен чувством глубокой и непоправимой утраты.

У. Черчилль

...Рузвельт умер в самый кульминационный период войны, в момент, когда его авторитет был крайне необходим для того, чтобы направлять политику Соединенных Штатов.

У.С. Черчилль
Вторая мировая война:
в 6 т. Т.6.

«Я потерял очень дорогого для меня человека. Наша дружба родилась в горниле войны. Я верю, что утешением для Вас станут его великие дела и слава, которой овеяно его имя».

Из письма к Э. Рузвельт:
Уинстон Черчилль. Новые факты.
Редкие документы. Уникальные
фотографии. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999, с. 89.

В течение пяти дней, проведенных в столице Соединенных Штатов, я с радостью видел, как растет волна доверия к нам, захватывая цвет американского общества, и я сделал вывод, что оптимизм – хорошее средство завоевать сердца, надо только обладать им.

Президент Рузвельт, несомненно, им обладает. В наших беседах он старался не касаться никаких жгучих вопросов, но широкой кистью рисовал политические цели, которых он надеется достигнуть благодаря победе. Его стремления казались мне грандиозными, но внушали тревогу за судьбы Европы и Франции.

Шарль де Голль
(Мемуары «Сражающаяся Франция»)

Рузвельт рисует мне свои планы. Я слушаю его и думаю: «Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу». Президент, впрочем, вовсе не излагает свои мысли, как профессор, развивающий определенные положения, или как политик, разжигающий страсти и корыстные интересы.

Он рисует легкими, тонкими штрихами, рисует так хорошо, что трудно решительно возражать этому художнику, этому соблазнителью.

Шарль де Голль
(Мемуары «Сражающаяся Франция»)

Слушая американского президента, я окончательно убедился, что в деловых отношениях между двумя государствами логика и чувство значат очень мало в сравнении с реальной силой, что здесь ценится тот, кто может охватить и удержать захваченное; и если Франция хочет занять прежнее свое место, она должна рассчитывать только на самое себя. Я поделился своей мыслью с Рузвельтом. Он улыбнулся и в заключение нашего разговора заметил: «Мы сделаем все, что сможем. Но кто же лучше самого французского народа может служить Франции? В этом уж никто его заменить не в состоянии».

Шарль де Голль
(Мемуары «Сражающаяся Франция»)

Самые высокие стремления владела Франклином Рузвельтом. Его ум, знания, мужество – все способствовало этому. Могучая держава, главой которой он являлся, доставляла ему для этого все средства. Война дала ему для этого подходящий случай. Если великий народ, которым он правил, неизменно предпочитал уклоняться от всяческих действий вдали от своей родины, не особенно-то доверяя Европе, постоянно раздираемой битвами и революциями, то теперь душа американцев прониклась неким мессианством и стала вынашивать обширные замыслы. Соединенные Штаты, восхищаясь своим собственным богатством, чувствуя, что их динамизм уже не может найти себе должного применения внутри страны, горя желанием помогать сирым и угнетенным в любом уголке земного шара, поддались склонности к вмешательству, под внешней оболочкой которого скрывалось инстинктивное желание господствовать. Вот эту-то тенденцию по преимуществу и выражал президент Рузвельт. Таким образом, он сделал всё, чтобы его страна приняла участие в мировом конфликте. Он выполнял сейчас свое предназначение и торопился выполнить его, так как смерть уже подала ему тайную весть о себе. С тех пор как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации этого мира».

Шарль де Голль
(Мемуары «Сражающаяся Франция»)

И в гордости и в покорном смирении я с готовностью признаю, что мой жизненный путь никем не был определен более, чем этим великим человеком.

Линдон Джонсон

Слабые, скромные и бедные в этой жизни и на этой земле должны быть вместе с нами. Мы никогда не должны о них забывать. Президент Рузвельт никогда не забывал о них.

Линдон Джонсон

Двадцать лет назад истощенное войной, подорванное бедами и триумфами многих лет великое сердце Франклина Рузвельта остановилось. Большинство из нас погрузилось во мрак того дня так, как мы прежде делили светлые дни. И где бы мы ни были, когда невероятная весть настигла нас, на момент показалось, солнце исчезло с горизонта. Но воля преодолевала, ибо он достаточно хорошо поработал, чтобы отставить в сторону жалкую тень смерти.

Линдон Джонсон

Он был единственным человеком среди всех, известных мне, который ничего не боялся. О чем бы ты ни говорил с ним, о чем бы ни спрашивал, какие бы проблемы своего округа ни обсуждал, у него был лишь один критерий обсуждения вопроса. Я знаю, что некоторые называют это демагогией; они могут давать этому явлению любое название, но ты был твердо уверен, что это был единственный критерий: будет ли это хорошо для народа?

Линдон Джонсон

«Именно наша партия выдвинула человека, который вдохновил и восстановил страну в её самый мрачный час, — Франклина Д. Рузвельта».

Джимми Картер

«Франклин Рузвельт служил миллионам американских семей, голодным и оставленным без надежды в годы великой депрессии... Рузвельт знал, что наша страна может найти лучший путь; своими смелыми и энергичными действиями он восстановил доверие к нашей экономической системе, он вернул нацию к работе. Он объединил народ. И это изменило наши жизни».

Джимми Картер

Американский орел зажал на президентской печати в своих когтях как оливковую ветвь мира, так и стрелы военного могущества. На потолке моего кабинета, построенного много лет назад, этот орел обратил свой взор на стрелы войны слева от него. Однако на более новом ковре, отражающем изменение, начало которому положил Рузвельт ... этот орел уже смотрит в сторону оливковой ветви мира».

Джон Кеннеди
(19 октября 1963 г.)

Я восхищаюсь, хотя у меня большие философские разногласия с ним. Он интригует меня как политик; я восхищен, как он умел убеждать, меня посажает сила занятой им позиции; в глубине души нельзя не прийти к выводу, что он был хорошим президентом для своей страны в свое время.

Джеральд Форд

Я никогда не выступал против Рузвельта. Мои друзья – республиканцы выступали, а я никогда. Потому что я восхищался им. Возможно, дело в моем происхождении, в том факте, что мой отец верил в битву Рузвельта с депрессией... И во внешней политике я чувствовал, что Рузвельт говорит за всю страну. В целом я могу сказать, что был в большей степени за Рузвельта, чем против.

Ричард Никсон

Одним из величайших государственных деятелей нашего времени был Франклин Рузвельт. Он был творческой личностью именно потому, что предпочитал эксперименты идеологии. Он и стоявшие вокруг него люди настаивали на том, что ресурсы демократической системы больше, чем многие полагают, что можно создать систему экономической безопасности в рамках свободы.

Роберт Кеннеди

Я частенько думаю о Кампобелло (Мемориальный парк Рузвельта – авт.) – оно играет важную роль в моей эмоциональной жизни, поддерживая постоянную связь с Рузвельтом – самым великим человеком моего времени и я горд, что мне довелось его знать и работать над осуществлением его замыслов.

Хаммер Арманд

(Мемуары. «Мой век – двадцатый...»)

Рузвельт вошел в Белый дом в момент, когда страна находилась в самом тяжелом экономическом положении из всех известных ранее, и без промедления начал осуществлять свою программу по выводу Америки из кризиса.

Рональд Рейган

(Мемуары «Жизнь по-американски»)

Он верил в свой народ. Он никогда не терял веру в нашу страну – ни на минуту... Он был великим лидером военного времени. Благодаря этому в войне было меньше ошибок, чем обычно.

Рональд Рейган

(Мемуары «Жизнь по-американски»)

Мой отец, который работал учителем, умер, когда мне было всего две недели от роду, оставив молодую вдову с двумя маленькими детьми, однако, благодаря вере моей матери в Бога и голосу Рузвельта по радио, мы держались...»

У. Дж. Клинтон

(Мемуары – «Моя жизнь»)

Когда Франклин Рузвельт выдвигался для переизбрания в 1936 году... Он возвращался на свой пост не потому, что с депрессией было покончено. Вовсе нет. Мы все ещё были в зубах депрессии. Почему же тогда он возвратил себе президентский пост? Да потому что люди знали, каким является его видение Америки. Они знали, какие действия он предпримет, чтобы трансформировать страну. И они этого хотели, это самое главное – они хотели претерпеть трудно-

сти в настоящем, потому что верили, что являются частью процесса, который приведет их к лучшему будущему.

У. Дж. Клинтон
(Мемуары – «Моя жизнь»)

У него не было концепции того, каким должен быть пост, который он занимал, эталона, к которому он бы стремился. Он был сам воплощением этого поста. Его представление о посте президента было самим этим постом.

Ричард Нойштадт (историк)

При Рузвельте Белый дом встал в центр, в фокус всей системы управления – как источник идей, инициатор всех действий, представитель национальных интересов. Он принял пост, который при предшественниках за двенадцать предшествующих лет потерял значительную долю своего престижа и власти. Он придал этому посту значение, которое превосходит даже то, которое сообщали президентству Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон. Он воссоздал современное президентство.

У. Лихтенберг (историк)

Это было его – и никого более руководство, сумевшее создать великую коалицию Объединенных Наций... Это было руководство, которое вдохновляло свободных людей во всех частях мира бороться, руководствуясь огромной надеждой и мужеством. Ушел великий талант, утеряно великое умение... Ушел свежий и спонтанный интерес, с которым этот человек так же естественно, как дышал, относился к бедам, трудностям, разочарованиям и надеждам маленького человека, скромных людей.

Нью-Йорк Таймс
(В связи с кончиной Ф. Д. Рузвельта)

Стенди спрашивает Молотова, считает ли он Рузвельта реалистом и похож ли Рузвельт в этом отношении на русских? Молотов отвечает, что, безусловно, Рузвельт является большим реалистом и во многом имеет сходство с лучшим, что имеется у русских. Вместе с тем Рузвельт является дальновзорким человеком. Рузвельт является горячим сторонником и сильно сочувствует идее создания второго фронта в Европе в 1942 году.

Из беседы Молотова с послом США
в СССР. 19 июня 1942 г.

Рузвельт, безусловно, играл на амбициях людей, как артист на струнах музыкального инструмента.

Дж. Бирнс. 1946.

Он – самый симпатичный молодой гигант, которых я когда-либо видел.

Вудро Вильсон
(О начале политич. деятельности Рузвельта)

Сколько я его не наблюдаю, он все время стремится разъяснить для себя мир идей и научиться посредством непрерывных бесед. Молодой Рузвельт – многообещающая фигура, но я думаю, что он истощит себя в постоянных контактах с людьми.

Ньютон Бейкер
(Будущий военный министр)

При всех своих идиосинкразиях наш шеф был очень добрым и дружелюбно настроенным человеком, его юмор и любезность всегда вливали жизнь в заседания кабинета.

Г. Стимсон
(гос. деятель США)

Я думаю, что каждый из нас остро чувствовал потерю подлинно личного друга. Я никогда не скрывал своего мнения, что его правлению не хватало порядка, но во внешней политике он всегда основывался на огромном предвидении и ясности видения происходящего; в этот период великого смятения в нашей стране потеря его как лидера была огромной утратой.

Г. Стимсон
(гос. деятель США)

... Любому американскому президенту ради обеспечения поддержки своих политических действий приходится апеллировать и к геополитике, и к идеологии, а чтобы делать это эффективно, президенты обязаны совмещать оба эти направления не только в своих речах, но и в своей душе. Франклин Рузвельт, ученик одновременно и адмирала Мэхэна, и президента Вильсона, с успехом сочетал национальный интерес с идеологией, хотя в критической ситуации интерес всегда выступал у него на первый план.

Большинство послевоенных президентов – Трумэн, Эйзенхауэр, Кеннеди, Никсон – также все сходились, с готовностью или нехотя, на признании приоритета реальной политики над идеологией.

А.М. Шлезингер-младший
(«Циклы американской истории»)

У Рузвельта «был дар делать нужное дело в нужное время. И величайший дар вкладывать душу в наиболее позитивные импульсы своего времени».

Алан Невинс
(историк)

Он был трансформатором, через который текли энергия и разум множества других людей.

Джон Гюнтер
(историк)

Президент становится всё больше и больше центральной фигурой, источником инициативы, власти и, конечно, ответственности.

У. Хассет. 1942.
(чл. адм. президента)

Очаровательный, обаятельный, остроумный Рузвельт ещё до своего вступления на пост президента как магнит притягивал к себе мужчин (и женщин), использовал в интересах своих политических амбиций и от них ожидал абсолютную лояльность, никому не открывая свою душу, даже жене.

Детфлер Юнкер
(историк)

Главными чертами Рузвельта как политика было мужество, терпение, удивительное чувство времени, способность увидеть суть, практический идеализм, интуитивная способность отзываться на нужды людей.

А.И. Уткин
(историк)

Его величие заключается в том, что он активно и эффективно откликался на нужды своего времени. Многое из того, что он делал, никогда не исчезнет из американской и мировой истории. Действуя едва ли не в одиночестве, он спас демократию в Америке и привел страну к мировому лидерству.

А.И. Уткин
(историк)

Рузвельт знал обо всем понемногу, но в трех областях ему не было равных – в политике, американской истории и географии. Не было случая, чтобы кто-нибудь посрамил Рузвельта в знании национальной истории. Во всем была «виновата» память, феноменальная по любым меркам.

А.И. Уткин
(историк)

Рузвельт – политик, который изменил мир.

А.И. Уткин
(историк)

Общими у обоих Рузвельтов (у Франклина и Теодора) были два качества - они отдавались делу со страстью и при этом всеми способами стремились сохранить свою независимость.

А.И. Уткин
(историк)

Аристократ Рузвельт ощущал солидарность с простыми людьми значительно острее, чем гениальный плебей Ллойд Джордж.

А.И. Уткин
(историк)

Прежде всего он был абсолютно бесстрашен. Он был одним из немногих государственных деятелей двадцатого века – да и любого века – который не имел страха перед будущим.

Исайя Берлин
(философ)

Для Франклина Рузвельта интересы и мораль никогда не противостояли друг другу. Наоборот, его доктрина интегрировала плюралистические интересы в более крупную структуру взаимозависимости, имевшая как моральную, так и экономическую составляющие.

Брюс Майроф (историк)

Франклин Рузвельт неоднократно заявлял о своей гордости тем, что «Новый курс» пробудил общественный дух американцев и вытеснил собственнические инстинкты 1920-х годов. Как он утверждал в 1936 году, во время предвыборной кампании в Бостоне, – «средние американцы, которых я встречал, сейчас уже не безразличны к проблемам правительства. И, по моему мнению, сейчас у нас больше ясного политического рассудка, чем было за всё нашу историю». В мире, который во многих случаях пошел по недемократическому пути, мы пошли более демократическим».

Брюс Майроф (историк)

Франклин Д. Рузвельт легко вошел в помещение Сената в день открытия сессии. Непринужденно опустился в кожаное кресло под номером 26... Смотревшие на новопришельца увидели молодого человека с лицом римского патриция, сияющего здоровьем. Ему менее тридцати. Он высок и строен. С его симпатичным лицом и формами, выдающими упругую силу, он мог бы сделать карьеру на сцене.

Нью-Йорк Таймс, 4 февраля 1911 г.

Деятельность президента Ф. Рузвельта оставила глубокий след не только в событиях международной истории, но и в сфере внутренней социально-экономической политики в плане преодоления тяжелейших последствий экономического кризиса и депрессии, обрушившихся на США в тридцатые годы XX века. Разнообразный опыт и уроки этой политики имеют большое значение и во многом созвучны с теми экономическими и социальными проблемами, с которыми сталкивается наша страна на протяжении последних лет.

В.А. Садовничий (Академик РАН)

Это был самый популярный и почитаемый президент США в двадцатом веке и наиболее уважаемый американский политик в России, с именем которого связано не только восстановление дипломатических отношений между нашими странами, но важнейшие исторические события совместной борьбы наших народов против фашистской угрозы.

В.А. Садовничий (Академик РАН)

«Новый курс» ФДР не только способствовал решению экономических проблем, но и значительно расширил возможности простых американцев для приобщения к духовным ценностям, сохранив при этом возможности для творчества десяткам тысяч деятелей литературы, искусства и культуры.

Ю.Н. Рогулев
(Директор Фонда изучения
США имени Ф.Д. Рузвельта МГУ)

Идеология и политика «Нового курса» ФДР послужили моделью для многих последующих президентов США от демократической партии. И «Справедливый курс» Г. Трумена, и «Новые рубежи» Дж. Кеннеди, и «Великое общество», и «Война с бедностью» Л. Джонсона в той или иной мере пытались продолжать и развивать основные направления политики Ф. Рузвельта. Да и политические оппоненты из республиканской партии, в конце концов, вынуждены были согласиться с основными принципами концепции Ф.Д. Рузвельта.

Ю.Н. Рогулев
(Директор Фонда изучения
США имени Ф.Д. Рузвельта МГУ)

Личность Рузвельта, его не типичная для американского президента мобильность, постоянные общения с народом в самых различных местах и в самое разное время, выезды на встречи в верхах в Тегеран, Ялту, Касабланку, Канаду и т.д. создавали образ абсолютно уверенного в себе человека, всегда в любых ситуациях сохранявшего уравновешенность. Какие-то черты делали его похожим на Моцарта от политики. И все же, что скрывалось за внешней личиной и высоким физическим тонусом этого жизнелюбивого, улыбающегося знаменитой улыбкой человека? Вот вопрос, который всегда будет волновать исследователей, и едва ли кто-то сегодня может сказать, что знает на него исчерпывающий ответ.

В.Л. Мальков (историк)

Рузвельт был блестящим оратором. Его выступления не отличались каким-либо ораторскими эффектами, броскими, образными сравнениями. Но он обладал более важными способностями, президент находил слова, интонации, близкие и понятные миллионам людей. В этом была сила его воздействия на самые широкие массы американцев. Тем более что радиоприемники были практически во всех американских семьях.

Р.И. Иванов
(«Сталин и союзники. 1941-1945 годы»)

Рузвельт был умным, дальновидным государственным деятелем и в некоторых отношениях превосходил Уинстона Черчилля. Он обладал спокойной способностью анализировать мировую обстановку, ему чужд был авантюризм, которым грешил Черчилль.

В.Г. Трухановский
(«Уинстон Черчилль». Политическая биография. М., 1977)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТЕКСТЫ РЕЧЕЙ РУЗВЕЛЬТА

Первая инаугурационная речь Франклина Рузвельта, 1933 год

Я уверен, что мои дорогие соотечественники-американцы ждут, что, вступая в должность президента, я обращусь к ним с прямой и решимостью, как того требует нынешнее положение нашей страны. Сейчас самое время говорить правду, всю правду, открыто и смело. И нам нет нужды уклоняться от честного взгляда на сегодняшнюю ситуацию в нашей стране.

Эта великая страна выстоит, как это бывало и прежде, возродится и расцветет. Поэтому первым делом разрешите мне высказать твердое убеждение, что единственное, чего нам следует бояться, это страха – отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление. Всякий раз в мрачный час нашей национальной жизни откровенное и энергичное руководство встречало то самое понимание и ту поддержку народа, которые требуются для победы. Я убежден, что в эти критические дни вы вновь окажете руководству такую поддержку.

С таким настроением мы с вами встречаем наши общие трудности. Слава Богу, они касаются только материальных вещей. Текущие показатели снизились до фантастического уровня, налоги выросли, наша платежеспособность упала, власти всех уровней сталкиваются с серьезным сокращением дохода, средства обмена заморожены в торговых потоках, повсеместно замирают промышленные предприятия, фермеры не находят рынков для своей продукции, пропали многолетние сбережения тысяч семей.

Что еще важнее, перед множеством безработных граждан встала жестокая проблема выживания, при этом не меньшее число людей трудятся в поте лица своего, мало что получая взамен. Только неразумный оптимист может отрицать мрачную реальность момента.

Но все-таки беды пришли к нам не от материального недостатка. Нас не покарало нашествие саранчи. Наши беды не сравнимы с испытаниями, которые наши предки одолели, ибо верили и не боялись, за что мы должны быть им весьма благодарны. Природа по-прежнему приносит щедрые дары, а человеческие усилия их преумножают. Изобилие у самого нашего порога, но мы не можем воспользоваться его щедрыми дарами в силу их недоступности. Происходит это главным образом потому, что те, кто отвечал за обмен плодами рук человеческих, потерпели провал из-за собственного упрямства и собственной некомпетентности, признали свое поражение и вышли из игры. Деятельность бесчестных менял осуждается судом общественного мнения, люди не принимают ее ни умом, ни сердцем.

Правда, они пытались, но действовали отжившими свой век традиционными методами. Потерпев неудачу с кредитом, они лишь предложили ссужать больше денег. Лишившись возможности прельщать людей прибылью, они прибегли к слезным просьбам и мольбам вернуть им утраченное доверие. Им из-

вестны лишь правила поколения корыстолюбцев. Это недалёковидные люди, а недалёковидные люди обречены на гибель.

Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть этот храм к древним истинам. Мерой этого возвращения служит степень нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, нежели простая денежная прибыль.

Счастье заключается не просто в обладании деньгами, — оно в радости свершений, в творческом волнении. В безумной погоне за мимолетной прибылью больше нельзя забывать об этой радости и о моральном стимулировании труда. Эти мрачные времена будут оправданы, если научат нас, что наше истинное предназначение не прислуживать кому-то, а жить самим себе и нашим собратьям.

Признание ложным такого мерила успеха, как материальное богатство, идет рука об руку с отказом от ложного убеждения, что государственная должность и высокое политическое положение измеряются лишь мерилom поста и личной выгоды. Надо покончить с тем образом действий в банковском деле и в бизнесе, который слишком часто превращал священный долг в подобие бессердечного и своекорыстного проступка. Неудивительно, что доверие тает, ибо оно зиждется только на честности, чести, на нерушимости обязательств, на ревностной защите, на бескорыстной деятельности, а без всего этого оно существовать не может.

Однако восстановление требует не только нравственных перемен. Страна просит действий, и действий немедленных.

Наша величайшая первоочередная задача — вернуть людям работу. Эта проблема окажется вполне разрешимой, если мы подойдем к ней разумно и смело. Частично ее может решить прямая мобилизация силами самой власти, взявшейся за эту задачу так, как мы действуем в чрезвычайных военных условиях, но в то же время направив рабочую силу на осуществление в высшей степени необходимых проектов по стимулированию и реорганизации использования наших природных ресурсов.

Вместе с тем мы должны откровенно сказать о перенаселенности наших промышленных центров и, занявшись перераспределением в национальном масштабе, постараться наделить землей тех, кто лучше всех готов ее использовать. Справиться с этой задачей могут помочь решительные действия по повышению цен на сельскохозяйственную продукцию, а одновременно и покупательной способности по отношению к продукции, производимой в городах. Этому может помочь эффективное предупреждение нарастающей трагедии разорения в результате лишения права выкупа закладной на наши небольшие дома и фермы. Этому может помочь требование к федеральной власти, властям штатов и местным властям немедленно и резко сократить свои расходы. Этому может помочь унификация выплат пособий, сегодня нередко раздробленных, неэкономичных и неравных. Этому может помочь государственное планирование и контроль над всеми видами транспорта, связи и прочих услуг явно общественного характера. Этому можно помочь многими способами, но никогда не

поможешь одними разговорами. Мы должны действовать, и действовать быстро.

Наконец, вновь берясь за работу, мы нуждаемся в двух гарантиях защиты от старых зол. Должен быть установлен строгий контроль над всей банковской, кредитной и инвестиционной деятельностью. Должен быть положен конец спекуляциям с чужими деньгами и обеспечена адекватная требованиям, но здоровая валюта.

Таковы направления атаки. Теперь я изложу перед новым конгрессом на специальном заседании детальные меры для ее проведения и попрошу немедленного содействия нескольких штатов.

Этой программой действий мы призываем самих себя навести порядок в собственном национальном доме и сбалансировать доходы с расходами. Хотя наши международные торговые связи крайне важны, в данный момент и при данных потребностях они отходят на второй план перед лицом создания здоровой национальной экономики. В практической политике я предпочитаю ставить первостепенные вещи на первое место. Я не пожалею сил для возрождения мировой торговли путем международной экономической реорганизации, но критическая ситуация у себя дома не может ждать завершения решения этой задачи. Главная идея, задающая направление этим особым способам национального возрождения, не является узконациональной. Она в первую очередь подчеркивает взаимозависимость разнообразных факторов во всех частях Соединенных Штатов, напоминая о старом и вечно важном проявлении американского пионерского духа. Это путь к возрождению. Это самый прямой путь. Это крепчайшая гарантия прочности возрождения.

В области мировой политики мне хотелось бы, чтобы наша страна проводила политику доброго соседа — соседа, который решительно уважает себя и поэтому уважает права других; соседа, который уважает свои обязательства и уважает святость своих соглашений с соседями во всем мире. Если я правильно понимаю характер нашего народа, мы сегодня сильнее, чем когда-либо прежде, сознаем нашу взаимозависимость друг от друга; сознаем, что нельзя только брать, надо также и отдавать, что вперед надо двигаться дисциплинированной, верноподданной армией, готовой на жертвы ради общей дисциплины, ибо без такой дисциплины невозможно движение вперед, невозможно эффективное руководство. Я знаю. Мы готовы и согласны подчинить свою жизнь и свое достоинство такой дисциплине, открывая возможность для руководства, нацеленного на большое благо. Это я и хочу предложить, заверяя, что большие цели пробудили в нас священное чувство долга, подобное тому, которое пробуждается во время вооруженной борьбы.

Получив такое обещание, я без колебаний возьму на себя руководство великой армией нашего народа, направляя ее на целеустремленное решение наших общих проблем.

При форме власти, унаследованной нами от предков, вполне возможно действовать таким образом и с такой целью. Наша Конституция столь проста и практична, что всегда можно ответить на чрезвычайные требования, переставляя акценты и меняя порядок слов, не утратив сути. Именно поэтому наша кон-

ституционная система зарекомендовала себя как самый надежный по прочности политический механизм, существующий в современном мире. Она выдержала все потрясения широкой территориальной экспансии, зарубежных войн, острых внутренних раздоров, мировых отношений. Будем надеяться, что нормального баланса исполнительной и законодательной власти окажется вполне достаточно для решения стоящей перед нами беспрецедентной задачи. Но, возможно, какое-то беспрецедентное требование жизни и необходимость неотложных действий заставят нас временно отойти от нормально сбалансированного государственного процесса.

По своей конституционной обязанности я готов рекомендовать меры, которые могут потребоваться раненой стране в раненом мире. В пределах своих конституционных полномочий я постараюсь добиться быстрого принятия этих или иных подобных мер, которые может разработать конгресс с его опытом и мудростью.

Однако в том случае, если конгресс не сумеет принять один из этих двух курсов, и в том случае, если страна по-прежнему останется в чрезвычайном критическом положении, я не уклонюсь от ясного, предначертанного долгом курса. Я буду просить у конгресса единственный оставшийся инструмент решения кризиса – широких властных полномочий для борьбы с чрезвычайной ситуацией, столь же неограниченных, как полномочия, которые мне были бы даны в случае фактического вторжения иноземного врага.

За оказанное мне доверие я расплачусь соответствующей моменту отвагой и преданностью. Это минимум того, что я обязан сделать.

Мы смотрим в грядущие трудные дни, согретые теплом национального единства, с осознанным стремлением вернуться к старым и дорогим моральным ценностям, со светлым удовлетворением, которое приносит строгое исполнение долга как стариками, так и молодежью. Наша цель – гарантировать полноценную и стабильную жизнь страны.

Мы не разуверились в будущем основ демократии. Народ Соединенных Штатов не потерпел неудачу. Когда возникла нужда, он на выборах дал наказ, объявив, что желает прямых энергичных действий. Он просит дисциплины направляющего руководства. Инструментом своей воли он сделал сегодня меня. В таком смысле я этот дар принимаю.

Преданные своей стране, мы смиренно просим Божьего благословения. Да хранит Он всех и каждого из нас. Да руководит Он мной в грядущие дни.

First Inaugural Address Washington, D.C., March 4, 1933

If Roosevelt knew one thing in 1932, it was his New Deal program had to be sold to the American public. He campaigned hard, traveling over 12,000 miles to every section of the country and giving over 200 speeches. The electorate responded. He won the presidency by 57.4% of the popular vote to 39.7% for the incumbent Herbert Hoover. The vote in the electoral college was 472 to 59 with FDR winning forty-two of the forty-eight states. His inauguration as the thirty-second president was set for

Saturday, March 4, 1933. The most dramatic incident in the months leading up to the inauguration was an assassination attempt at virtually point - blank range following a brief speech at Miami's Bay Front Park in February. Miraculously, the president-elect escaped unscathed, and from all accounts supremely untroubled; but the attack did take the life of another prominent Democrat, Mayor Anton Cermak of Chicago. Roosevelt's advisors took pains to reassure the nation that the incident was not part of a political plot to stifle the New Deal before it was launched – just the act of a single gunman driven by illness and personal demons. In due course, the perpetrator – who was captured at the scene – was tried, convicted and executed.

Economic conditions had worsened during the long Depression winter between the November election and the March inauguration. The most immediate problem confronting FDR as he took office concerned the banking system. Banks everywhere had failed, confidence in the nation's banking system was eroding, and depositors large and small worried about the safety of their funds. In a situation where panic tended to feed on itself, runs on banks intensified as people decided to hoard what gold and currency they had. The entire banking system was in free fall as inauguration Saturday approached, with the governors of many states having issued proclamations shutting down banks over which they had control. The gravity of the situation was brought home to many visitors to Washington who had come to celebrate the inauguration when hotels there refused out-of-town checks, and wires for cash from home were limited to \$100 because of the currency shortage. It was later reported that Eleanor Roosevelt had wondered how in these circumstances the large Roosevelt entourage would be able to pay for their accommodations at the Mayflower Hotel which, of course, included the presidential suite. After a few days, the major hotels realized it would benefit no one to keep their guests captive because they couldn't pay with local checks, and most of them relented.

With the Navy airship Akron circling overhead and a crowd of 100,000 in attendance in front of the east portico of the Capitol, Roosevelt took the oath of office from Chief Justice Charles Evans Hughes. FDR's hand was on an old Dutch Bible which had been used by his family to record births and deaths for over 200 years, open to his favorite passage in Paul's First Epistle to the Corinthians: "And now abideth Faith, Hope, Charity, these three, but the greatest of these is Charity". Addressing the banking situation, Roosevelt outlined his plans only in the most general terms – except for announcing that he was about to call a special session of Congress because of the crisis at hand. "The only thing we have to fear is fear itself", was his memorable pronouncement in the opening segment of this first inaugural address. Eleanor Roosevelt told a reporter how she perceived the event a few days later: "It was very, very solemn", she said. "And a little terrifying".

At one o'clock in the morning on Monday, March 6th-thirty-six hours into the new presidency – the White House issued a proclamation, based on powers FDR's legal advisors found vested in the president under a "World War One Trading with the Enemy Act" still on the books. The proclamation declared that a national bank holiday would begin that day, absolutely suspending all banking transactions throughout the country. The legal underpinnings of this move may have been impro-

visational, but the crisis was so grave, and the efforts of the preceding administration to deal with it so futile, that objections were few.

I am certain that my fellow Americans expect that on my induction into the Presidency I will address them with a candor and a decision which the present situation of our Nation impels. This is preeminently the time to speak the truth, the whole truth, frankly and boldly. Nor need we shrink from honestly facing conditions in our country today. This great Nation will endure as it has endured, will revive and will prosper. So, first of all, let me assert my firm belief that the only thing we have to fear is fear itself - nameless, unreasoning, unjustified terror which paralyzes needed efforts to convert retreat into advance. In every dark hour of our national life a leadership of frankness and vigor has met with that understanding and support of the people themselves which is essential to victory. I am convinced that you will again give that support to leadership in these critical days.

In such a spirit on my part and on yours we face our common difficulties. They concern, thank God, only material things. Values have shrunk to fantastic levels; taxes have risen; our ability to pay has fallen; government of all kinds is faced by serious curtailment of income; the means of exchange are frozen in the currents of trade; the withered leaves of industrial enterprise lie on every side; farmers find no markets for their produce; the savings of many years in thousands of families are gone.

More important, a host of unemployed citizens face the grim problem of existence and an equally great number toil with little return. Only a foolish optimist can deny the dark realities of the moment.

Yet our distress comes from no failure of substance. We are stricken by no plague of locusts. Compared with the perils which our forefathers conquered because they believed and were not afraid, we have still much to be thankful for. Nature still offers her bounty and human efforts have multiplied it. Plenty is at our doorstep, but a generous use of it languishes in the very sight of the supply. Primarily this is because the rulers of the exchange of mankind's goods have failed, through their own stubbornness and their own incompetence, have admitted their failure, and abdicated. Practices of the unscrupulous money changers stand indicted in the court of public opinion, rejected by the hearts and minds of men.

True they have tried, but their efforts have been cast in the pattern of an outworn tradition. Faced by failure of credit they have proposed only the lending of more money. Stripped of the lure of profit by which to induce our people to follow their false leadership, they have resorted to exhortations, pleading tearfully for restored confidence. They know only the rules of a generation of self-seekers. They have no vision, and when there is no vision the people perish.

The money changers have fled from their high seats in the temple of our civilization. We may now restore that temple to the ancient truths. The measure of the restoration lies in the extent to which we apply social values more noble than mere monetary profit.

Happiness lies not in the mere possession of money; it lies in the joy of achievement, in the thrill of creative effort. The joy and moral stimulation of work no longer must be forgotten in the mad chase of evanescent profits. These dark days will

be worth all they cost us if they teach us that our true destiny is not to be ministered unto but to minister to ourselves and to our fellow men.

Recognition of the falsity of material wealth as the standard of success goes hand in hand with the abandonment of the false belief that public office and high political position are to be valued only by the standards of pride of place and personal profit; and there must be an end to a conduct in banking and in business which too often has given to a sacred trust the likeness of callous and selfish wrongdoing. Small wonder that confidence languishes, for it thrives only on honesty, on honor, on the sacredness of obligations, on faithful protection, on unselfish performance; without them it cannot live.

Restoration calls, however, not for changes in ethics alone. This Nation asks for action, and action now.

Our greatest primary task is to put people to work. This is no unsolvable problem if we face it wisely and courageously. It can be accomplished in part by direct recruiting by the Government itself, treating tire task as we would treat the emergency of a war, but at the same time, through this employment, accomplishing greatly needed projects to stimulate and reorganize the use of our natural resources.

Hand in hand with this we must frankly recognize the overbalance of population in our industrial centers and, by engaging on a national scale in a redistribution, endeavor to provide a better use of the land for those best fitted for the land. The task can be helped by definite efforts to raise the values of agricultural products and with this the power to purchase the output of our cities. It can be helped by preventing realistically the tragedy of the growing loss through foreclosure of our small homes and our farms. It can be helped by insistence that the Federal, State, and local governments act forthwith on the demand that their cost be drastically reduced. It can be helped by the unifying of relief activities which today are often scattered, uneconomical, and unequal. It can be helped by national planning for and supervision of all forms of transportation and of communications and other utilities which have a definitely public character. There are many ways in which it can be helped, but it can never be helped merely by talking about it. We must act and act quickly.

Finally, in our progress toward a resumption of work we require two safeguards against a return of the evils of the old order; there must be a strict supervision of all banking and credits and investments; there must be an end to speculation with other people's money, and there must be provision for an adequate but sound currency.

These are the lines of attack. I shall presently urge upon a new Congress in special session detailed measures for their fulfillment, and I shall seek the immediate assistance of the several States.

Through this program of action we address ourselves to putting our own national house in order and making income balance outgo. Our international trade relations, though vastly important, are in point of time and necessity secondary to the establishment of a sound national economy. I favor as a practical policy the putting of first things first. I shall spare no effort to restore world trade by international economic readjustment, but the emergency at home cannot wait on that accomplishment.

The basic thought that guides these specific means of national recovery is not narrowly nationalistic. It is the insistence, as a first consideration, upon the interdependence of the various elements in all parts of the United States – recognition of the old and permanently important manifestation of the American spirit of the pioneer. It is the way to recovery. It is the immediate way. It is the strongest assurance that the recovery will endure.

In the field of world policy I would dedicate this Nation to the policy of the good neighbor – the neighbor who resolutely respects himself: and, because he does so, respects the rights of others – the neighbor who respects his obligations and respects the sanctity of his agreements in and with a world of neighbors.

If I read the temper of our people correctly, we now realize as we have never realized before our interdependence on each other; that we can not merely take but we must give as well; that if we are to go forward, we must move as a trained and loyal army willing to sacrifice for the good of a common discipline, because without such discipline no progress is made, no leadership becomes effective. We are, I know, ready and willing to submit our lives and property to such discipline, because it makes possible a leadership which aims at a larger good. This I propose to offer, pledging that the larger purposes will bind upon us all as a sacred obligation with a unity of duty hitherto evoked only in time of armed strife.

With this pledge taken, I assume unhesitatingly the leadership of this great army of our people dedicated to a disciplined attack upon our common problems.

Action in this image and to this end is feasible under the form of government which we have inherited from our ancestors. Our Constitution is so simple and practical that it is possible always to meet extraordinary needs by changes in emphasis and arrangement without loss of essential form. That is why our constitutional system has proved itself the most superbly enduring political mechanism the modern world has produced. It has met every stress of vast expansion of territory, of foreign wars, of bitter internal strife, of world relations.

It is to be hoped that the normal balance of executive and legislative authority may be wholly adequate to meet the unprecedented task before us. But it may be that an unprecedented demand and need for undelayed action may call for temporary departure from that normal balance of public procedure.

I am prepared under my constitutional duty to recommend the measures that a stricken nation in the midst of a stricken world may require. These measures, or such other measures as the Congress may build out of its experience and wisdom, I shall seek, within my constitutional authority, to bring to speedy adoption.

But in the event that the Congress shall fail to take one of these two courses, and in the event that the national emergency is still critical, I shall not evade the clear course of duty that will then confront me. I shall ask the Congress for the one remaining instrument to meet the crisis – broad Executive power to wage a war against the emergency, as great as the power that would be given to me if we were in fact invaded by a foreign foe.

For the trust reposed in me I will return the courage and the devotion that befit the time. I can do no less.

We face the arduous days that lie before us in the warm courage of the national unity; with the clear consciousness of seeking old and precious moral values; with the clean satisfaction that comes from the stern performance of duty by old and young alike. We aim at the assurance of a rounded and permanent national life.

We do not distrust the future of essential democracy. The people of the United States have not failed. In their need they have registered a mandate that they want direct, vigorous action. They have asked for discipline and direction under leadership. They have made me the present instrument of their wishes. In the spirit of the gift I take it.

In this dedication of a Nation we humbly ask the blessing of God. May He protect each and every one of us. May He guide me in the days to come.

Франклин Делано Рузвельт ЧЕТЫРЕ СВОБОДЫ

Начавшаяся Вторая мировая война (1939-1945) на первых порах не затронула в сколько-нибудь существенной степени интересы Соединенных Штатов, но вызвала заметную реакцию широкой американской общественности. Страна иммигрантов, в значительной мере сохранивших эмоциональную связь со своей родиной или родиной своих предков, не могла оставаться безучастной к судьбе бывших соотечественников. Вместе с тем в США оставались сильными позиции изоляционистов, продолжавших настаивать на необходимости соблюдения завета отцов-основателей американского государства – держаться в стороне от европейских конфликтов.

В создавшихся условиях Президент США Франклин Делано Рузвельт, двумя месяцами ранее избранный на третий срок, решил посвятить свое очередное послание Конгрессу США «О положении в стране» анализу внешнеполитической ситуации в мире и задачам, вставшим перед Соединенными Штатами в связи с этой ситуацией. 6 января 1941 г. он выступил перед членами конгресса с речью, вошедшей в американскую историю как речь о «четырех свободах».

Господин спикер, члены 77-го конгресса!

Я обращаюсь к вам, члены этого нового конгресса, в момент, беспрецедентный в истории нашего Союза. Я пользуюсь словом «беспрецедентный», потому что никогда прежде американской безопасности не угрожали извне столь серьезно, как сегодня.

С того времени как в 1789 году мы окончательно сформировали в соответствии с Конституцией наше правительство, большинство кризисных периодов в нашей истории было связано с нашими внутренними делами. И, к счастью, лишь один из них – четырехлетняя война между штатами – впервые представил угрозу нашему национальному единству. Сегодня, слава Богу, 130 миллионов американцев в 48 штатах забыли, куда указывали стрелки компаса нашего национального единства. Правда, до 1914 года Соединенные Штаты часто беспокоили события на других континентах. Мы даже участвовали в двух войнах с европейскими державами и в нескольких необъявленных войнах в

Вест-Индии, Средиземноморье и на Тихом океане, защитая американские права и принципы мирной торговли. Но ни в одном случае не возникало серьезной угрозы для нашей национальной безопасности или сохранения нашей независимости.

Я хочу довести до вашего сознания историческую правду, заключающуюся в том, что Соединенные Штаты как государство во все времена выступали – четко и определенно – против любой попытки запереть нас за древней Китайской стеной, в то время как процесс цивилизации шел, минуя нас. Сегодня, думая о наших детях и об их детях, мы выступаем против изоляции, навязываемой нам в любой другой части американского континента.

Эту нашу решимость, которую мы демонстрировали на протяжении всех этих лет, мы доказали, к примеру, в начале 25-летнего периода войн, последовавших за Французской революцией. Ясно, что ни тогда, когда наполеоновские войны действительно угрожали интересам Соединенных Штатов, учитывая французский оплот в Вест-Индии и в Луизиане, ни тогда, когда мы участвовали в войне 1812 года в целях защиты нашего права на мирную торговлю, ни Франция, ни Великобритания, ни какое-либо другое государство не стремились к господству над всем миром.

Аналогичным образом с 1815 по 1914 год – на протяжении 99 лет – ни одна война в Европе или Азии не представляла реальной угрозы нашему будущему или будущему любого другого американского государства.

За исключением краткосрочного эпизода с Максимилианом в Мексике, ни одна иностранная держава не стремилась утвердиться в нашем полушарии. А мощь британского флота в Атлантическом океане была дружественной силой и остается таковой поныне. Даже когда разразилась Вторая мировая война в 1941 г., в ней заключалась лишь малая доля опасности нашему собственному американскому будущему. Но, как мы помним, с течением времени американский народ стал осознавать, что может означать для нашей демократии падение демократических государств.

Нам не следует преувеличивать недостатки Версальского мира. Нам не следует бесконечно твердить, что демократии оказались не способны справиться с проблемами переустройства мира. Нам надо помнить, что мир, заключенный в 1919 году, был гораздо менее несправедливым, чем та форма умиротворения, которая началась даже до Мюнхена и которая продолжает применяться в условиях тирании нового порядка, стремящегося сегодня распространиться по всем континентам. Американский народ вступил в непоколебимую конфронтацию с этой тиранией.

Я полагаю, что каждый реалист знает, что в данный момент демократический образ жизни во всех частях мира подвергается нападению – нападению с помощью оружия или секретного распространения ядовитой пропаганды со стороны тех, кто стремится разрушить единство и посеять раздор между государствами, еще находящимися в состоянии мира.

За долгие шестнадцать месяцев эти нападения разрушили модель демократической жизни в огромном количестве независимых государств, больших и

малых. И нападающая сторона по-прежнему на марше, угрожая другим государствам, большим и малым.

Поэтому в качестве вашего президента, выполняющего свои конституционные обязанности представлять конгрессу отчет о состоянии Союза, я вынужден, к сожалению, сообщить вам, что будущее и безопасность нашей страны и нашей демократии чрезвычайно зависят от событий, происходящих далеко за пределами наших границ.

Вооруженная защита демократических условий жизни отважно ведется сейчас на четырех континентах. Если эта оборона потерпит поражение, все население и все ресурсы Европы и Азии, Африки и Австралии подпадут под господство завоевателей. И давайте вспомним, что общая численность населения на этих четырех континентах и объем их ресурсов значительно превосходят общую численность населения и объем ресурсов всего Западного полушария — да, во много раз.

Во времена, подобные нынешнему, представляется неразумным, и к тому же неверным, хвастливое утверждение некоторых, что неподготовленная Америка в одиночку, с одной рукой, привязанной за спиной, может сдерживать весь мир.

Ни один реалистически мыслящий американец не может ожидать благородства в международных отношениях, возврата подлинной независимости, всеобщего разоружения, сохранения свободы слова, религиозной свободы или даже благопристойных условий делового предпринимательства от мира, навязанного диктатором. Подобный мир не принес бы безопасности ни нам, ни нашим соседям. Те, кто готов пожертвовать основополагающей свободой ради приобретения ограниченной временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности.

Как государство мы можем гордиться тем фактом, что мы добродушны, но мы не можем себе позволить быть дураками. Мы всегда должны опасаться тех, кто дует в трубы и бьет в литавры, проповедуя теорию умиротворения. Мы должны особенно опасаться той небольшой группы эгоистично настроенных людей, которые готовы обрезать крылья американскому орлу, чтобы выложить его пухом свои собственные гнезда.

Я недавно указывал, как быстро в условиях современного военного искусства наша повседневная жизнь может подвергнуться физическому нападению, которого в конечном счете нам следует ожидать, если государство-диктатор одержит победу в этой войне.

Сейчас ведется много пустых разговоров относительно нашего иммунитета от скорой и прямой интервенции из-за океана. Очевидно, что до тех пор, пока британский военно-морской флот сохраняет свою мощь, такой опасности не существует. Даже если бы британского военно-морского флота не существовало, вряд ли враг оказался бы настолько глупым, чтобы напасть на нас, высадив свои доставленные за тысячи океанских миль войска в Соединенных Штатах до того, как они создадут стратегические базы, с которых им предстоит действовать.

Но мы учимся многому на уроках событий прошлых лет в Европе, особенно на уроках, преподанных Норвегией, чьи жизненно важные порты были захвачены в результате предательства, а также из-за внезапности нападения, подготавливавшегося на протяжении ряда лет.

Первая фаза вторжения в наше полушарие не будет представлять собой высадку регулярных войск. Важные стратегические объекты будут оккупированы секретными агентами и их пособниками, большое число которых уже находится здесь и в Латинской Америке. Поскольку государства-агрессоры продолжают наступать, именно они выберут время, место и форму своего нападения. И именно поэтому будущее всех американских республик находится сегодня в огромной опасности. Именно поэтому это ежегодное послание конгрессу уникально в нашей истории. Именно поэтому перед каждым членом исполнительной ветви государства и каждым членом конгресса стоит огромная ответственная задача — соблюдение подотчетности.

Требование настоящего момента заключается в том, чтобы наши действия и наша политика были подчинены прежде всего — практически исключительно — борьбе с угрозой из-за рубежа. Все наши внутренние проблемы представляют собой сейчас лишь часть этой огромной чрезвычайной ситуации. Точно так же, как наша национальная политика во внутренних делах основывалась на должном уважении прав и достоинства всех наших соотечественников, наша национальная политика во внешних делах основывалась на должном уважении прав и достоинства всех государств, больших и малых. И право, основанное на высокой нравственности, должно победить и в конечном счете победит.

Наша национальная политика заключается в следующем.

Первое. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство обеспечить всеобъемлющую национальную оборону.

Второе. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство поддерживать повсюду всех решительных людей, которые противостоят агрессии и таким образом не позволяют войне перекинуться на наш континент. Этой поддержкой мы выражаем нашу уверенность в том, что дело демократии победит, и крепим оборону и безопасность нашего собственного государства.

Третье. Следуя убедительному выражению общественной воли и не обращая внимания на партийные интересы, мы взяли на себя обязательство в отношении того, что принципы высокой морали и соображения нашей собственной безопасности никогда не позволят нам согласиться с условиями мира, продиктованными агрессорами и поддержанными теми, кто пытается проводить политику умиротворения. Мы знаем, что прочный мир не может быть достигнут за счет свободы других народов.

В ходе недавних общенациональных выборов не отмечалось существенных разногласий между двумя основными партиями по вопросам национальной политики. Ни один вопрос не вызывал серьезных столкновений в среде американского электората. И сегодня абсолютно очевидно, что американские граж-

дане повсеместно требуют немедленных и всеобъемлющих действий, признавая наличие явной опасности.

Вследствие этого насущной необходимостью является скорейший и обязательный рост нашего военного производства. Лидеры промышленности и профсоюзов ответили на наш призыв. Были определены конечные цели увеличения темпов роста. В ряде случаев эти цели достигаются ранее намеченных сроков. В ряде случаев они достигаются в назначенные сроки. Иногда отмечаются некоторые несерьезные задержки. А в ряде случаев – и мне неприятно об этом говорить, – в ряде очень серьезных случаев нас всех очень волнует медленный темп выполнения наших планов.

Однако в последние годы армия и военно-морской флот достигли существенного прогресса. С каждым днем накапливается практический опыт и совершенствуются наши способы производства. И сегодняшнее наилучшее становится недостаточно хорошим для завтрашнего дня.

Я не удовлетворен достигнутым на сегодняшний день прогрессом. Люди, руководящие программой, являются лучшими с точки зрения подготовки, способностей и патриотизма, и они не удовлетворены достигнутым на сегодняшний день прогрессом. Никто из нас не будет удовлетворен, пока не будет выполнена работа.

Независимо от того, очень ли завышены или занижены наши изначальные планы, нашей целью является достижение скорых и лучших результатов. Проиллюстрирую это двумя примерами.

Мы отстаем в выполнении программы выпуска самолетов. Мы работаем день и ночь, чтобы решить неисчислимы проблемы и войти в график.

Мы обгоняем график строительства боевых кораблей, но мы работаем над тем, чтобы и впредь обгонять этот график. Перестройка всей страны с производства орудий мирного труда в условиях мира на производство средств ведения войны в условиях военного времени является нелегкой задачей. Самые серьезные трудности возникают в начале осуществления военной программы, когда первым делом необходимо создать новые инструменты, новые заводские сооружения, новые сборочные конвейеры, новые стапеля. Только после этого на созданной заново базе будет налажено непрерывное и быстрое производство готовых изделий.

Конечно, конгресс должен всегда располагать информацией о ходе реализации программы. Однако существуют определенные сведения, которые, как сам конгресс, без сомнения, признает, должны обязательно сохраняться в тайне в интересах как нашей собственной безопасности, так и безопасности государств, которые мы поддерживаем.

Вновь возникающие обстоятельства постоянно выдвигают новые требования к обеспечению нашей безопасности. Я обращаюсь к конгрессу с просьбой о значительном увеличении ассигнований и расширении полномочий для осуществления того, что мы уже начали делать.

Я также буду просить нынешний конгресс утвердить полномочия и ассигнования, достаточные для производства дополнительного вооружения и боеприпасов различных видов для передачи тем государствам, которые находятся

в состоянии настоящей войны с государствами-агрессорами. Сегодня наша наиболее полезная и важная роль состоит в том, чтобы служить как их, так и нашим собственным арсеналом. Они не нуждаются в живой силе, но им для обороны нужно оружие стоимостью в миллиарды долларов.

Настает время, когда они не смогут оплатить его полностью наличными. Мы не можем сказать им и не скажем, что им следует капитулировать по причине их неспособности заплатить за оружие, которое, как мы знаем, им необходимо.

Я не рекомендую выделять им заем в долларах, которыми они будут расплачиваться за оружие, заем, который надо будет возвращать в долларах. Я рекомендую, чтобы мы создали для этих государств возможность продолжать получать военное имущество в Соединенных Штатах, включив их заказы в наши собственные программы. И практически все их военное имущество может, если настанет такое время, оказаться полезным для нашей собственной обороны. Прислушиваясь к советам влиятельных военных и военно-морских экспертов, решая, что именно представляется наилучшим для нашей собственной безопасности, мы свободны решать, какая часть произведенного имущества должна быть оставлена здесь и какая часть – направлена нашим зарубежным друзьям, своим решительным и героическим сопротивлением предоставляющим нам время для подготовки нашей собственной обороны.

То, что мы посылаем за рубеж, должно будет оплачено, причем оплачено в разумные сроки после завершения военных действий, оплачено аналогичным имуществом или же, по нашему выбору, различными товарами, которые они могут произвести, и в которых мы нуждаемся.

Давайте скажем этим демократическим странам: «Мы, американцы, жизненно заинтересованы в защите вашей свободы. Мы предлагаем вам нашу энергию, наши ресурсы и нашу организационную мощь для придания вам силы в восстановлении и сохранении свободного мира. Мы будем направлять вам во все возрастающем количестве корабли, самолеты, танки, пушки. В этом заключаются наша цель и наши обязательства».

В ходе достижения этой цели нас не запугают угрозы диктаторов, что они будут рассматривать нашу помощь демократическим государствам, осмеливающимся сопротивляться их агрессии, как нарушение международного права или как акт войны. Такая помощь не является актом войны, даже если диктатор в одностороннем порядке провозгласит ее таковой.

В том случае, если диктаторы будут готовы пойти на нас войной, им не придется ждать объявления войны нами.

Они не объявляли войну в случае с Норвегией, Бельгией или Нидерландами. Они заинтересованы лишь в новом одностороннем международном праве, лишенном взаимности в его соблюдении и становящемся, таким образом, инструментом угнетения. Счастье будущих поколений американцев может оказаться целиком зависящим оттого, насколько эффективно и быстро мы сумеем сделать нашу помощь ощутимой. Никто не может предугадать в точности характер чрезвычайных ситуаций, с которыми мы, возможно, столкнемся.

Руки государства не должны быть связаны, когда жизнь государства находится в опасности.

Да, все мы должны быть готовы принести жертвы, требуемые чрезвычайной ситуацией, почти столь же серьезной, как сама война. Все, что препятствует скорой и эффективной обороне, постоянной оборонной готовности, должно уступить дорогу национальным потребностям.

Свободное государство вправе надеяться на полное сотрудничество со стороны всех групп населения. Свободное государство вправе ожидать от лидеров делового мира, профсоюзов и аграрного сектора, что они возглавят усилия энтузиастов внутри своих групп.

Для защиты страны необходима борьба с лодырями и смутьянами, которых немного, но они есть в нашей среде. Прежде всего следует пристыдить их патриотическим примером, а если это не принесет желаемых результатов, прибегнуть к власти правительства.

Подобно тому как не хлебом единым жив человек, сражается он не только оружием. Те, кто стоит на линии обороны, и те, кто стоит за ними и строит нашу оборону, должны обладать выдержкой и мужеством, источником чего является непоколебимая вера в тот образ жизни, который они защищают. Великое дело, к которому мы призываем, не может основываться на игнорировании всех тех вещей, за которые стоит бороться.

Нация черпает огромную силу в том, что было совершено во имя осознания каждым из его представителей личной заинтересованности в сохранении демократической жизни в Америке.

Все это укрепило моральные устои нашего народа, возродило его веру и усилило его преданность институтам, которые мы готовимся защищать. Конечно, сейчас не время для кого-либо из нас забывать о социальных и экономических проблемах, которые служат основной причиной социальных революций, являющихся сегодня важнейшим фактором беспокойства в мире. В том, что представляет собой основа здоровой и сильной демократии, нет ничего таинственного. Основное, что наш народ ожидает от своей политической и экономической системы, не представляется сложным. Это:

- равенство возможностей для молодежи и других слоев населения;
- работа для тех, кто может работать;
- безопасность для тех, кто нуждается в ней;
- ликвидация особых привилегий для избранных;
- сохранение гражданских свобод для всех;
- получение результатов научного прогресса в условиях более высокого и постоянно растущего уровня жизни.

Таковы основные вещи, которые в суматохе и неимоверной сложности нашего современного мира никогда не следует упускать из виду. Эффективность нашей экономической и политической системы зависит от того, в какой степени она отвечает этим ожиданиям.

Многие проблемы, связанные с нашей социальной экономикой, требуют немедленного решения. К примеру:

- мы должны охватить большее число граждан пенсиями по возрасту и страхованием по безработице;

- мы должны поднять медицинское обслуживание на надлежащий уровень;

- мы должны создать более совершенную систему, с помощью которой лица, нуждающиеся в получении выгодной работы и заслуживающие ее, смогут ее получить.

Я призвал к личным жертвам, и я убежден в готовности почти всех американцев откликнуться на этот призыв. Частью этой жертвы является выплата более крупных сумм денег в виде налогов. В своем бюджетном послании я буду рекомендовать, чтобы более значительная, чем сегодня, часть нашей огромной оборонной программы оплачивалась из налоговых поступлений. Никто не должен пытаться и никому не будет разрешено наживаться на этой программе, и в выработке нашего законодательства мы всегда должны руководствоваться принципом уплаты налогов в соответствии с возможностью их платить.

Если конгресс поддержит эти принципы, избиратели, ставящие патриотизм выше интересов своего кошелька, наградят вас аплодисментами.

В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах.

Первая – это свобода слова и высказываний — повсюду в мире.

Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает — повсюду в мире.

Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире.

Четвертая — это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире.

Это не мечта на далекое тысячелетие. Это основа того мира, которого можно достичь в наше время и в течение жизни нашего поколения. Это мир, являющийся противоположностью тирании так называемого нового порядка, который стремятся ввести диктаторы бомбовым ударом.

Этому новому порядку мы противопоставляем более величественную концепцию морального порядка. Добропорядочное общество в состоянии смотреть без страха на попытки завоевать мировое господство или совершить революцию. С самого начала нашей американской истории мы развиваемся в ходе постоянно совершаемой мирной революции, такой, которая, приспосабливаясь к меняющимся условиям, осуществляется равномерно, тихо, без концентрационных лагерей или негашеной извести, залитой в ров. Мировой порядок, к которому мы стремимся, предусматривает взаимное сотрудничество свободных государств, трудящихся в дружелюбном, цивилизованном обществе. Наша страна вручила свою судьбу рукам, умам и сердцам миллионов свободных мужчин и женщин и своей вере в свободу под покровительством Бога. Свобода означает господство прав человека повсюду. Наша поддержка предназначена

тем, кто борется за завоевание этих прав и их сохранение. Наша сила заключается в единстве наших целей.

Осуществление этой великой концепции может продолжаться бесконечно, вплоть до достижения победы.

**State of the Union Message to Congress.
("The Four Freedoms")
Washington, D.C., January 6, 1941**

The military-political context of the debate over Lend-Lease in the winter of 1940-41 was the Battle of Britain raging night after night in the sky above England, with reports from the scene of that conflict appearing every day in American newspapers and newsreels. There is little question that sympathy with the British in this vital struggle for survival aided the fight for public opinion in support of Lend-Lease in America. Whatever may have been his private thoughts on the matter – many historians have written what now seems obvious, that by this time FDR could hardly have still believed that the Axis powers could be overthrown without the direct military intervention of the United States – he was still able to argue that making war materiel available to the British through Lend-Lease was the only way to avoid sending American soldiers to fight overseas. Winston Churchill got on the same bandwagon during this debate when in a broadcast to America he simply promised, "Give us the tools and we will finish the job". The American public largely agreed, and after a few months of debate, Lend-Lease passed Congress by healthy majorities: 260 to 165 in the House, 60 to 31 in the Senate.

On January 6, 1941, the week after his "Arsenal of Democracy" Fireside Chat, while the Lend-Lease debate was in its early stages, Roosevelt delivered his State of the Union message to Congress. In it, he reiterated his position on the need to aid the world's democracies in the struggle against fascism, and beyond that, outlined the philosophical basis of his position as head of a nation confronting the possibility of world war: "In future days," he said, "which we seek to make secure, we look forward to a world founded upon four essential human freedoms." These were freedom of speech, freedom of worship, freedom from want, and freedom from fear. It was reported that applause in Congress was strong but somewhat subdued, not because anyone disagreed with the idea of the "Four Freedoms" – as this philosophical program became known – but because FDR's words had brought home to his audience the gravity of the situation at that moment.

Mr. Speaker, members of the 77th Congress:

I address you, the members of this new Congress, at a moment unprecedented in the history of the union. I use the word "unprecedented" because at no previous time has American security been as seriously threatened from without as it is today. Since the permanent formation of our government under the Constitution in 1789, most of the periods of crisis in our history have related to our domestic affairs. And, fortunately, only one of these – the four – year war between the States – ever threatened our national unity. Today, thank God, 130,000,000 Americans in forty-eight States have forgotten points of the compass in our national unity.

It is true that prior to 1914 the United States often has been disturbed by events in other continents. We have even engaged in two wars with European nations and in a number of undeclared wars in the West Indies, in the Mediterranean and in the Pacific, for the maintenance of American rights and for the Principles of peaceful commerce. But in no case has a serious threat been raised against our national safety or our continued independence.

What I seek to convey is the historic truth that the United States as a nation has at all times maintained opposition – clear, definite opposition – to any attempt to lock us in behind an ancient Chinese wall while the procession of civilization went past. Today, thinking of our children and of their children, we oppose enforced isolation for ourselves or for any other part of the Americas.

That determination of ours, extending over all these years, was proved, for example, in the early days during the quarter century of wars following the French Revolution. While the Napoleonic struggle did threaten interests of the United States because of the French foothold in the West Indies and in Louisiana, and while we engaged in the War of 1812 to vindicate our right to peaceful trade, it is nevertheless clear that neither France nor Great Britain nor any other nation was aiming at domination of the whole world.

And in like fashion, from 1815 to 1914 – ninety nine years – no single war in Europe or in Asia constituted a real threat against our future or against the future of any other American nation.

Except in the Maximilian interlude in Mexico, no foreign power sought to establish itself in this hemisphere. And the strength of the British fleet in the Atlantic has been a friendly strength; it is still a friendly strength. Even when the World War broke out in 1914 it seemed to contain only small threat of danger to our own American future. But as time went on, as we remember, the American people began to visualize what the downfall of democratic nations might mean to our own democracy.

We need not overemphasize imperfections in the peace of Versailles. We need not harp on failure of the democracies to deal with problems of world reconstruction. We should remember that the peace of 1919 was far less unjust than the kind of pacification which began even before Munich, and which is being carried on under the new order of tyranny that seeks to spread over every continent today. The American people have unalterably set their faces against that tyranny. I suppose that every realist knows that the democratic way of life is at this moment being directly assailed in every part of the world – assailed either by arms or by secret spreading of poisonous propaganda by those who seek to destroy unity and promote discord in nations that are still at peace.

During sixteen long months this assault has blotted out the whole pattern of democratic life in an appalling number of independent nations, great and small. And the assailants are still on the march, threatening other nations, great and small. Therefore, as your President, performing my constitutional duty to “give to the Congress information of the state of the union”, I find it unhappily necessary to report that the future and the safety of our country and of our democracy are overwhelmingly involved in events far beyond our borders.

Armed defense of democratic existence is now being gallantly waged in four continents. If that defense fails, all the population and all the resources of Europe and Asia, Africa and Australia will be dominated by conquerors. And let us remember that the total of those populations in those four continents, the total of those populations and their resources greatly exceeds the sum total of the population and the resources of the whole of the Western Hemisphere – yes, many times over.

In times like these it is immature – and, incidentally, untrue – for anybody to brag that an unprepared America, single – handed and with one hand tied behind its back, can hold off the whole world. No realistic American can expect from a dictator's peace international generosity, or return of true independence, or world disarmament, or freedom of expression, or freedom of religion – or even good business. Such a peace would bring no security for us or for our neighbors. Those who would give up essential liberty to purchase a little temporary safety deserve neither liberty nor safety.

As a nation we may take pride in the fact that we are soft – hearted; but we cannot afford to be soft-headed. We must always be wary of those who with sounding brass and a tinkling cymbal preach the ism of appeasement. We must especially beware of that small group of selfish men who would clip the wings of the American eagle in order to feather their own nests. I have recently pointed out how quickly the tempo of modern warfare could bring into our very midst the physical attack which we must eventually expect if the dictator nations win this war.

There is much loose talk of our immunity from immediate and direct invasion from across the seas. Obviously, as long as the British Navy retains its power, no such danger exists. Even if there were no British Navy, it is not probable that any enemy would be stupid enough to attack us by landing troops in the United States from across thousands of miles of ocean, until it had acquired strategic bases from which to operate. But we learn much from the lessons of the past years in Europe – particularly the lesson of Norway, whose essential seaports were captured by treachery and surprise built up over a series of years.

The first phase of the invasion of this hemisphere would not be the landing of regular troops. The necessary strategic points would be occupied by secret agents and by their dupes – and great numbers of them are already here and in Latin America. As long as the aggressor nations maintain the offensive they, not we, will choose the time and the place and the method of their attack. And that is why the future of all the American Republics is today in serious danger. That is why this annual message to the Congress is unique in our history. That is why every member of the executive branch of the government and every member of the Congress face great responsibility – great accountability.

The need of the moment is that our actions and our policy should be devoted primarily – almost exclusively – to meeting this foreign peril. For all our domestic problems are now a part of the great emergency. Just as our national policy in internal affairs has been based upon a decent respect for the rights and the dignity of all of our fellow men within our gates, so our national policy in foreign affairs has been based on a decent respect for the rights and the dignity of all nations, large and small. And the justice of morality must and will win in the end.

Our national policy is this: First, by an impressive expression of the public will and without regard to partisanship, we are committed to all- inclusive national defense. Second, by an impressive expression of the public will and without regard to partisanship, we are committed to full support of all those resolute people everywhere who are resisting aggression and are thereby keeping war away from our hemisphere. By this support we express our determination that the democratic cause shall prevail, and we strengthen the defense and the security of our own nation.

Third, by an impressive expression of the public will and without regard to partisanship, we are committed to the proposition that principle of morality and considerations for our own security will never permit us to acquiesce in a peace dictated by aggressors and sponsored by appeasers. We know that enduring peace cannot be bought at the cost of other people's freedom. In the recent national election there was no substantial difference between the two great parties in respect to that national policy. No issue was fought out on the line before the American electorate. And today it is abundantly evident that American citizens everywhere are demanding and supporting speedy and complete action in recognition of obvious danger.

Therefore, the immediate need is a swift and driving increase in our armament production. Leaders of industry and labor have responded to our summons. Goals of speed have been set. In some cases these goals are being reached ahead of time. In some cases we are on schedule; in other cases there are slight but not serious delays. And in some cases – and, I am sorry to say, very important cases – we are all concerned by the slowness of the accomplishment of our plans. The Army and Navy, however, have made substantial progress during the past year. Actual experience is improving and speeding up our methods of production with every passing day. And today's best is not good enough for tomorrow.

I am not satisfied with the progress thus far made. The men in charge of the program represent the best in training, in ability and in patriotism. They are not satisfied with the progress thus far made. None of us will be satisfied until the job is done. No matter whether the original goal was set too high or too low, our objective is quicker and better results. To give you two illustrations: We are behind schedule in turning out finished airplanes. We are working day and night to solve the innumerable problems and to catch up.

We are ahead of schedule in building warships, but we are working to get even further ahead of that schedule. To change a whole nation from a basis of peacetime production of implements of peace to a basis of wartime production of implements of war is no small task. The greatest difficulty comes at the beginning of the program, when new tools, new plant facilities, new assembly lines, new shipways must first be constructed before the actual material begins to flow steadily and speedily from them.

The Congress of course, must rightly keep itself informed at all times of the progress of the program. However, there is certain information, as the Congress itself will readily recognize, which, in the interests of our own security and those of the nations that we are supporting, must of needs be kept in confidence. New circumstances are constantly begetting new needs for our safety. I shall ask this Congress for greatly increased new appropriations and authorizations to carry on what we have begun.

I also ask this Congress for authority and for funds sufficient to manufacture additional munitions and war supplies of many kinds, to be turned over to those nations which are now in actual war with aggressor nations. Our most useful and immediate role is to act as an arsenal for them as well as for ourselves. They do not need manpower, but they do need billions of dollars' worth of the weapons of defense. The time is near when they will not be able to pay for them all in ready cash. We cannot, and we will not, tell them that they must surrender merely because of present inability to pay for the weapons which we know they must have.

I do not recommend that we make them a loan of dollars with which to pay for these weapons – a loan to be repaid in dollars. I recommend that we make it possible for those nations to continue to obtain war materials in the United States, fitting their orders into our own program. And nearly all of their material would, if the time ever came, be useful in our own defense. Taking counsel of expert military and naval authorities, considering what is best for our own security, we are free to decide how much should be kept here and how much should be sent abroad to our friends who, by their determined and heroic resistance, are giving us time in which to make ready our own defense.

For what we send abroad we shall be repaid, repaid within a reasonable time following the close of hostilities, repaid in similar materials, or at our option in other goods of many kinds which they can produce and which we need. Let us say to the democracies: "We Americans are vitally concerned in your defense of freedom. We are putting forth our energies, our resources and our organizing powers to give you the strength to regain and maintain a free world. We shall send you in ever – increasing numbers, ships, planes, tanks, guns. That is our purpose and our pledge".

In fulfillment of this purpose we will not be intimidated by the threats of dictators that they will regard as a breach of international law or as an act of war our aid to the democracies which dare to resist their aggression. Such aid is not an act of war, even if a dictator should unilaterally proclaim it so to be.

And when the dictators – if the dictators – are ready to make war upon us, they will not wait for an act of war on our part.

They did not wait for Norway or Belgium or the Netherlands to commit an act of war. Their only interest is in a new one-way international law which lacks mutuality in its observance and therefore becomes an instrument of oppression. The happiness of future generations of Americans may well depend on how effective and how immediate we can make our aid felt. No one can tell the exact character of the emergency situations that we may be called upon to meet. The nation's hands must not be tied when the nation's life is in danger.

Yes, and we must prepare, all of us prepare, to make the sacrifices that the emergency – almost as serious as war itself – demands. Whatever stands in the way of speed and efficiency in defense, in defense preparations at any time, must give way to the national need.

A free nation has the right to expect full cooperation from all groups. A free nation has the right to look to the leaders of business, of labor and of agriculture to take the lead in stimulating effort, not among other groups but within their own groups.

The best way of dealing with the few slackers or trouble-makers in our midst is, first, to shame them by patriotic example, and if that fails, to use the sovereignty of government to save government.

As men do not live by bread alone, they do not fight by armaments alone. Those who man our defenses and those behind them who build our defenses must have the stamina and tire courage which come from unshakeable belief in the manner of life which they are defending. The mighty action that we are calling for cannot be based on a disregard of all the things worth fighting for.

The nation takes great satisfaction and much strength from the things which have been done to make its people conscious of their individual stake in the preservation of democratic life in America. Those things have toughened the fiber of our people, have renewed their faith and strengthened their devotion to the institutions we make ready to protect. Certainly this is no time for any of us to stop thinking about the social and economic problems which are the root cause of the social revolution which is today a supreme factor in the world. For there is nothing mysterious about the foundations of a healthy and strong democracy.

The basic things expected by our people of their political and economic systems are simple. They are:

- Equality of opportunity for youth and for others.
- Jobs for those who can work.
- Security for those who need it.
- The ending of special privilege for the few.
- The preservation of civil liberties for all.
- The enjoyment of the fruits of scientific progress in a wider and constantly rising standard of living.

These are the simple, the basic things that must never be lost sight of in the turmoil and unbelievable complexity of our modern world. The inner and abiding strength of our economic and political systems is dependent upon the degree to which they fulfill these expectations. Many subjects connected with our social economy call for immediate improvement. As examples:

We should bring more citizens under the coverage of old-age pensions and unemployment insurance.

We should widen the opportunities for adequate medical care.

We should plan a better system by which persons deserving or needing gainful employment may obtain it.

I have called for personal sacrifice, and I am assured of the willingness of almost all Americans to respond to that call. A part of the sacrifice means the payment of more money in taxes. In my budget message I will recommend that a greater portion of this great defense program be paid for from taxation than we are paying for today. No person should try, or be allowed to get rich out of the program, and the principle of tax payments in accordance with ability to pay should be constantly before our eyes to guide our legislation.

If the congress maintains these principles the voters, putting patriotism ahead of pocketbooks, will give you their applause.

In the future days which we seek to make secure, we look forward to a world founded upon four essential human freedoms.

The first is freedom of speech and expression – everywhere in the world. The second is freedom of every person to worship God in his own way – everywhere in the world.

The third is freedom from want, which, translated into world terms, means economic understandings which will secure to every nation a healthy peacetime life for its inhabitants – everywhere in the world.

The fourth is freedom from fear, which, translated into world terms, means a world-wide reduction of armaments to such a point and in such a thorough fashion that no nation will be in a position to commit an act of physical aggression against any neighbor – anywhere in the world.

That is no vision of a distant millennium. It is a definite basis for a kind of world attainable in our own time and generation. That kind of world is the very antithesis of the so-called “new order” of tyranny which the dictators seek to create with the crash of a bomb.

To that new order we oppose the greater conception – the moral order. A good society is able to face schemes of world domination and foreign revolutions alike without fear. Since the beginning of our American history we have been engaged in change, in a perpetual, peaceful revolution, a revolution which goes on steadily, quietly, adjusting itself to changing conditions without the concentration camp or the quicklime in the ditch. The world order which we seek is the cooperation of free countries, working together in a friendly, civilized society.

This nation has placed its destiny in the hands, heads and hearts of its millions of free men and women, and its faith in freedom under the guidance of God. Freedom means the supremacy of human rights everywhere. Our support goes to those who struggle to gain those rights and keep them. Our strength is our unity of purpose.

To that high concept there can be no end save victory.

Франклин Делано Рузвельт ВОЕННОЕ ПОСЛАНИЕ НАЦИИ

Вероломное нападение японской авиации на американскую военноморскую базу Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. положило конец дебатам по вопросам войны и мира, продолжавшимся в политических кругах и прессе США на протяжении предшествующих двух лет. На следующий день после этого трагического события, во время которого 2300 человек были убиты и 19 американских военных кораблей потоплены или повреждены, Президент США Франклин Делано Рузвельт произнес в конгрессе речь об объявлении Соединенными Штатами войны Японии. За резолюцию об объявлении войны сенат проголосовал единогласно. Палата представителей приняла соответствующую резолюцию 388 голосами (лишь один голос был подан против).

В послании президента говорилось конкретно лишь об одной стране – Японии, но днем позже в своем радиообращении к нации Рузвельт назвал Германию и Италию партнерами Японии, подчеркнув, что США и их союзники в

своей дальнейшей стратегии будут исходить из этой предпосылки. Все точки над *i* были поставлены 11 декабря, когда Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

Конгрессу Соединенных Штатов.

Вчера, 7 декабря 1941 года, в день, навсегда отмеченный позором, Соединенные Штаты Америки подверглись неожиданному и преднамеренному нападению со стороны военно-морских и военно-воздушных сил Японии.

Соединенные Штаты находились в состоянии мира с этим государством и по просьбе Японии продолжали переговоры с ее правительством и ее императором, надеясь на сохранение мира на Тихом океане.

Так сложилось, что спустя час после того, как японские авиационные эскадрильи начали бомбардировать Оаху, японский посол в Соединенных Штатах и его коллеги передали государственному секретарю официальный ответ на недавнее американское послание. И хотя в этом ответе содержалось заявление о том, что продолжение ведущихся дипломатических переговоров представляется бесполезным, в нем не было ни угрозы, ни намека на войну или вооруженное нападение.

Следует отметить, что расстояние от Японии до Гавайских островов свидетельствует со всей очевидностью, что это нападение заранее готовилось на протяжении последних дней и даже недель. В течение этого промежутка времени японское правительство умышленно стремилось ввести в заблуждение Соединенные Штаты лживыми заявлениями и выражениями надежды на сохранение мира. Вчерашнее нападение на Гавайские острова нанесло жестокий урон американским военно-морским и вооруженным силам. Было потеряно много американских жизней. Кроме того, согласно полученным сообщениям, в открытом море между Сан-Франциско и Гонолулу были подвергнуты торпедным атакам американские корабли.

Вчера японское правительство совершило нападение и на Манилу.

Вчера вечером японские вооруженные силы подвергли нападению Гонконг.

Вчера вечером японские вооруженные силы напали на Гуам.

Вчера вечером японские вооруженные силы напали на Филиппинские острова.

Вчера вечером японцы напали на остров Уэйк.

Сегодня утром японцы подвергли нападению остров Мидуэй.

Следовательно, Япония предприняла внезапное наступление по всему Тихоокеанскому региону.

Факты вчерашних событий говорят сами за себя. Народ Соединенных Штатов уже определил свое отношение к ним и прекрасно понимает последствия происшедшего для самой жизни и безопасности нашей нации.

В качестве главнокомандующего армией и флотом я отдал приказ принять все меры в интересах нашей обороны.

Мы навсегда запомним характерные черты этого внезапного нападения на нас.

Независимо от того, сколько времени уйдет у нас на преодоление этого умышленного нападения, американский народ использует всю свою праведную мощь во имя достижения полной победы.

Я убежден, что излагаю волю конгресса и народа, когда заявляю, что мы не только сделаем все возможное, чтобы защитить себя, но и предусмотрим решительно все, чтобы эта форма предательства более никогда нам не угрожала.

Военные действия начались. Нельзя закрывать глаза на существование серьезной угрозы нашему народу, нашей территории и нашим интересам.

С уверенностью в наших вооруженных силах, с безграничной решимостью нашего народа мы добьемся неизбежного триумфа, и да поможет нам Бог.

Я прошу, чтобы ввиду состоявшегося в воскресенье 7 декабря ничем не спровоцированного и подлого нападения Японии конгресс объявил состояние войны между Соединенными Штатами и Японской империей.

Франклин Делано Рузвельт Четвертая Инаугурационная речь, 1945 год

Господин Председатель Верховного суда, господин Вице-президент, друзья мои!

Надеюсь, что вы поймете и одобрите то, что сегодняшняя церемония инаугурации пройдет без затей и моя речь будет краткой.

Мы, современные американцы, вместе с нашими союзниками, живем во время великого испытания. Это испытание нашего мужества, нашей решительности, нашей мудрости, основ нашей демократии. Если мы пройдем это испытание успешно и с честью, мы сделаем важнейший шаг в истории человечества, который будут ценить все люди – мужчины, женщины, дети – во все времена.

Я стою здесь перед вами, взяв на себя обязанность служить нашей стране, в присутствии моих соотечественников, в присутствии Всевышнего, прекрасно понимая, что цель Америки сейчас – не проиграть. В ближайшие дни и годы мы будем работать на благо справедливого, достойного и прочного мира, точно так же, как сейчас мы работаем во имя полной победы в этой войне.

Мы можем, и мы добьемся такого мира. Мы будем стремиться к совершенству. Мы не сможем достичь его сразу, но, тем не менее, мы будем стремиться. Возможно, мы будем делать ошибки. Эти ошибки возникнут по какой угодно причине, но только не по причине того, что мы пали духом или предали наши моральные принципы.

Я помню, как мой старый школьный учитель доктор Пибоди говорил в те времена, когда мы жили безоблачной жизнью, которую, казалось, невозможно потревожить: «Жизнь не всегда идет гладко. Иногда наши дела идут в гору, затем обстоятельства меняются и кажется, что мы отступаем назад.

Главное, что нужно запомнить, — это то, что цивилизация всегда движется вперед. Линии, проведенные через высшие и низшие точки мировой синусоиды, всегда стремятся вверх».

Наша Конституция 1787 года была не идеальна, не идеален и её современный вариант. Но она обеспечивает твердое основание, на котором люди всех рас, цветов кожи и любого вероисповедания, могут построить прочное здание демократии.

И сейчас, в этот военный 1945 год, мы многому научились — этот урок дался страшной ценой — и мы должны извлечь из него выгоду.

Мы усвоили то, что мы не можем жить отдельно от других, в своем собственном мире; что наше благополучие зависит от благополучия других, порой весьма далеких, стран. Мы поняли, что мы должны жить как люди, а не как страусы или как собаки, каждый у своей кормушки.

Мы научились быть гражданами мира, членами человеческого сообщества.

Мы осознали простую истину, выраженную словами Эмерсона: «Единственный способ завести друзей — самому научиться быть другом».

Мы не можем достичь продолжительного мира, если придём к нему с подозрением, недоверием или страхом. Добиться мира можно лишь на основе взаимопонимания, доверия и смелости, которая происходит от уверенности.

Всевышний дал нашей стране благословение во многом: он дал нашему народу храброе сердце и твёрдую руку, чтобы бороться за свободу и истину. Он дал нашей стране веру, ставшую надеждой для всех народов в нашем измученном войной мире.

Поэтому мы молим Его дать нам возможность ясно увидеть наш путь; путь, ведущий нас и всех наших союзников к лучшей жизни, во исполнение воли Его и достижения мира на Земле.

Fourth Inaugural Address Washington, D.C., January 20, 1945

FDR's Fourth Inaugural differed from the first three in many ways. It was the only one of his held while the country was at war, and it was decided that a simple ceremony, without the typical fanfare, would be more appropriate. This time the oath of office was administered by a new chief justice, Harlan F. Stone; and the ceremony took place on the balcony of the south portico of the White House instead of at the Capitol. The speech was brief and with the hindsight of history sounds somewhat weary, as we know now that when FDR gave it he had less than three months to live.

In early February, 1945, two weeks after his Fourth Inaugural, Roosevelt met with Churchill and Stalin at Yalta in the Crimea to plan the final phase of the war against Germany. The decision to accept only an unconditional surrender was reconfirmed, and the eventual four-power (France, Great Britain, United States, Soviet Union) occupation of Germany was planned. By the time of his return from Yalta, FDR was clearly in failing health. He died of a cerebral hemorrhage at Warm Springs, Georgia on April 12, 1945.

Mr. Chief Justice, Mr. Vice President, my friends, you will understand and, I believe, agree with my wish that the form of this inauguration be simple and its words brief.

We Americans of today, together with our allies, are passing through a period of supreme test. It is a test of our courage – of our resolve – of our wisdom – our essential democracy.

If we meet that test – successfully and honorably – we shall perform a service of historic importance which men and women and children will honor throughout all time.

As I stand here today, having taken the solemn oath of office in the presence of my fellow countrymen – in the presence of our God – I know that it is America's purpose that we shall not fail.

In the days and in the years that are to come we shall work for a just and honorable peace, a durable peace, as today we work and fight for total victory in war.

We can and we will achieve such a peace.

We shall strive for perfection. We shall not achieve it immediately – but we still shall strive. We may make mistakes – but they must never be mistakes which result from faintness of heart or abandonment of moral principle.

I remember that my old schoolmaster, Dr. Peabody, said, in days that seemed to us then to be secure and untroubled: "Things in life will not always run smoothly. Sometimes we will be rising toward the heights – then all will seem to reverse itself and start downward. The great fact to remember is that the trend of civilization itself is forever upward; that a line drawn through the middle of the peaks and the valleys of the centuries always has an upward trend".

Our Constitution of 1787 was not a perfect instrument; it is not perfect yet. But it provided a firm base upon which all manner of men, of all races and colors and creeds, could build our solid structure of democracy.

And so today, in this year of war, 1945, we have learned lessons – at a fearful cost – and we shall profit by them.

We have learned that we cannot live alone, at peace; that our own well-being is dependent on the well-being of other nations far away. We have learned that we must live as men, not as ostriches, nor as dogs in the manger.

We have learned to be citizens of the world, members of the human community.

We have learned the simple truth, as Emerson said, that "The only way to have a friend is to be one".

We can gain no lasting peace if we approach it with suspicion and mistrust or with fear. We can gain it only if we proceed with the understanding, the confidence, and the courage which flow from conviction.

The Almighty God has blessed our land in many ways. He has given our people stout hearts and strong arms with which to strike mighty blows for freedom and truth. He has given to our country a faith which has become the hope of all peoples in an anguished world.

So we pray to Him now for the vision to see our way clearly – to see the way that leads to a better life for ourselves and for all our fellow men – to the achievement of His will to peace on earth.